

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 9 (89)

Academic Journal

Series: *Historical Studies. General history*

Moscow
2012

ВЕСТНИК РГГУ
№ 9 (89)

Научный журнал

Серия «Исторические науки. Всеобщая история»

Москва
2012

УДК 94(05)
ББК 63.3(0)я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Исторические науки. Всеобщая история»

Редакционная коллегия:
Н.И. Басовская – отв. редактор
О.В. Саприкина – зам. отв. редактора
В.А. Бароне – отв. секретарь

О.В. Ауров
Л.М. Брагина
Е.Д. Браун
В.П. Буданова
А.В. Воеводский
В.М. Володарский
Ю.П. Зарецкий
Г.И. Зверева
Н.П. Калмыков
Л.П. Решина
В.И. Уколова
П.П. Шкаренков

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.И. Басовская</i> Опыт становления государственности: романо-германский и византийско-ордынский контекст.....	9
<hr/> Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков <hr/>	
<i>Д.В. Обрезкова</i> « <i>Circa limina palatii nostri comitatumve</i> »: к проблеме обозначения императорского двора в Кодексе Феодосия.....	16
<i>Е.С. Марей</i> Образ правителя в стихах Евгения Толедского и его параллели с «Книгой приговоров» (<i>Liber Iudiciorum</i>).....	24
<i>Д.А. Боровков</i> Павийское восстание 1024 года в контексте феномена <i>spoliatio</i>	34
<i>К.В. Ривчак</i> <i>Dux et Baiulus</i> : Верховный эрл поздней англосаксонской Англии (первая половина XI в.).....	50
<i>А.В. Марей</i> « <i>Omnes que tal yerro fazen al sennor...</i> »: понятие <i>yerro</i> в старокастильском языке эпохи Фернандо III.....	64
<i>О.В. Ауоров</i> Оруженосец в Кастилии XIII–XV вв.	72
<i>А.В. Сидяка</i> Лондон и Париж встречают Генриха V: въезд короля как форма репрезентации власти.....	82
<i>В.А. Бароне</i> Английская корона и жители Нормандии в первой половине XV в.: проблема принесения оммажа.....	93
<hr/> Личность, общество и власть в XVI–XX веках <hr/>	
<i>Е.В. Балущкина</i> Политический словарь Оливера Кромвеля.....	117

<i>Н.П. Таньшина</i>	
Король французов Луи-Филипп Орлеанский: штрихи к портрету (по дипломатическим донесениям российского посла во Франции графа К.О. Поццо ди Борго)	133
<i>А.В. Воеводский</i>	
Джон Т. Джабаву – южноафриканский политик и общественный деятель.....	146
<i>Е.В. Бульчева</i>	
Университетское образование в Греции конца XIX – начала XX в. глазами русских путешественников.....	165
<i>С.А. Романенко</i>	
Национальный вопрос и проблемы модернизации в концепциях югославянских социал-демократов Австро-Венгрии.....	178
<i>В.В. Грибанова</i>	
Развитие образования в британских протекторатах на юге Африки.....	196
<i>М.С. Курбак</i>	
Дж.М. Кутзее и южноафриканская цензура.....	215
<i>А.Н. Комаров</i>	
Консервативная партия Канады в период подготовки и проведения всеобщих выборов 2008 г.	235
<i>С.Ю. Серёгичев</i>	
Раздел Судана: проигрыш или победа суданских исламистов?.....	248

История мировых цивилизаций в зеркале исторической науки

<i>О.В. Саприкина</i>	
Вспоминая коллегу и учителя (некрологи В.И. Ламанскому как исторический источник).....	257
М.Ю. Досталь	
Основные особенности этапа возрождения отечественного славяноведения в 1940-е годы	270
Abstracts	282
Сведения об авторах	292

CONTENTS

<i>N. Basovskaya</i> Creation of the state: romano-german and byzantin – mongol horde experiences.....	9
<u>The person and society in the civilisations of the Antiquity and the Middle Ages</u>	
<i>D. Obrezkova</i> “ <i>Circa limina palatii nostri comitatumv...</i> ”: to the problem of the signification of the imperial court in the Theodosian Code	16
<i>E. Marey</i> The image of Sovereign in the poems of Eugenius of Toledo and its parallels with the Visigothic Code (Liber Iudiciorum).....	24
<i>D. Borovkov</i> The revolt of 1024 in Pavia in a context of <i>spoliation</i> phenomenon.....	34
<i>K. Rivchak</i> Dux <i>et Baiulus</i> : Supreme Earl of the Late Anglo-Saxon England (the First Half of the 11th Century).....	50
<i>A. Marey</i> “ <i>Omnes que tal yerro fazen al sennor...</i> ”: A Concept of <i>yerro</i> in the Romance Language during the reign of Fernando III	64
<i>O. Aurov</i> A Squire in Castile from the 13th to the 15th cen.	72
<i>A. Sidyaka</i> London and Paris welcome Henry V: the practice of royal entry	82
<i>V. Barone</i> The English crown and inhabitants of Normandy in the first half of the 15th century: the problem of homage bringing.....	93
	7

The person, society and power in the XVI–XX centuries

<i>E. Balushkina</i>	
Political vocabulary of Oliver Cromwell	117
<i>N. Tanshina</i>	
The King of the French Louis Philippe of Orleans: features to the portrait (on the base of the diplomatic reports of the Russian ambassador Count C.A. Pozzo di Borgo)	133
<i>A. Voevodskiy</i>	
John T. Jabavu as a South African political and public figure	146
<i>E. Bulycheva</i>	
The University Education in Greece of the 19–20th centuries on the memoirs of the Russian travellers	165
<i>S. Romanenko</i>	
The National Question and the Problem of Modernization in the concepts of the Social Democrats of the South Slavs of Austria-Hungary	178
<i>V. Gribanova</i>	
Development of education in the South African British Protectorates.....	196
<i>M. Kurbak</i>	
J.M. Coetzee and the South African Censorship	215
<i>A. Komarov</i>	
The conservative party of Canada during the period of preparation and conducting of the general elections of 2008	235
<i>S. Seregichev</i>	
Division of the Sudan: defeat or victory of sudanese Islamists?	248

The history of world civilisations in historical perspective

<i>O. Saprikina</i>	
Recalling colleague and teacher (obituary notices of V.I. Lamansky as historical document)	257
<i>M. Dostal</i>	
The basic features of the stage of the domestic Slavic studies revival in 1940th years.....	270
Abstracts	282
General data about the authors	294

Н.И. Басовская

ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ И ВИЗАНТИЙСКО- ОРДЫНСКИЙ КОНТЕКСТ

Автор анализирует и сравнивает два главных пути мирового исторического опыта в сфере построения государственности – «путь Запада» и «путь Востока». Данная статья – это попытка объяснить различия между этими двумя путями в области становления государственности и обозначить путь России.

Ключевые слова: государство, политический опыт, цивилизация.

Известные строки Р. Киплинга о невозможности подлинного сближения Запада и Востока давно превратились в общепризнанную метафору, которая не раз подвергалась различным толкованиям. Самой большой и уже достаточно признанной ошибкой любых трактовок проблемы цивилизационных путей Запада и Востока были и остаются по сей день попытки ввести в ткань обсуждения этой глобальной темы оценочные моменты, отдать предпочтение одному из этих двух основных путей движения человеческой истории.

Для российского общественного сознания, давно и мучительно занятого поисками разнообразных форм самоидентичности, проблема взаимодействия Запада и Востока представляет особого рода актуальность. К знаменитым «русским вопросам» – «кто виноват?» и «что делать?» – они добавляют третий – «где мы?».

В статье представлен обобщающий взгляд историка на этот вопрос.

С древности, на мой взгляд, существуют два магистральных пути, две основные вариации развития цивилизации на нашей планете. Условно их можно назвать Путь Запада и Путь Востока*.

© Басовская Н.И., 2012

* Автор достаточно ясно сознает условность этого деления и невозможность «уложить» в его рамки некоторые цивилизации – например, аборигенов Америки и др.

Н.И. Басовская

В этих двух путях мы совершенно точно можем увидеть те глобальные различия, которые их характеризуют. Мне представляется очевидным, что Россию с ее историей нельзя с уверенностью поместить ни на один из этих путей.

Итак, сначала о важных чертах, о сущности, абрисе каждого из названных путей. Путь развития западной цивилизации демонстрирует, на мой взгляд, небольшой, но очень важный западноевропейский регион. Этот путь в глобально-историческом масштабе может быть охарактеризован как имеющий свои очевидные черты. И главной из них я бы назвала взрывной характер развития.

Это обнаруживается в цивилизациях Запада, начиная со Средиземноморья, колыбели европейской культуры. Ибо ни с чем, кроме как со взрывом, «греческое чудо» V в. до н. э., например, сравнить невозможно. Причем понятно, что взрыв этот имел культурный характер и очень маленький масштаб.

И все-таки рождение современной цивилизации Запада – это не блистательная античность, а момент соединения двух миров, эпоха «великого переселения народов», породившая сплав античности и мира германцев. Их соединением было порождено то, что мы называем Средневековьем. Это тоже был взрыв, давший потрясающий глобально-исторический синтез, который имел огромные последствия для развития Запада, да и всей человеческой цивилизации в целом.

К этому ключевому моменту зарождения истоков современной западной цивилизации, порожденной ею государственности, будущих наций, языков и культур весьма применимо понятие «насильственная коммуникация». Такая коммуникация является, по моему мнению, одной из существенных пружин движения западной цивилизации.

Ее яркой формой стали, например, Крестовые походы XI–XIII вв., по сей день волнующие умы людей. Эта попытка прорыва западноевропейской цивилизации на Восток имела колоссальные культурные, коммуникативные последствия для Запада и гораздо меньшие – для народов Востока. Вытеснив европейцев из своего мира, они прочно сохранили абрис своего культурно-исторического и политического развития.

Очевидно взрывной характер имели и великие духовные перевороты в Европе на пороге Нового времени – Реформация и Возрождение. Волны этого духовного взрыва, исходившие из очевидных эпицентров – Германии и Италии, сотрясали европейский мир, но минимально затрагивали мир Востока.

Для него гораздо более судьбоносным оказался очередной пример «насильственной коммуникации» в форме Великих географических открытий. Порожденное комплексом перемен в расставшейся со Средневековьем Европе, это явление подготовило мир Востока к следующему этапу «насильственной коммуникации» двух типов цивилизации – к колониальным захватам Нового времени.

Эпоха Нового времени в европейском сознании отмечена прежде всего грандиозными революционными взрывами, апогеем которых является Великая французская революция конца XVIII столетия. Однако мира Востока эти потрясения практически не достигали.

Напрямую в него вторгся западноевропейский колониализм, который вместе с американским (перенесенной на другой континент формой все той же Западной Европы), несомненно, стал самой радикальной «насильственной коммуникацией» Запада и Востока. Сопоставление технологических потенциалов, казалось бы, не оставляло сомнений в неизбежной и решительной трансформации мира восточных цивилизаций в направлении Запада.

Однако, как мы прекрасно видим сегодня, Восток противопоставил взрывному развитию западной цивилизации свой тип движения в потоке мировой истории. Существовая вне взрывов, подобных европейским, цивилизации Востока, начиная с древности, представляются мне потоком относительно равномерно текущего вещества. Это особый вид исторического сознания, развития, явлений в экономической, социальной и прочих сферах. Сказанное не значит, что если там нет взрывов, то нет и революций. Но в целом их движение преимущественно эволюционно. Там тоже происходили бурные события, но они не сумели выбить восточные цивилизации из общего эволюционного потока. Как река оплывает камень, мир Востока оплыл многие крупные социальные потрясения.

Например, Индия побыла жемчужиной в британской короне, но совершенно не перестала быть Индией. Что же говорить о Китае, который оказался способен оплыть даже безумства тоталитарной коммунистической идеологии и совместить коммунизм с капитализмом. Западу такое не свойственно. На пути к будущему он крушит, сметает прошлое.

В XX в. западноевропейская цивилизация породила две мировые войны, в которых Восток занимал периферическое положение участника очередной «насильственной коммуникации». Целями его выхода из этого процесса были независимость и сохранение

Н.И. Басовская

собственной самобытности. Судьба распавшейся после Второй мировой войны Британской империи свидетельствует об этом со всей очевидностью.

Сегодняшний мир переживает, я полагаю, на глобальном всемирно-историческом уровне очередную виток «насильственной коммуникации» Востока и Запада. При этом во взаимодействии цивилизаций наметилась тенденция к перемене полюсов: мусульманский Восток пытается методами социокультурного и демографического давления навязать Западу свои ценности. Западные цивилизации стремятся этому воспротивиться, преодолевая (но не отвергая) ими же созданные принципы толерантности и взаимопонимания...

Поиски «третьего пути» России между цивилизациями Запада и Востока занимают умы на протяжении уже, по крайней мере, двух столетий. В результате возникло огромное количество литературы. Магистральное направление исследования этой проблемы – сопоставление исторического пути России и Западной Европы. Между тем гораздо меньше внимания уделено вопросам взаимодействия России с миром Востока.

Становление государственности – самое наглядное проявление развития цивилизации и обретения ею самоидентичности, утверждающейся в результате формирования национального государства.

Этапы зарождения и становления государственности в западноевропейском регионе и русских землях интенсивно изучаются историками со времени рождения истории как науки. Весь XIX век наполнен дискуссиями между «романистами» и «германистами», решавшими, откуда начались западноевропейские государства Нового времени. Искусственно созданная «Норманнская теория» по существу продолжила эти историографические баталии на русском материале.

Между тем интересно представить сопоставительный взгляд на рождение западноевропейской и российской государственности в глобально-историческом масштабе.

Самое начало становления государственности в Западной Европе и русских землях разделено великой исторической границей – а именно участием или неучастием в падении Западной Римской империи. Будущие государства Запада получили «великий бонус» в виде необъятного римского наследия (разработанная система права, стройная схема магистратур и идея «полисного сознания», которая воплотится в жизни средневековых западноевропейских городов и коммун и стремлении к выборности хотя бы в неких ог-

раниченных масштабах). Традиции прочной германской общины, принесенные на бывшую римскую территорию «варварами», не быстро, но прочно вписались в этот исторический контекст.

Русские земли ничего этого не получили в силу конкретно-исторических обстоятельств, но испытали, как известно, заметное влияние Византии (самостоятельное государство, которым со временем стала Восточная Римская империя). Однако я бы предложила обратить внимание на ее корни – римская античность, переработанная миром Востока (между прочим, балканские страны – часть Византии – еще в XIX в. в Европе считали Востоком).

Главное «ядро влияния», полученное на ранней стадии зарождения цивилизации в русских землях от Византии, – система государственного управления (централизация вплоть до отождествления императора и подчиненное положение христианской церкви «при императорах»). В исторической перспективе это привело к полному подчинению православной церкви светской властью, что особенно откровенно продемонстрировал Петр I.

И все же «византийство» русских земель не было тотальным и всепроникающим. Постепенно все более проступала собственная самобытность, диктуемая прежде всего географическим фактором и наличием европейского соседства, особенно существенного, например, во времена Ярослава Мудрого).

Но XIII в. дает «вторую волну» воздействия Востока на Русь, по-своему более мощную. Основной вектор воздействия кочевников Степи на русские земли был на первый взгляд в целом противоположен византийскому. Во всяком случае, влияние трансформированного античного наследия в лице Византии в области культуры и просвещения можно бесспорно расценивать как положительное.

Однако, на мой взгляд, существовала некая сфера исторического бытия, в которой последствия взаимодействия русских земель с претендовавшей на величие Византийской империей и варварами-кочевниками, едва ступившими на порог государственности, были весьма сходными. Эта сфера – государственное строительство, развитие и становление государственности.

Не берусь предположить сколько-нибудь точного современного определения государства, однако не сомневаюсь, что среди составляющих его природу факторов в истории любой из цивилизаций и цивилизации во всемирно-историческом масштабе огромную значимость имеет идея власти и ее репрезентация. В этом смысле традиции ничем (даже церковью) не ограниченной власти византийских императоров были не так уж принципиально отличны от

чисто восточной, азиатской организации Орды, в вассальной зависимости от которой на долгое время оказалась достаточно молодая государственность разобщенных русских княжеств.

Хотелось бы при этом подчеркнуть некое отличие этой формы вассальной зависимости от вполне сложившейся к XIII в. западноевропейской системы вассалитета. Традиции Востока в их наиболее концентрированном виде сформировали то, что в историографии иногда называют «поголовным рабством» (в отличие от античного рабовладения). «Поголовное рабство» – понятие не юридическое, а скорее этическое и политическое. Начиная с цивилизаций Древнего Востока, оно укоренилось в государствах Азии, сформировав деспотические системы, предполагающие абсолютное властвования, не ограниченный ничем, даже церковной организацией. В наиболее классических вариантах это приводило к слиянию светского и духовного властителя в одном лице (например, слияние султаната и халифата в Турции и др.). В этом контексте вассалитет также обрел оттенок приниженности вассалов по отношению к сюзерену. И это имело большое значение для зависимых от Орды русских княжеств.

Если сравнить, например, внешние, контекстно-визуальные проявления вассалитета на Западе и Востоке, мы можем заметить весьма выразительные отличия! Вассал на Западе вкладывал ладони в руки сюзерена и произносил: «Сир, я становлюсь вашим человеком». Правда, он опускался на колени (но ведь это был жест и перед прекрасной дамой), а после этого обменивался с сюзереном ритуальным поцелуем. Русские князья в Орде, как известно, должны были держать мешок с овсом у морды ханского коня. Если принять предложенное Ж. Ле Гоффом определение Средневековья как «цивилизации жеста», отмеченные ритуалы читаются как очень важный текст: вассал на Западе – зависимый, но человек, вассал Орды – раб.

Упрочение позиций центральной власти в крепнущих государствах Западной Европы и Московском великом княжестве происходило достаточно сходно в своих основных чертах и движущих механизмах, естественно, значительно различаясь в хронологических рамках. Не получившие того великого ускорителя, который в виде глобального исторического синтеза знаменовал начало Средневековья в Западной Европе, русские земли шли к образованию Русского централизованного государства своим историческим путем. Путь этот был, безусловно, европейским: ядро русской государственности сложилось на территории Европы, в

окружении европейских соседей и во взаимоотношениях с ними. Однако последствия влияния византийско-ордынского контекста на ранних стадиях становления государственности не могли не создать благоприятной почвы для формирования оттенка восточного деспотизма в сложившейся централизованной форме правления.

Романо-германский контекст тех же стадий становления крепнущей центральной власти в западноевропейском регионе обеспечивал наличие относительно прочной, периодически реализуемой традиции выборности правителей, становление органов сословного представительства, которые стали прочной основой хронического сопротивления городского сословия растущим королевским притязаниям на безграничность центральной власти.

Парадоксально, но, пожалуй, и достаточно очевидно, что теократические притязания папства, которые, как правило, оцениваются лишь как помеха в целом прогрессивному процессу укрепления государственности, имели также иную значимость для развития этической и политической идеологии власти светских правителей как высшей и неоспоримой силы в обществе. Занявшая не одно столетие средневековой истории борьба светских и духовных правителей в Западной Европе создавала некую конкурентную среду для самого понятия властвования, такого незыблемого и безграничного в цивилизациях Востока, чье влияние на становление государственности в русских землях было подчеркнуто выше.

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

Д.В. Обрезкова

«CIRCA LIMINA PALATII NOSTRI COMITATUMVE»¹: К ПРОБЛЕМЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА В КОДЕКСЕ ФЕОДОСИЯ

Статья посвящена исследованию терминов, использованных для обозначения императорского двора в Кодексе Феодосия (438 г.) – первой официальной кодификации римского права императорской эпохи, вобравшей в себя конституции (императорские законы) 312–437 гг. Подчеркивается, что эволюция позднеимператорского императорского двора как особого института, социальной и культурной среды не может быть адекватно понята без учета соответствующей терминологии. Всесторонне анализируются следующие понятия: «palatium», «aula», «sacra domus», «sacrarium», «comitatus».

Ключевые слова: поздняя античность, императорский двор, кодификация, Кодекс Феодосия, император, придворный, императорская резиденция, palatium.

История дворов европейских монархов неизменно входит в число приоритетных проблем, изучаемых современными историками. И это вполне логично, поскольку от древности до Нового времени двор неизменно оставался не только центром власти, но и значимым средством ее репрезентации, призванным оказывать самое непосредственное влияние на сознание подданных. Формировавшийся двором образ власти подчас оказывался не менее значимым средством ее реализации, чем вся система властных учреждений в собственном смысле слова.

Очевидно, однако, что на протяжении длительного периода истории существования дворов этот институт не оставался (да и не мог оставаться) неизменным. Все разнородные явления, возникавшие в процессе эволюции двора, неизменно отражались в терминах,

использовавшихся для его обозначения. В этом смысле историю двора как института власти, социальной среды и специфической формы культуры невозможно отделить от истории понятий, использовавшихся для его обозначения. Особое историческое место в этом широчайшем контексте занимает терминология, связанная с императорским двором эпохи Поздней империи, во многом сыгравшим роль образца для формирования как византийского, так и западных дворов от Средневековья до раннего Нового времени².

Тем более странно, что специальные работы по истории позднеримского императорского двора (если, конечно, исключить исследования, посвященные императорам как таковым и высшим должностными лицам³) либо относительно немногочисленны⁴, либо посвящены по преимуществу более раннему времени – эпохе принципата. Что же касается собственно терминологии, то она практически не изучалась⁵.

Основным источником для реконструкции комплекса понятий, использовавшегося для обозначения позднеримского императорского двора IV – начала V вв., является Кодекс императора Феодосия Младшего (408–450)⁶. Обнародованный в 438 г., он являлся первой официальной римской кодификацией после «Законов XII Таблиц» и включил императорские конституции, изданные между 312 и 437 годами⁷. Всего в Кодекс вошло около 3000 конституций, из них к настоящему времени сохранилось 2527. Наиболее часто императорский двор упоминается в книгах VI, VII, VIII, XI и XII (общее количество книг (частей) Кодекса, разделенных на главы (титуты) составляет 16). Для обозначения двора в них используется целый ряд понятий, которые будут подробно рассмотрены ниже.

А) «palatium»

Из всех исследуемых терминов «palatium» употребляется в Кодексе Феодосия чаще всего. Он фигурирует в 52 конституциях⁸, не считая многочисленных случаев употребления производных от него, прежде всего – прилагательного «palatinus».

Изучением спектра значений термина «palatium» для более раннего периода занимался английский исследователь Ф. Миллар. Свой разбор он начинает с сообщения Диона Кассия⁹, по словам которого императорская резиденция называется «palatium», так как изначально она находилась на Палатинском холме, а ныне так называется любое место, где останавливается император¹⁰. По мнению английского исследователя, не существует четкого дока-

зательства того факта, что во II или III вв. н. э. существовала сеть зданий, отличных от обычных почтовых станций (*mansiones*) и созданная специально для нужд императора. Кроме того, по данным Ф. Миллара, в начале IV в. н. э. слово «*palatium*», наряду с временной императорской резиденцией, обозначало и помещения, когда-либо использовавшиеся императорами для остановок, вне зависимости от того, находился ли там в данный момент император или нет. Фактическое же местонахождение императора с этого времени стало обозначаться словом «*comitatus*»¹¹. Период после 337 г. н. э. Ф. Миллар не исследовал, тогда как Кодекс Феодосия позволяет проследить интересующую нас терминологию вплоть до 437 г.

В конституциях «*palatium*» чаще всего фигурирует как дворец-резиденция императора. Так, в титуле СTh. XV.1 «Об общественных постройках» этим словом обозначается обветшавшее здание, ремонт которого поручается наместнику провинции. В следующем титуле упоминается даже конкретное здание – «*palatium*» в Дафнах (пригороде Антиохии) (СTh. XV.2.2).

Что же касается значения, о котором говорил Дион Кассий, то оно также фиксируется в Кодексе: «Если кто-то, пытающийся подать ходатайство, будет задержан *у стен нашего дворца* (*circa limina palatii postri*) или при дворе, пусть будет оценена сумма иска, о котором идет речь, и его заставят уплатить людям фиска половину этой суммы золотом и серебром...» (СTh. XI.30.34) (перевод Л.В. Черниной)¹². Однако в целом приведенное значение термина «*palatium*» выступает скорее как частный случай другого, более общего смысла, когда под «*palatium*» начинает пониматься особое императорское ведомство. Именно это значение и встречается в Кодексе чаще всего (см., например, СTh. VIII.2.1), причем нередко «*palatium*» фигурирует наряду с другими ведомствами – оффициями¹³. В этом смысле весьма красноречивым представляется используемое в Кодексе выражение «*militare in palatium*», где глагол «*militare*» подразумевает именно государственную, а не военную службу¹⁴. Понятно, что генетически дворцовое ведомство-«*palatium*» восходило к резиденции как месту фактического пребывания императора. Поэтому провести четкую границу между двумя явлениями получается далеко не всегда.

Б) «*aula*»

Слово «*aula*» имеет греческое происхождение¹⁵ и фигурирует только в трех конституциях Кодекса Феодосия, датируемых периодом с 379 по 390 г. (СTh. VI.30.12; СTh. VI.35.11; СTh. XIII.3.12).

«Circa limina palatii nostri comitatumve»...

В первой из них это слово используется для обозначения помещения дворца, где находится император, как такового, однако, в конечном итоге, речь все равно идет не о постройке, а о ведомстве. В том же самом смысле в конституции CTh. VI.35.11 (381 г.) упоминаются «мужи, покидающие Наш дворец». Очевидно, что под «aula» здесь подразумевается как место, где находится император, так и дворцовое ведомство. Примечательно и то, что титул CTh. VI.35, к которому относится рассматриваемый закон, красноречиво именуется «О привилегиях тех, кто *служат* в священном дворце (sacrum palatium)». Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что в конституции CTh. VI.35.11 «aula» употреблено как синоним слова «palatium».

В заключение рассмотрим конституцию CTh. XIII.3.12. Там упоминаются «самые сокровенные палаты» императорского дворца («penetralia regalis aulae»), куда вхожи некоторые архиатры (главные придворные врачи). Скорее всего, здесь имеется в виду место, где находится император, однако значения ведомства, отмеченное ранее, тоже нельзя исключать полностью.

В) «sacra domus»

Словосочетание «sacra domus» (или «sacratissima domus») употребляется в Кодексе четыре раза в конституциях, датированных периодом с 389 по 414 г. (CTh. I.11.1; CTh. IV.22.3; CTh. VII.10.1; CTh. XI.28.9). В трех конституциях (CTh. I.11.1, IV.22.3 и XI.28.9) это выражение используется для обозначения императорского домохозяйства или собственности императора. Этот вывод полностью согласуется с замечаниями А. Бергера применительно к словосочетаниям «domus augusta (divina, dominica, regia)»¹⁶.

Однако употребление понятия «sacra domus» в конституции 405 г. императоров Аркадия, Гонория и Феодосия II (CTh. VII.10.1) отличается от рассмотренного выше: здесь оно выступает как прямой синоним «palatium», т. е. императорской резиденции.

Г) «sacrarium»

Термин «sacrarium» (дословно – «святилище») встречается в семи конституциях Кодекса Феодосия, изданных в период с 366/7 по 429 г. (CTh. I.1.5; CTh. VI.9.1; CTh. IX.40.11; CTh. XII.12.8; CTh. XII.12.16; CTh. XVI.5.16; CTh. XVI.5.49). Несмотря на незначительное количество употреблений, он имеет достаточно

Д.В. Обрезкова

много значений. Помимо собственно императорской резиденции (CTh. VI.9.1, CTh. IX.40.11 и CTh. XVI.5.16), слово могло обозначать и дворцовое ведомство. В связи с ним перечисляются «должности тех, кто занят усердной службой в *Нашем святилище (дворце)*¹⁷»; содержится запрет на участие в гладиаторских играх служащих дворца («пусть арена не получит никого из выходящих из дворца Нашей Божественности»¹⁸). Показательна также конституция, запрещающая арианам трактовать императорские постановления в свою пользу¹⁹.

В несколько ином значении слово «*sacrarium*» употребляется в титуле CTh. XII.12 «О послах и посольских постановлениях»²⁰. В конституциях CTh. XII.12.8 и CTh. XII.12.16 (в них говорится про направление посольств к императору) под этим термином подразумевается императорский двор²¹ (то есть не стационарная императорская резиденция, а местонахождение императора вообще, без какой-либо привязки к зданию, а также сообщество придворных). Следует подчеркнуть, что гораздо чаще в таком значении в Кодексе употребляется слово «*comitatus*» (см., например, CTh. XII.12.6; CTh. XII.12.7; CTh. XII.12.10), поэтому можно сказать, что термины «*comitatus*» и «*sacrarium*» в данном значении являются синонимами.

В конституции CTh. XVI.5.49, изданной в 429 г., под «*sacrarium*» подразумевается императорская сокровищница²², а в CTh. I.1.5 фигурирует некий Иоанн, чья должность называется «*ex comes postri sacrarii*»²³. Скорее всего, речь идет о комите священного дворца, однако эта должность больше ни разу не упоминается в Кодексе, так что сделать окончательный вывод невозможно.

Д) «*comitatus*»

Термин «*comitatus*» достаточно часто фигурирует в Кодексе Феодосия – в 34 конституциях²⁴ (и это без учета производных от него прилагательных). Впрочем, все эти многочисленные словоупотребления вновь обозначают императорский двор как место фактического пребывания императора²⁵. Важно, однако, что у термина «*comitatus*» нет привязок к каким-либо конкретным зданиям или сооружениям²⁶. Единственный пример иного рода – конституция CTh. VII.1.17, где упоминаются воины, которым позволено пребывать в городе (скорее всего речь идет не о Риме, а о Константинополе), пока там находится двор²⁷.

Однако наиболее распространенные контексты употребления термина «*comitatus*» связаны все же с предоставлением права

«Circa limina palatii nostri comitatumve»...

должностному лицу являться ко двору («premissa/libera veniendi ad comitatum licentia») (CTh. VI.23.3; CTh. VI.26.14) или с ситуациями, когда кого-либо следовало доставить ко двору (CTh. VI.27.15; CTh. VI.29.19; CTh. VII.1.17 и др.).

Изначальное значение слова «comitatus» – сообщество людей, сопровождающее кого-либо²⁸ (в данном случае императора) вытекает из самой этимологии слова. Данные Кодекса в целом подтверждают выводы Ф. Миллара²⁹, сделанные применительно к более раннему времени, согласно которым под «comitatus» подразумевался прежде всего императорский лагерь. Тем не менее равным образом он мог обозначать и социальное сообщество – сообщество придворных (такое толкование допускают все конституции, кроме, пожалуй, CTh. VII.1.17)³⁰.

* * *

Чем же, в конечном итоге, являлся позднеримский императорский двор? Он был и «palatium», и «aula», и «sacra domus», и «sacrarium», и «comitatus» одновременно. То есть и императорской резиденцией («palatium», «sacra domus»), и местом фактического пребывания императора в конкретный момент времени («palatium», «aula», «sacrarium»), и дворцовым ведомством («palatium», «aula», «sacrarium»), и домохозяйством императора («sacra (или «sacratissima») domus»), и императорской сокровищницей («sacrarium»), и (что и представляется самым важным!) особым социальным (т. е. придворным) сообществом, складывавшимся вокруг императора («sacrarium», но в первую очередь – «comitatus»).

Сложный и многогранный феномен двора складывался на стыке всех этих явлений точно так же, как пересекались (или, наоборот, дистанцировались друг от друга) значения терминов, этот двор обозначавших.

Примечания

¹ CTh. XI.30.34.

² О некоторых аспектах этой преемственности см.: Шкаренков П.П. «Regnum nostrum imitatio vestra est»: Формирование политической концепции королевской власти на рубеже античности и Средневековья // Кентавр / Centaurus. Studia classica et mediaevalia. 2004. № 1. С. 81–109; *Он же*. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004; *Он же*. Образ власти на

Д.В. Обрезкова

рубеже античности и средневековья: от Империи к варварским королевствам. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; и др.

- ³ О фигуре позднеримского императора см.: *Ensslin W.* Der Kaiser in Spätantike // *Historische Zeitschrift*. 1954. Bd. 177. S. 449–468; *Gross-Albenhausen K.* Imperator christianissimus. Der christliche Kaiser bei Ambrosius und Johannes Chrysostomus. Frankfurt am Main, 1999; *Martin J.* Zum Selbstverständnis, zur Repräsentation und Macht des Kaisers in der Spätantike // *Saeculum*. 1984. Bd. 35. S. 115–131; *Price S.* Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge, 1984; *Simon D.V.* Konstantinisches Kaiserrecht. Frankfurt am Main, 1977; *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. Jena, 1938; et al. Об основных категориях высших должностных лиц периода Поздней империи см.: *Consuls of the Later Roman Empire* / R.S. Bagnall, A. Cameron, S.R. Schwartz et al. Atlanta, 1987; *Blum W.* Curiosi und Regendarii. Untersuchungen zur Geheimen Staatspolizei der Spätantike. München, 1969; *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire. Madison, 1992; *Chastagnol A.* La préfecture urbaine à Rome sous le Bas-Empire. Paris, 1960; *Clauss M.* Der Magister Officiorum in der Spätantike (4.-6. Jahrhundert). München, 1980; *Frank R.I.* Scholae Palatinae. The Palace Guards of the Later Roman Empire. Rome, 1969; *Weiss P.B.* Consistorium und Comites Consistoriani. Würzburg, 1975.
- ⁴ *Matthews J.* Western Aristocracies and Imperial Court, A.D. 364–425. Oxford, 1975.
- ⁵ Прекрасные работы Ф. Миллара и Г. Хальфманна посвящены главным образом периоду Ранней империи. См.: *Millar F.* The Emperor in the Roman World. London, 1977; *Halfmann H.* Itinera prinipium: Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich. Stuttgart, 1986; и нек. др.
- ⁶ В настоящей работе использовано классическое издание Кодекса: *Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / Consilio et autoritate Academiae litterarum regiae Borussicae ediderunt Th. Mommsen et Paulus M. Meyer. Ed. 2. T. 1–2. Berolini, 1905 (далее – СTh.).
- ⁷ Общие сведения о Кодексе Феодосия см., например: *Контев А.В.* Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // *JUS ANTIQUUM*. Древнее право. 1996. № 1. С. 247–262.
- ⁸ Конституции Кодекса Феодосия, в которых упоминается palatium: СTh. I.1.5; VI.2.19; VI.13.1; VI.16.1; VI.18.1; VI.22.1; VI.22.3; VI.22.5; VI.23.1; VI.26.8; VI.27.2; VI.32.1; VI.32.2; VI.35.2; VI.35.3; VI.35.9; VI.35.10; VI.35.13; VI.36.1; VII.4.35; VII.10.1; VII.10.2; VII.20.10; VIII.1.10; VIII.2.1; VIII.3.1; VIII.8.7; IX.26.1; X.8.1; X.10.16; X.14.1; XI.12.3; XI.16.14; XI.16.15; XI.30.34; XII.1.5; XII.1.22; XII.1.31; XII.1.44; XII.6.6; XIII.3.14; XIII.3.15; XIII.3.16; XIII.3.18; XIII.3.19; XIII.14.4; XV.1.35; XV.1.47; XV.2.2; XV.12.2; XVI.5.42; XVI.10.1.
- ⁹ Dio LIII, 16, 5–6.
- ¹⁰ *Millar F.* Op. cit. P. 20.
- ¹¹ *Ibid.* P. 42.

- ¹² Здесь и далее, наряду с моими собственными, использованы переводы, сделанные участниками проекта по переводу Кодекса Феодосия (проект № 08-03-00158а «Научный комментированный перевод Кодекса Феодосия» (руководитель канд. истор. наук, доц. О.В. Ауров)), одним из исполнителей которого я являлась.
- ¹³ Для обозначения дворцового ведомства наряду со словом «palatium» (см., например: CTh. VIII.2.1; XII.1.31; VIII.8.7; VI.2.19; XV.12.2 и др.) употребляется также выражение «officium palatinum» (см., например: CTh. XII.1.38; VIII.5.23; VI.30.2; VII.12.2 и др.), различия в значениях не наблюдается.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Calder W.M. Militia // The Classical Review. 1910. Vol. 24. № 1. P. 10–13.*
- ¹⁵ См.: *Münscher. «Aula» // Thesaurus Linguae Latinae. Lipsiae, 1903 (далее – TLL). Vol. 2. P. 1455–1459.*
- ¹⁶ V. «domus augusta» // *Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. N. Y., 1953.*
- ¹⁷ Перевод О.В. Аунова. См.: CTh. VI.9.1 (a.372, Valent./Valens/Grat.).
- ¹⁸ Перевод А.В. Мареев. См.: CTh. IX.40.11 (a.367 [366], Valent./Valens/Grat.).
- ¹⁹ Перевод И.А. Копылова. См.: CTh. XVI.5.16 (a.388 [?], Grat./Valent./Theod.).
- ²⁰ Перевод Л.Л. Кофанова.
- ²¹ CTh. XII.12.8 (a.382, Grat./Valent./Theod.): «Quaecumque civitas legatos *ad sacrarium nostrum* voluerit ordinare»; CTh. XII.12.16 (a.426, Theod./Valent.): «admissosque *sacrariis nostris* semper sui imperatoris aspectu decoratos esse legatos».
- ²² CTh. XVI.5.49 (a.410, Honor./Theod.).
- ²³ Впрочем, Дж. Мартиндэйл полагает, что comes nosri sacrarii – та же самая должность, что и comes consistorianus. См.: *Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge, 1980. P. 595.*
- ²⁴ Конституции Кодекса Феодосия, в которых упоминается comitatus: CTh. I.15.3; I.16.2; I.22.2; VI.15.1; VI.23.3; VI.23.4; VI.25.1; VI.26.14; VI.27.15; VI.29.12; VII.1.17; VII.8.8; VIII.5.9; VIII.5.48; IX.16.6; IX.16.10; IX.40.20; X.10.7; X.10.27; XI.30.5; XI.30.8; XI.30.29; XI.30.31; XI.30.34; XI.30.47; XI.30.66; XII.1.9; XII.1.20; XII.6.12; XII.12.6; XII.12.7; XII.12.10; XV.11.2; XVI.2.15.
- ²⁵ Один из наиболее ярких примеров см.: CTh. XI.30.34 (a. 364, Valent./Valens).
- ²⁶ См., например: CTh. VII.8.8 (a. 400 [405], Arcad./Honor.).
- ²⁷ CTh. VII.1.17 (a.398, Arcad./Honor.): «Si qui miles ex his, qui praesentes divino obsequio nostrae clementiae deputati sunt et qui in hac esse urbe praesente *comitatu* concessi sunt<...>».
- ²⁸ См.: *Bannier. «Comitatus» // TLL. Vol. 3. P. 1793.*
- ²⁹ *Millar F. Op. cit. P. 43.*
- ³⁰ См., например: CTh. I.15.3 (a.353 [352?]; Constantius); см. также: CTh. IX.16.6 (a.358, Constantius).

Е.С. Марей

ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В СТИХАХ
ЕВГЕНИЯ ТОЛЕДСКОГО И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ
С «КНИГОЙ ПРИГОВОРОВ»
(LIBER IUDICIORUM)

Статья посвящена образу идеального правителя в стихотворениях Евгения Толедского. Епископ Толедо Евгений (646–657) в своих стихах воспел образ идеального правителя. В целом его идеал совпадает с тем, что был сформулирован Исидором Севильским (560–636). Основой всех королевских добродетелей является благочестие. Монарх, почитающий Господа и повинующийся Его заповедям, признается справедливым, мудрым и милосердным. После смерти такого правителя ждет пурпурное одеяние и золотая корона. Тот же самый образ короля-законодателя был сформулирован и в своде законов Толедского королевства («Книге приговоров»), обнародованном в 654 г. Свод законов был принят на общегосударственном Толедском соборе, где председательствовал Евгений. По всей видимости, он внес соответствующие дополнения в текст судебника.

Ключевые слова: Толедское королевство, Liber Iudiciorum, Евгений Толедский, Браулион Сарагосский, образ правителя.

Представления об идеальном монархе традиционно являлись предметом размышлений выдающихся писателей Толедского королевства. Основные черты этого образа были сформулированы уже Исидором Севильским (ок. 560–636 гг.) – «rex a recte regendo»¹. Сформулированный Исидором идеал был закреплен не только в его произведениях, но и в законодательстве королевства, а именно в первой книге «Книги приговоров» (Liber Iudiciorum), обнародованной в 653–654 гг.² Вместе с тем он не превратился в застывший канон, но продолжал развиваться в трудах учеников и последователей Исидора: Браулиона Сарагосского, Евгения и

© Марей Е.С., 2012

Юлиана³ Толедских. Евгений, латинский поэт, среди прочего, является автором нескольких стихотворений, в которых описываются пороки и добродетели властей предрежащих. Они являются неотъемлемой частью общего политического и культурного контекста своей эпохи и ценнейшим источником по истории представлений о королевской власти VII в., практически не использованным ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. В настоящей статье я постараюсь восполнить этот пробел.

Евгений Толедский – продолжатель традиции Исидора

Биография Евгения Толедского известна главным образом благодаря «Книге о знаменитых мужах» его преемника, епископа Ильдефонса (657–667), а также переписки его учителя Браулиона Сарагосского (631–651) и короля Хиндасвинта (642–653). Евгений родился в Толедо в конце VI в.⁴, в этом же городе принял сан клирика. Вскоре он удалился в Сарагосу, где стал учеником епископа Браулиона. Ильдефонс сообщает, что он усердно изучал монашеский устав, а также предавался неким «ученым занятиям» (очевидно, чтению Священного Писания и сочинений Отцов Церкви)⁵.

Об интеллектуальных предпочтениях Евгения мы можем судить на основании его «Стиха о библиотеке», где он описывает собственное книжное собрание⁶. Прежде всего, он упоминает все книги Ветхого и Нового Заветов⁷. В отличие от Исидора, у которого, по его собственному признанию, на полках стояли рядом сочинения и античных, и христианских авторов⁸, Евгений языческих авторов не упоминает вообще. Правда, анализ его произведений свидетельствует, что на самом деле он неплохо знал античную поэзию⁹. Однако он использовал ее преимущественно чисто технически: выразительные средства, изобретенные, среди прочего, и римскими поэтами, помогали Евгению славить Господа и проповедовать ценности благочестивой христианской жизни.

Браулион посвятил молодого послушника в архидьяконы, и вскоре Евгений стал для него незаменимым помощником в церковных делах. Вероятно, епископ хотел бы видеть его своим преемником, но король Хиндасвинт решил иначе. Услышав об образованности и способностях Евгения, он пожелал видеть его на кафедре Толедо. Мольбы Браулиона оставить ученика при нем не дали результатов¹⁰, и в 646 г. Евгений был рукоположен в сан митрополита. В этом качестве он председательствовал на VII (646 г.),

Е.С. Марей

VIII (653 г.), IX (655 г.) и X (656 г.) толедских соборах¹¹. VIII общегосударственный собор имел историческое значение: присутствовавшие на нем прелаты, король и члены его совета (*officium palatinum*) приняли новый свод законов королевства, известный как *Liber Iudiciorum*. Через четыре года после его проведения, в ноябре 657 г., Евгений скончался.

Место правовых сюжетов в поэзии Евгения

Отмеченный поэтическим талантом, Евгений создал книгу стихов и сборник небольших прозаических произведений. По свидетельству Ильдефонса, обе эти книги были очень популярны (*ad industria multorum*)¹², однако до наших дней дошел лишь поэтический сборник. Он включает в себя 101 стихотворение, авторство которых не оспаривается, и еще 52 произведения, которые с очень большой долей вероятности можно приписать епископу Толедо. Принято считать, что наиболее плодотворными в поэтическом отношении были годы, проведенные Евгением в Сарагосе¹³. Темой некоторых его стихов стали святые места этого города и его окрестностей: гробница сарагосских мучеников, базилика Эмилиана, базилика св. Винсента и др.

Значительную часть стихотворений Евгения составляют эпитафии, среди которых наибольший интерес вызывают адресованные королям: одна, составленная по случаю кончины короля Хиндасвинта¹⁴, другая – на смерть жены Рецесвинта королевы Рециберги¹⁵, и наконец, брачная эпитафия короля Рецесвинта¹⁶. Эти посмертные посвящения были написаны явно не по заказу и не предназначались для обнародования; следовательно, Евгений высказал в них напрямую все, что он думал о королевской семье¹⁷.

Следующая группа стихов – назидательные моно- и дистихи. Как правило, их тематикой становились взаимоотношения человека с окружающими, его нравственные достоинства или недостатки и, конечно, вопросы святости и благочестия. Некоторые мысли, намеченные в этих коротких стихотворениях, Евгений развивал дальше. Предметом его размышлений становилась краткость человеческой жизни и сопутствующие ей немощь, старость и болезни¹⁸.

Наконец, последнюю группу составляют стихотворения, авторство которых до конца не установлено. Принято считать, что им был Евгений Толедский, так как о существовании в его время в

Вестготской Испании других поэтов мы ничего не знаем. Среди них выделяется цикл стихов, посвященных приличествующим королю добродетелям¹⁹. В них поэт, по всей видимости, обращается не к конкретному лицу, а к правителям вообще, что делает их особенно интересными в контексте настоящей работы.

Король (rex) в поэзии Евгения и в *Liber Iudiciorum*

Хотя произведения Евгения адресованы абстрактному правителю, все же такого рода стихотворения могли появиться только при определенных культурно-исторических условиях. Вряд ли Евгений стал бы писать их при господстве Хиндасвинта: король был уже сложившимся политиком (он вступил на престол в 79-летнем возрасте) и потому, вероятно, славился непреклонностью и нетерпимостью. К тому же Евгений откровенно недобливал монарха: в эпитафии Хиндасвинт удостоился самых нелестных эпитетов: он был назван нечестивым, несправедливым, безнравственным злодеем, готовым на любую подлость²⁰. Все надежды на благое правление Евгений (как и многие другие его современники, например Браулион)²¹ должен был связывать с молодым королем Рецесвинтом.

Итак, обращаясь к королю вообще, толедский поэт видел перед глазами именно Рецесвинта. Исходя из этого, мы можем вычислить приблизительную датировку сборника. Он не мог быть составлен ранее 649 г., когда Рецесвинт стал соправителем своего отца. Но еще вероятнее, что Евгений закончил работу над ним ок. 653–654 гг., то есть в первые годы единоличного правления молодого короля. В стихах прелат выступает в роли мудрого наставника, что вполне соответствовало его реальному положению – в то время Евгений стоял во главе испанской Церкви и слыл одним из старейших и образованнейших епископов.

Итак, каким был этот идеал? Прежде всего, правитель должен помнить, что ключ к процветанию его королевства заключается в соблюдении принципов справедливости (*iustitia*), которой посвящено одноименное стихотворение²². По мнению Евгения, жить по справедливости означает жить по закону (*legaliter*). Происхождение закона, по версии толедского поэта, таково: сам Господь начертал на камне нормы, которым нужно следовать, а затем повелел переписать их и распространить²³. Тем самым Евгений отсылает читателя к истории Моисея, получившего из рук Господа скрижа-

ли с заповедями²⁴ и одновременно к пятой книге «Этимологий» Исидора, где Моисей назван первым законодателем²⁵. По мнению Евгения, главная забота правителя состоит в том, чтобы установить и поддерживать инспирированный Господом справедливый порядок во всем королевстве²⁶. Здесь автор полностью повторяет идеи, высказанные Исидором²⁷.

Итак, в стихотворении Евгения, посвященном наилучшему государственному устройству, ключевым является понятие *iustitia*. Однако для идеального монарха одной справедливости недостаточно. Другие качества, присущие идеальному монарху, появились под влиянием произведений Исидора Севильского (главным образом его «Сентенций»). Это милосердие (*misericordia*) и кротость (*clementia*)²⁸. Для Евгения милосердие или сострадание (*misericordia*) заключается в помощи слабым и обездоленным²⁹. Кротость же (*clementia*) постоянно присуща монарху и «сияет на челе правителя ярче золота и серебра»³⁰.

В целом идеальный правитель в представлении Евгения – прежде всего богобоязненный христианин. Епископ Толедо оставил ряд предписаний такого рода: с них цикл его стихов начинается, ими же и заканчивается. Прежде всего, автор просит короля возлюбить всей душой Господа и с радостью исполнять Его предписания, ведь именно Бог доверил ему царский венец³¹. Кроме любви, королю подобает испытывать перед Господом священный трепет, под давлением которого правитель (как и все христиане) остается послушным божественному закону³². Сверх того, Евгений обосновал необходимость отдать Господу десятую часть королевской казны. Следуя логике толедского епископа, десятина является выражением заслуженной благодарности Господу за Его доброту: ведь именно Бог дал королю власть над страной и народом, и только при Его благоволении правление может быть благополучным и счастливым³³. Тем более что не кто иной, как Господь, наполнил королевскую сокровищницу золотом, драгоценными камнями и пурпурным одеянием³⁴.

От земных богатств Евгений переходит к истинным сокровищам, находящимся на небесах и доступных лишь праведникам³⁵. Сначала епископ описывает блаженство, которое испытывает безгрешная душа, попавшая в рай: там ее ожидает вечная, непреходящая радость, общество таких же безгрешных душ, а также ангельский хлеб и питье³⁶. Идеальный правитель достоин награды большей, чем награда рядового праведника. После смерти он облачится в прекрасный длинный плащ (*pendentia pallia*), украсится драгоценными камнями

(*gemma*), и все атрибуты королевской и воинской власти – перстень, браслеты, ожерелье, головная повязка-корона – будут сделаны из чистого золота³⁷. Таким образом, в загробной жизни король не только не утратит свою славу и величие, но и во много раз преумножит их. Тот же самый образ, переданный в похожих выражениях, мы видим и в «Книге приговоров» (LI. I.2.6)³⁸.

Чтобы понять, каким именно образом достичь цели своего правления – процветания страны и граждан, – монарху необходимо обладать мудростью. Это качество передано Евгением через два слова – *sapientia* и *prudencia*, каждому из которых он посвятил отдельное стихотворение. Исидор Севильский проводил между ними такое различие: «Рассудительность (*prudencia*) касается людских предметов, мудрость (*sapientia*) – божественных»³⁹. Точно так же их понимал и епископ Толедо. Для него *prudencia* выступает неким регулятором поведения правителя. Например, рассудительностью должны быть пронизаны его мысли и речи⁴⁰. А вот мудрость (*sapientia*) необходима для того, чтобы постичь замысел единого и истинного царя, т. е. Бога (*coniungere vero regi uno*)⁴¹. Правителя, наделенного этим качеством, в загробной жизни ожидает корона (а с ней и неограниченная власть), пурпурный плащ и вечное блаженство⁴².

Интересно, что по «Книге приговоров» король получает ту же самую награду за успешное правление – корону и пурпурное одеяние⁴³. Совпадения с судебником Рецесвинта заметны в других стихотворениях Евгения, например «О мире» (*De pace*). В нем поэт воспевае мир как необходимое условие процветания государства: ведь именно он прекращает споры (*lites*) и разногласия (*discordia*) среди граждан⁴⁴. Автор первой книги судебного Рецесвинта тоже тесно связывает понятия мира внутри государства, основанного на соблюдении законов, с согласием граждан⁴⁵.

Совпадения образов в стихах Евгения с идеями, сформулированными в первой книге судебного, требуют объяснения. «Книга приговоров» и сборник стихотворений были созданы практически одновременно; свод законов стал неким манифестом, в котором отразились надежды и требования, предъявляемые правителю епископата. Так что нет ничего удивительного в том, что Евгений, воспевая идеал монарха, подчас использует те же самые образы (*corona*, *tegimen purpureum*, *concordia* etc.). При этом толедский епископ не мог быть редактором свода. Принято считать, что эту работу проделал его учитель, епископ Сарагосы Браулион⁴⁶. Косвенным доказательством этой гипотезы является переписка сарагосского епископа и короля Рецесвинта, где речь идет о некоем кодексе,

Е.С. Марей

редактируемом Браулионом⁴⁷. Кроме того, поэзия Евгения отличается ясным слогом, не отягощенным сложными синтаксическими конструкциями, тогда как стиль и первой книги судебника, и произведений Браулиона торжественно-тяжеловесен и изобилует метафорами и плеоназмами. Но это вовсе не означает, что Евгений оказался непричастным к новому своду законов.

«Книга приговоров» была принята на VII Толедском соборе, проходившем под председательством Евгения. Согласно регламенту проведения собора, текст свода законов должен был оглашаться вслух для того, чтобы участники могли внести в него правку⁴⁸. Следовательно, Евгений вполне мог корректировать или переформулировать некоторые положения, отсюда – совпадения отдельных терминов. Если дело обстояло именно так, то Евгения Толедского следует считать одним из соредкторов судебника, хотя основная работа, по-видимому, была все же проделана Браулионом.

* * *

Итак, по представлениям Евгения Толедского, правитель является главным образом инструментом для исполнения Божьей воли. Поэтому поэт столь настойчиво проводит идею благочестия короля, ведь оно является фундаментом, без которого все остальные добродетели будут напрасны. Практически в каждом стихотворении Евгений Толедский поминает Господа, так что все благие поступки правителя, в конечном счете, совершаются во славу Царя небесного. В этом смысле епископ Толедо однозначно стоит на позициях богослова, а не правоведа.

В остальном идеал правителя в стихах Евгения далеко не оригинален. В целом он совпадает с тем образом, который был сформулирован в «Сентенциях» Исидора Севильского, и отличается лишь незначительными деталями. Этой общей основой и объясняется совпадение рассмотренного идеала с тем, который описан в *Liber Iudiciorum*. В конечном итоге и Браулион, и Евгений, участвуя в редакции свода законов, перенесли туда те требования, которые предъявлял к правителю Исидор Севильский.

Принятые сокращения

Braul. ep. ad Fron. – Braulionis epistola ad Fronimiamum // Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani / Ed. L. Vazquez de Parga. Madrid, 1943.

- Conc. – [Concilium] La colección canónica hispana / Ed. G. Martínez Diez, F. Rodríguez // Monumenta Hispaniae sacra: Serie canónica. Vol. 1–6. Madrid, 1966–2006.
- ESB – Epistolario de San Braulio / Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975.
- Eugenii Carmina – *Eugenii Carmina* // MGH. AA. Berolini, 1905. T. 14. P. 231–270.
- Eugenii Carmina dubia – *Eugenii Carmina dubia* // MGH. AA. Berolini, 1905. T. 14. P. 271–282.
- Hildefonsi DVI – *Hildefonsi (Hildefonsi) Toletani episcopi De viris illustribus* / Ed. C. Codoñer Merino // *Hildefonsi Toletani episcopi. De virginitate Sanctae Mariae, De cognitione baptismi, De itineri deserti, De viris illustribus*. CC, series latina, CXIV A. Turnhout: Brepols, 2007. P. 475–642.
- Isidori Differ. – [Isidori Differentiarum libri II]. *Isidoro de Sevilla Diferencias* / Introducción, edición crítica, traducción y notas por C. Codoñer Merino. Paris: Les Belles Lettres, 1992.
- Isidori Etym. – *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX* / Ed. by W.M. Lindsay. Oxford, 1911. 2 vol.
- Isidori Sent. – *Isidorus Hispalensis Sententiae* // Cura et studio Pierre Cazier. Corpus Christianorum. Series latina CXI. Turnholti, 1997.
- Isidoriana – *Isidoriana*. Colección de estudios sobre Isidoro de Sevilla, publicados con ocasión del XIV Centenario de su nacimiento por M.C. Díaz y Díaz. León: Centro de estudios «San Isidoro», 1961.
- LI – [Liber Iudiciorum]. *Leges Visigothorum* / Ed. K. Zeumer // MGH: LL. Berolini, 1902.
- MGH. AA. – *Monumenta Germaniae Historiae. Auctores antiquissimi*.
- PL. – *Patrologiae cursus completus. Series latina* / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1844–1864.

Примечания

¹ *Isidori*. Etym. IX.3.4. Подробнее об образе идеального правителя в трудах Исидора см.: *Baloch J.* «Rex a recte regendo» // *Speculum*. 1929. Vol. 3. № 4. P. 580–582; *Reydelle M.* La conception du souverain chez Isidore de Séville // *Isidoriana*. P. 457–466; *King P.D.* Les royaumes barbares // *Histoire de la pensée politique médiévale 350–1450* / Ed. J.H. Burns. Paris, 1993. P. 138; *Cazier P.* Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. Paris, 1994. P. 235–262; etc.

Е.С. Марей

- ² *Ауров О.В.* О римских истоках идеала короля-законодателя в Вестготской Испании середины VII в. // *Кентавр / Centaurus. Studia classica et mediaevalia.* 2008. № 4. С. 86–115.
- ³ *Кривицкая Е.С.* «*Nostre parti procul dubio patet iustitia...*»: образ правителя Толедского королевства VII века в переписке Браулиона Сарагосского // *Вестник РГГУ.* 2008. № 12. Сер. «Исторические науки. История / *Studia classica et mediaevalia*». С. 114–126; *Никольский И.М.* Образ идеального правителя в литературе Вестготской Испании второй половины VII в. (по данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского) // *Вестник РГГУ.* 2010. № 2. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». С. 46–63; *Teillet S.* Des Goths à la nation gothique. Les origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècles. Paris, 1984. P. 609–610.
- ⁴ *Pérez de Urbel J.* San Eugenio de Toledo // *La patrologia Toledano-visigoda. XXVII semana española de teología.* Madrid, 1970. P. 196–197.
- ⁵ *Hildefonsi DVI.* 14.
- ⁶ *Eugenii Carmina.* 8. Versus in bibliotheca.
- ⁷ *Eugenii Carmina.* 59. Versus in bibliotheca, 28–38.
- ⁸ *Isid.* Versus in bibl.: Sunt hic plura sacra, sunt mundialia plura (цит. по: *Fontaine J.* *Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique.* Paris, 1959. P. 738–741).
- ⁹ См., например, об этом: *Pérez de Urbel J.* *Op. cit.* P. 204–208.
- ¹⁰ ESB. 32: Ergo, beatissime uir, ... necesse est ut iuxta nostram adortationem hunc Eugenium arcediaconum nostre cedas ecclesie sacerdotem.
- ¹¹ *Rivera Recio J.-F.* Los arzobispos de Toledo. Desde sus orígenes hasta fines del siglo XI. Toledo, 1973. P. 71.
- ¹² *Hildefonsi DVI.* 14.
- ¹³ *Pérez de Urbel J.* San Eugenio de Toledo... P. 199.
- ¹⁴ *Eugenii Carmina.* 25
- ¹⁵ *Eugenii Carmina.* 26.
- ¹⁶ *Eugenii Carmina dubia.* 51.
- ¹⁷ См., например, эпитафию Хиндасвинта: *Eugenii Carmina.* 25.
- ¹⁸ *Eugenii Carmina.* 2. Commonitio mortalitatis humanae; 5. De breuitate huius vitae; 13. Querimonia aegritudinis propriae; 14. Lamentum de adventu propriae senectutis etc.
- ¹⁹ *Eugenii Carmina dubia.* 9. De iustitia; 10. De misericordia etc.
- ²⁰ *Eugenii Carmina.* 25.
- ²¹ ESB. 37.
- ²² *Eugenii Carmina dubia.* 9. De iustitia.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ex. 20.1–26.
- ²⁵ *Isidori Etym.* V.1.1.

- ²⁶ *Eugenii* Carmina dubia. 9. De iustitia.
²⁷ *Isidori* Sent. III.50.6.
²⁸ *Eugenii* Carmina dubia. 10. De misericordia; *Eugenii* Carmina dubia. 17. De clementia.
²⁹ *Eugenii* Carmina dubia. 10. De misericordia.
³⁰ *Eugenii* Carmina dubia. 17. De clementia.
³¹ *Eugenii* Carmina dubia. 1, 3.
³² *Eugenii* Carmina dubia. 2. Ut timeas dominum legis praecepta secutus...
³³ *Eugenii* Carmina dubia. 11.
³⁴ Ibid.
³⁵ *Eugenii* Carmina dubia. 12. De thesauro in caelo collocando.
³⁶ Ibid.
³⁷ Ibid.
³⁸ *Ауров О.В.* Указ. соч. С. 97–98.
³⁹ *Isidori* Differ. I.417.
⁴⁰ *Eugenii* Carmina dubia. 5. De prudentia.
⁴¹ *Eugenii* Carmina dubia. 4.
⁴² Ibid.
⁴³ LI. I.2.6.
⁴⁴ *Eugenii* Carmina dubia. 15. De pace.
⁴⁵ LI. I.2.6.
⁴⁶ *Lynch C.H., Galindo P.* San Braulio, Obispo de Zaragoza (631–651). Su vida y sus obras. Madrid, 1950. P. 159–163; *González T.* La iglesia desde la conversion de Reccared hasta la invasion arabe // Historia de la Iglesia en España / Dirigida por R.G. Villoslada. Madrid, 1979. T. 1. P. 529–530; *Orlandis J., Ramos-Lisson D.* Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986. P. 336–337; *Ureña y Smenjaud R. de.* Legislación gótico-hispana: (Leges antiquiores-Liber Iudiciorum). Estudio crítico. Pamplona, 2003. P. 351–354.
⁴⁷ В издании Л. Риеско-Терреро это письма 38–41 (Epistolario de San Braulio // Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975. P. 150–152).
⁴⁸ Conc. de Toledo VIII (a.653). *Tomus regius* Reccesvinti regis. См. также: *Orlandis Rovira J.* La iglesia en España visigótica y medieval. Pamplona, 1976. P. 169–175; *Orlandis Rovira J.; Ramos-Lissón D.* Op. cit. P. 170–182.

Д.А. Боровков

ПАВИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ 1024 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА *SPOLIATIO*

В статье рассматриваются: обстоятельства восстания 1024 г., во время которого был разрушен императорский дворец в Павии, и их интерпретации в источниках; вопрос о том, насколько этот факт имеет соответствия с феноменом *spoliatio*; проводится сопоставление павийского инцидента с предшествующими феноменами *spoliatio*, известными в современной историографии.

Ключевые слова: Империя, Италия, Павия, восстание, *spoliatio*.

13 июля 1024 г. в Гроне скончался император Генрих II. Его смерть положила начало полуторамесячному междоусобию (*interregnum*) в Священной Римской империи, во время которого произошло восстание жителей Павии, разрушивших находившийся в городе дворец монарха. В историографии существует тенденция к интерпретации этого факта как проявления *spoliatio* (лат. ограбление, лишение) – расхищения имущества умершего правителя. Первую интерпретацию павийского восстания 1024 г. в качестве *spoliatio* дал в 1987 г. К. Гинзбург, за которым последовали С. Бертелли и М.А. Бойцов, обобщивший наблюдения ряда исследователей (Р. Эльце, А. Паравичини-Бальяни, М. Боргольте и др.)¹. А.Я. Гуревич, с одной стороны, также отнес разрушение дворца в Павии к феноменам *spoliatio*, но с другой – усомнился в соответствии некоторых приведенных М.А. Бойцовым фактов сущности этого феномена². Как отметил историк, каждый из них «может быть понят адекватно лишь при рассмотрении его в более широком контексте»³.

© Боровков Д.А., 2012

Не претендуя на глобальные обобщения, но учитывая то обстоятельство, что для репрезентации павийского инцидента 1024 г., как правило, привлекается только один памятник, авторство которого принадлежит капеллану императора Конрада II Випо, мы рассмотрим в настоящей статье свидетельства других современников об этом событии, а также факты *spoliatio*, предшествовавшие разрушению дворца в Павии, с тем, чтобы выяснить: может ли быть соотнесен с данным феноменом этот инцидент, поскольку исторические явления, характеризующие исследователями как *spoliatio* или *spolium*, неоднозначны, так же как и их значения в средневековых текстах.

1

Термин *spolium* в Древнем Риме обозначал военную добычу: одежду, снятую с убитого неприятеля, или награбленное имущество. В средние века он также использовался для обозначения различных форм грабежа, в том числе лишения личной одежды, а также для обозначения права споллии (*jus spoli*), по которому часть движимого имущества (*bonis mobilibus*) почивших прелатов доставалась архидиаконам⁴. Глагол *spolio* – *spoliare* уже в классической латыни означал не только *снимать одежду*, но и *похищать, грабить*⁵. Так, Гай Саллюстий Крисп в своем труде «О заговоре Катилины» сообщает, что войско Суллы в провинции Азия научилось грабить святилища (*delubra spoliare*), оскверняя все дары, принесенные в жертву (*sacra profanaque omnia polluere*)⁶. В аналогичных значениях глагол *spoliare* функционировал в средневековой латыни, позднее трансформировавшись в ит. *spogliare* – *раздевать, грабить*. Наряду с ним в античной и средневековой латыни использовался глагол *exspolio* – *exspoliare*, позднее трансформировавшийся в исп. *exspoliar* – *грабить*. Например, в законах лангобардского короля Гримоальда (668) сообщалось, что «если раб ограбит, вытащив из погребения, покойника (*exspolia hominis sepulti de sepultura tulerit*), его господин вернет то, что ограбил», уплатит 60 солидов, а самого раба передаст для умерщвления⁷. В данном случае мы имеем дело с правовой нормой, описывающей наиболее распространенное проявление споллии – ограбление покойника, тогда как в законодательных актах франкского государства под этим понятием подразумевался просто грабеж⁸. Впрочем, термин *spolia* не всегда употреблялся в нарративных источниках

для характеристики тех явлений, которые сегодня соотносятся с понятием *spoliatio*.

М.А. Бойцов, считающий, что феномен *spoliatio* уходит корнями в античность, отмечает одно из первых его проявлений в 526 г., когда в Равенне умер опальный папа Иоанн I (523–526). По свидетельству одного из валезианских хронистов VI в. (так называемый *Anonymi Valesiani*), «...Народ шествовал перед телом его, внезапно один из одержимых дьяволом упал и, в то время как подошли с носилками к тому месту, где был этот человек, он быстро здоровым поднялся и пошел впереди погребальной процессии. Когда народ и сенаторы увидели это, они начали остатки одежды его брать. Так с большой радостью народ вынес тело его из города» (*Ergo euntes populi ante corpusculum eius, subito unus de turba adeptus daemónio cecidit et dum pervenisset cum lectulo ubi latus erat usque ad hominem, subito sanus surrexit et praecedebat in exsequias. Quod videntes populi et senatores coeperunt reliquias de veste eius tollere. Sic cum summo gaudio populi deductus est corpus eius foris civitatem*)⁹. Как пишет М.А. Бойцов, комментируя эту ситуацию, «Во-первых, она представляет собой, судя по всему, вообще самое первое упоминание об «ограблении» тела умершего папы. Во-вторых, здесь ясно указан мотив этого действия – он вытекает не из права или обычая, а из спонтанного приступа благочестия, усиленного вполне эгоистическим стремлением обзавестись «сильнодействующей» реликвией. В-третьих, создается впечатление, что здесь-то и может быть самый исток всей будущей традиции споллирования мертвого папы, которую, по сути дела, заложил какой-то одержимый»¹⁰.

Следующий феномен, который относит к *spoliatio* М.А. Бойцов, упомянут в «Истории франков» Григория Турского, рассказывающего, что в 580 г. в Марселе «Динамий, правитель Прованса, начал усиленно преследовать епископа Теодора. И когда Теодор собирался отправиться к королю [Хильдеберту. – Д. Б.], то Динамий, схватив его, держал под стражей прямо посереде города и, только жестоко надругавшись над ним, отпустил. Клирики же Марселя вместе с Динамием умыслили устранить Теодора от епископства. Когда тот держал путь к королю Хильдеберту, король Гунтрамн приказал задержать его и бывшего префекта Иовина. Узнав об этом, клирики Марселя, исполнившись большой радостью, подумали, что Теодора уже схватили, уже осудили на изгнание и что дело уже в таком положении, что он никогда не вернется в Марсель. Они захватили церковные дома, описали церковную утварь, открыли казну, разграбили кладовые и унесли все церковные вещи, словно

епископ был уже мертв, обвиняя его в различных преступлениях, которые, слава богу, оказались мнимыми»¹¹. Рассматривая этот сюжет, М.А. Бойцов не упоминает о том, что история Теодора имела продолжение. Епископу каким-то образом удалось освободиться от Гунтрамна, но его возвращению в Марсель препятствовали мятежные клирики и Динамий. Наконец, Теодору удалось проникнуть в город при содействии Гундульфа, герцога короля Хильдеберта, и принудить Динамия к капитуляции. Получив прощение, Динамий вступил в переговоры с Гунтрамном и помог ему захватить епископа, когда он отправился на освящение часовни за пределами города. «Между тем клирики Марселя вновь отперли все церковные дома, обыскали сундуки, одни вещи описали, другие унесли к себе, – продолжает Григорий Турский. – А когда епископа [Теодора] привели к королю [Гунтрамну. – Д. Б.], то за ним не нашли никакой вины и разрешили ему вернуться в свой город, и горожане его приняли с громким ликованием. Именно по этой причине между королем Гунтрамном и его племянником Хильдебертом возникла сильная вражда, и, разорвав союз, они чинили друг другу козни»¹².

Однако и этим дело не кончилось. Через некоторое время Теодор оказал содействие некоему Гундобальду, называвшему себя сыном короля Хлотаря I, за что вновь был арестован и содержался под стражей, хотя его вина не была доказана. После освобождения епископ продолжал подвергаться преследованиям со стороны Гунтрамна – на сей раз по обвинению в убийстве его брата короля Хильперика¹³. Когда в Марсель для выяснения обстоятельств прибыл эмиссар короля Хильдеберта герцог Ратхар, то, «не расследовав дела, которое ему поручил король, он напал на епископа, потребовал за него заложников и отправил его к королю Гунтрамну, чтобы епископ присутствовал на предстоящем соборе, который должен был состояться в Маконе, и был бы осужден епископами». После того как епископ покинул город, Ратхар «тотчас же разграбил церковное имущество; одни вещи он присвоил себе, другие – опечатал» (*Nam egrediente episcopo a civitate, statim res aeclesiae direpit et alia quidem sibi vindicat, alia sub sigillorum munitione concludit*). Вслед за этим от лихорадки умерли слуги и сын Ратхара, так что он едва вернулся домой, сообщает Григорий Турский¹⁴. Между тем Теодор был в очередной раз арестован по приказу Гунтрамна: дело епископа разбиралось на синоде в Маконе, который постановил его оправдать.

Описывая события после первого ареста епископа, Григорий Турский использует грамматическую конструкцию с глаголом

ex(s)poliare, данным в форме 3-го лица мн. ч. активной формы *Praesens Coniunctivi* (...*prumptuaria expoliant omnesque res ecclesiae, tamquam si iam mortuus esset episcopus, pervadunt, diversa crimina de pontifice proloquentes, quae falsa Christo auspice deprehendi*)¹⁵, однако интерпретация этой фразы вызывает некоторые расхождения: так, в русском переводе «Истории франков» говорится, что марсельские клирики «разграбили кладовые и унесли все церковные вещи, словно епископ был уже мертв, обвиняя его в различных преступлениях», тогда как, по мнению М.А. Бойцова, речь могла идти и о вмешательстве (*pervadunt*) клириков в дела церковного управления, что теоретически также является допустимым¹⁶. Но поскольку упоминанию о *res ecclesiae* предшествует сообщение о разграблении кладовых (*prumptuaria expoliant*), от которого оно никак не отделено синтаксически, то здесь, скорее всего, надо подразумевать церковное имущество, а не церковные дела. Что касается завершающего грамматический период глагола *pervado – pervadere*, то в античной латыни он означал *проникать* или *достигать*, однако уже в раннее средневековье количество его значений увеличилось, среди них появилось также *незаконно захватывать*¹⁷. Поэтому можно предложить следующее прочтение фрагмента: клирики «разграбили в кладовых все которое там было имущество церкви, так как если бы епископ был уже мертв, они незаконно [его] захватили, о различных преступлениях понтифика распространяясь, которые оказались ложными благодаря Христу». Если вслед за М.А. Бойцовым рассматривать это событие в рамках феномена *spoliatio*, в нем на первый взгляд можно увидеть разновидность права споллии – т. е. присвоения имущества умершего прелата, учитывая то, что сам по себе этот факт у Григория Турского удивления не вызывает (хронист отмечает, что этот акт был совершен при живом епископе), однако из его рассказа следует и то, что инцидент оказался не единичным: это заставляет задуматься о том, можно ли найти в действиях марсельских клириков или королевских эмиссаров какую-либо правовую основу.

В качестве проявления *spoliatio* М.А. Бойцов предлагает рассматривать также разграбление Латеранского дворца византийским экзархом Равенны в 640 г. (при утверждении папой Северина) и разграбление папской резиденции в Латеране в 885 г., которую папа Стефан V (886–891) обнаружил опустошенной после смерти своего предшественника Адриана III, скончавшегося по дороге на имперский совет в Вормсе, о чем сообщается в *Liber Pontificalis* – средневековом своде биографий римских пап¹⁸.

В первом случае исследователь выделяет два разных функциональных момента: 1) неудачную попытку захвата папской казны византийским гарнизоном под командованием некоего Маврикия, возмущившего воинов известием о якобы находившемся во дворце жаловании; 2) разграбление Латерана прибывшим в Рим экзархом Равенны Исаакием, который предварительно выслал из города часть клириков. Поэтому можно предполагать, что этот инцидент был обусловлен самоуправством византийских чиновников, которые в своих действиях мало чем отличались от чиновников Меровингов. Более близким к феномену *spoliatio* представляется разграбление Латерана во время *Sede Vacante* 885 г., во время которого было похищено почти все находившееся в казне церковное имущество, несмотря на то, что, как отмечает исследователь, в 824 и 832 гг. император Лотарь I пытался запретить разграбление церковного имущества после смерти пап и епископов сначала в Риме, а затем на территории всего итальянского королевства¹⁹. События 885 г., очевидно, заставили усомниться в эффективности этого законодательства, поэтому в 898 г. разграбление папского имущества после смерти понтифика было также подвергнуто осуждению на церковном соборе в Риме. Этому собору предшествовал один экстраординарный случай, и хотя документы по этому делу, вследствие изменения политической конъюнктуры, были уничтожены, оно получило отражение в ряде нарративных источников (хроника монастыря св. Бенедикта, Фульдские анналы и др.)²⁰.

Суть дела заключалась в следующем. В начале 897 г. в Риме был созван церковный собор. По приказу папы Стефана VI (896–897), поддерживавшего претензии герцогов Сполето на императорскую корону, труп одного из его предшественников, папы Формоза (скончавшегося в апреле 896 г.), который содействовал утверждению в Италии германского короля Арнульфа, был извлечен из могилы, облачен в папские одеяния и подвергнут соборному суду (причем мертвецу был назначен адвокат из числа диаконов). После того как Формоза признали виновным, ему отрубили три пальца на правой руке, которыми он совершал крестное знамение, и, сорвав папское облачение, одели в светскую одежду, затем выволокли из церкви, где происходило разбирательство, и похоронили на кладбище для чужеземцев. Однако Стефан VI на этом не успокоился: по свидетельству Аламаннских анналов (*Annales Alamani*), труп Формоза позднее был брошен в Тибр²¹. Лишь после низложения неистового понтифика в августе 897 г. Формоз, благодаря усилиям одного из его преемников, был погребен в базилике св. Петра. Римский собор

898 г., созданный Иоанном IX, запретил дальнейший «судебный процесс» в отношении покойника и реабилитировал опального папу²². Инцидент 897 г. можно рассматривать как одно из проявлений феномена *spoliatio*, поскольку речь идет о *разоблачении* – т. е. снятии одежд с тела умершего папы, однако следует заметить, что это явление имеет специфический характер и типологически отличается от рассмотренных выше, так как надругательство над телом иерарха обусловлено чисто политическими причинами.

Перечислив известные на сегодняшний день явления *spoliatio*, предшествующие павийскому инциденту 1024 г., следует отметить, что они, во-первых, представляют комплекс неоднородных явлений, среди которых следует выделить, с одной стороны, *ограбление* тела покойного (инцидент в Равенне), а с другой – *расхищение* принадлежавшего покойнику имущества; а во-вторых, относятся в основном к духовным лицам (первый известный случай *spoliatio* в отношении коронованной особы, английского короля Вильгельма Завоевателя, датирован 1087 г.)²³. Определить, лежал ли в их основе коллективный мировоззренческий стереотип, довольно сложно, так как мотивы в каждом случае могли быть разными, но что касается павийского инцидента 1024 г., средневековые историографы были хорошо осведомлены о его предпосылках.

2

Свидетельства хронистов позволяют предполагать, что разрушение дворца в Павии явилось следствием политики Генриха II (1002–1024), большую часть своего правления боровшегося с сепаратизмом феодалов Северной Италии, после смерти императора Оттона III поддерживавших претензии на итальянскую корону маркграфа Ардуина Иврейского (которому удалось привлечь на свою сторону даже некоторых представителей итальянского епископата, занимавших высокие посты в административном аппарате империи). Несмотря на то что некоторые североитальянские аристократы позднее перешли на сторону немецкого короля, его положение оставалось шатким: после прибытия Генриха II в Павию, столицу лангобардских королей, на церемонию интронизации, состоявшуюся 14 мая 1004 г., в городе произошло восстание, так как горожане, по словам Титмара Мерзебургского (975–1018), предпочитали правосудию Генриха слабость Ардуина. Немцы были осаждены во дворце, который сгорел, так же как и прочие городские

здания, но вовремя подоспевшее подкрепление позволило Генриху склонить чашу весов в свою пользу: на следующее утро воины короля завершили подавление восстания ограблением убитых врагов (*Milites regis tum victores sine ulla offensione spoliis interemptorum utuntur*)²⁴.

В «Истории» (*Historiarum*) Адемара Шабаннского (ок. 988–1034) говорится, что в результате карательной экспедиции мятежники покорились императору, построившему в городе дворец (... *palatium in ea sibi aedificavit, et rebellantes sibi servire coegit*)²⁵. Когда Генрих умер, «ломбардцы, концу императора обрадовавшись, разрушили императорский дворец, который был в Павии. И, захотев свергнуть с себя имперское иго, пришли многие знатные люди их в город Пуату к Вильгельму, герцогу аквитанцев, и его над собой королем поставить желали» (*Langobardi vero fine imperatoris gavisi, destruunt palatium imperiale, quod erat Papiiae. Et iugum imperatorum a se excutere volentes, venerunt multi nobiliores eorum Pictavam urbem ad Willelmum ducem Aquitanorum, et eum super se regem constituere cupiebant*). Однако Вильгельм, совершив визит в Ломбардию, не смог прийти к соглашению с итальянскими герцогами (*ducibus Italiae*) и отказался от этого предложения²⁶. Другой французский хронист середины XI в., Радульф Глабер, писал, что возгордившиеся павийцы (*papienses*) «дворец короля, в их городе за счет больших трудов возведенный, разрушили до основания» (... *palatium regis, in sua civitate operoso sumptu constructum, destruxerant usque ad solum*)²⁷.

Следующим, кто описал эти события во второй половине 1040-х годов, был капеллан Випо, автор *Gesta Chuonradi II imperatoris* («Деяний императора Конрада II»). По его словам, «в городе Павии был дворец, Теодорихом королем некогда восхитительно сооруженный, а позже императором Оттоном III безмерно украшенный. Узнав о смерти императора Генриха, предшественника короля Конрада, согласно человеческому обыкновению в новых делах умеренно себя держать, павийцы в тот же час, не подумав спокойно, напали на беззащитный дворец. Решившись на беззакония, они уничтожили стены короля и весь дворец, вплоть до единого камня в фундаменте, разрушили для того, чтобы ни один король в будущем среди этого города дворец не решился заложить. Из-за этой дерзости долго большая распря между королем и павийцами была» (*Erat in civitate Papiensi palatium a Theoderico rege quondam miro opera conditum ac postea ac imperatore Ottone III nimis adornatum. Cognito autem obitu imperatoris Heinrichi, antecessores Chuonradi regis, ut most est hominum in novis rebus intemperanter se habere, statim Papienses*

*inconsulto ad imbellem aulam ruentes. Ausibus inlicitis fregerunt moenia regis totumque palatium usque ad imum fundamenti lapidem eruebant, ne quisquam regum ulterius infra civitatem illiam palatium ponere decrevisset. Ex qua audacia diu magna controversia inter regem et Papienses habita est*²⁸.

В «Деяниях миланских архиепископов» (*Gesta archiepiscoporum Mediolanensium*), написанных на рубеже 60–70-х годов XI в. Арнульфом²⁹, упоминается о том, что во время первого итальянского похода Генриха II Павия не желала подчиниться ему, поэтому он приказал сжечь город, «отчего содрогнулась вся Италия, подобного [деяния] испугавшись» (...*Veniens vero Papiam, cum non ad votum sibi obtemperasset, uno totam concremavit incendio. Unde omnis inhorruit Italia, simile pertimescens*)³⁰. По словам хрониста, после смерти императора, не оставившего наследников, «павийцы в отместку за сожжение города дворец королей, который как раз был рядом с ними, разрушили. Случилось же так, что в то время, собравшись вместе, знатные люди намеревались рассуждать о том, кому становиться королем. Вследствие этого они разошлись в разные стороны, не имея одного мнения на всех» (*Tunc papienses in ultionem incense urbis regium, quod apud ipsus erat, destruxere palatium. Factum est autem, ut simul convenientes, in commune tractarent de constituendo rege primates. Diversis itaque in diversa trahentibus, non omnium idem fuerat animus*)³¹. Судя по этому рассказу, павийцы предприняли столь отчаянный шаг, воспользовавшись смертью бездетного Генриха II и наступлением междуцарствия, во время которого появились различные политические альтернативы – т. е. когда горожане обрели кратковременную независимость от имперской власти³². Весьма символичен и акт мести павийцев, которые поступают с королевским дворцом так же, как за двадцать лет до того монарх поступил с их городом.

В интерпретации действий восставших мнения хронистов, как мы видели, несколько разошлись: Випо представлял их как неосознанный эмоциональный порыв, Адемар Шабаннский – как проявление радости угнетенных; Радульф Глабер приписал разрушение дворца гордости павийцев. Действительные причины навсегда останутся для нас тайной, хотя рассказ Адемара позволяет предполагать, что они солидаризировались с антиимперской оппозицией, составленной из приверженцев умершего к тому времени Ардуина (маркграф Сузы, ломбардские аристократы Отбертины-Эсте и др.), которая, однако, не сумела взять ситуацию в свои руки, поэтому менее чем через год жители Павии начали переговоры с преемником Генриха Конрадом II (1024–1039): они прислали в Констанц

послов, чтобы умиловить нового монарха дарами и дружбой, однако ничего не добились.

Випо описывает их диалог следующим образом: «...Сказали павийцы: “Кого оскорбили мы? Императору нашему верой и честью вплоть до конца жизни его служили; после же его смерти у нас не было никакого короля, несправедливо было бы обвинять нас в том, что мы разрушили королевскую резиденцию”. И возразил король: “Знаю, – сказал, – что резиденцию короля вашего вы не разрушали, так как в то время никого не имели [королем]; но дом королевский разрушен, не имеет смысла отпираться. Если король умирает, королевство остается, как остается корабль, если погибает кормчий. Это же было не частное, а государственное здание; права на чужую собственность вам не принадлежали. Виновны те, кто совершили нападение на чужую собственность. Поскольку вы совершили нападение на чужую собственность, вы несете ответственность перед королем”. Подобного рода много слов бурно высказывалось, поэтому послы, оставив напрасные попытки к примирению, удалились» (...*Dicebant Papienses: “Quem offendimus? Imperatori nostro fidem et honorem usque ad terminum vitae suae servavimus; quo defuncto cum nullum regem haberemus, regis nostri domum destruxisse non iure accusabimur. E contrario rex: “Scio”, inquit, “quod domum regis vestri non destruxistis, cum eo tempore nullum haberetis; sed domum regalem scidisse, non valetis inficiari. Si rex perit, regnum remansit, sicut navis remanet, cuius gubernator cadit. Aedes publicae fuerant, non privatae; iuris erant alieni, non vestri. Alienarum autem rerum invasores regi sunt obnoxii. Ergo vos alienae rei invasores fuistis, igitur regi obnoxii estis”. Huiusmodi verbis pluribus instanter obiectis legati frustra temptatam pacem relinquentes abierunt*)³³.

Разумеется, этот диалог раскрывает суть переговоров в утрированной форме: павийцы пытаются оправдаться тем, что они «верой и честью» служили императору Генриху и адресованные им упреки в разрушении дворца (или, как пишет Випо, *domum regis* – «дома короля») являются несправедливыми. В качестве дополнительного аргумента они ссылаются на тот факт, что после смерти Генриха они не имели никакого короля. Конрад II, казалось бы, соглашается с доводами послов, но его не устраивает правовая сторона дела: он подчеркивает как преемственность королевской юрисдикции, так и ответственность горожан перед королем, полагая, что государственное здание должно переходить по наследству от одного монарха к другому. Комментируя констанцкий диалог, М. Блок отметил, что власть не могла оказывать воздействие постоянно и, хотя «лучшие

умы» понимали незыблемость государства, жители Павии, похоже, придерживались другого (как полагает исследователь, более пространного) мнения и не понимали, в чем их можно винить, поскольку они разрушили дворец во время междуцарствия³⁴. К этой точке зрения близок С. Бертелли, считающий, что Випо дал понять, будто монарх выступил против обычая, согласно которому в период междуцарствия прекращалось действие закона³⁵. По мнению М.А. Бойцова, Конрад II выразил недовольство не столько разграблением, сколько разрушением дворца. «Политическое обоснование» поступка павийцев, приведенное Випо (стремление положить конец пребыванию монарха в городе), исследователь предлагает рассматривать «лишь как мотив, усиливающий или же дополнительно провоцирующий традиционное сполирование»³⁶. Однако, как мы видели выше, то же самое политическое обоснование событий 1024 г. предлагает Адемар Шабаннский и косвенно – Арнульф Миланский. Конечный результат имел для павийцев катастрофические последствия: во время первого итальянского похода Конрада II в 1026 г. окрестности Павии, закрывшей ворота перед королевскими войсками, были опустошены и несколько позже город капитулировал в результате блокады³⁷.

Павийский инцидент трудно поставить в один ряд с предшествующими явлениями *spoliatio*, так как хронисты акцентируют внимание не на *разграблении*, а именно на *разрушении* дворца, позволяя предполагать, что оно являлось реакцией на разорение города в 1004 г. Если все же рассматривать упомянутый инцидент как *spoliatio*, необходимо предположить, что это типологически иная форма феномена и ее крайность обусловлена спецификой конкретной политической ситуации.

Пытаясь найти объяснение таким инцидентам, А.Я. Гуревич, подобно М. Блоку, предположил, что «со смертью монарха, харизматической величины, обрывалось течение времени, ибо время жизни социума воплощалось в особе властителя и, соответственно, обрывалось с его смертью», которая служила «детонатором массового социального взрыва и воспринималась как прекращение времени, обещанное “Откровением от Иоанна”»³⁸. М.А. Бойцов, трактуя эпизоды *spoliatio* как проявления социального кризиса в целом, отверг гипотезу о том, что они могли быть связаны с идеей «разрыва времени», назвав ее «красивой метафорой»³⁹. Тем не менее он сформулировал практически идентичную точку зрения в комментарии к павийскому инциденту 1197 г., когда, по свидетельству «Кельнской королевской хроники» (Большие анналы

Кёльна), «Слух ложный о смерти императора [Генриха VI. – Д. Б.], внезапно поднявшись, людей злобных и вредоносных на захват и грабеж побудил» и эти люди «тем, кого ограбить могли, ничего не оставляли и действовали так до тех пор, пока известием о том, что император еще жив, жестокий произвол их не был остановлен» (*Rumor falsus subito de obitu imperatoris emergens homines pravos et pestilentes ad predam et direptionem quaquaversum instigavit <...>, his quos opprimere poterant nichil reliqui fecerunt, donec, cognito quod adhuc viveret imperator, a seviendi licentia repressi sunt*)⁴⁰.

Комментируя этот сюжет, исследователь пишет: «Со смертью государя распадаются социальные связи не только при дворе, но и во всей его державе: «нормальное» право если и не отменяется вовсе, то ставится под сомнение и может в течение какого-то времени безнаказанно нарушаться «дерзкими людьми»⁴¹. Эта цитата является красноречивым свидетельством того, что между позициями М.А. Бойцова и А.Я. Гуревича существует определенная конвергенция. Автору настоящей работы представляется, что феномен *spoliatio* можно рассматривать с двух точек зрения: в узкой перспективе – как ограбление тела умершего правителя и расхищение его имущества, и в широкой перспективе – как симптом кризиса власти и социальной дестабилизации в период междуцарствий со всеми вытекающими отсюда последствиями. Только при таком подходе павийский инцидент 1024 г. можно трактовать в рамках *spoliatio*, однако нельзя оставлять без внимания тот факт, что социально-психологические мотивы лиц, участвовавших в подобных «мероприятиях», варьировались в зависимости от конкретных обстоятельств.

Примечания

¹ *Ginzburg C. Saccheggi rituali: premesse a una ricerca in corso // Quaderni storici. 1987. № 65. P. 615–636 (для нас недоступна); Bertelli S. Il corpo del re: Sacralità del potere nell'Europa medievale e moderna. Firenze, 1991. Здесь и далее ссылки на англоязычное издание: Bertelli S. The king's Body. Sacred rituals of Power in Medieval and Early Modern Europe. University Park: Pennsylvania State University Press, 2001. P. 45–46, 59; Бойцов М.А. Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 165; Он же. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 288–289.*

- ² Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // Одиссей. Человек в истории. Язык библии в нарративе. М., 2003. С. 221–241; *Он же*. Конец света или карнавал?: Ответ М.А. Бойцову // Там же. С. 250–255; *Бойцов М.А.* «Вывихи времен» и сопротивление источников. Ответ А.Я. Гуревичу // Там же. С. 241–250.
- ³ Цит. по: Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 799.
- ⁴ См.: *Du Cange C.* Glossarium mediae et infimae latinitatis / Ed L. Favre. Paris, 1887. Vol. VII. P. 560; *Niermeier J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976. P. 984.
- ⁵ *Дворецкий И.Х.* Русско-латинский словарь. 9-е изд. М., 2005. С. 723.
- ⁶ *Sallusti Crispi G.* De bellum Catilinae // Sallusti Crispi C. Catilina, Iugurta, ex historiis orationes et epistulae / Ed. A. Eussner. Leipzig, 1891. S. 7; рус. пер.: *Саллюстий*. О заговоре Катилины // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей; Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1999. С. 451.
- ⁷ *Legis Grimoaldi regis* // Monumenta Germaniae Historica (далее – MGH). Legum Sectio 1. T. IV. Hannover, 1868. S. 93; цит. по: *Шпервуд Е.А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 66. Эту разновидность *spoliatio* иллюстрирует рассказ Григория Турского, сообщающего о смерти родственницы супруги Гунтрамна Бозона, герцога австралийского короля Хильдеберта II, которую погребли вместе с множеством драгоценностей и золота в базилике Меца. «Случилось же так, что спустя несколько дней наступил праздник блаженного Ремигия, который празднуется в начале октября. Тогда многие, и главным образом городская знать, вместе с герцогом и епископом ушли из города [в церковь св. Ремигия. – Д. Б.]. Слуги же Бозона Гунтрамна пришли к базилике, в которой была погребена женщина. Войдя в нее, они заперли за собой двери, открыли гробницу и сняли все драгоценности с усопшей, какие только они могли найти. Монахи этой базилики, заметив их, подошли к двери, но им не дали войти. Видя это, они обо всем сообщили своему епископу и герцогу. Между тем слуги, забрав вещи, сели на лошадей и пустились в бегство. Однако боясь, как бы их не схватили по дороге и не подвергли пыткам, они вернулись в базилику, положили вещи на алтарь и, не смея выйти оттуда, начали кричать: «Нас послал Гунтрамн Бозон». Но когда Хильдеберт со своими вельможами приехал в упомянутую виллу судить Гунтрамна, то Гунтрамн, не дав на допросе ни одного ответа, тайно бежал. У него были отняты все вещи, которые он получил в дар из казны в Клермоне. Он со стыдом возвратил также и прочие вещи, которые незаконно отнимал у людей» (*Григорий Турский*. История франков / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 231).
- ⁸ *Capitularia regum Francorum* // MGH. Legum Sectio 2. T. 1. Hannover, 1883. S. 12, 160; T. 2. Hannover, 1897. S. 290, 300.

- ⁹ Anonymi Valesiani pars posterior // *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. MGH Auctores antiquissimi. Т. 9. Berlin, 1892. S. 328.
- ¹⁰ *Бойцов М.А.* Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение. С. 142–143. Модифицированный вариант аргументации в кн.: *Он же*. Величие и смирение. С. 257.
- ¹¹ *Григорий Турский*. Указ. соч. С. 166.
- ¹² Там же. С. 167–168.
- ¹³ Там же. С. 173, 221.
- ¹⁴ Там же. С. 224; *Gregorii episcopi Turonensis libri historiarum X* // MGH *Scriptories rerum Merovingicarum*. Hannover, 1951. Т. 1. S. 378.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 280.
- ¹⁶ *Бойцов М.А.* Величие и смирение. С. 257, 258.
- ¹⁷ Ср.: *Дворецкий И.Х.* Указ. соч. С. 579; *Niermeier J.F.* *Op. cit.* P. 795.
- ¹⁸ *Libri Pontificalis* // MGH. *Gestorum pontificum Romanorum*. Т. 1. Pars prium. Berlin, 1898. S. 175–176; *Бойцов М.А.* Указ. соч. С. 259–260; *Грегоровиус Ф.* История города Рима в средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 226, 420, 421.
- ¹⁹ *Capitularia regum Francorum*. Т. 1. S. 322–324; Т. 2. S. 63–65; *Бойцов М.А.* Указ. соч. С. 263.
- ²⁰ Перечень источников в кн.: *Jaffe F.* *Regesta pontificum Romanorum*. Т. 1. Graz, 1956. S. 440.
- ²¹ *Annales Alamani* // MGH *Scriptories rerum Germanicarum* (далее – MGH SS). Т. 1. Hannover, 1826. S. 53.
- ²² *Jaffe F.* *Op. cit.* S. 441–442; *Грегоровиус Ф.* Указ. соч. С. 426–428; *Фазоли Дж.* Короли Италии. (888–962). СПб., 2008. С. 65–68.
- ²³ Нормандский хронист XII в. Ордерик Виталий сообщает, что, как только Вильгельм испустил дух, «лекари и прочие собравшиеся, которые короля без шума и крика покой всю ночь оберегали, и теперь от неожиданности такое его скорое переселение увидели, весьма пораженные, словно безумными сделались. Вскоре наиболее влиятельные из них, вскочив на коней, поскакали назад, и на свою защиту поспешили. Низшие слуги, [видя] что господа их разъехались столь преждевременно, оружие, вазы, одежды и полотна, всю королевскую утварь похватили и, оставив труп короля почти нагим на полу кельи, разбежались» (*Archiatri autem et caeteri coessentes, qui regem sine gemitu et clamore quiescentem tota nocte servaverunt, et nunc ex insperato sic eum mox migrasse viderunt, vehementer attoniti, et velut amentes effecti sunt. Porro ditiores ex his illico, ascensis equis, recesserunt, et ad sua tutanda properaverunt. Inferiores vero clientuli ut magisros suos sic manicasse prospexerunt, arma, vasa, vestes et linteamina, omnemque regiam supplectilem rapuerunt, et relicto regis cadavere pene nudo in area domus, aufugerunt*). Тело Вильгельма оставалось в таком положении от первого часа до третьего – т. е.

- с шести до девяти часов утра (Orderici Vitalis Angligenae coenobii uticensis monachi. *Historia Ecclesiastica accedunt Anastasii IV, Adriani IV epistolae et privilegia* // *Saeculum XII. Tomus unicus*. Paris, 1855. P. 551). См. также: Bertelli S. *Op. cit.* P. 44; Гуревич А.Я. Территория историка // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. С. 573–575; Он же. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя. С. 814–815; Барлоу Ф. Вильгельм I и норманнское завоевание Англии. СПб., 2007. С. 295, 298–299; Зюмтор П. Вильгельм Завоеватель. М., 2010. С. 300–305; Бойцов М.А. Указ. соч. С. 282–286.
- ²⁴ Thietmari Chronicon // MGH SS T. 3. Hannover, 1839. S. 806, 807. Рус. пер.: Титмар Мерзебургский. Хроника в 8 книгах. М., 2005. С. 96, 97. В данном случае Титмар употребляет термин *spolium* в его классическом древнеримском значении – ограбление убитого врага.
- ²⁵ Ademari historiarum libri III // MGH SS. T. 4. Hannover, 1841. S. 133. Хронист не упоминает о присутствии Генриха II в городе, называя руководителем карательных мероприятий бургундского короля Рудольфа III (что неверно, так как командующим имперскими войсками в Италии являлся каринтийский герцог Оттон).
- ²⁶ Ademari historiarum libri III. S. 145.
- ²⁷ Rodulfi Glabri historiarum libris V // MGH SS. T. 7. Hannover, 1846. S. 66.
- ²⁸ Wiponus opera. Gesta Chuonradi II imperatoris // MGH Scriptories rerum Germanicarum in usum scholarum [T. 61]. Hannover; Leipzig, 1915. S. 29–30.
- ²⁹ О датировках труда Арнульфа см.: Zey C. Una nuova edizione «Liber gestorum recentium» di Arnulfo di Milano: un progresso? // *Le cronache medievali di Milano*. Milano, 2001. P. 24–27.
- ³⁰ Arnulfi. Gesta archiepiscopum Mediolanensium // MGH SS T. 8. Hannover, 1848. S. 10.
- ³¹ Ibid. S. 12.
- ³² Павийское восстание можно рассматривать и как один из фактов проявления коммунальной автономии. По мнению О.Г. Эксле, «городская коммуна имела форму объединения на основе клятвы» (*conjuratio*), которые возникали, по большей части, в условиях дезорганизации (см.: Эксле О.Г. Гильдия и коммуна: о возникновении «объединения» и «общины» как основных форм совместной жизни в Европе // Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории средневековья. М., 2007. С. 129).
- ³³ Wiponus. Gesta Chuonradi II imperatoris. S. 30.
- ³⁴ Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 401.
- ³⁵ Bertelli S. *Op. cit.* S. 45–46.
- ³⁶ Бойцов М.А. Указ. соч. С. 288–289.
- ³⁷ Wiponus. Gesta Chuonradi II imperatoris. S. 33–34.
- ³⁸ Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя. С. 818.

³⁹ *Бойцов М.А.* Указ. соч. С. 299.

⁴⁰ *Chronica Regia Coloniensis (Annales Maximi Colonienses)* // *MGH Scriptories rerum Germanicarum in usum scholarum* [Т. 18]. Hannover, 1880. S. 160. Впрочем, добавляет хронист, «все же слух, который они распространили, вскоре после этого действительно осуществился, так как император недолгое время спустя умер» (*Verumtamen quod rumor vulgaverat in brevi postea verum factum est. Nam imperator non longo post tempore mortuus nunciatur*).

⁴¹ *Бойцов М.А.* Указ. соч. С. 297, 298.

К.В. Ривчак

DUX ET BAIULUS: ВЕРХОВНЫЙ ЭРЛ
ПОЗДНЕЙ АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ
(первая половина XI в.)

Статья посвящена феномену верховенства одного из высших аристократов-эрлов в правящей элите раннесредневекового английского королевства. Несмотря на то что положение верховного эрла не было закреплено нормативно, его устойчивые элементы прослеживаются по сведениям источников на протяжении всей первой половины XI в. Предполагается, что именно данная традиция, постепенно приобретшая квазикоролевские черты, привела последнего верховного эрла на престол Англии.

Ключевые слова: англосаксы, аристократия, король Гарольд, регент, эрл Годвин.

Как известно, поводом к Нормандскому завоеванию Англии 1066 г. послужило обещание наследования, якобы данное герцогу Нормандии Вильгельму англосаксонским королем Эдуардом Исповедником. Однако после смерти Эдуарда престол занял один из местных аристократов, эрл Гарольд, что и подвигло Вильгельма на знаменитую военную авантюру. Успех Гарольда обычно считается следствием его личных качеств, а также конкретной политической ситуации, сложившейся на тот момент в Англии. Результаты данного исследования показывают, что воцарение Гарольда стало итогом глубоких структурных изменений в правящей элите англосаксонской Англии, протекавших на протяжении полувека.

Существующая историография раннесредневековой истории Англии не изображает воцарение Гарольда совершенно неожидан-

ным. Предыстория этого события привлекала внимание таких основоположников изучения англосаксонской эпохи, как Э. Фримен в XIX в. и Ф. Стентон в первой половине XX в.¹ Специальные исследования, проведенные Ф. Барлоу и Э. Джоном во второй половине XX в., показали, что предпосылкой стало чрезвычайно высокое положение Гарольда при короле Эдуарде (1042–1066). Оно было обосновано как унаследованное от отца, эрла Годвина, который, в свою очередь, выдвинулся на позицию первого эрла в правление короля Кнута (1017–1035), занявшего престол в результате Датского завоевания Англии в 1016 г.² В это же время П. Стэффорд, С. Кейнс и Э. Уильямс раскрыли случаи верховенства одного из эрлов (или элдорменов до 1016 г.) и при режиме скандинавов-завоевателей, и в англосаксонском королевстве начала XI в.³ Однако до сих пор эти прецеденты не были встроены в единую историческую концепцию. В отечественной историографии англосаксонская Англия начала активно изучаться лишь в постсоветский период. Единственное комплексное исследование политической истории Англии в XI в. предпринял М.М. Горелов, в задачи которого, однако, не входил подробный анализ правящей элиты⁴. Данная статья является первой попыткой раскрыть сущность верховенства каждого из эрлов, проследить развитие этого явления и определить его значение для английской истории раннего Средневековья.

Исследование построено на сведениях корпуса королевских грамот, в издании которых участвовала аристократия – как эрлы, так и знатные землевладельцы-гэны⁵. Частота появления подписи и ее положение среди других указывают на позицию лица при дворе. Сведения грамот дополнены информацией английского историописания XI – начала XII в., где особую ценность представляют современные периоду анналы «Англосаксонской хроники» (далее – Хроника)⁶. На ее материал так или иначе опирается большинство прочих источников, которые носят дополняющий характер и будут охарактеризованы отдельно. В целом проведение исследования потребовало сопоставления скурых показаний грамот с неясной и не всегда достоверной информацией историописания.

Признаки верховенства одного из элдорменов появляются в истории Англии в канун Датского завоевания 1016 г. и относятся к правлению короля Этельреда Нерешительного (978–1016), на которое пришлась вторая волна набегов викингов конца X – начала XI в. Первые годы XI в. стали временем исчезновения аристократии, занимавшей высокое положение в раннее правление Этельреда, причем целый ряд аристократов подвергся репрессиям

со стороны короля⁷. Очевидным поводом к подобным действиям стала атмосфера всеобщего недоверия и предательства в условиях нападений викингов. Но фундаментальная причина заключалась в естественных пределах власти Этельреда, долгое правление которого к тому времени продолжалось уже более двадцати лет. Многие представители раннего окружения Этельреда отошли от дел, лояльность других со временем ослабла. На их место пришли новые лица, одним из которых стал Эдрик Стреона, элдормен региона Мерсия⁸.

Личность Эдрика известна благодаря автору, который в начале XII в. переработал список Хроники в Вустере (Мерсия), дополнив его сведениями о своем земляке. Он же, однако, приложил руку к дурной репутации Эдрика в историописании, назвав его человеком низкого происхождения, пробившимся во власть через убийство представителя старой аристократии⁹. В действительности Эдрик происходил из знатной мерсийской семьи, члены которой, судя по участию в подписании королевских грамот, занимали положение при дворе на рубеже X–XI вв.¹⁰ Согласно Хронике, в 1007 г. Эдрик стал элдорменом всей Мерсии, в результате чего впервые за двадцать лет управление этим регионом оказалось сосредоточено в одних руках. Очевидно, через организацию обороны от внешних врагов, а также подавление внутренних противников Эдрик и добился благосклонности короля¹¹. Еще одной функцией Эдрика стало обеспечение поступления контрибуции, которую правительство Этельреда централизованно выплачивало викингам¹². Основу контрибуции составлял сбор с жителей Англии, но подобную цель мог также иметь грабительский поход войска Эдрика в соседний Уэльс в 1011 или 1012 г.¹³

Возможно, благодаря успеху похода в 1012 г. Эдрик начал подписывать королевские грамоты первым среди элдорменов, что указывает на его доминирующее положение. Такое впечатление подтверждает Хроника, анналы которой представляли Эдрика главным из советников короля и единственным из них называли по имени¹⁴. Более того, Эдрик назван единственным из элдорменов, собиравшим войско для отпора викингам в 1015 г., что позволяет считать его исполнявшим военные функции короля, в то время тяжело больного¹⁵. Наконец, Эдрик был удостоен чести взять в жены одну из королевских дочерей, что ранее было крайне редким прецедентом для англосаксонской эпохи¹⁶. Неудивительно, что согласно наиболее громкой характеристике историописания Эдрик «возглавлял все королевство англов и правил подобно царьку»¹⁷.

Могущество Эдрика сделало его важным участником борьбы за право наследования престола, которая развернулась к концу жизни Этельреда между его сыновьями. Эдрик поддерживал партию сыновей второй жены короля, вследствие чего вступил в конфликт со сторонниками сыновей Этельреда от первого брака¹⁸. Этот раскол в среде аристократии предотвратил возможность объединения сил королевства для сопротивления скандинавскому войску Кнута, вторгшемуся в Англию в 1015 г.

Смерть Этельреда в разгар завоевания и восшествия на престол Эдмунда – одного из старших сыновей короля и политического противника Эдрика – сделали для последнего невозможным сохранение положения верховного элдормена при правящей династии. Эдрик перешел на сторону завоевателей и сыграл значительную роль в их победе¹⁹. При разделе Англии, совершенном Кнутом между своими военачальниками в 1017 г., Эдрик сохранил положение верховного элдормена Мерсии и мог надеяться на роль главного советника нового короля в только что завоеванной стране. Однако в том же году Эдрик был казнен по воле Кнута в составе группы англосаксонских аристократов, вероятно, его сторонников, которая могла представлять собой независимую силу и опасность для нового режима²⁰. Кроме того, против Эдрика обернулось его собственное высокое положение в прошлом. Позднее историописание, в особенности такие англо-нормандские авторы, как Уильям Мальмсберийский и Генрих Хантингдонский, представляло казнь Эдрика в виде демонстративного возмездия за его предательство прежней династии. В ту эпоху, когда отношения личной преданности имели первостепенное значение, падение столь могущественной фигуры должно было иметь огромное воздействие²¹.

Элдормен Эдрик был не единственным, кого постигла печальная участь. Практически вся правящая элита Англии погибла в ходе завоевания или была устранена в первые годы после его окончания. Ее место заняли скандинавские военные вожди, соратники Кнута, среди которых особенно известен ярл Торкель Высокий. «Похвала королеве Эмме», тенденциозное произведение 1040-х годов, прославлявшее Датскую династию, представляло Торкеля как военачальника отца Кнута, датского конунга Свейна Вилобородого. Однако в действительности их взаимоотношения неопределенны²². Войско под командованием Торкеля разоряло Англию в течение 1009–1012 гг. без участия Свейна, который совершал набеги ранее, в 1003–1005 гг. Торкель выглядит как независимый искатель добычи в свете последовавших событий: в 1012 г. он перешел на службу

к королю Этельреду и находился на его стороне во время последнего вторжения Свейна в 1013–1014 гг.²³ Это не помешало Торкелю присоединиться к Кнуту, вероятно, в начале кампании 1015 г.²⁴

Очевидно, поддержка Торкеля в завоевании действительно была важна для Кнута. Торкель вошел в узкий круг военачальников, разделивших страну в 1017 г., и получил власть над Восточной Англией. Скандинавы в целом доминировали в новой правящей элите, но Торкель занял среди них главенствующее положение. На это указывают не только королевские грамоты, в которых подпись Торкеля возглавляла список эрлов, но и статьи Хроники, где он единственный из аристократов упоминался наравне с королем²⁵. Сохранился уникальный документ, Послание Кнута, созданное во время его пребывания в Дании в 1019–1020 гг., согласно которому Торкелю фактически отводилась роль регента Англии²⁶. Основанием такого выбора могло стать долгое время, проведенное Торкелем в Англии, его опыт службы местному королю и осведомленность в местных делах. Но само делегирование королевской власти, носившей сугубо личный характер, в таком большом объеме и на столь длительный срок было возможно лишь в условиях чрезвычайно тесных отношений между Торкелем и Кнутом.

Тем не менее в 1021 г. эрл Торкель был изгнан из Англии по воле Кнута. Хроника сообщила об этом без пояснений, но на основе дополнений Вустерского хрониста предполагают, что причиной послужил брак Торкеля с одной из дочерей короля Этельреда, которая разделила с ним изгнание. Связь со свергнутой династией придавала огромному могуществу Торкеля явный королевский оттенок. По мере укрепления Кнута на престоле его должно было все более беспокоить наличие подобного полунезависимого правителя в его королевстве. Как уже было сказано, Торкель получил Восточную Англию по итогам Датского завоевания. По сути это была огромная военная добыча, соразмерная с масштабом фигуры Торкеля. Отсутствие в последующем сведений об эрле Восточной Англии позволяет предположить, что с изгнанием Торкеля это крупное территориальное образование потеряло свое значение и было ликвидировано²⁷.

Изгнание Торкеля во многом является показательным для той тенденции, которая прослеживается в смене правящей элиты Англии в 1020-х годах. Постепенно из политической жизни так или иначе исчезло большинство бывших завоевателей. Их места начали занимать выходцы из местной аристократии, среди которых наиболее блестящую карьеру сделал эрл Годвин, отец Гарольда.

В историографии Годвин зачастую изображается как человек неизвестного происхождения, не связанный со старой англосаксонской аристократией и благодаря этому возвышенный Кнутом²⁸. Однако сотрудничество Годвина и Кнута имело долгую предысторию. Существует мнение, что дедом Годвина был элдормен восточного Уэссекса Этельмар, вытесненный из политики в первые годы XI в., но позднее возглавивший группу местной аристократии, которая признала власть Свейна в Англии в 1013 г.²⁹ Отец Годвина, тэн в восточного Уэссекса Вулфнот, в 1009 г. поднял мятеж в королевском флоте, что пошло на пользу войску Торкеля, вторгшемуся в Англию сразу после этого³⁰. Сам Годвин впервые появляется в истории как приближенный старших сыновей Этельреда, противостоявших партии Эдрика Стреоны³¹. Можно утверждать, что принадлежность семьи Годвина к оппозиционной части аристократии сделала его сторонником новой власти завоевателей³².

Подпись эрла Годвина появилась уже на первых известных грамотах Кнута, изданных в 1018 г. Предположительно, Годвин являлся эрлом восточной части Уэссекса – региона, взятого Кнутом под непосредственный контроль при разделе 1017 г.³³ Поместья Годвина в этой стратегически важной приморской области должны были привлечь внимание Кнута, который, как и последующие короли, расширял владения эрла на побережье Уэссекса³⁴. «Официальной биографией» Годвина является «Житие короля Эдуарда», созданное по заказу семьи эрла перед самым Нормандским завоеванием. Из него следует, что Годвин участвовал, по меньшей мере, в одном из военных походов Кнута в Скандинавию, вероятнее всего в 1022 г., где возглавлял англосаксонский контингент в его войске³⁵. При данных обстоятельствах возвышению Годвина могло способствовать его вступление в ряды хускарлов Кнута³⁶. Принято считать, что они составляли корпус особо близких к королю воинов, связанных с ним отношениями личной преданности³⁷.

Автор «Жития Эдуарда» заявлял, что после возвращения из похода Кнут сделал Годвина «эрлом и сановником почти всего королевства»³⁸. Действительно, с 1023 г. подпись Годвина на королевских грамотах возглавила список эрлов, заняв место подписи недавно изгнанного эрла Торкеля³⁹. Для понимания сущности положения Годвина следует рассмотреть историческую ситуацию того времени. Во второй половине 1020-х годов Кнут был занят борьбой за господство над Норвегией, кроме того, в 1027 г. он совершил паломничество в Рим. Регулярные отсутствия Кнута на продолжительное время оставляли Англию без королевского прав-

ления. Сомнительно, чтобы Годвин покидал Англию после участия в походе Кнута 1022 г., так что с этого времени он вполне мог занимать положение регента Англии⁴⁰. Во втором Послании Кнута в Англию, созданном во время римского паломничества 1027 г., нет ни упоминания Годвина, ни указания на какую-либо фигуру регента, в отличие от аналогичного Послания 1020 г., указывавшего на эрла Торкеля⁴¹. Но имеется иное косвенное указание на исключительное положение Годвина в правящей элите. Не позднее середины 1020-х годов Кнут устроил брак Годвина со своей родственницей. Это стало очевидным знаком особой благосклонности короля, которой не был удостоен более ни один из эрлов Англии⁴².

Хотя свидетельства регентства Годвина неоднозначны, он определенно являлся ключевой фигурой для сохранения власти Кнута в Англии. Подобно всем средневековым королям, Кнут был заинтересован в удержании контроля над основным ресурсом королевской власти, земельными владениями. Большинство королевских поместий лежало в Уэссексе – на родине династии, объединившей Англию. Отсутствия Кнута должны были вызвать необходимость появления в Уэссексе доверенного лица, сосредоточившего в своих руках управление всем регионом. Очевидно, таким лицом стал эрл Годвин, возглавлявший весь Уэссекс на момент смерти Кнута⁴³. Годвин мог возглавлять весь регион уже в начале 1020-х годов, заполнив вакуум власти, образовавшийся после изгнания элдрмена западного Уэссекса⁴⁴. Сосредоточение управления Уэссексом в одних руках являлось беспрецедентным. Оно означало разрыв с традиционной практикой англосаксонских королей, которые даже после объединения страны сохраняли тесный контроль над данным регионом, служившим основой их власти. Однако англосаксонские короли вообще редко покидали Уэссекс, в то время как Кнут лично вел борьбу за гегемонию в Скандинавии. В отличие от распавшейся державы Кнута, великий эрл Уэссекса не исчез после его смерти. Напротив, его присутствие стало важным фактором, с которым пришлось столкнуться наследникам Кнута.

Уже первый из наследников Кнута, его сын Харальд Заячья Нога (1035–1040), встретил сопротивление Годвина, который выступил против признания Харальда королем⁴⁵. К сожалению, слабое освещение правления Харальда в источниках и особенно отсутствие королевских грамот от его имени не позволяют определить положение Годвина в этот период. Следующий правивший сын Кнута, Хардакнут (1040–1042), был датским конунгом, не озабоченным дружбой с аристократией Англии, и в целом действовал

как завоеватель, приведя с собой большой флот и установив высокий налог на его содержание. Согласно историописанию, попытка смещения Годвина стала одним из первых действий, предпринятых Хардакнудом. Но Годвину удалось полностью сохранить свое положение, что подтверждает характер подписания им грамот Хардакнута – по-прежнему первым среди эрлов⁴⁶.

Впрочем, со следующим королем Эдуардом Исповедником (1042–1066) у Годвина возникли тесные отношения. Позднее историописание называло Годвина основным организатором воцарения Эдуарда, что породило в историографии традицию изображать его как «создателя королей»⁴⁷. Действительно, сын короля Этельреда, со времен Датского завоевания находившийся в изгнании в Нормандии, Эдуард не обладал безусловными сторонниками среди чуждой ему англо-датской аристократии и нуждался в покровительстве, что делало его удобным объектом влияния. По этой причине Годвин не только сохранил, но и укрепил свое доминирующее положение. В 1040-х годах старшие сыновья Годвина стали эрлами, а его дочь Эдита – женой Эдуарда и королевой Англии.

К началу 1050-х годов Эдуард достаточно прочно укрепился на престоле и более не нуждался в покровителях. Поводом к дальнейшим событиям послужил мелкий конфликт, но его причиной, несомненно, стало давнее стремление Эдуарда устранить чрезмерно могущественного и независимого эрла, чье положение ограничивало его власть в собственном королевстве. В 1051 г., лишь стоя во главе многочисленного войска, королю удалось сместить эрла Годвина и отправить его в изгнание вместе с семьей⁴⁸. Но уже на следующий год, заручившись поддержкой как за пределами Англии, так и внутри страны, Годвин сумел навязать Эдуарду свое возвращение. По утверждению Хроники, Годвину было возвращено все, чем он владел⁴⁹. Отсутствие подлинных грамот того времени не позволяет это подтвердить, но если Годвин действительно восстановил свое высокое положение, это означает полную утрату контроля со стороны короля над высшей аристократией. Интересно, что после изгнания Годвина в 1051 г. его бывшее эрлство Уэссекс было расформировано. В его западной части было создано новое эрлство, но положение восточного Уэссекса неясно – возможно, Эдуард установил над ним личное управление⁵⁰. Похоже, что, как и в случае с Восточной Англией после изгнания Торкеля в 1021 г., король стремился ликвидировать территориальное образование, служившее основой власти опального эрла.

После смерти Годвина в 1053 г. его старший сын Гарольд, по свидетельству Хроники, наследовал его эрлство и все, чем он владел⁵¹. Таким образом, впервые положение верховного эрла было передано по наследству. Это не единственная аномалия в карьере Гарольда, которая значительно отличалась от карьеры его отца и предшествовавших верховных эрлов. Гарольд стал эрлом, судя по подписанию грамот, в 1045 г. и первоначально возглавил Восточную Англию – регион, лежавший за пределами традиционной сферы влияния его отца⁵². Практическое отсутствие подписи Гарольда на королевских грамотах до этого времени означает, что он сразу возвысился до эрла, ранее не обладая никаким положением при дворе. Поскольку 1040-е годы стали временем массового обретения представителями дома Годвина статуса эрлов, то единственной причиной этого возвышения выглядит огромное влияние, которое отец Гарольда оказывал на короля⁵³.

С середины 1050-х годов и до конца правления Эдуарда подпись Гарольда занимала ту же первую позицию в списке эрлов, что и подпись Годвина ранее⁵⁴. Традиция верховенства одного из эрлов продолжала существовать, и ее воплощение в лице эрла Гарольда было предопределено двумя факторами. Во-первых, в отличие от предшествовавших эрлов, чей брак с женщинами королевского рода становился поощрением, Гарольд уже был тесно ассоциирован с королем через свою сестру, королеву Эдиту. После кризиса 1051–1052 гг. влияние королевы, которое она могла использовать на благо своих братьев, существенно возросло⁵⁵. Во-вторых, с целью обретения положения верховного эрла Гарольду не пришлось утверждать свою власть над важными территориями – он просто унаследовал эрлство Уэссекс, сразу став правителем ключевого региона королевства.

После событий 1051–1052 гг., а отчасти и по причине преклонного возраста Эдуард мало участвовал в реальном правлении⁵⁶. Поэтому уже в 1050-х годах Гарольд находился на идеальной позиции, чтобы стать фактическим правителем королевства⁵⁷. По меньшей мере, Гарольд действовал как верховный военачальник, исполнявший военные функции короля. Он возглавлял войско, собранное со всей Англии, в двух кампаниях против Уэльса в 1055 и 1063 гг., а затем лично заключал мир с местными правителями. Кроме того, в 1065 г. Гарольд от лица короля вел переговоры с восставшими жителями Нортумбрии⁵⁸. Вустерский хронист прямо назвал Гарольда «царьком» (*subregulus*) на момент смерти Эдуарда в начале 1066 г., после которой тот занял престол Англии⁵⁹. Согласно Хронике, Гарольд был признан королем без промедлений и возражений, что

подтверждает повсеместная чеканка монеты с его именем⁶⁰. Готовность общества к такому признанию, несмотря на наличие иных более или менее легитимных кандидатов, определенно означает восприятие верховного эрла как лица, достойного короны.

Верховенство одного из эрлов в правящей элите Англии стало явным признаком ослабления королевской власти и ее потребности в опоре на крупную аристократию. Принято считать, что в раннее Средневековье правление короля осуществлялось как через делегирование власти представителям на местах, так и через личный контроль путем непрерывного перемещения по стране. Кризис администрации Этельреда во время скандинавских вторжений начала XI в., а затем шаткость режима Кнута в первые годы после Датского завоевания сделали подобное правление неэффективным. Король не имел возможности своевременно появляться всюду, где требовалось его личное присутствие для утверждения или поддержания центральной власти. Это приводило к росту могущества местных правителей, которым король был вынужден делегировать необычайно большой объем власти. Все же квазикоролевские черты приобретало лишь одно, наиболее близкое к нему лицо, в противном случае распад королевства стал бы неизбежен. Самоустранение короля из английской политической жизни в период борьбы Кнута за гегемонию в Скандинавии в 1020-х годах еще более укрепило данную тенденцию. В 1040–1050-е годы традиция верховенства одного из эрлов стала настолько прочной, что король уже не был способен ее ликвидировать. Более того, верховенство закрепилось за одной знатной семьей и фактически превратилось в наследственный статус. Воцарение эрла Гарольда в 1066 г. стало закономерным итогом этой традиции и всего политического развития Англии на протяжении первой половины XI в.

Примечания

-
- ¹ *Freeman E.* The History of the Norman Conquest, its causes and its results. Oxford: Clarendon Press, 1868. Vol. II. P. 420–426; *Stenton F.* Anglo-Saxon England. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1947. P. 568.
 - ² *Barlow F.* Edward the Confessor. Berkeley: Univ. of California Press, 1984. 375 p.; *John E.* Reassessing Anglo-Saxon England. Manchester: Manchester Univ. Press, 1996. P. 151–196.

К.В. Ривчак

- ³ *Stafford P.* The Reign of Ethelred II, A Study in the Limitations on Royal Policy and Action // *Ethelred the Unready* / Ed. D. Hill. Oxford: British Archaeological Reports, 1978. P. 15–46; *Keynes S.* Cnut's earls // *The Reign of Cnut* / Ed. A. Rumble. L.: Leicester Univ. Press, 1994. P. 43–88; *Williams A.* *Ethelred the Unready: the ill-counselled king*. L., N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2003. 263 p.
- ⁴ *Горелов М.М.* Датское и Нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2007. 176 с.
- ⁵ Каталогизация П. Сойера (далее – S и номер документа). Полные тексты из: *Regesta Regum Anglorum*. Devised by S. Miller. British Academy – Royal Historical Society. [Cambridge, 2001]. URL: <http://www.trin.cam.ac.uk/chartwww/NewRegReg.html> (дата обращения: 23.08.2011).
- ⁶ *Anglo-Saxon Chronicle*, According to the Several Original Authorities / Ed. B. Thorpe. 2 vols. L.: Longman, 1861 (далее – ASC).
- ⁷ ASC 1002, 1006; *Stafford P.* Op. cit. P. 30; *Williams A.* Op. cit. P. 69.
- ⁸ *Stafford P.* Op. cit. P. 33.
- ⁹ *Florentii Wigorniensis Monachi Chronicon Ex Chronicis* / Ed. B. Thorpe. Vol. I. L.: Sumpstibus Societatis, 1849 (далее – FW). S.a. 1006, 1007.
- ¹⁰ *Insley C.* Politics, Conflict and Kinship in Early 11th Century Mercia // *Midland History*. 2000. Vol. XXV. P. 31; *Williams A.* Op. cit. P. 70–71. Подпись Эдрика впервые появилась на грамоте S 901 в 1002 г. и заняла первую позицию среди тэнов на грамоте S 916 в 1007 г.
- ¹¹ ASC 1007; *Stafford P.* Op. cit. P. 33; *Williams A.* Op. cit. P. 77. Первая грамота с подписью элдормена Эдрика S 922 1009 г.
- ¹² *Lawson M.* The Collection of Danegeld and Heregeld in the Reigns of Ethelred II and Cnut // *English Historical Review* (далее – EHR). 1984. № 393. P. 732.
- ¹³ Этот крупный поход зафиксировали несколько современных валлийских хроник, в том числе «Хроника принцев». *Brut y Tywysogion: The chronicle of the princes*. Peniarth MS 20 version / Ed. T. Jones. Cardiff: Univ. of Wales Press, 1952. S.a. 1011.
- ¹⁴ S 926; ASC 1009, 1012; *Keynes S.* A Tale of Two Kings: Alfred the Great and Ethelred the Unready // *Transactions of the Royal Historical Society* (далее – THRS). Vol. XXXVI. 1986. P. 214.
- ¹⁵ ASC 1015.
- ¹⁶ FW 1009; *Stafford P.* Op. cit. P. 34; *Williams A.* Op. cit. P. 75.
- ¹⁷ *omni Anglorum regno praeerat et quasi subregulus dominabatur*. Эти слова Хемминга, мерсийского клирика конца XI в., цитируются по: *Williams A.* Op. cit. P. 198.
- ¹⁸ Круг сторонников старших сыновей короля определен по завещанию Этельстана S 1503 – одного из принцев, умершего в 1014 г. С лицами из данного круга отождествляют Сиверта и Моркара, убитых Эдриком в 1015 г. ASC 1015; *Stafford P.* Op. cit. P. 36; *Insley C.* Op. cit. P. 33.
- ¹⁹ ASC 1015, 1016; *Stafford P.* Op. cit. P. 36; *Williams A.* Op. cit. P. 147.

- ²⁰ ASC 1017; *Freeman E.* Op. cit. Vol. I, p. 459. *Lawson M.* Cnut: the Danes in England in the early 11th century. L., N.Y.: Longman, 1993. P. 84.
- ²¹ FW 1017; *William of Malmesbury.* Gesta regum Anglorum. Ed. R. Mynors. Vol. I. Oxford: Clarendon press, 1998 (далее – WM). Bk. II 181; *Henrici Huntendunensis* Historia Anglorum. Ed. T. Arnold. L.: Longman, 1879 (далее – HH). Bk. VI 14; *Горелов М.М.* Указ. соч. С. 73.
- ²² Encomium Emmae Reginae / Ed. A. Campbell, 2nd ed. Cambridge: Cambridge univ. press, 1998 (далее – EER). Bk. I 2; *Howard I.* Swein Forkbeard's invasions and the Danish conquest of England. Woodbridge: The Boydell press, 2003. P. 94. Утверждение «Похвалы» опровергается; *Williams A.* Op. cit. P. 91.
- ²³ ASC 1004, 1009, 1013, 1014. *Горелов М.М.* Указ. соч. С. 58. Предположительно, Торкель подписал грамоту короля Этельреда S 926 в 1012 г.; *Keynes S.* Cnut's earls. P. 65.
- ²⁴ По утверждению «Похвалы», это произошло ранее, однако под войском Торкеля подразумевают 40 кораблей с датскими воинами, присоединившиеся к Кнуту в Англии. EER II 3; FW 1015; *Howard I.* Op. cit. P. 132.
- ²⁵ S 950–955; ASC 1020; *Keynes S.* Cnut's earls. P. 83.
- ²⁶ Cnut 1020 1, 9 // Die Gesetze der Angelsachsen. Hrsg. F. Liebermann. Bd. I. Halle: Max Niemeyer, 1903. S. 273–274; *Larson L.* The political policies of Cnut as King of England // American Historical Review. 1910. № 15. P. 723; *Stenton F.* Op. cit. P. 395.
- ²⁷ ASC 1021; FW 1021; *Freeman E.* Op. cit. Vol. I. P. 474; *Bolton T.* The empire of Cnut the Great: conquest and the consolidation of power in Northern Europe in the early 11th century. Leiden: Brill, 2009. P. 61.
- ²⁸ *Stenton F.* Op. cit. P. 410–411; *Campbell M.* The Rise of an Anglo-Saxon 'Kingmaker': Earl Godwin of Wessex // Canadian Journal of History. 1978. № 13. P. 18; *Fleming R.* Kings and Lords in Conquest England. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1991. P. 48.
- ²⁹ ASC 1013; *Anscombe A.* The pedigree of Earl Godwin // THRS. 1913. Vol. VII. P. 135–137; *Barlow F.* The Godwins. The rise and fall of a noble dynasty. Harlow: Longman, 2002. P. 18.
- ³⁰ ASC (F) 1009.
- ³¹ Годвин упомянут в завещании принца Этельстана S 1503; *Barlow F.* Op. cit. P. 20.
- ³² *Lawson M.* Op. cit. P. 177.
- ³³ S 951–953; *Keynes S.* Cnut's earls. P. 71.
- ³⁴ *Fleming R.* Op. cit. P. 91–96; *Bolton T.* Op. cit. P. 49–50.
- ³⁵ Информация «Жития Эдуарда» соотносится с известным из Хроники походом в Данию в 1022 г. ASC 1023; *Life of King Edward Who Rests at Westminster* / Ed. F. Barlow, 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1992 (далее – VER). Bk. I 1. Поздние авторы приписывали Годвину участие в других походах Кнута. WM II 181; HH VI 15. Обсуждение см.: *Keynes S.* Cnut's earls. P. 72; *DeVries K.* The Norwegian Invasion of England in 1066. Woodbridge: The Boydell Press, 1999. P. 74–76.

К.В. Ривчак

- ³⁶ *Campbell M.* Op. cit. P. 19; *DeVries K.* Op. cit. P. 76. Предположение основано на свидетельстве участия Годвина в собрании хускарлов. ASC (D) 1052; *Larson L.* The King's Household in England before the Norman Conquest. Madison: Univ. of Wisconsin, 1904. P. 166–167.
- ³⁷ *Larson L.* Op. cit. P. 170; *Горелов М.М.* Указ. соч. С. 75.
- ³⁸ *totius pene regni dux et baiulus.* VER I 1.
- ³⁹ Начиная с грамоты S 959.
- ⁴⁰ ASC 1025, 1028, 1031. *Freeman E.* Op. cit. P. 469; *Campbell M.* Op. cit. P. 25; *DeVries K.* Op. cit. P. 77. Устаревшее мнение об участии Годвина в норвежских кампаниях Кнута основано на неверном прочтении рунической надписи; *Keynes S.* Cnut's earls. P. 74.
- ⁴¹ Cnut 1027 // Die Gesetze. S. 276–277.
- ⁴² Брак Годвина наиболее достоверно осветил немецкий клирик Адам Бременский в 1070-х гг. со слов короля Дании. *Adami gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Ed. G. Waitz. Hannover: Hahn, 1876. Bk. II 52, III Schol. 65; *Stenton F.* Op. cit. P. 411; *Campbell M.* Op. cit. P. 23; *Lawson M.* Op. cit. P. 188; *Mason E.* The house of Godwine: the history of a dynasty. L.: Continuum International Publishing Group, 2004. P. 34. Английские авторы ошибочно называли жену Годвина сестрой Кнута. VER I 1; WM II 200.
- ⁴³ ASC (E) 1036; *John E.* Op. cit. P. 157; *Barlow F.* Op. cit. P. 27.
- ⁴⁴ ASC 1020; *Keynes S.* Cnut's earls. P. 71. Это предположение оспаривается; *Bolton T.* Op. cit. P. 47–51.
- ⁴⁵ ASC (E) 1036.
- ⁴⁶ S 993, 994; ASC 1040; FW 1040; WM II 188. Сохранность истории лишь в поздней традиции вызывает необоснованные сомнения у некоторых историков; *Mason E.* Op. cit. P. 41.
- ⁴⁷ VER I 1; FW 1042; WM II 196–197; *Freeman E.* Op. cit. Vol. II. P. 8; *Barlow F.* Edward the Confessor. P. 56; *Campbell M.* Op. cit. P. 17; *Горелов М.М.* Указ. соч. С. 90. Другая группа историков полагает, что роль Годвина не была столь значительной; *Stenton F.* Op. cit. P. 417; *John E.* Edward the Confessor and the Norman succession // EHR. 1979. № 94. P. 248; *Mason E.* Op. cit. P. 43.
- ⁴⁸ ASC (D) 1052, (E) 1048; *Barlow F.* The Godwins. P. 40; *Mason E.* Op. cit. P. 60.
- ⁴⁹ ASC (DE) 1052.
- ⁵⁰ ASC (E) 1048; *Freeman E.* Op. cit. Vol. II, p. 160; *Barlow F.* Edward the Confessor. P. 115.
- ⁵¹ ASC 1053.
- ⁵² S 1008. До этого Гарольд подписал лишь грамоты S 1003 и 1007 в 1044 и 1045 г., зато сразу первым из тэнов. Вустерский хронист назвал Гарольда эрлом Восточной Англии в 1051 г. FW 1051.
- ⁵³ *Higham N.* Harold Godwinsson: The Construction of Kingship // King Harold II and the Bayeux Tapestry / Ed. G. Owen–Crocker. Woodbridge: Boydell, 2005. P. 25.

- ⁵⁴ Начиная с грамоты S 1026 1055 г.
- ⁵⁵ Показательно подписание Эдитой грамот, начиная с S 1026 в 1055 г.; *Stafford P. Queen Emma and Queen Edith: Queenship and woman's power in 11th Century England*. Oxford: Blackwell, 1997. P. 267; *Barlow F. The Godwins*. P. 52.
- ⁵⁶ VER I 6; *Stenton F.* Op. cit. P. 563; *Barlow F.* Edward the Confessor. P. 189.
- ⁵⁷ *Freeman E.* Op. cit. Vol. II, p. 423; *Stenton F.* Op. cit. P. 564; *John E.* Op. cit. P. 256; *Горелов М.М.* Указ. соч. С. 90.
- ⁵⁸ ASC (C) 1055, 1063, 1065; *Mason E.* Op. cit. P. 100; *DeVries K.* Op. cit. P. 147.
- ⁵⁹ FW 1066.
- ⁶⁰ ASC (E) 1066; *Stenton F.* Op. cit. P. 572–573; *Barlow F.* Op. cit. P. 93; *Higham N.* Op. cit. P. 33–34.

А.В. Марей

«*OMNES QUE TAL YERRO FAZEN AL SENNOR...*»:
ПОНЯТИЕ *YERRO* В СТАРОКАСТИЛЬСКОМ
ЯЗЫКЕ ЭПОХИ ФЕРНАНДО III

В статье рассматривается процесс формирования и эволюции понятия *yerro* в старокастильском языке первой половины XIII в. На материале билингвальных текстов эпохи («Этимологий» Исидора Севильского и «Фуэро Хузго»), а также актового материала Фернандо III анализируются основные значения, присваивавшиеся изучаемому термину в этот период. *Yerro* предстает термином, относившимся, скорее, к этической, нежели к юридической сфере и использовавшимся для обозначения неверного поступка, ошибки, погрешности, введения в заблуждение.

Ключевые слова: история понятий, *yerro*, проступок, грех, билингвальные тексты, Кастилия, Фернандо III, «Фуэро Хузго».

В современной исторической науке, в том числе в отечественной, все большую популярность приобретает история понятий (нем. *Begriffsgeschichte*; термин введен немецким историком Р. Козеллеком). В качестве основы своей методологии история понятий пользуется, по преимуществу, тезисами, сформулированными основателями школы философской герменевтики, прежде всего Г.-Г. Гадамером¹, а также приверженцами лингвистического структурализма – Э. Бенвенистом² и др., согласно которым история понятий и история соответствующих им явлений взаимосвязаны настолько тесно, что последнее не может быть адекватно понято в отрыве от первого (с учетом всей сложности его эволюции).

Как правило, исследователи истории понятий занимаются изучением концептов, относящихся к социально-политической

истории Нового и Новейшего времени³. Однако представляется, что методологические основы, сформулированные в работах Г.-Г. Гадамера, Р. Козеллека и др., могут быть применены и к исследованию средневекового материала. В рамках данной статьи делается попытка рассмотреть процесс формирования и эволюции одного из основных терминов, использовавшихся для передачи понятия «преступление» в кастильской интеллектуальной культуре эпохи правления короля Фернандо III Святого (1214–1252), – термина *yerro*, дословно – «проступок».

Старокастильское *yerro* является отглагольным существительным, производным от глагола *errar*, восходящего к латинскому *errare*⁴ – «заблуждаться», «ошибаться»⁵. Слово *yerro* появилось только в XIII в., в период складывания литературного старокастильского языка. Его значение применительно к этому времени позволяет уточнить сопоставление с латинскими оригиналами тех старокастильских переводов, которые были осуществлены в Кастильско-Леонском королевстве в период правления Фернандо III (1217–1252) и Альфонсо X Мудрого (1252–1284). В числе наиболее заметных примеров такого рода следует выделить знаменитые «Этимологии» Исидора Севильского – знаменитого церковного деятеля Вестготского королевства, «энциклопедиста Темных веков»⁶. Оригинальный латинский текст «Этимологий» был, как известно, разбит на 20 книг, из которых правовым вопросам была посвящена пятая, а точнее, ее первые 27 титулов. Что же касается кастильского перевода «Этимологий», то он был осуществлен в середине XIII в., сохранился в единственной рукописи, известной по копии XV в., и включил книги I–V, а также книги IX и X⁷.

Термин *yerro* употребляется в кастильском тексте «Этимологий» всего четыре раза, из которых два раза им переводилось латинское *error* в значении «ошибка»⁸, а еще дважды – *crimen*, т. е. «преступление». При этом, если в первом случае речь идет именно о преступлении⁹, то в случае с фрагментом из пятой книги «Этимологий» очевидно, что само понятие *crimen* употреблено в значении «проступок», за который полагается наказание розгами¹⁰. Для обозначения же всех остальных преступлений в кастильской версии «Этимологий» использовалось понятие *pecado*, т. е. собственно «грех»¹¹, имевшее, очевидно, обобщающее значение.

Практически аналогичная картина использования термина *yerro* может быть выявлена и при анализе еще одного памятника испанского Средневековья. Речь идет о знаменитой «Книге приговоров» (или «Вестготской правде») – своде законов Вестготс-

кого королевства, впервые опубликованном в 654 г. при короле Рецесвинте (653–672) и значительно дополненным несколько позже, при королях Вамбе (672–680), Эрвигии (680–687) и Эгике (687–702), в конце VII – начале VIII в.¹² Перевод памятника на кастильский язык был осуществлен по указанию Фернандо III после взятия им Кордовы в 1236 г.¹³ Кастильский текст «Книги приговоров» получил название «Фуэро Хузго» (*Fuero Juzgo*) и действовал на территории Испании на протяжении еще нескольких веков (последнее его применение в суде датировано 1778 г.).

В тексте «Фуэро Хузго» термин *yerro* употребляется 23 раза, 19 из которых приходится на последнюю книгу памятника, посвященную регулированию правового положения иудеев в Кастильском королевстве. Четыре упоминания *yerro*, предшествующие книге об иудеях, распределяются по тексту следующим образом: одно встречается в титуле «Об избрании королей...», предпосланном основному тексту «Фуэро Хузго», в законе о бунте против короля. Под термином *yerro* в данном случае понимается нарушение клятвы верности, принесенной королю именем Бога, святотатство, как это характеризует законодатель, т. е. грех. В параллельном латинском тексте на месте форм глагола *errar* (*yerre; yerrant*) и самого термина *yerro* стоят три разных термина: глагол *delinquat* (досл.: «совершить проступок, погрешность»), термины *pacti transgressio* (досл.: «нарушение договора») и *error*¹⁴.

Второй раз *yerro* фигурирует в законе «О содомитах», помещенном в титуле «О противоестественных прелюбодеяниях, монахах и содомитах». Этот случай интересен тем, что здесь понятие используется в качестве синонима к термину *pecado*, причем оба термина используются для обозначения порока содомии. Причем словом *yerro* переведено латинское *vitium* (досл.: «порок»), тогда как *pecado* использован для передачи значений целого ряда понятий – *facinus* (досл.: «поступок» (в том числе – бесчестный)), *flagitium* (досл.: «негативный поступок») и даже *lapsus* (досл.: «ошибка»)¹⁵.

Третье упоминание *yerro* приходится на закон «О том, как ребенок может получить наследство отца», помещенный во 2 титуле 4 книги свода, озаглавленном «О наследниках». В этом фрагменте словом *yerro* обозначается не проступок или прегрешение, а заблуждение, в которое можно впасть, если не руководствоваться разумом в разрешении сомнительных ситуаций. В латинском тексте на месте *yerro* стоит слово *error*, что в данном случае представляется ожидаемым и оправданным¹⁶.

Четвертый раз *yerro* появляется в законе, запрещающем сеньорам калечить своих рабов, помещенном в 6-й книге свода законов, в титуле о человекоубийствах. В данном случае речь идет о том, что сеньор лишается права наносить увечье рабу или рабыне, если только против них не будет вынесено приговора или иным образом не будет доказано, что они совершили конкретное преступление. Последнее понятие в латинском тексте обозначено словом *scelus* (досл.: «злодеяние»)¹⁷.

Что же касается 19 случаев употребления термина *yerro* в 12-й книге, то все они сконцентрированы во втором и третьем титулах. В 13 случаях из 19 интересующим нас понятием переведено латинское *error*¹⁸, в двух – *errata* (досл.: «заблуждения»). Из оставшихся четырех в одном случае латинским аналогом *yerro* является слово *malum* (досл.: «зло»)¹⁹, еще в одном – *peccatum* (досл.: «грех»)²⁰, тогда как в двух последних исследованных фрагментах *yerro* употребляется рядом с понятием *pecado*: в одном случае в латинском тексте на их месте стоит термин *perfidia* (досл.: «вероломство»)²¹, а в другом – *delictum* (именно этим понятием римские юристы обозначали правонарушение)²².

Таким образом, всего в «Фуэро Хузго» термином *yerro* и формами глагола *errar* (*yerre; yerrant*) 15 раз переводилось слово *error*, 2 раза – слово *errata*, 2 раза – термин *delictum* или однокоренной ему глагол, по разу – термины *malum*, *peccatum*, *perfidia*, *scelus*, *vitium* и *transgressio pacti*. Очевидно, что для составителей старокастильского текста «Вестготской правды» слово *yerro* не имело четкого юридического значения и обозначало преимущественно «заблуждение» или «ошибку» в самом широком смысле, т. е. носило главным образом этический характер.

Для обозначения же противоправного деяния, как правило, в тексте «Фуэро Хузго» использовался термин *pecado* – в памятнике насчитывается более 90 случаев его употребления. При этом более чем в 20 случаях он введен в старокастильский текст не для перевода какого-либо латинского слова, а с целью уточнения или пояснения смысла закона в целом. Это позволяет с уверенностью утверждать, что в эпоху правления Фернандо III (как минимум, в последние 10–15 лет его правления, когда окончательно оформилась тенденция к переводу основных текстов с латыни на старокастильский и к созданию новых текстов на народном языке) именно термин *pecado* выступал в качестве обобщающего для обозначения правонарушения, в то время как *yerro* служил вспомогательным понятием, передававшим, прежде всего, этическую сторону заблуждения.

Это утверждение может быть проверено и на материале других источников. Из нормативных текстов, помимо «Фуэро Хузго», внимание исследователя привлекает один из основных сводов местного права Леоно-Кастильской Эстремадуры – пространное фуэро Куэнки, легшее в основу целого семейства фуэро. Этот памятник сохранился в трех редакциях, две из которых созданы на латыни («первоначальная форма» и «систематическая форма», согласно терминологии их издателя, Р. Уреньи-и-Сменхауда), а одна – на старокастильском²³. При анализе старокастильского текста фуэро Куэнки легко заметить, что термин *yerro* в нем не употребляется ни разу, в то время как для передачи понятия «преступление» используется именно термин *pecado*²⁴, с помощью которого кастильский переводчик передавал латинское *scelus*²⁵.

Прежде чем идти дальше, отмечу, что приведенные выше соображения относительно употребления термина *pecado* позволяют несколько скорректировать предполагаемую датировку перевода на старокастильский язык «Этимологий» Исидора Севильского и фуэро Куэнки. С известной долей уверенности можно говорить о том, что оба этих памятника были переведены с латыни в конце правления Фернандо III либо в первые несколько лет правления его сына, Альфонсо X. Верхняя граница, как представляется, видна довольно отчетливо – эти переводы не могли быть созданы после составления при дворе Альфонсо X свода правовых норм, известного как «Зерцало», поскольку в нем в качестве обобщающего понятия для обозначения правонарушения уже использовался термин *yerro*.

Наконец, весьма интересную информацию можно почерпнуть из документов Фернандо III, написанных на старокастильском языке, постепенно проникавшем в сферу делопроизводства. В качестве обобщающего понятия для обозначения правонарушения в документах этого времени используется термин *tuerto* (досл.: «вред», «ущерб»), обычно использовавшийся в паре с *fuercça* (досл.: «насилие») (23 примера в документах 1233–1252 гг.)²⁶. Подобный выбор термина выглядит вполне естественным: в силу видовой специфики в документах, как правило, содержались не общие понятия, а конкретные нормы, запрещавшие нанесение физического вреда адресатам данных грамот или их имуществу. Как представляется, это в полной мере объясняет практически полное отсутствие в текстах королевских хартий понятия *pecado*²⁷, имевшего в ту эпоху более теоретическое или, если можно так сказать, более доктринальное значение. Помимо *tuerto*, в исследованных

документах правонарушения обозначены понятиями *mal* (досл.: «зло») (3 раза), *mal fecho* (досл.: «злодеяние») (3 раза), *malfetría* (досл.: «злодеяние») (2 раза), *malfiesto* (досл.: «злое (преступное) действие») (1 раз), но, очевидно, эти понятия, в силу своего слабого лексического присутствия, не могли претендовать на роль обобщающих.

Понятие *yerro* в документах Фернандо III, изданных ранее 1250 г., встречается лишь один раз, в своем наиболее распространенном значении – как ошибка, заблуждение, проистекающее в данном случае из незнания земледельцем четких границ своего участка²⁸. Ситуация меняется после этой даты, когда на протяжении двух лет появляются четыре документа, в которых понятие *yerro* использовано как обобщающее для обозначения правонарушения. В первом из них Фернандо III приводит свое решение по тяжбе между епископом и капитулом Туйской епархии, с одной стороны, и консехо города Туй – с другой. Сначала в документе подробно перечисляются все агрессивные действия горожан, направленные против служителей Церкви (они вошли в собор с оружием в руках, пытались ворваться в алтарь, повалили светильники и т.д.), а затем они же обобщаются с помощью понятия *yerro*²⁹.

Три других (идентичных по содержанию) документа представляют собой одно и то же послание Фернандо III, направленное консехо Уседы³⁰, Гвадалахары³¹, и ряду консехо области Эстремадура³². В этих посланиях устанавливаются определенные нормы взаимоотношений между деревнями и местечками на территории консехо, которым были адресованы хартии. Нарушение королевского постановления квалифицируется как *yerro* по отношению к своему королю как сеньору³³. При этом интересующее нас понятие выступает как однородный член предложения с двумя другими – *tuerto* и *atreuimiento*. Первое из этих двух слов традиционно употреблялось в актовом материале для обозначения материального ущерба, второе же обозначало «дерзость» и служило одной из важнейших характеристик преступного деяния в кастильском праве³⁴. Таким образом, разбираемую фразу можно прочесть и другим образом: «все, кто введет сеньора в заблуждение, причинит ему ущерб и дерзнет пойти против него».

Подобное прочтение подкрепляется и еще одной фразой, содержащейся в той же клаузуле. Фернандо III грозит карой тем, кто «введет его в заблуждение» (*que me errassen*) и оскорбит его (*et tuerto diciessen*), так как это было сказано выше в той же грамоте.

Исходя из этого можно предположить, что в данном случае и *yerro*, и *errar* употребляются для того, чтобы передать гипотезу обмана сеньора, введения его в заблуждение, а не для обозначения правонарушения как типа действия.

Подводя итоги, можно сказать, что в эпоху Фернандо III понятие *yerro* использовалось, главным образом, в своем основном значении – как «ошибка», «промах», «заблуждение» и имело по преимуществу этическое значение. Функцию понятия, использовавшегося для передачи идеи правонарушения вообще, в этот период выполнял термин *pecado*. Таким образом, в кастильском языке первой половины XIII в. возникает своеобразное «семантическое раздвоение» понятия греха: понятие *yerro* приняло на себя изначальное значение латинского *peccatum* – «промах», «ошибка», «погрешность», в то время как термином *pecado* обозначалась более материальная, если можно так сказать, уголовно-правовая составляющая греха. Однако уже в этот период иногда встречаются отдельные случаи употребления *yerro* как правонарушения вообще, что указывает на то, что подобное значение не было чуждо этому термину. В этом контексте более логичным выглядит выбор именно этого понятия юристами Альфонсо X Мудрого в качестве обобщающего при описании правонарушений.

Примечания

- ¹ Гадамер Г.Г. История понятий как философия / Пер. с нем. В.В. Библихина // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 26–43.
- ² Бенвенист Э. Предисловие автора // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 26–34.
- ³ См., например, об этом: Коносов Н.Е. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1988. Т. 1. Вып. 4.
- ⁴ Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico / por Corominas J., Pascual J.A. Vol. 2. Madrid, 1980. P. 659.
- ⁵ V. «errare» // Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots: IVème éd. P.: Klincksieck, 1979. P. 309.
- ⁶ Выражение, введенное в оборот американским ученым Эрнестом Бригаутом в его одноименной книге: Brehaut E. An encyclopedist of the Dark Age. Isidore of Seville. N.Y., 1912.

- ⁷ Подробнее см.: *González Cuenca J.* Las Etimologías de San Isidoro romanceadas. T. 1. Salamanca, 1983. P. 37–48.
- ⁸ *Isid.* Etym. II.28.1 (= *Isid.* Etym.-rom. III.8.1); cfr. *Isid.* Etym. V.33.1 (= *Isid.* Etym.-rom. VI.6.1).
- ⁹ *Isid.* Etym. II.4.8 (= *Isid.* Etym.-rom. II.4.8).
- ¹⁰ *Isid.* Etym. V.27.16 (= *Isid.* Etym.-rom. V.27.16).
- ¹¹ Достаточно упомянуть, что даже название титула V.26 *De criminibus in lege conscriptis* в кастильской версии переведено как *De peccados encriptos en la ley*. Всего же термин *peccado* употребляется в кастильских «Этимологиях» 33 раза, из них 11 раз для перевода понятия *crimen*, 10 раз – *peccatum*, по 3 раза – *delictum* и *scelus*, 2 раза – *facinus*, по одному разу понятий *vitium* и *reatus* и 2 раза он был употреблен только в кастильском тексте, не имея латинского аналога (полный список фрагментов см.: *González Cuenca J.* Op. cit. T. 2. P. 351).
- ¹² См., например, об этом: *Ureña y Smenjaud R. de.* La legislación gótico-hispana (Leges Antiquiores – Liber Iudiciorum). Estudio crítico / Ed. C. Petit. Pamplona, 2003.
- ¹³ *González J.* Reinado y diplomas de Fernando III. Vol. 3. Cordoba, 1983. P. 211–214.
- ¹⁴ FJuzgo, [IX] (=LVis, [IX]).
- ¹⁵ FJuzgo, III.5.6 (=LVis, III.5.6).
- ¹⁶ FJuzgo, IV.2.18 (=LVis, IV.2.17).
- ¹⁷ FJuzgo, VI.5.13 (=LVis, VI.5.13).
- ¹⁸ FJuzgo, XII.2.2; 2.4; 2.5; 2.8; 2.16; 2.17; 3.1; 3.7.
- ¹⁹ FJuzgo, XII.3.5 (=LVis, XII.3.5).
- ²⁰ FJuzgo, XII.3.2 (=LVis, XII.3.2).
- ²¹ FJuzgo, XII.3.12 (=LVis, XII.3.12).
- ²² FJuzgo, XII.3.24 (=LVis, XII.3.24).
- ²³ Fuero de Cuenca (formas primitiva y sistemática: texto latino, texto castellano y adaptación del fuero de Iznatoraf) / Publ. por R. de Ureña y Smenjaud. Madrid, 1935.
- ²⁴ См., например: FCRom. I.7.9 (= FCSis. VII.10–11) etc.
- ²⁵ См. об этом подробнее: *Мареу А.В.* Язык права средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид. М., 2008.
- ²⁶ См., например: CDF-III, n. 704. Vol. 3. P. 253–254 (Burgos, 1242).
- ²⁷ Единственный случай использования этого термина в документах Фернандо III см.: CDF-III, n. 847. Vol. 3. P. 433–438 (Sevilla, 1252).
- ²⁸ CDF-III, n. 557. Vol. 3. P. 76–77 (Burgos, 1235).
- ²⁹ CDF-III, n. 794. Vol. 3. P. 369–374 (Sevilla, 1250).
- ³⁰ CDF-III, n. 809. Vol. 3. P. 387–389 (Sevilla, 18.11.1250).
- ³¹ CDF-III, n. 819. Vol. 3. P. 398–400 (Sevilla, 13.04.1251).
- ³² CDF-III, n. 827. Vol. 3. P. 412–415 (Sevilla, 09.07.1251).
- ³³ CDF-III, n. 809. Vol. 3. P. 387–389 (Sevilla, 1250); CDF-III, n. 819. Vol. 3. P. 398–400 (Sevilla, 1251); CDF-III, n. 827. Vol. 3. P. 412–415 (Sevilla, 1251).
- ³⁴ См.: P.VII.prooem.

О.В. Ауров

ОРУЖЕНОСЕЦ В КАСТИЛИИ XIII–XV вв.

Статья посвящена исследованию статуса оруженосца в Кастильско-Леонском королевстве XIII–XV вв. Делается вывод о том, что его эволюция в основном совпадает с тенденциями, характерными для западноевропейской Европы (Франция, Англия, Италия и др.). Изначально будучи не более чем простыми слугами рыцарей, к середине XIV в. оруженосцы были наделены значительным кругом привилегий и причислены к кастильской знати. К концу Средневековья, наряду с рыцарями, они составили единое привилегированное сословие дворян-идальго. Привилегии идальго тяжелым бременем ложились на городское бюргерство, которое стремилось вытеснить рыцарей и оруженосцев из городов. Тем не менее, несмотря на негативное отношение со стороны непривилегированной части населения Кастилии, феодальная литература создала позитивный (и более того – романтический) образ оруженосца, отразившийся в культуре позднего Средневековья.

Ключевые слова: Кастилия и Леон, рыцарство, оруженосцы, Реконкиста, средневековая война, средневековая Испания, кортесы, феодальное общество.

История оруженосца в Средние века – это неотъемлемая часть более общей и много более известной и изученной истории, а именно – истории рыцарства. По наблюдениям Л. Паттерсон, конкретные формы взаимосвязи статусов рыцаря и оруженосца могли быть самыми разными. В частности, в Южной Франции (регионе, которым, собственно, и занимается английская

¹ © Ауров О.В., 2012

исследовательница) эта связь носила двоякий характер. Изначально оруженосец (лат. «armiger», «scutifer») был лишь лицом, выполнявшим вспомогательные функции при рыцаре. Однако в дальнейшем статус оруженосца претерпел коренные изменения в связи с возвышением рыцарства, которое в романских странах началось в XII в. и достигло пика в следующем столетии¹.

Подобные представления разделяются большинством исследователей. Так, по данным Ж. Дюби, во Франции понятие «оруженосец» начинает использоваться для обозначения статуса сыновей рыцарей с начала XIII в., то есть со времени, когда незнатное рыцарство окончательно исчезает и ко всем рыцарям начинают применяться титулы «dominus» или «messire»². Аналогичным образом, на английском материале П. Косс, обработавший свои материалы по методике, предложенной Ж. Дюби, Р. Фосье и Ж. Флори, утверждает, что начиная с XIII в. обязанности оруженосца выполняют лишь юноши знатного происхождения, по меньшей мере, выходцы из обедневших рыцарских семей³.

Однако существуют и иные точки зрения. В частности, англичанин М. Бэннетт пытается терминологически и по существу отделить знатных по происхождению оруженосцев («armigeri») от незнатных («scutiferi», то есть сквайров), которые, хотя и повысили свой статус в период позднего Средневековья, но не переступили грани между аристократией и простолюдинами. М. Бэннетт считает свои выводы относящимися лишь к северным регионам Европы, то есть не касающимся романской части континента⁴. Между тем, как показала Ф. Менан на североитальянском материале, в XII в. термин «scutifer» употребляется там лишь по отношению к незнатным слугам рыцарей. В их функцию входили, главным образом, уход за конями, обслуживание господина (в том числе – прислуживание за столом, помощь при его облачении в доспехи и др.), а также забота о его оружии⁵. Это как будто придает особую правдоподобность выводам М. Бэннета и даже позволяет попытаться распространить их на более обширную часть континента.

Что же касается средневекового королевства Кастилия и Леон, в эпоху Высокого Средневековья, а особенно – после «великой Реконксты» Фернандо III Святого (1217–1252) и Альфонсо X Мудрого (1252–1284)⁶, находившегося на вершине своего могущества, то здесь латинские источники, насколько мне известно, до середины XIII в. не используют терминов «armiger» или «scutarius» в интересующем меня значении. Сколь-нибудь развернутая информация об оруженосцах впервые появляется в текстах, напи-

санных на старокастильском языке, прежде всего – в нормативных источниках – постановлениях кортесов (начиная с 1258 г.) и «Семи Партидах» Альфонсо X Мудрого (около 1265 г.)⁷.

В первом случае информация оказывается довольно гетерогенной. Так, постановления кортесов – сословно-представительных учреждений Кастилии и Леона⁸ – в Вальядолиде (1258 г.), созванные тем же Альфонсо X, в полной мере распространяют на оруженосцев те положения законов против роскоши, которые касаются знати в целом – магнатов (*ricos omes*), инфансонов и рыцарей-идальго. Они запрещали всем им носить дорогую одежду, пользоваться позолоченными уздечками, позолоченными или посеребренными седлами, золотыми шпорами и т. п.⁹ Эти и подобные им нормы явно относятся к сыновьям магнатов (вплоть до запрета осуществлять посвящение в рыцари)¹⁰. Вместе с тем, судя по постановлениям кортесов, далеко не все оруженосцы в этот период обладали выраженным знатным статусом. Так, еще в конце XIII в. в постановлениях Вальядолидских кортесов (1312 г.) фигурируют оруженосцы, которые вместе с простыми пехотинцами-пикинерами, угрожая оружием, незаконно требуют от простых горожан и крестьян обеспечить их пищей. Законодатель прямо приравнивает их к уголовным преступникам, позволяя убивать без суда¹¹.

Что касается «Семи Партид» – знаменитого свода Альфонсо Мудрого, то здесь оруженосцы фигурируют главным образом в тексте 21-го титула второй Партиды. В центре внимания составителей этой части Партид – сословные обязанности рыцарей в их идеальном, а отнюдь не конкретно-правовом восприятии. Не случайно центральное место в титуле занимает подробная регламентация акта посвящения в рыцари (законы 14–15). Именно в связи с последним оруженосец – знатный юноша, готовящийся стать рыцарем. Его подготовка к означенному акту включает ночное бдение в церкви и следующие за ним омовение, облачение в особую обувь, поверх которой в начале ритуала прикреплялись шпоры, а также одежду, включая блию, поверх которого посвящающий застегивал рыцарский пояс с висящим на нем мечом¹². Соответственно, если статус оруженосца предшествовал статусу рыцаря и лишь рыцарь имел право на посвящение, то логичным выглядит присутствие оруженосца и в ритуале утраты рыцарского звания, зеркально противоположном акту посвящения¹³. Сначала оруженосец прикреплял к обуви осужденного шпоры и надевал на него пояс с мечом, а затем, зайдя со стороны спины, разрезал ножом сначала пояс, а затем – ремни, на которых крепились шпоры. Эта процедура была

тем более унижительной, что в обычное время оруженосцу запрещалось даже во время трапезы сидеть в присутствии рыцаря¹⁴.

Эти, весьма обобщенные, замечания существенно развиваются и детализируются в нарративных источниках, прежде всего – в «Первой всеобщей хронике», составление которой приходится на период правления Альфонсо X Мудрого и его сына Санчо IV Храброго (1284–1295)¹⁵. Наиболее важные положения хроники, касающиеся оруженосцев, выглядят следующим образом. Первое. Оруженосцы предстают как неотъемлемый слой феодального класса: упоминаются не только рыцари, но и магнаты, в юности прошедшие статус оруженосца¹⁶. При этом лица, относившиеся к этой страте, четко отделяются от полноправных рыцарей: в бой они вступают пешими, а их вооружение, насколько можно понять по косвенным данным, оказывается более легким, чем у рыцаря¹⁷. В период боевых действий они несут несоотносимую со статусом рыцаря караульную службу¹⁸.

Второе. Хроника позволяет понять истоки подобного статуса: в тексте хроники понятия «воспитанник» и «оруженосец» употребляются в тесной связи и применяются к одним и тем же персонажам¹⁹. В качестве «воспитанников» своего сеньора, который впоследствии, как правило, и посвящал их в рыцари, оруженосцы постоянно проживали в доме «воспитателя», выполняли функции доверенных слуг²⁰ и сопровождали его вне дома, составляя свиту²¹. У знатного сеньора число оруженосцев могло быть достаточно велико: несколько десятков человек или даже более. Составляя нижнюю страту рыцарского линияжа, они воспринимались как младшие родственники, а нередко были таковыми и в прямом смысле²². Видимо, именно в этой сфере родственных или квазиродственных отношений следует искать истоки проявляемой оруженосцами личной верности, в том числе – их храбрости в бою²³.

Третье. Для характеристики оруженосца, как правило, применяется старокастильское слово «тосо» – «юноша», «подросток»²⁴. Однако далеко не всегда его следует понимать в прямом смысле. Так, нам известно, что знаменитый рыцарь Гарсия Перес де Варгас был посвящен в рыцари в далеко не юном возрасте: к этому времени он уже успел совершенно облысеть²⁵. Следовательно, наименование «юноша» носит в данном случае не возрастной, а социальный характер.

Что касается актового материала, то здесь оруженосцы впервые появляются приблизительно в то же время, что и в постановлениях

кортесов. В частности, они упоминаются в грамоте Альфонсо X 6 февраля 1260 г., подтверждающей освобождение от одного из феодальных платежей (*moneda forera*) рыцарей, знатных дам, оруженосцев и рыцарей-мосарабов Толедо. При этом оруженосцы фигурируют в числе идалго – привилегированной социальной группы²⁶. В мае того же года оруженосцы появляются в документе, адресованном жителям галисийского местечка Пуэбла де Валь де Луасес, терпящим ущерб от рыцарей и оруженосцев, не гнушающихся откровенным грабежом²⁷. Видимо, подобные случаи не были редкостью, но много чаще упоминания об оруженосцах связаны с предоставлением им привилегий, распространяющихся на них наряду с рыцарями (как и в упомянутой выше толедской грамоте 1260 г.).

Та же самая тенденция прослеживается и в местных хартиях – фуэро, которые в конце XII–XIII в. приобрели характер судебных актов, определявших правовой режим в пределах территориальных общин (городов и прилегающих к ним территорий) – так называемых кон-сехо. В частности это касается пространного фуэро кастильского города Сепульведа (в современной провинции Сеговия), относящегося к наиболее известному семейству фуэро Куэнки-Теруэля²⁸. Согласно его нормам, на оруженосцев распространяются все привилегии рыцарей (прежде всего – фискальные льготы и судебные привилегии)²⁹. Получается, что сепульведские оруженосцы по социальному статусу были если и не равны рыцарям, то, во всяком случае, весьма близки к ним. Следовательно, если применительно к периоду около 1300 г. (время издания пространного фуэро Сепульведы) можно говорить о знатности рыцаря, то то же самое следует констатировать и применительно к оруженосцу. Кроме того, упоминание о последних наряду с женами, вдовами и дочерьми рыцарей позволяет связать оруженосцев с рыцарскими линиями³⁰.

Более того, можно с достаточной уверенностью утверждать, что неупоминание в этом ряду собственно сыновей рыцарей может быть объяснено лишь тем, что в первую очередь именно они и получали ранг оруженосцев. При крайней дороговизне боевого коня, рыцарского вооружения и снаряжения³¹ контроль законодателя за их передачей по наследству был вполне естественным.

Дальнейшее развитие статуса оруженосцев применительно к периоду конца XIII–XV в. можно проследить по данным постановлений кортесов, в которых лица интересующей нас категории фигурируют достаточно часто. Разумеется, проблема регламентации статуса оруженосцев в постановлениях кортесов заслуживает

отдельного исследования, которое я надеюсь провести в будущем. Пока же постараюсь выделить лишь наиболее важные тенденции.

Прежде всего, обращу внимание на постоянный рост привилегий оруженосцев, в результате которого де-факто эти привилегии ничем не отличались от рыцарских. Среди прочего это видно, в частности, из постановлений вальядолидских кортесов 1293 г., запрещавших конфискацию имущества оруженосцев (как и рыцарей), даже если они оказывались преступниками, казненными по приговору суда³². Этот неуклонный рост привилегий объясняет, почему упоминания о бедных и незнатных оруженосцах после 1312 г. более не встречаются³³, тогда как их упоминания в ряду «могущественных людей» (*omnes poderosos*) (разумеется, опять же наряду с рыцарями) становятся нормой³⁴. В этом смысле вполне естественным представляется тот факт, что начиная с 1317 г. (кортесы в Каррионе) оруженосцы начинают упоминаться в этом ряду не только в связи с предоставлением им конкретных знатных привилегий, но и (что представляется еще более важным) как представленная в сословно-представительном учреждении особая сословная группа, стоящая по своему положению непосредственно вслед за магнатами (*ricos omnes*) и рыцарями и явно превосходящая по статусу состоятельных бюргеров, представлявших свои консехо в кортесах в качестве их прокураторов³⁵. Окончательно этот статус оруженосцев был закреплен в своде законов, принятых кортесами в Алькала-де-Энарес в 1348 г., – так называемом «*Ordenamiento de Alcalá*»³⁶.

Превращение оруженосцев в неотъемлемую часть местных олигархий, контролировавших жизнь территориальных общин-консехо, естественным образом дистанцировало их от остальной части городского населения. Их привилегии (как и привилегии рыцарей, с которыми к концу Средневековья они окончательно слились в единое сословие дворян-идальго – *fijosdalgos*) тяжким бременем ложились на плечи бюргеров, в том числе и их состоятельной части. Отсюда – многочисленные примеры отпора, который начиная со второй половины XIV в. стали давать городским олигархиям (состоявшим из рыцарей и оруженосцев) бюргерские объединения – коммуны, сыгравшие значительную роль в формировании зрелых муниципальных институтов в Кастилии и Леоне к концу XIII в.

В этом плане характерным является, в частности, содержание муниципальных ордонансов, принятых в 1457 г. коммунаро кастильского городка Риаса. Их положения решительно потребовали

изгнания из города не только рыцарей, но и оруженосцев³⁷. Трудно сказать, в какой мере это намерение удалось воплотить в жизнь именно в Риасе, но оно представляется красноречивым уже само по себе.

Получается, что, вступив в историю в ореоле мужественных воинов эпохи «великой Реконкисты», на исходе Средневековья оруженосцы (как, впрочем, и рыцари) приобрели скорее негативный имидж. Но еще более удивительным представляется тот факт, что эта негативная реальность, отраженная в нормативных и документальных источниках, связанных с подымавшимся в последние полтора столетия Средних веков движением коммунаро, в конечном итоге вовсе не возобладала. Оруженосцам и рыцарям-идальго было суждено остаться в истории не жестокими и алчными олигархами, обременившими своих сограждан непосильными для них податными и иными повинностями, но все теми же благородными воинами, каковыми они в свое время и вступили в историю Кастилии и Леона.

Негативную реальность «поправила» грамотная пропаганда, средством которой стала бурно развивающаяся феодальная литература на кастильском языке, в XIV в. вступившая в пору своего расцвета и все более вбиравшая в себя влияния далекого итальянского Возрождения. Одним из первых (и наиболее ярких) ее примеров является, в частности, та интерпретация идеальных образов рыцаря и оруженосца, которая представлена в сочинениях инфанта Хуана Мануэля (1282–1348) – кастильского магната, племянника Альфонсо X Мудрого, активного участника политических событий своего времени, но и, одновременно, блестящего писателя.

Среди прочего его перу принадлежит сочинение «Книга о рыцаре и оруженосце». На его страницах юный оруженосец, прибывший на кортесы (sic!), встречает умудренного жизнью старого рыцаря, впоследствии посвятившего юношу в рыцарское достоинство³⁸. Этому акту предшествуют беседы рыцаря и оруженосца, сопровождающего своего сеньора в его передвижениях по стране. И всякий раз, начиная свою речь, старый рыцарь считает нужным скромно оговорить, что не получил соответствующего образования и что ему знакомо лишь «рыцарское ремесло»³⁹.

Однако при ближайшем рассмотрении эта оговорка оказывается столь же формальной, как и авторские признания в некомпетентности в прологах средневековых исторических трудов. Скромно признаваясь, что имел возможность слушать «многих мудрецов»⁴⁰, старый рыцарь вновь и вновь заводит разговор о самом широком

круге проблем и являет себя блестящим знатоком философии Аристотеля (и не только ее одной!). И хотя традиционное общение рыцаря и оруженосца здесь играет лишь роль «рамочного» сюжета, тем не менее очевидно, что Хуан Мануэль совсем не случайно вложил излагаемые идеи в уста не клирика или ученого монаха, а рыцаря – такого, каким хотел его видеть, а его ученика сделал не юным послушником (что было бы вполне естественным), а оруженосцем.

Так в зеркале золотой «осени Средневековья» фигуры феодального мира – рыцарь и оруженосец – постепенно приобретали совершенно новые – и, безусловно, позитивные – очертания.

Примечания

- ¹ *Paterson L.M.* The Occitan Squire in the Twelfth and Thirteenth Centuries // The Ideals and Practice of Medieval Knighthood. Woodbrige, 1986.
- ² *Duby G.* La Noblesse dans la France medievale // *Duby G.* La société chevaleresque. Paris, 1988.
- ³ *Coss P.R.* The Knight in Medieval England, 1000–1400. Dover, 1996.
- ⁴ *Bennett M.* The Status of the Squire: the Northern Evidence // The Ideals and Practice of Medieval Knighthood. Woodbrige, 1986. P. 1–11.
- ⁵ *Menant F.* Les écuyers («scutiferi») vassaux paysans d'Italie du Nord au XII-e siècle // Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (X-e – XIII siècles). Paris, 1980. P. 285–297.
- ⁶ Подробнее об истории Кастилии и Леона в эпоху Высокого Средневековья см., например: *O'Callaghan J.F.* A History of Medieval Spain. Ithaca, London, 1983. P. 331–520; *Idem.* Reconquest and Crusade in Medieval Spain. Philadelphia, 2003. P. 78–123 и др.
- ⁷ В настоящей работе приняты следующие сокращения для обозначения источников:
CDC – Colección diplomática de Cuellar / Ed. por A. Ubieto Arteta // Publicaciones historicas de la Exma. Diputación provincial de Segovia. VI. Segovia, 1961.
Córtes – Córtes de los antiguos reynos de León y de Castilla. T. 1. Madrid, 1861.
DEDA – Diccionario español de documentos alfonsíes / Bajo la dir. de M. Nieves Sánchez. Madrid, 2000.
FE Sep. – Fuero extenso de Sepúlveda // Los fueros de Sepúlveda / Ed. por E. Sáez // Publicaciones historicas de la Exma. Diputación provincial de Segovia. I. Segovia, 1953.

О.В. Ауров

LCE – Don Juan Manuel. Libro del cavallero y del escudero // Obras de don Juan Manuel. T. 1. Barcelona, 1955.

Orden. Alc. – El Ordenamiento de Leyes, que D. Alfonso XI hizo en las Córtes de Alcalá de Henares en el año 1348 / Ed. por I.J. de Asso y M. de Manuel. Madrid, 1847.

Ord. Mun. – Ordenanzas Municipales de Riaza de 1457 // Colección diplomática de Riaza (1258–1457) / Ed. por A. Ubieto Arteta. Segovia, 1959 (Publicaciones hitóricas de la Exma. Diputación Provincial de Segovia, V). P. 133–190.

Part. – Las Siete Partidas del Rey don Alfonso el Sabio / Por la Real Academia de la Historia. T. 1–3. Madrid, 1807.

Prim. Cron. – Primera Crónica General de España / Ed. por R. Menendez Pidal. T. 2. Madrid, 1955.

⁸ О сословно-представительных учреждениях в Кастилии и Леоне см., например: *Pérez Prendes J.M.* Cortes de Castilla. Barcelona, 1974.

⁹ Córtes de Valladolid (a. 1258). P. 59.

¹⁰ Ibid. 23.

¹¹ Córtes de Valladolid (a. 1312). 92. P. 218.

¹² Part. II.21.13.

¹³ Part. II.21.25.

¹⁴ Part. II.21.23.

¹⁵ О «Первой всеобщей хронике» см., например: *Catalan Menendez Pidal D.* De Alfonso X al conde de Barcelos. Cuarto estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. Madrid, 1962.

¹⁶ См., например: Prim. Cron. P. 731.

¹⁷ Prim. Cron. P. 615.

¹⁸ См., например: Prim. Cron. P. 513, 752.

¹⁹ См., например: Prim. Cron. P. 612, 615.

²⁰ Prim. Cron. P. 611.

²¹ См., например: Prim. Cron. P. 532.

²² См., например: Prim. Cron. P. 612.

²³ Ibid. P. 606, 611–613, 621 etc.

²⁴ См., например: Ibid. P. 621.

²⁵ Ibid. P. 752.

²⁶ 1260, Toledo (цит. по: DEDA. P. 209).

²⁷ 1260, Burgos (цит. по: DEDA. P. 249).

²⁸ Об основных семействах фуэро см., например: *Gibert R.* El Derecho municipal de León y Castilla // Anuario de Historia del Derecho Español. 1961. T. 31. P. 695–753.

²⁹ FE Sep. tit. [42c], [45], [48], [57], [59], [63], [65], [65a], [237a].

³⁰ FE Sep. tit. [42c], [198].

³¹ FE Sep.74. Cfr.: CDC. P. 43, doc. n. 16 (a. 1256, Segovia).

Оруженосец в Кастилии XIII–XV вв.

- ³² Córtes de Valladolid (a. 1293). 17. P. 126.
- ³³ Córtes de Valladolid (a. 1312). 92. P. 218.
- ³⁴ Córtes de Palencia (a. 1313). 22. P. 240.
- ³⁵ Córtes de Carrion (a. 1317). P. 300.
- ³⁶ См.: Orden. Alc. cap. 72, 92 etc.
- ³⁷ Ord. Mun. Tit. I.
- ³⁸ LCE. Cap. 3.
- ³⁹ LCE. P. 47.
- ⁴⁰ LCE. P. 26.

А.В. Сидяка

ЛОНДОН И ПАРИЖ ВСТРЕЧАЮТ ГЕНРИХА V: ВЪЕЗД КОРОЛЯ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ

Статья посвящена одной из форм репрезентации королевской власти в Средние века – городским въездам. На примере двух въездов английского короля Генриха V в Лондон и Париж автор исследует, каким образом королевская власть использовала эти мероприятия для коммуникации с народом, сообщая в ходе торжественного въезда определенные послания своим подданным, сформулированные в аллегорической форме. Оба въезда были приурочены к двум кульминационным моментам жизни Генриха V – победе при Азенкуре в 1415 г. и заключению договора в Труа в 1420 г. Они представляли собой своеобразное аллегорическое «объяснение» народу того, что произошло и какое это имеет значение. Автор приходит к выводу, что содержание городских въездов Генриха V в значительной степени передает общие представления о королевской власти в позднее Средневековье.

Ключевые слова: Генрих V Ланкастер, королевская власть, королевский въезд, репрезентация власти, двуединая монархия, Лондон, Париж, Нормандия.

Как заметила исследовательница французской средневековой монархической традиции К. Бон, «королевская власть – это зрелище» («La royauté est un spectacle»)¹. В эпоху Средневековья успешность и яркость этого зрелища в значительной степени определяли отношение народа к монарху и его образ в глазах подданных. Для того чтобы средневековый человек мог представить себе столь абстрактное понятие, как королевская власть, он должен

был, прежде всего, физически увидеть различные ее аспекты, преобразованные в аллегорическую форму и представленные на всеобщее обозрение. Поэтому исследование средневековой королевской власти невозможно без должного внимания к зрелищной, церемониальной его стороне и ее значению. «О пышность (ceremony), покажи, чего ты стоишь! – восклицает шекспировский Генрих V. – Чем вызываешь в людях обожанье? Ведь ты не более как званье, форма, Внушающие трепет и почтенье» (перевод Е. Бируковой)². Видимо, далеко не случайно великий английский драматург вложил эти слова именно в уста Генриха V Ланкастера – этот король уделял большое внимание церемониальному и символическому выражению своей власти.

Въезды Генриха V в Лондон в 1415 г. и в Париж в 1420 г., которым будет посвящена данная работа, по своему размаху и содержанию не были какими-то из ряда вон выходящими событиями той эпохи. Жители столь значительных городов были привычны к такого рода зрелищам. Меня эти события интересуют в первую очередь из-за контекста, в котором они состоялись. Оба въезда были совершены непосредственно после двух *кульминационных* моментов в жизни Генриха V – победы над французами в битве при Азенкуре в 1415 г., сделавшей этого короля еще при жизни фактически живой легендой, и заключения договора в Труа в 1420 г., по которому Генрих V признавался наследником французской короны и после смерти Карла VI Валуа должен был стать правителем двуединого англо-французского королевства. Это были вершины военного и политического успеха английского короля. Интересующие меня въезды явились способом *коммуникации*, призванной в доступной форме донести значение этих событий до народа. О том, что из себя представляли эти послания, и будет говориться в настоящей работе.

Вообще королевские въезды представляют собой очень богатый и интересный материал для анализа представлений о власти в Средние века. Здесь, в отличие от коронации или похорон умершего короля, участниками действия были и сами горожане, поэтому, по мнению французского медиевиста Б. Гене, въезд коронованной особы становился своего рода диалогом, в котором подданные могли выразить чувства любви и покорности своему правителю, а последний мог в наиболее убедительной форме явить образ своей власти³. В ходе торжественного въезда в город король одновременно был и главным действующим лицом зрелища, и главным его зрителем⁴, поэтому описания въездов – превосходный материал

для исследования системы отношений «король – подданные» в средневековом обществе.

Торжественные настроения охватили Лондон сразу после получения вести о победе при Азенкуре, что неудивительно, ведь подобного триумфа над своим главным врагом англичане ждали с 1356 г., когда была одержана победа при Пуатье. Описания этого события мы можем найти в различных нарративных источниках, но наиболее наглядное представление дает нам анонимный автор «Деяний Генриха Пятого»⁵.

Торжества начались уже в Дувре, где толпа наиболее восторженных местных жителей, не дожидаясь, когда корабль с королем причалит к берегу, бросилась в море, дабы оттуда приветствовать своего победоносного правителя⁶. Подобные изъявления народной радости сопровождали Генриха V на всем пути из Дувра в Лондон. По дороге была сделана двухдневная остановка в Кентербери, где король был торжественно встречен всеми монахами аббатства. Уже на подходе к Лондону Генриха V приветствовала процессия, возглавляемая мэром и состоящая из одетых в красные одежды олдерменов и мастеров ремесленных гильдий города. Им выпала честь первыми из лондонцев встретить триумфатора Азенкура⁷.

Основными способами выражения лондонцами своих чувств к королю были надписи на домах и распевание группами людей заученных строк (чаще всего из Писания), когда король проезжал мимо них. Городские улицы были заранее подготовлены к этому событию. Многие дома и башни были украшены тканями разных цветов с изображенными на них гербами Генриха V и Англии, причем, как отмечает один из хронистов, ткани эти были весьма дорогостоящими⁸. На некоторых полотнах были изображены славные моменты и триумфы предшествующих английских правителей⁹. Одна из улиц, по которой должно было проходить шествие, была украшена надписью «Город короля правосудия!» («Civitas Regis Justitiæ!»)¹⁰. Другие надписи, цитирующие псалмы Давида – «Слава о Тебе, Град Божий» («Gloriosa dicta sunt de te, civitas Dei»), «Речные устремления веселят Град Божий» («Fluminis impetus laetificat civitatem Dei») – могут говорить о некоем провиденциальном оттенке, который был придан военной кампании во Франции: Генрих V, ведущий справедливую войну, совершал в глазах людей в высшей степени богоугодное дело. Успех в этом деле мог говорить о богоизбранности короля, а следовательно – и его народа.

Религиозная составляющая этого праздника, безусловно, доминировала. Первыми, кто встретил короля *intra muros*, были

представители лондонского клира, принесшие с собой многие священные городские реликвии («*toutes les relicques des corps sains*»). С появлением Генриха они нараспев стали произносить слова «Да здравствует король Англии, цветок мира, воин Христов» («*Ave Rex Anglorum, flos mundi, miles Christi*»), а король тем временем спешил и поцеловал каждую святыню¹¹. Далее королевская кавалькада направилась к Лондонскому мосту, у въезда на который стояла статуя гиганта «поразительной величины» («*statua mirae magnitudinis gigantean*»), держащего в одной из своих рук ключи от Лондона¹². Видимо, статуя производила весьма сильное впечатление на собравшийся люд. Так, поэт Дж. Лидгейт заметил в одной из своих поэм, что один только устрашающий вид этого исполина способен был научить французских пленников, участвующих в королевском въезде, хорошим манерам («*To teche the Frensshmen curtesye*»), которых им недоставало на поле Азенкура¹³.

На мосту Генриха V встречала фигура святого Георгия, а также статуи льва и антилопы, украшенные королевскими гербами. Святой покровитель Англии держал в правой руке меч, а в левой – сверток со словами «Одному Богу честь и слава» («*Soli Deo honor et Gloria*»)¹⁴. Далее, с башен близлежащих домов, триумфатора приветствовали мальчики с покрытыми золотой краской лицами и наряженные в белые одежды с крыльями на спинах. Они являли собой сонм ангелов. С приближением короля они запели «*Benedictus qui venit in nomine Domini*»¹⁵. В районе Чипсайда Генриха приветствовали двенадцать «апостолов» и двенадцать «королей», склонившие перед ним колени¹⁶, а также одетые в золотые хламиды «пророки» («*prophetarum in chlamydibus aureis*»), выпустившие со словами «Пойте Господу новую песнь, ибо сотворил Он чудесные вещи» («*Cantate Domino canticum novum Quia mirabilia fecit*») стаю птиц, многие из которых сели на плечи и руки короля. Неподалеку возвышался импровизированный замок с башнями и стенами, на котором висела уже упомянутая мною надпись «Слава о Тебе, Град Божий». Довершала картину еще одна реминисценция из Давидовых Псалмов, вывешенная на близлежащем доме: «О Господе надежда Царя по милости Вышнего не падет» («*Quoniam Rex sperat in Domino et in misericordia Altissimi non commovebitur*»)¹⁷.

После воздаяния таким образом хвалы Богу – единственному источнику победы – зрителям и участникам торжеств было «напомнено» и об Его орудии – Генрихе V. Так, на одной из улиц короля встретила группа девочек в белом, пропевших «Добро пожаловать, Генрих Пятый, король Англии и Франции», в то время

как наряженные ангелами мальчики с крыш домов осыпали короля золотыми монетами¹⁸. За этим последовало еще более красивое зрелище: Генрих проехал мимо ряда «похожих на изваяния» девушек, сияющих от обилия драгоценных камней, которые украсили его голову золотыми лавровыми листиками под пение «Тебя, Бога, хвалим, Тебя, Господа, исповедуем» («Te Deum laudamus, te Dominum confitemur»)¹⁹. Тем временем другие девушки выражали свою радость плясками и игрой в бубны, «подобно тому, как царя Давида встречали после победы над Голиафом» («Ad modum regi David post Golye sedem»), – замечает хронист Адам Уск²⁰. В это время четверь ангелами над улицей было растянуто полотно небесного цвета с вышитыми на нем звездами и облаками. Под этим небосводом находилось аллегорическое изображение Величия, представленного в виде солнца с яркими лучами («effigies magestatis in corpore solari, et emissis fulgentibus radiis»). Ангелы тем временем пели «Deo Gratias!»²¹.

Процессия окончилась возле собора Святого Павла. В присутствии четырнадцати епископов Генрих V поцеловал священные реликвии, хранившиеся в соборе, после чего, коленопреклоненный, совершил свою молитву²².

Что из себя представляла королевская кавалькада? В каком-то смысле она являла собой контраст с окружающей ее торжественной пышностью. Вместе с Генрихом скакала лишь небольшая часть его приближенных, а также некоторые знатные французские пленники. Сам же король, по свидетельству автора «Деяний», «ехал среди восторженных хвалебных криков толпы, одетый в пурпурный плащ, без всякой надменности или высокомерия, но с серьезным лицом, в сопровождении только самых преданных своих слуг <...> Его спокойный и сосредоточенный вид говорил о том, что в тот момент он про себя воздавал хвалу Господу»²³. По словам другого биографа, Генрих специально не надел свой боевой шлем и доспехи, которые были промяты в некоторых местах французами, ибо, как верный воин Христов, хотел избежать ненужных восторгов со стороны толпы²⁴.

Хоральные пения, которыми встречали Генриха V на улицах города, придавали въезду короля черты церковной литургии. Внешне сутью столь пышного торжества было отнюдь не прославление короля-победителя. Главным триумфатором был представлен Бог, и въезд Генриха в свою столицу – это прославление, прежде всего, Его деяний. Английский король выступил в роли божественного орудия, а его победа означала, что он был удостоен высшей благодати.

Интересную точку зрения на это событие высказывает британский исследователь Г. Киплинг. Он считает, что Лондон во время королевского въезда был представлен как Небесный Иерусалим, а самому действию преднамеренно было придано сходство с заупокойной литургией (*office of the dead*), в которой королю отводилась роль души, проходящей на пути в рай различные стадии²⁵. Каждая из стадий вышеописанного шествия соответствовала, по мнению Г. Киплинга, этапам, которые проходит душа человека, вступающая в небесные чертоги. У ворот ее встречает архангел Михаил (в данном случае «заменен» св. Георгием), далее ее провожают ангелы. В раю душа встречает апостолов, мучеников, после которых, следуя литургическому канону, – молодых дев²⁶. Все мирское величие и былые заслуги здесь уже не имеют значения – они меркнут перед величием Бога. Можно предположить, что именно Бог подразумевался под фигурой Величия в виде солнца, над которым была растянута синяя ткань-небосвод. Также весьма двусмысленно выглядит надпись «Город короля правосудия». На мой взгляд, здесь могли иметься в виду одновременно и Небесный Иерусалим (соответственно *Rex Justiciæ* – это Бог), и Лондон, который благодаря дарованному Генриху свыше знаку божественной благодати становился новым Иерусалимом.

Описание лондонского въезда позволяет сделать выводы о том, как Генрих V хотел, чтобы была воспринята победа при Азенкуре. Внешнее умаление своей личной заслуги и представление себя как «простое» орудие Бога – это, на мой взгляд, было главным посланием торжества. Думается, что продиктовано оно было проблемой легитимности его власти, ведь отец Генриха V, Генрих IV, узурпировал в 1399 г. власть Ричарда II Плантагенета, и в 1415 г. еще были активны силы, не согласные с тем, что династия Ланкастеров имеет право находиться на престоле. Громкая военная победа и последовавший за ней въезд в столицу были достаточно весомыми аргументами в обратном – власть Генриха V была угодна Богу и, следовательно, легитимна.

Через пять лет, в 1420 г., состоялся торжественный въезд Генриха V в Париж. По своему пропагандистскому значению это событие было крайне важно для английского короля. После заключения договора в Труа Генрих въезжал в будущую столицу своего двуединого королевства, и от успеха мероприятия во многом зависело отношение парижан к своему будущему правителю. Помимо английского короля, в этом въезде участвовал и его «отец» – Карл VI, король французский. Участие последнего в данном мероприятии

было продиктовано, скорее, необходимостью – главным действующим лицом и триумфатором был в тот день Генрих V.

Этот королевский въезд в значительной степени стал визуальной иллюстрацией договора в Труа, по которому Генрих V признавался «сыном» и «наследником» душевнобольного Карла VI. Оба короля скакали рядом, французский – с правой стороны. Перед скакавшим Генрихом герольд нес шлем с золотой короной. За ними ехали два брата английского короля – герцоги Кларенс и Бедфорд, а также герцог Бургундский, в знак траура по убитому отцу одетый во все черное²⁷. Перед въехавшими в город на следующий день обеими королевами герольды несли два горностаевых плаща («deux manteaux d'hermine»), которые, по словам очевидца, горожане восприняли как символ «двойной королевской власти» («double royauté») над Францией и Англией²⁸.

Дома на улице Сен-Дени, по которой проходило шествие, были украшены тканями и лентами разных цветов, однако преобладающим цветом всего торжества был красный, который в Средние века был одним из символов Англии²⁹. Еще за городскими стенами наиболее знатные представители третьего сословия, клира, Парламента и Университета вышли одетыми в красные одежды встречать королей. Этот же цвет, по словам анонимного парижского горожанина, преобладал в нарядах парижан, заполнивших в тот день улицу Сен-Дени³⁰. Наиболее же ясным и недвусмысленным знаком свершившейся политической перемены было окончание парижского въезда. Хронисты не преминули сообщить о том, куда поехали оба монарха на ночь. В Лувр, многолетнюю резиденцию французских королей, отправился именно Генрих V, тогда как Карл VI отныне вынужден был довольствоваться более скромным дворцом Сен-Поль³¹.

Религиозная составляющая торжества была несколько менее содержательной, чем пять лет назад в Лондоне. На многие перекрестки города, через которые должны были проехать Генрих V и Карл VI, заранее пришли городские священники с реликвиями из своих церквей. Распевая «Te Deum» и «Benedictus qui venit», они приветствовали королей, которые останавливались перед каждой реликвией и целовали ее³². На одной из соседних улиц народу была представлена мистерия, посвященная страстям Господним, и, по словам автора «Дневника парижского горожанина», «не было человека, сердца которого не тронуло это зрелище»³³. Под пение псалмов и гимнов священники носили свои реликвии по улицам города всю ночь («toute nuit»), так что у любого парижского жи-

теля должно было сложиться впечатление большой значимости произошедшего события³⁴.

Не обошлось в этот раз без угощений и подарков. Как бы символизировать окончание долгого периода нехватки продуктов и дороговизны, на некоторых перекрестках для народа были установлены фонтанчики, из которых лилось вино и розовая вода («vins et eaux roses»)³⁵. Неудивительно, что народная радость по поводу «окончательного мира» («paix finable»), который знаменовал собой этот праздник, была настолько сильной, что хронист Жан Ле Февр даже не нашел подходящих слов для ее описания («on ne vous scauroit dire»)³⁶. Анонимный парижский горожанин не расходится с ним в этом мнении. По его словам, жители города «ни одного правителя еще не встречали с такой радостью», причем радость, он подчеркивает, была не поддельная, а самая искренняя. Его «Дневник» передает настроения, по-видимому, абсолютно среднего жителя города (на это намекает постоянная озабоченность горожанина растущими ценами на продукты). Хотя автор порой и проговаривается, что англичане хуже сарацин, он с достаточной долей пиетета относится к прибытию своего будущего короля, видимо, рассматривая Генриха V как единственную силу, способную навести порядок в городе и восстановить то главное, чего ожидали от средневекового правителя, – справедливость.

По-видимому, в этих надеждах парижане не были разочарованы, что подтверждает другой современник событий, Пьер де Фенен, по словам которого король Генрих V «крепко привязал» к себе жителей Парижа тем, что наконец вернул справедливость и закон в город³⁷. Не случайно первым официальным и во многом пропагандистским актом Генриха в Париже был созыв так называемого «Ложа правосудия» («Lit de justice») – особого заседания Парижского парламента под председательством французского короля. «Ложе правосудия» являлось важной формой репрезентации власти короля Франции, когда монарх являлся в Парламент сразу после коронации – как верховный судья и законодатель королевства. Символизм этого факта нельзя недооценивать, ведь именно Генрих V, а не Карл VI председательствовал на этом заседании³⁸.

О том, как держал себя Генрих во время парижского въезда, мы можем судить по отрывочным сведениям. По словам Ж. Шателлена, он держал себя гордо и смотрел на собравшийся народ «странным взглядом» («d'un estrange œil»)³⁹. В то же время он был подчеркнута учтив с Карлом VI – изящным реверансом отказывался от его предложений первому целовать священные реликвии, причем эта сцена повторялась на каждом из перекрестков, куда эти предметы

были принесены священниками, что не могло не добавить происходящему элемент театральности⁴⁰.

Такими непохожими оказались въезды Генриха V в обе свои столицы – настоящую и предполагаемую будущую. Однако между этими двумя городами, важнейшими точками опоры «нерожденной империи» английского короля⁴¹, существовало не менее важное связующее звено – Нормандия, «наследственная вотчина» Генриха V. Въезды английского короля в нормандские города Арфлер и Руан в 1417 г. отличались тем, что Генрих исполнял в них, скорее, роль религиозного аскета, нежели триумфатора. По свидетельству биографа короля Тито Ливио, в ходе процессии в Арфлере Генрих босой проследовал по улицам города к церкви Св. Мартина, чтобы возблагодарить Бога⁴². А солдат Джон Пейдж, участвовавший в осаде Руана, описывает религиозное шествие, устроенное после взятия этого города. Король нес сосуд со святой водой, затем, отдав его одному прелату, стал целовать каждый из несомых в процессии шестидесяти двух крестов⁴³. При этом Дж. Пейдж, описывая въезд Генриха V в город, передает контраст между внутренней сосредоточенностью короля, обращенного мыслями к Богу, и окружающим его шумом («*owtyn pуре or claryons blaste*»)⁴⁴. Вслед за королем скакал его паж, который держал в руке копьё с лисьим хвостом на конце – значение этого знака дало, по словам автора, богатую пищу для размышления «мудрым людям»⁴⁵. Окончилось все в главном соборе Руана, у алтаря которого коленапреклоненный Генрих совершил молитву⁴⁶. Любопытно, что еще в ходе осады Руана английский король пошел на совершенно нелогичный с военной, однако весьма дальновидный с пропагандистской точки зрения жест – отправил изнуренным голодом жителям продовольствие по случаю Рождества⁴⁷.

В заключение хотелось бы сказать, что «программы» вышеописанных городских въездов в определенной степени иллюстрируют природу королевской власти той эпохи. Лондонский въезд Генриха V в полной мере раскрыл одну из ипостасей идеального короля – это божий наместник на земле, чья богоизбранность, подтвержденная дарованной свыше победой, переносилась на весь его народ. Власть средневекового короля рассматривалась как прообраз власти Господа. Представление о Боге как о Верховном Судии переносилось на королевскую власть, делая очевидной еще одну ее ипостась – быть оплотом и источником справедливости и социальной гармонии в обществе. Поэтому не случайно въезд Генриха V в Париж был воспринят горожанами как провозвестник восстановления порядка и справедливости, которых жители были

лишены в период междоусобной войны бургундцев и арманьяков. Наконец, Генрих V, которого еще при жизни назвали «государем священников» («*princeps presbyterorum*»)⁴⁸, в полной мере оправдал это прозвище в своих въездах. Большое количество священников и святых реликвий, задействованных в этих мероприятиях, а в некоторых случаях и квазисвященническое поведение самого короля служат свидетельством квазисвященнического характера власти позднесредневекового монарха.

Примечания

- ¹ *Beaune C.* Le Miroir du Pouvoir. P., 1989. P. 110.
- ² *Shakespeare W.* King Henry V / Ed. by T.W. Craik. L., 1995. P. 274: «O ceremony, show me but thy worth! What is thy soul of adoration? Art thou aught else but place, degree and form, Creating awe and fear in other men?».
- ³ *Guenée B.* Introduction // Les Entrées Royales Françaises de 1328 à 1515. P., 1968. P. 8–9.
- ⁴ Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics Since the Middle Ages / Ed. by S. Wilentz. Philadelphia, 1999. P. 53.
- ⁵ См.: *Gesta Henrici Quinti* / Ed. by B. Williams. L., 1850.
- ⁶ Tito Livio Frulovisi, Vita Henrici Quinti / Ed. by Th. Hearn. Oxford, 1716. P. 22.
- ⁷ The Brut or the Chronicles of England / Ed. by F. Brie. L., 1906. P. 558.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ The First English Life of King Henry V / Ed. by Ch. Kingsford. Oxford, 1911. P. 65.
- ¹⁰ *Gesta Henrici Quinti*. P. 62.
- ¹¹ *Le Févre J.* Chronique / Éd. par F. Morand. 2 vols. P., 1876–1881. Vol. 1. P. 264; *Lydgate J.* Battle of Agincourt // London Chronicle. L., 1827. P. 231.
- ¹² *Gesta Henrici Quinti*. P. 61.
- ¹³ *Lydgate J.* Op. cit. P. 231.
- ¹⁴ *Gesta Henrici Quinti*. P. 63.
- ¹⁵ Ibid. P. 63; The Brut. P. 558.
- ¹⁶ *Lydgate J.* Op. cit. P. 232.
- ¹⁷ *Gesta Henrici Quinti*. P. 64.
- ¹⁸ Ibid. P. 66; *Lydgate J.* Op. cit. P. 232.
- ¹⁹ *Gesta Henrici Quinti*. P. 66.
- ²⁰ *Usk A.* Chronicon / Ed. by E. Thompson. L., 1904. P. 129.
- ²¹ *Gesta Henrici Quinti*. P. 67.
- ²² *Lydgate J.* Op. cit. P. 232; *Usk A.* Op. cit. P. 129.

А.В. Сидяка

- ²³ *Gesta Henrici Quinti*. P. 68: «Sed et rex ipse, inter hæc laudum præconia et apparamenta civium, indutus veste purpureâ, non in elato supercilio, sed in vultu solido, incessu venerando et paucis concomitantibus domesticis fidelissimis incedebat... Ex ipsâ quidem vultûs taciturnitate, mansueto incessu et progressu sobrio colligi poterat quod rex tacitè rem gerens in pectore, soli Deo, non homini grates et gloriam referebat».
- ²⁴ *The First English Life*. P. 65.
- ²⁵ *Kipling G.* Enter the King: theater, liturgy, and ritual in the medieval civic triumph. Oxford, 1998. P. 205.
- ²⁶ *Ibid.* P. 208.
- ²⁷ *Monstrelet E.* Chronique / Éd. par L. Douët-D'Arcq. T. 4. P., 1860. P. 22–23.
- ²⁸ *Ibid.* P. 78.
- ²⁹ *Bertelli S.* The King's Body. Philadelphia, 2001. P. 68.
- ³⁰ *Journal d'un bourgeois de Paris* / Éd. par J.A. Buchon. P., 1827. P. 292.
- ³¹ *Chastellain G.* Œuvres. T. 1 / Éd. par Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1863. P. 189; *Le Févre J.* Op. cit. Vol. 2. P. 22, etc.
- ³² *Chastellain G.* Op. cit. P. 187; *Monstrelet E.* Op. cit. T. 4. P. 16.
- ³³ *Journal d'un bourgeois de Paris*. P. 292–293.
- ³⁴ *Ibid.* P. 293.
- ³⁵ *Chastellain G.* Op. cit. P. 193.
- ³⁶ *Le Févre J.* Op. cit. Vol. 2. P. 22.
- ³⁷ *Fenin P.* Mémoires // Collection complète des Mémoires relatifs à l'histoire de France. T. III. P., 1825. P. 360: «Iceluy roy Henry se tenoit alors à Paris, où il attacha fort les habitans à son obeïssance et affection, parce qu'il y faisoit observer exactement la justice, et la rendre deuëment à un chacun: ce qui faisoit que le pauvre peuple l'aimoit grandement sur tous autres».
- ³⁸ *Basin Th.* Histoire de Charles VII / Éd. par Ch. Samaran. T. I. P., 1933. P. 68; *Monstrelet E.* Op. cit. T. 4. P. 19.
- ³⁹ *Chastellain G.* Op. cit. P. 187.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 189; *Monstrelet E.* Op. cit. P. 16.
- ⁴¹ См.: *Басовская Н.И.* Генрих V во Франции: нерожденная империя // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе и В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 69–80.
- ⁴² *The First English Life*. P. 93.
- ⁴³ *Page J.* Siege of Rouen // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / Ed. by J. Gairdner. L., 1876. P. 44.
- ⁴⁴ *Ibid.*
- ⁴⁵ *Monstrelet E.* Op. cit. T. 3. P. 307.
- ⁴⁶ *Ibid.*
- ⁴⁷ *Page J.* Siege of Rouen. P. 21.
- ⁴⁸ *Walsingham Th.* Historia Anglica / Ed. by H.T. Riley. Vol. II. L., 1864. P. 306.

В.А. Бароне

АНГЛИЙСКАЯ КОРОНА И ЖИТЕЛИ НОРМАНДИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.:
ПРОБЛЕМА ПРИНЕСЕНИЯ ОММАЖА

В 1337–1453 гг. между Англией и Францией разразилась война, которая получила в историографии наименование Столетней. С особой силой она развернулась в первой половине XV в. после того, как английский король Генрих V Ланкастер завоевал Нормандию и обязал всех ее жителей принести ему оммаж.

Цель статьи – исследовать причины, по которым нормандцы приносили клятву верности англичанам, действия английского правительства в отношении тех, кто сразу отказался это делать, и тех, кто впоследствии нарушил свои вассальные обязательства, условия, на которых в это время можно было получить королевское прощение.

Ключевые слова: Англия, Франция, герцогство Нормандия, Столетняя война, Генрих V Ланкастер, вассально-ленные отношения, клятва верности, оммаж.

В августе 1415 г., после очередного в истории Столетней войны перемирия, английские войска во главе с королем Генрихом V Ланкастером снова высадились на континенте. Завоевав крепость Арфлер и разбив французов в битве при Азенкуре, они вернулись обратно в Англию. Однако ровно через два года, в августе 1417 г., последовала вторая вооруженная экспедиция англичан во Францию. На этот раз действия Генриха V проходили под лозунгами восстановления исторической справедливости и возвращения Англии «незаконно» отнятого у нее «наследства». Под «наследством» имелась в виду прежде всего

Нормандия, которая до этого была английской 140 лет – с 1066 г., когда герцог Нормандский Вильгельм пересек со своей армией Ла-Манш, высадился на юге Британских островов, овладел всеми существующими здесь англосаксонскими королевствами и стал королем Англии, сохранив, естественно, за собой и Нормандию, по 1206 г., когда Нормандия вместе с некоторыми другими областями на севере и северо-западе королевства (Мен, Анжу, Турень и Пуату) была отвоевана у Иоанна Безземельного Филиппом II Августом.

Учитывая вышесказанное, задачей Генриха V отныне становится не типичное для средневековых армий разорение и опустошение территорий противника в ходе стремительных и молниеносных набегов (так называемых «chevauchés»), а завоевание Нормандии – провинции, которая когда-то принадлежала его предшественникам, и установление в герцогстве постоянного английского господства. К концу 1419 г. это завоевание оформилось окончательно. Единственным, кто уцелел перед натиском англичан, оставалось лишь аббатство Мон-Сен-Мишель. Покорив Нормандию, Генрих V учредил здесь автономную от остальной Франции администрацию и потребовал от местных жителей принесения ему вассальной клятвы верности.

В историографии изучение «английской Нормандии» первой половины XV в. проводилось авторами отдельно в рамках политической, военной, реже социально-экономической истории данного периода, поэтому в вопросе о вассалитете они ограничивались, как правило, простой констатацией того факта, что жители завоеванного герцогства должны были приносить оммаж англичанам, иначе их земли и имущество подлежали конфискации¹. В настоящей статье мы уделим этой проблеме более пристальное внимание и рассмотрим такие ее аспекты, как формулировка подобных клятв, причины, по которым нормандцы присягали на верность Ланкастерам, их позиции в отношении завоевателей, меры английского правительства против всех непокорных, а также условия, на которых оно даровало прощение своим новым подданным.

Основными источниками для нас были «письма помилования» («lettres de remission»), которые английское правительство Нормандии выдавало различным категориям обвиняемых – нарушителям общественного порядка и жителям герцогства, замешанным в пособничестве «врагам и противникам» короля Англии, то есть политическим преступникам². Благодаря отсутствию в тексте пи-

сем исправлений их основного содержания (секретарь или писарь канцелярии, как правило, ограничивались лишь тем, что облекали просьбу обвиняемого о прощении в стандартную, характерную для писем помилования, юридическую форму, не прибегая при этом к литературным правкам) в них содержится весьма живое и, что называется, «из первых рук» описание сельских будней герцогства, повседневной жизни города и деревни, нравов и обычаев северной Франции.

Исследование этих документов позволяет обозначить баланс между теми, кто с завоеванием Нормандии примкнул к англичанам, и теми, кого последние в указанное время называли «мятежниками и непокорными». Именно «письма помилования» помогают понять мотивы, которыми руководствовались нормандцы, когда переходили на службу к королю Англии, увидеть, насколько частыми были случаи подобного «предательства» и каково было его социальное происхождение, иначе для какой конкретно социальной прослойки в большей степени было характерно поведение, направленное на сотрудничество и помощь «захватчикам».

Итак, оказавшись в Нормандии, Генрих V потребовал от всех ее жителей вассальной клятвы верности. Нормандцам, принесшим оммаж королю Англии, согласно указу Генриха от 9 февраля 1419 г., должны были выдаваться специальные «свидетельства» (*billette, billette de ligeance*), подтверждающие данный факт³. Так, 17 февраля 1419 г. в Понторсоне Джон д'Арундель и де Мальтравер, хранитель договоров (с Иоландой Арагонской, королевой Иерусалима и Сицилии, и ее сыном, Людовиком, герцогом Анжуйским. – *В. Б.*), выдал подобное «свидетельство» Мишелю де ла Тюису, жителю Карантана. В нем говорилось: «Сообщаем, что мы приняли под наше покровительство и защиту нашего суверенного сеньора короля Генриха, милостью Божьей монарха Франции, Англии, герцога Нормандии и сеньора Ирландии, Мишеля де ла Тюиса из прихода Карантан, принесшего необходимую клятву верности и ставшего тесным человеком короля, со всеми его наследственными владениями, женой, семьей и каким бы то ни было имуществом»⁴. 5 марта 1419 г. рыцарь Джон Эштон, капитан Кутанса и бальи Котантена, предоставил аналогичное «свидетельство» Колену Батайю, из того же Карантана. «Да знают все, – уточнялось в документе, – что мы, Джон Эштон, капитан Кутанса, бальи Котантена и комиссар короля нашего суверенного

сеньора, приняли под покровительство и защиту этого сеньора Колена Батайя, из Карантана, который принес оммаж нашему сеньору королю и стал его тесным человеком и подданным, со всем его имуществом, семьей и владениями»⁵.

В июле 1432 г. советники английского короля Робер Жоливе, аббат Мон-Сен-Мишеля, Джон Фастольф, великий домоправитель (*grand maistre d'ostel*) регента Франции герцога Джона Бедфорда, и Рауль ле Саж, сеньор де Сен-Пьер, от имени Генриха VI приняли «клятву быть и оставаться истинным и покорным подданным короля нашего сеньора, охранять и поддерживать окончательный мир, установленный между королевствами Франция и Англия (договор в Труа, заключенный 21 мая 1420 г. – В. Б.) и жить в этом послушании и покорности» у недавнего мятежника (*paquege rebelle*) Ришара ле Пеньи. «Всем офицерам и подданным нашего короля <...>, включая всех остальных сеньоров, капитанов, охранников городов и крепостей, мостов, дверей и дорог» было дано распоряжение, «чтобы названному Ришару ле Пеньи, его жене, детям и слугам, нашим подданным, вместе с их имуществом и любыми другими вещами, они <...> позволили пребывать и оставаться в нашем послушании и подданстве, не причиняли им страданий, не беспокоили и не мешали в том, что касается их жизни или имущества, ни каким-либо другим способом»⁶.

Таким образом, свидетельствуют источники, человек, который намеревался стать подданным английского монарха, приносил ему так называемый тесный оммаж, а тот в свою очередь брал под свое покровительство и обязывался защищать не только его самого, но также всю его семью, слуг, имущество и земли. В этой связи любопытно отметить мотивы, побуждавшие жителей Нормандии присягать на верность Ланкастерам.

Одной из наиболее распространенных причин этого явления источники называют тяжелые материальные условия, вызванные длительной войной. В частности, согласно «письму помилования», датированному мартом 1425 г., Колен ле Вейан, дворянин из прихода Ла Ферьер-Аренга, после английского завоевания Кана «или вскоре после этого» принес оммаж Генриху V, в котором «он постоянно пребывал и находился»⁷. Однако если бы он не остался в своем доме и не продолжил свою работу, говорится в документе, то лишился бы всех средств к существованию. Поэтому «для того, чтобы обеспечить свою жизнь, а также жизнь своей жены и детей (которых у него, судя по тексту, было «от 10 до 12»), Колен был

вынужден остаться дома», принести клятву верности новым властям и никуда не уезжать из захваченного англичанами Вира, как сделали многие другие⁸.

По данным «письма помилования» от 1428 г., Жан де Бонваль, портной из Нуайона, «по принуждению голода и нищеты, а также многих других крайностей, с тем, чтобы обеспечить свою жизнь и свое бедное существование, решил вести войну с нашими врагами (французами. – В. Б.), всегда, в свою очередь, придерживаясь нашей (Генриха VI. – В. Б.) стороны и стороны нашего покойного дорогого кузена герцога Бургундского»⁹. Вместе с англичанами и бургиньонами Жан участвовал в осаде Ла Карьер де Бонвеля, удерживаемого французами, а также в набегах на многие другие французские города, во время которых, подчеркивается в документе, он «никого не ранил, не причинил никакого насилия и <...> не сделал никому зла, за исключением разве что отнятых продуктов»¹⁰. Однако когда «названный обвиняемый увидел, что может работать (у себя дома. – В. Б.), – специально оговаривается в тексте, – он все оставил и прекратил к тому же участвовать в военных действиях, но занялся своим трудом и ремеслом и ничем более»¹¹.

21 сентября 1449 г. Карл VII даровал «отпускную грамоту» (*lettre d'abolition generale*) Раулю Жоливе, доктору права, кюре приходской церкви Барантона в диоцезе Авранш и пребендария (*chanoine prebende*) церковью Кутанса, Мэна и Авранша. В условиях войны и завоевания северофранцузских территорий, «чтобы сохранить источники существования» и те «доходные бенефиции» (*bons benefices*), которые у него были в Нормандии, Рауль Жоливе был просто вынужден, сообщается в грамоте, пойти на сотрудничество с «врагами и противниками» англичанами, «часто с ними общаться, всячески содействовать, помогать советом, помощью и другими возможными средствами», которые предполагались его вассальными обязательствами, «не вмешиваясь тем не менее в войну» против французов¹².

В некоторых случаях на решение жителей герцогства принести клятву верности англичанам могли повлиять их родственные связи с теми, кто ранее уже примкнул к завоевателям. Так, нормандец Жаке дю Катель, член английского гарнизона Гамби под командованием капитана Эдмонда Чарльза, согласно «письму помилования» от 24 августа 1433 г., принес оммаж Ланкастерам прежде всего потому, что английским подданным был его отец Пьер дю Катель. Именно по этой причине Жаке «всегда проживал в нашем (Генри-

ха VI. – В. Б.) истинном повинении, не общаясь ни с кем, кто бы держал сторону, противоположную нам, поэтому надо сказать и предположить, что он нисколько не хотел и не хочет благоприятствовать и поддерживать наших врагов (французов. – В. Б.), а также принимать их каким-либо образом»¹³.

Вместе с тем известно, что Жаке принимал участие в организованном французами вооруженном походе на Карантан. Их войско с Гийо Бейёлем во главе, судя по тексту, собралось в районе Гебекеврона. Оттуда через Грень, где они соединились с еще одной группой, возглавляемой рыцарем Анри Карбонелем, нормандцы двинулись на Карантан, к которому подошли «вечером, ближе к ночи». Здесь они сожгли помещения, в которых размещалась городская охрана, убили маршала Томаса ле Пти, утопили в городской реке Тот многих англичан и удалились, прихватив с собой добычу¹⁴. Этот поход стал для завоевателей полной неожиданностью: повстанцы подошли к замку в тот момент, когда многие уже спали, а ушли до того, как англичане смогли организовать против них защиту.

Видимо, о тех же самых причинах, побудивших Жана ле Тейёра, сына Жульена ле Тейёра, фермера из виконтства Байё, а также Жаннена и Луи Мишеля, сыновей Колена Мишеля, земледельца из Валони, стать подданными английской короны, сообщается в «письмах помилования», датированных февралем и мартом 1423 г. соответственно¹⁵.

Основанием для того, чтобы нормандец принес оммаж Ланкастерам, могло быть его положение слуги у любого проанглийски настроенного сеньора или солдата английской армии. Так, по свидетельству «письма помилования» от 16 декабря 1433 г., Колен Пезан, житель виконтства Кутанс, был слугой английского рыцаря Рауля Тиссона, поэтому «в путешествиях, которые тот выполнял для нас (Генриха VI. – В. Б.), <...> очень часто находился с ним и на его службе»¹⁶. Несмотря на это, предпринятый в конце декабря 1432 г. поход Жана Алансонского и Жана ле Брюна со 120 конными латниками на удерживаемый англичанами Сен-Ло проходил при непосредственном участии присоединившегося к нему отряда Рауля Тиссона, недавнего «мятежника и предателя» (*rebelle et traître*) короля Англии, в составе которого числился и Колен Пезан. Поскольку в распоряжении Совета Генриха VI графу Арунделю, посланному оказать им сопротивление, содержалось требование при необходимости вступить с повстанцами в сражение или «отразить наступление каким-либо другим спо-

собом», численность и намерения французов были самыми серьезными. Данное обстоятельство заставило Генриха VI 24 декабря 1432 г. провести дополнительный набор 8 конных латников и 32 лучников под командованием Ричарда Кёрсума для того, чтобы усилить гарнизон Руана в дни рождественских и новогодних праздников, «когда враги имеют обыкновение совершать свои нападения и предательства», и тем самым еще больше обезопасить город, большая часть гарнизона которого под командованием графа Арунделя, капитана Руана, направилась на помощь осажденному Сен-Ло¹⁷.

Наконец, согласно апрельскому письму от 1424 г., Жиль де Луантран, бедный дворянин из прихода Сен-Жермен-де-Лизо, служивший во многих французских гарнизонах, но однажды плененный англичанами Вернейя, вынужден был «согласиться служить им и держать нашу (Генриха VI. – В. Б.) сторону, и принес в этом клятву верности» Гийому Кампене, члену названного гарнизона, поскольку не мог заплатить за себя выкуп¹⁸.

Таким образом, среди мотивов, побуждающих жителей Нормандии связывать себя узами вассалитета с завоевателями, в наших источниках упоминаются, прежде всего, тяжелые материальные условия жизни населения в герцогстве, вызванные продолжительной войной; родственные связи некоторых из них с теми, кто до этого уже примкнул к англичанам; положение слуги у любого «отрекшегося француза»; и невозможность в случае пленения внести за себя выкуп.

Параллельно с этим во многих «письмах помилования» об оммаже нормандцев Ланкастерам сообщается просто – как о свершившемся факте. Такие документы позволяют нам увидеть если не причину, по которой это было сделано, то, по крайней мере, позицию, занимаемую жителями герцогства в отношении англичан даже после принесения ими клятвы верности. В частности, то обстоятельство, что Гийом де Мон, суконщик из Лувьера, «принес клятву верности перед людьми нашего покойного сеньора и отца (Генриха V. – В. Б.), назначенных ее принять, и получил свое свидетельство, как с тех пор это стало принято», не помешало ему, судя по тексту, присоединиться к антианглийскому заговору в городе, спланированному сторонниками бургиньонов с целью передать его в руки короля Франции Карла VI¹⁹. Гийом Энфруа, священник, согласно «письму помилования», датированному мартом 1424 г., был посредником между своими прихожанами и французскими солдатами из Сенонша, несмотря на то, что вместе с жителями

г. Легла «все свое время был и остается добрым, истинным и лояльным подданным и тесным человеком, как по отношению к нашему покойному дорогому сеньору и отцу (Генриху V. – В. Б.), так и по отношению к нам (Генриху VI. – В. Б.), не придерживаясь какой-либо стороны, противоположной нам»²⁰. Филиппо Башеле, «бедный земледелец» из Гишенвила, по свидетельству еще одной мартовской грамоты того же года, «с тех пор, как город Еврë был приведен и поставлен в наше (англичан. – В. Б.) повиновение, принес клятву верности быть нашим тесным человеком и подданным; и с этого времени всегда оставался в этом повиновении, как в названном городе Еврë <...>, так и в этом месте Гишенвиле, <...> живя здесь от своего труда»²¹. Английские власти приговорили Филиппо к тюремному заключению на том основании, что он продавал зерно французам из крепости Иври, и т. д.

Таким образом, параллельно с нормандцами, которые отказались присягать на верность англичанам, существовали и те, кто по тем или иным причинам согласился это сделать. Однако даже принесенный оммаж английской короне в указанных обстоятельствах не мог гарантировать Ланкастерам ни верности, ни преданности со стороны их нормандских подданных. Они участвовали в антианглийских заговорах, в вооруженных экспедициях французов (пример с Жаке дю Кателем), поддерживали тесные отношения с солдатами Карла VII, оказывая им всяческое содействие.

Все это подтолкнуло английские власти к принятию репрессивных мер против непокорных. Согласно тому же декрету Генриха V от 9 февраля 1419 г., имущество и земли сторонников профранцузской ориентации подлежали конфискации в пользу короля Англии²². Так, в декабре 1422 г. Генрих VI даровал всаднику Николасу Бердету в качестве вознаграждения за услуги, «которые он оказывал нашему дорогому и любимому дяде Джону, регенту нашего королевства Франция, герцогу Бедфорду, продолжает оказывать каждый день и, надеемся, еще будет это делать», земли и сеньории Боннбок, Маннвиль и Пимпар, в епископстве Льежа бальяжа Руан, «вместе со всеми принадлежностями», которые раньше держал экюйе Базиль Жан, а также «земли, сеньории, ренты, доходы и владения, которые до этого принадлежали рыцарю сиру де Морни, расположенные в бальяжах Руана и Ко нашего герцогства Нормандия <...> стоимостью 1000 зол. экю годового дохода»²³. Известно, что 7 марта 1420 г. в день своей свадьбы с Жанной Брюн и де Брамкот Николас Бердет получил от Генриха V сеньорию Тейель,

конфискованную у Жоффруа д'Уасси, мятежного французского экюйе (*escuyer rebelle*), и его жены Катерины де Гаркур, а 14 марта 1423 г. теперь уже великий «*bouteiller*» герцогства Нормандия и лично регента Франции Джона Бедфорда был пожалован сеньорией Дампьер в бальяже Ко²⁴.

В июне 1423 г., «принимая во внимание добросовестную службу, которую Томас ле Бурк, наш человек и тесный подданный, проживающий в Байё, оказывал нашему покойному дорогому сеньору и отцу (Генриху V. – *В. Б.*) <...>, нам (Генриху VI. – *В. Б.*) и нашему <...> дяде <...> Джону Бедфорду, <...> как на должности наместника нашего виконта Байё, которую он исполнял длительное время, так и иным образом, оказывает каждый день, и надеюсь, будет оказывать в будущем», а также учитывая «рвение и желание осуществлять правосудие, проявленные и исполненные им в отношении бригаднов и других наших врагов и противников», Томас ле Бурк получил от английского короля «все земли, цензы, ренты, доходы, наследственные владения и держания, которыми Жанна де Кюйи, вдова Гийома д'Октевиля, и Жан де Вильер располагали в бальяже Кана, в виконтстве Байё и окрестностях, со всеми принадлежностями <...> вместе с домом, которым владел священник Жан дю Боску <...> в городе Байё на улице Сен-Николя де Куртиль, с двором, садами, арендами и другими принадлежностями <...> общей стоимостью 72 турских ливров (далее – т. л.) годового дохода»²⁵.

12 апреля 1427 г. в знак признательности за «великие и значительные услуги, которые <...> Гийом де ла Поль, граф Саффолк и де Дрё, оказывал в прошлое время нашему покойному сеньору и отцу (Генриху V. – *В. Б.*), <...> как на войне, так и другим образом, продолжает оказывать каждый день нам и нашему <...> дяде <...> Джону Бедфорду, многими и различными способами, <...> по совету дяди, <...> согласно содержанию настоящих писем, <...> специальной милостью, <...> и полной королевской властью» Генрих VI передал своему кузену «замок, землю и сеньорию Шантелу вместе с землей и сеньорией Креанс со всеми принадлежностями, расположенные в бальяже Контантен, стоимостью 500 т. л. годового дохода по состоянию на 1410 г., которые раньше принадлежали Жанне Пенель»²⁶, жене Луи д'Эстувилля, капитана Мон-Сен-Мишеля, и т. д.

Источники свидетельствуют, что конфискации в пользу короля Англии подвергалось имущество и земли не только тех нормандцев, которые сразу отказались приносить ему клятву

верности, но также тех, кто разорвал уже ранее принятые на себя вассальные обязательства, поскольку и первые, и вторые квалифицировались англичанами как «мятежники и непокорные (*rebelles et desobeissants*)». Так, имущество Жанны Пенель было изъято и передано графу Саффолку «из-за неподчинения и непокорности» самой Жанны и ее мужа²⁷. А Томасу ле Бурку, наместнику виконта Байё, земельные и иные владения четырех жителей города со всеми принадлежавшими им рентами и доходами были переданы на том основании, «что названная вдова, де Кюйи, де Вильер и дю Боск являются отсутствующими в нашей сеньории и сделались мятежниками и непокорными»²⁸.

В деревнях и городах земли, изъятые у тех, кто отказался принести клятву верности новому правительству, были отданы колонистам, которые на время военных кампаний, верные принципам службы вассала у сюзерена, должны были формировать отряды феодального ополчения. Конфискованные владения могли передаваться английским капитанам за обязательства снабдить ближайшие замки гарнизонами и содержать в них воинские контингенты, соответствующие значимости фьефа. Многие изъятые у «мятежников» земли шли на вознаграждение присоединившихся к английскому монарху «отрекшихся французов» – «некоторые из них выкупили эти земли у тех, кому король Англии даровал их раньше, или брали в аренду»²⁹, а часть конфискованного имущества продавалась с торгов в пользу королевской казны³⁰.

Конфискованные сеньории, замки и земли «со всеми принадлежностями», то есть двором, садами и различными сооружениями, а также «цензами, рентами, доходами, наследственными владениями и арендными поступлениями» могли передаваться англичанам пожизненно³¹ или, как в случае с Томасом ле Бурком, – «в полную и постоянную наследственную по линии прямых потомков мужского рода собственность» на условиях выполнения новыми держателями определенных обязательств и выплат ленных поборов (рельефов), следуемых королю как суверену³². При отсутствии наследников мужского пола земли возвращались короне для последующей передачи в дар новым собственникам. В результате значительная часть территории Нормандии благодаря проводимой в герцогстве политике конфискаций сосредоточилась в руках англичан и присоединившихся к ним французов.

На фоне подобного ужесточения режима за жителями Нормандии долгое время сохранялась возможность покориться новой

власти. В марте 1422 г. Генрих V объявил всеобщую королевскую милость («la grace et abolition generale»), согласно которой всем «absents», т. е. тем, кто в знак протеста бежал из захваченной англичанами Нормандии в соседнюю Бретань и другие неподвластные им области, разрешалось до конца июня 1422 г. вернуться обратно, чтобы присягнуть на верность новому правительству: «<...> воспользовавшись всеобщей милостью, объявленной Нами в марте месяце, которой помимо всего прочего Мы предоставили всем отсутствующим герцогства Нормандия, которые имеют «свидетельства о принесенной клятве верности» и у которых их нет, и которым милость уже была оказана ранее не более одного раза, возможность вернуться под наше покровительство до дня Св. Иоанна Крестителя <...>»³³. Таким образом, до установленного праздника сроки обращения французских подданных в подданных английской короны продлевались для тех нормандцев, которые никогда не связывали себя узами вассальной верности с Ланкастерами. Равно как возможность принесения повторного оммажа, согласно этой «королевской милости», в течение всего указанного времени сохранялась и за теми жителями герцогства, которые когда-то уже приносили необходимую в таких случаях клятву, но впоследствии отказались от нее, примкнув к партии «врагов и предателей» английского монарха. Особо подчеркивалось, что на королевское снисхождение могли рассчитывать только те нормандцы, которые до этого приносили оммаж не более одного раза³⁴.

Мартовское распоряжение 1422 г. не было первым в своем роде. Практика предоставления королевского прощения тем нормандцам, которые в определенные сроки явятся к королю, его комиссарам или наместнику в герцогстве, чтобы присягнуть на верность новому правительству, была начата Генрихом V еще в сентябре 1417 г., практически сразу же после взятия Кана. Впоследствии подобные ордонансы издавались в октябре 1417 г., дважды в феврале, марте³⁵, апреле и ноябре 1418 г., дважды в сентябре 1419 г. Примеры неоднократно предпринимаемых английскими властями попыток привлечь на свою сторону население Нормандии говорит не только о явном нежелании многих ее жителей связывать себя узами вассалитета с завоевателями, но и о широко распространенных в это время массовых отказах от соблюдения ранее принесенных ими обязательств. Именно поэтому объявленная в марте 1422 г. «королевская милость» была «всеобщей» и распространялась как на «abullettez», так и на «non abullettez».

В распоряжении Генриха VI от 14 февраля 1431 г. за нормандцами еще сохранялась возможность принесения оммажа английскому королю, но ни о каких конкретных сроках речи уже не шло. Генрих VI просто предоставил своим советникам Роберу Жоливе, Раулю ле Саж и Джону Фастольфу «все полномочия, власть и специальное поручение» от своего имени принимать у «всех сеньоров, герцогов, графов, баронов, рыцарей, всадников и других», проявивших покорность и желание, «клятву быть и оставаться нашими добрыми и преданными вассалами, подданными и повинующимися, в общем совершать все остальные, требуемые и необходимые в таких случаях действия ради благополучия короля и его сеньории»³⁶.

Наличие сроков принесения вассальной клятвы верности ставило нормандца, не явившегося к королю по истечении указанного времени, в ситуацию, обрекающую его на жизнь бригаанда, не имеющего другой, кроме уже предоставленной, возможности стать подданным английского монарха. Поэтому упразднение конкретных сроков в изданных по этому поводу королевских ордонансах можно объяснить также тем, что английское правительство, не испытывая большой надежды преодолеть сопротивление местного населения принудительными мерами и силой оружия, предпочло скорее простить всех, кто когда-либо выразит такое намерение, нежели создавать условия, обязывающие их продолжать бороться.

Казалось бы, это дало свои результаты: в декабре 1431 г. Генрих VI передал «письмо помилования» Жану Доннийе, портному из Нотр-Дам-де-Санийи³⁷; в декабре того же года – Раулю Жовену, крестьянину из Нижней Нормандии³⁸. В феврале 1432 г. Роберт де Уиллоуби, наместник Генриха VI и регента Франции герцога Бедфорда, даровал королевское прощение Колину Жильберу, крестьянину из Ла Рошели (в виконтстве Авранш)³⁹. Согласно июльскому письму от 1432 г., под защиту английской короны принимался Ришар ле Пеньи с женой, детьми, слугами и всем имуществом⁴⁰. Однако, следуя текстам, выясняется, что упомянутый Жан Доннийе был пленен англичанами и брошен в городскую тюрьму за то, что в пьяном состоянии язвительно сказал охранникам дверей у въезда в Кутанс, куда он направлялся на рынок, что арманьяков и короля Карла Французского, несмотря на то, что уже дважды был ими арестован, он любит больше, нежели англичан и Генриха Английского. То же самое Жан повторил еще раз перед наместником капитана города, к которому его

отвели охранники, после чего его доставили к виконту Кутанса. И поскольку Жан так и не отказался от собственных слов, его бросили в городскую тюрьму, где держали в глубокой бедности и нищете около двух месяцев. Когда же дело дошло до судебного разбирательства, обвиняемый заявил, что ничего не помнит о том, что когда-то кому-то сказал, поскольку был сильно пьян, и не понимает, как вообще оказался в тюрьме⁴¹.

Крестьянин Рауль Жовен обвинялся в соучастии с королевским сержантом Коленом Менгре и королевским служащим Коленом Бретонским в убийстве одного англичанина, который вместе с другим английским солдатом, находящимся в тот момент в доме Колена Бретонского, натворил, по словам королевского сержанта, «много зла в его сержантерии», за что, собственно, они и собирались с ними расквитаться⁴². Колен Жильбер, крестьянин из Ла Рошели, был брошен в тюрьму Авранша за пособничество бриганду по имени Густен, который напал на него и которому он даже заплатил за себя выкуп, несмотря на то, что так и не вернулся обратно в Томбелен, где когда-то служил. Защищаясь на суде, Колен подтвердил, что действительно «несколько раз встречался с врагами короля нашего сеньора (Генриха VI. – В. Б.), но никогда не воевал против кого-либо из его подданных, так же как не находился ни в одной из занятых французами крепостей, если только не больше полугода»⁴³. К тому же он просто не мог, оправдываясь обвиняемый, поступить иначе, поскольку в случае отказа сотрудничать Густен грозился убить его и выбросить его мертвое тело в речку. Поэтому Колен был вынужден согласиться служить бриганду, «чтобы избежать смертельной опасности, перед которой он оказался»⁴⁴.

Можно, конечно, согласиться с тем, что Жан Доннийе не помнил, что сказал городским охранникам, поскольку был сильно пьян. Однако он якобы не помнил, что сказал им, только тогда, когда дело дошло до судебного следствия. До этого его два раза водили – сначала к капитану города, потом к виконту Кутанса, – чтобы он в их присутствии лично подтвердил свои слова, и вот тогда он почему-то помнил, что наговорил в тот день англичанам. Неужели Колен Жильбер за те месяцы или, может быть, даже годы, что он находился в компании бригаднов, не мог, если бы захотел, найти ни одной возможности, ни одного подходящего случая выбраться из так называемого плена? Вспомним, что с ними он, между прочим, не просто, как некоторые бриганды, ради наживы и выкупа совершал свои разбойные нападения, а целых

шесть месяцев провел в захваченной французами крепости, где, видимо, все-таки принимал участие в военных действиях против англичан, иначе зачем тогда нужно было столько времени там находиться. Другой крестьянин, Рауль Жовен, убил не кого-нибудь, а англичанина, который грабил и разорял его же соотечественников. Один только Ришар ле Пеньи, кажется, добровольно явился к английскому королю, чтобы принести ему клятву верности, и то, как следует из текста, уже во второй раз. Все остальные были пленниками – факт, доказывающий в том числе и то, что далеко не всеми жителями Нормандии король Англии рассматривался как легитимный правитель.

Таким образом, многие нормандцы, которые с завоеванием герцогства отказались помогать захватчикам, не спешили пользоваться периодически открывающейся для них с появлением очередного королевского ордонанса возможностью принести оммаж Ланкастерам, открыто демонстрируя свои антианглийские чувства и настроения.

Характерно, что дворяне, которые в условиях внешнего давления сначала пошли на сотрудничество с завоевателями, но потом разорвали связывающие их с английской короной сеньориальные отношения, лишались подобных преимуществ и не имели возможности повторного принесения оммажа. Так, «письмо помилования», выданное в августе 1424 г. Джоном Бедфордом от имени Генриха VI Робину Эме, уроженцу Бомон-ле-Рожера, которого обвиняли в том, что он находился в компании нескольких бригадов, когда те убили одного из двух захваченных ими английских солдат, было предоставлено этому сообщнику французов, в первую очередь, на том основании, что он не являлся дворянином: «<...> принимая во внимание эти вещи <...>, – подчеркивается в документе, – чтобы избежать разрушения и сокращения народонаселения страны, которые иначе могут последовать, желая помилования <...>, Мы <...> объявляем о прощении <...>, учитывая, что названный проситель не является дворянином, главным капитаном и зачинщиком этого сборища, а также виновным в убийстве или каком-либо преступлении»⁴⁵.

По свидетельству «письма помилования», датированного сентябрем 1424 г., многие из перечисленных в тексте жителей различных нормандских деревень, которые подняли антианглийское восстание, поддавшись ложным слухам о поражении герцога Бедфорда в битве при Вернейе, согласно условиям королевского помилования, были восстановлены в «их доброй

славе и репутации», получили назад все конфискованное «имущество, наследства и владения», а также возможность вернуться «в свои земли». Исключение, судя по тексту, делалось лишь для тех из них, «кто был дворянином, а также главным капитаном и руководителем этого сборища»⁴⁶. Аналогичные «письма» были дарованы Джоном Бедфордом в августе 1424 г. Гийому Биану, жителю Понт-Одемера; в сентябре 1424 г. – Жану ле Пури из Берне и 38 обвиняемым из Понт-Одемера; в январе 1425 г. Жану ле Сенешалю из того же Берне и 3 ноября 1425 г. Жану Пьёделиевру из Понт-Одемера⁴⁷.

Чем мог быть вызван запрет английского правительства принимать повторную клятву верности у нормандских дворян? Ответ на этот вопрос нам видится в следующем. Дворяне были земельными собственниками, многие из которых владели сразу несколькими феодами. Когда французский, а точнее, нормандский дворянин приносил оммаж английскому королю, он приносил его и за свои фьефы, которые в таких случаях как бы заново получал в пользование из рук своего нового сеньора. Имущество и владения тех нормандцев, кто отказался от соблюдения принятых на себя вассальных обязательств, согласно февральскому декрету 1419 г., подвергались конфискациям в пользу короля Англии с последующей передачей в дар за оказанные услуги английским капитанам и рыцарям. В результате добрая часть нормандской территории, замки и сельские сеньории оказались в руках англичан.

Очевиден тот факт, что при повторном принятии оммажа у нормандского дворянина английское правительство, по логике вещей, должно было возратить ему его имущество, которое к тому моменту могло принадлежать уже другому владельцу. То есть восстановление в правах прежнего держателя приводило бы только к постепенному отчуждению сконцентрированной у англичан земли. Поэтому вероятно предположить, что, заменяя представителей родового дворянства из среды местного населения на английских феодальных собственников, правительство Генриха V и Генриха VI сознательно формировало в герцогстве слой новой земельной знати⁴⁸. Это выглядело особенно актуальным, если учитывать, что не все получатели нормандских наделов были военными: среди их владельцев в это время было немало представителей гражданской администрации и духовенства, а значит, защита собственных владений и поставка в королевскую армию определенного, в соответствии со значимостью и доходами фьефов, количества

латников и лучников были не единственными мотивами, которые лежали перед земельными пожалованиями.

Внедряя таким образом английский элемент в местную феодальную систему, Ланкастеры получали удобную возможность для контроля над захваченной территорией непосредственно изнутри. Поставив над коренным населением феодалов из числа англичан, Генрих V и Генрих VI в условиях, когда английские финансовые ведомства очень неохотно предоставляли им свои средства для расходов на Францию, могли контролировать поступление доходов с таких владений в королевскую казну. Так, сосредоточение земель в руках завоевателей становилось экономической основой их присутствия на территории герцогства.

Кроме того, не стоит забывать и о военной функции таких земельных пожалований, которая заключалась, прежде всего, в том, что их получатели в качестве вассалов должны были формировать отряды феодального ополчения. Их задача состояла не только в защите собственных владений, что само по себе уже было важно в ситуации ежегодно раскрываемых властями антианглийских заговоров в городах Нормандии и непрерывающихся стычек с солдатами Карла VII (на протяжении всего времени иностранного присутствия на севере Франции они поддерживали тесные отношения с местным населением и зачастую проникали далеко в глубь захваченного герцогства), но также в отвоевании, согласно условиям договора в Труа, тех территорий, которые еще находились под властью дофина. Таким образом, сохранение земельных владений в руках французских дворян, располагающих определенной военной силой, которую при необходимости они могли использовать и против англичан, было постоянным источником потенциальной угрозы для Ланкастеров на континенте.

В связи с периодически объявляемыми ордонансами короля о прощении интересно проследить, на каких условиях правительство англичан в Нормандии даровало его своим подданным. Одним из самых распространенных условий, на которых обвиняемый мог получить королевское помилование, согласно нашим источникам, было его неучастие в военных действиях против англичан. Так, в «письме помилования» от января 1424 г. сообщается, что, бежав после убийства своего односельчанина «за пределы нашего (англичан. – В. Б.) повиновения», Робен Мюда, житель прихода Месниль-Може, состоял «в компании некоторых из наших противников и врагов», французов. Высочайшее прощение он полу-

чил, прежде всего, потому, что все это время, подчеркивается в тексте, жил «от своего труда, не вмешиваясь никоим образом в войну»⁴⁹.

7 декабря 1426 г. «письмо помилования» было выдано Жану Ражу, «простому земледельцу» из Иври, которого обвиняли в том, что он покинул город вместе с французами, когда Иври был отвоеван англичанами, и в течение двух с половиной лет «держался в землях, находящихся в подчинении наших врагов и противников»⁵⁰. Среди условий, на которых Жан получил королевское помилование, на первом месте фигурирует то, что все это время он жил своим трудом и «ничем более», «не вооружался», «не вмешивался в войну каким-либо образом, но всегда занимался своим ремеслом»⁵¹. В марте 1432 г. Гийом Блондель, сапожник из Берне, был обвинен в убийстве своего соседа, Гийома Бургюя, который обещал передать ему акр земли в обмен на уплату своей части налога⁵². После того, как Бургюй скончался, Блондель бежал к своим родственникам в другую деревню, где был пленен «нашими (Генриха VI. – В. Б.) врагами и противниками из гарнизона Бонмулен». Французы долгое время держали его пленником «в кандалах и в яме, в большой бедности и нищете» до тех пор, пока «не вынудили его открыть свое сапожное ремесло». При этом Гийом отмечал, что, став сапожником у французов, он «не вмешивался каким-либо образом в войну»⁵³ и т. д.⁵⁴

Так, мотив войны в ситуации непрекращающихся боевых действий между англичанами и французами становится определяющим не только для человеческого, но и для правового сознания. Если говорить о последнем, то участие в военных действиях на стороне противника, а также любое другое сотрудничество с врагами (служба с принесением клятвы верности, сознательная сдача крепостей и замков, шпионаж в их пользу, получение денег и знаков отличия) квалифицировалось в судебной практике рассматриваемого периода как предательство или измена, т. е. акт, направленный против существующей власти и государства. Именно принадлежность к противнику во время войны, другими словами, иностранцу, с чьей страной все королевство в данный момент находится в состоянии внешней агрессии, часто в юридических и иных документах той эпохи являлась синонимом предательства. При этом «враг королевства», покушающийся на величие страны, покушался и на величие короля, олицетворяющего собой это королевство. Такие преступления входили в категорию уголовных дел «*leze-majesté*» и характеризовались как посягательство на власть монарха и ох-

раняемый ею мир в обществе. Практически при любом правонарушении, входящем в названную категорию, применялась смертная казнь через повешение.

Однако не всегда, как показывают наши источники, за такое, казалось бы, «непростительное» преступление, как участие в военных действиях на стороне французов, английское правительство Нормандии выносило обвиняемым смертный приговор. В частности, 17 января 1427 г. «письмо помилования» получил Жан Имбер, цирюльник из Сен-Жерве де Се. Его обвиняли в пособничестве монахам Сен-Жерве, которые сдали эту крепость французам, а также в том, что некоторое время спустя, когда крепость вновь была отвоевана англичанами⁵⁵, он покинул ее «вместе с нашими врагами и противниками», с которыми находился «в течение одного года или около того». Королевское помилование было даровано Жану Имберу на том условии, что «названный обвиняемый с тех пор был вместе с ними (французами. – *В. Б.*), выполняя свое ремесло и ведя скромный образ жизни, <...> не вмешиваясь как-либо в военные действия»⁵⁶. Примечательно, что это был не первый раз, когда Жан Имбер пытался добиться высочайшего прощения: «желая всем своим сердцем вернуться в наше (англичан. – *В. Б.*) доброе и истинное повиновение», несколько лет назад за те же самые «проступки» он уже получал «*sauf-conduit*» от графа Салисбери, главного наместника Генриха V в Нормандии. Единственным оправданием тому, что Жан Имбер покинул крепость и какое-то время жил «с нашими противниками», для королевского лейтенанта послужил тот факт, что «упомянутый обвиняемый не вмешивался так или иначе в войну, но всегда жил от своего ремесла цирюльника и хирурга, не навлекая на себя порицания»⁵⁷. Испугавшись, как сказано в тексте, телесных наказаний и конфискации имущества, которые могут последовать для него в будущем, Жан Имбер тем не менее бежал тогда из Нормандии.

В 1428 г., по сообщению «письма помилования», датированного 26 декабря 1431 г., французы из Божанси-сюр-Луара пленили Робине Ле Дуаена, жителя Лиона-ла-Форе и сержанта этого же шателенства, «как потому, что он всегда придерживался партии нашего покойного кузена Бургундского, так и по той причине, что он состоял на этой должности сержанта в момент его пленения»⁵⁸. Обвиненный в связях с французами, которые в сентябре 1429 г. захватили крепость Этрепаньи, Робине Ле Дуаен, согласно тексту, получил королевское помилование на том условии, что, бежав из Этрепаньи в соседний Бове, «он мир-

но держался в этом городе при помощи своих родственников и друзей, не вооружаясь и не ведя войны»⁵⁹. Однако в документе содержится оговорка, что вместе с Рикарвилем, французским партизаном, который в ночь с 3 на 4 февраля 1432 г. захватил Руанский замок, Ле Дуаен участвовал в двух военных экспедициях в окрестностях Бове. При этом, правда, уточняется, что он «был вооружен только своей шпагой»⁶⁰.

Во французской и российской исторической науке существует точка зрения о том, что мотив войны в рассматриваемый период имел большее отношение к юридической фикции, нежели соответствовал реальному положению вещей. Изучая правовую реформу во Франции в указанное время и связанную с ней политику королевских прощений, даруемых преступникам, исследователи пришли к заключению, что большинство дел, где приговор несет в себе стереотипы преступности, так или иначе было связано с военными действиями⁶¹. Можем ли мы на основании наших свидетельств говорить о том, что для «английской Нормандии» данное замечание было также справедливо, как и для остальной Франции первой половины XV в.? Не исключая такой возможности, думается, в этой связи уместно также сказать о том, что выдача «писем помилования» была важным источником доходов для английской казны в Нормандии⁶². По названной причине власти Ланкастеров вполне могли в «особых» случаях «закрывать глаза» на состав преступления и предоставить обвиняемому свое прощение.

Обязательным условием получения королевского помилования было также непричинение ущерба подданным английского короля. Так, 16 марта 1425 г. королевское прощение кюре из Сен-Мартен-де-Шампо, Ги дю Мелю, было даровано не только потому, что он не вмешивался в войну, но также потому, что он не совершал «никаких предосудительных вещей по отношению к нам (Генриху VI. – В. Б.) и нашим добрым и лояльным подданным»⁶³. Согласно «письму помилования» от 29 марта 1426 г., Реньо Дави, торговец и земледелец из Майо, которого обвиняли в том, что он поддерживал отношения с бригаандами и оказывал им некоторые услуги, получил королевское помилование в силу того, что его действия не нанесли никакого ущерба английскому королю и его подданным⁶⁴. Пьер Авенель, земледелец из Алансона, который принимал в своем доме французов из гарнизона Ла Ферте Бернара, в мае 1426 г. получил королевское прощение на основании того, что в результате этого «не последовало непри-

ятностей, потерь и ущерба для наших (короля Англии. – В. Б.) подданных и покорных»⁶⁵ и т. д.⁶⁶

В следующих документах мы находим объяснение формулы «непричинение ущерба нашим подданным». Так, Жан Сюар, дворянин из Еврё, которого обвиняли в убийстве бригаанда-разбойника и побеге из Нормандии, получил королевское помилование на следующих условиях. Несмотря на то что «в течение этого времени <...> он находился в компании наших врагов и противников и вместе с ними совершал многочисленные набеги и в ходе этих набегов грабил как они», Жан Сюар, говорится в «письме помилования», датированном июлем 1423 г., делал все это, «не присутствуя, не помогая, не соглашаясь совершить какое-либо убийство, не насилуя женщин и не оскверняя церквей»⁶⁷.

Пьер Кошон, который по причине войны (*pour doute de la guerre*) бежал из Кастигона, где проживал, и «в течение некоторого времени держал сторону наших врагов и противников», получил королевское прощение на тех же условиях. Пьер был схвачен англичанами в тот момент, когда находился в лесу с бригадами, которым относил аксельбанты. После того, как англичане конфисковали его имущество, он бежал сначала к бригадам, потом в Бретань, а оттуда снова к бригадам⁶⁸. «И с тех пор ходил и появлялся с ними какое-то время, грабя, разоряя, беря выкуп и совершая вместе с ними многочисленные злодеяния, однако названным обвиняемым, – записано в тексте, – не было совершено убийства, изнасилования девушек или женщин и осквернения церквей»⁶⁹. В ноябрьском «письме помилования» от 1424 г. особо подчеркивается, что когда плененный англичанами Пьер Бруман бежал в Дре к французам, вместе с которыми он участвовал во многих военных кампаниях, то все три месяца, что он находился с названными «врагами и противниками английского короля», Пьер жил «благодаря продуктам, провизии и сборам, которые они брали с земли, не убивая, не насилуя женщин и не оскверняя церквей»⁷⁰.

Убийство и сексуальные преступления были тем, что в Средние века называли непростительными (*irremisibles*), иначе – самыми опасными преступлениями. По утверждению французской исследовательницы К. Говар, изучавшей «письма помилования» французских королей от Карла V до Людовика XI, именно такие преступления наряду с участием в военных действиях на стороне противника были прямым неповиновением, т. е. неповиновением королевским ордонасам, и только такое сотрудничество с непри-

ятелем, которое сопровождалось названными преступлениями, классифицировалось в юридической практике как преступление *leze-majesté* и каралось смертной казнью⁷¹.

Таким образом, на примере Нормандии, завоеванной в начале XV в. англичанами, мы попытались рассмотреть проблему принесения оммажа жителями герцогства своему новому сеньору Генриху V и его преемникам.

Примечания

- ¹ *Басовская Н.И.* Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 48–66; *Она же.* Столетняя война: леопард против лилии. М., 2003; *Она же.* Генрих V во Франции: нерожденная империя // Человек XV столетия: грани идентичности. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 69–78; *Земляничын В.А.* Французская политика королевского дома Ланкастеров (1399–1435 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010; *Newhall R.A.* The English Conquest of Normandy 1416–1424. L., 1929; *Idem.* Master and Review. A Problem of English Military Administration, 1420–1440. Cambridge, 1940; *Jacob E.F.* Henry V and the Invasion of France. L., 1947; *Allmand C.T.* Lancastrian Land Settlement in Normandy, 1417–1450 // The Economic History Review. 1968. Т. 21. № 3. P. 461–479; *Idem.* Lancastrian Normandy, 1415–1450. The History of Medieval Occupation. Oxford, 1983; *Jouet R.* La résistance de l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen, 1969; *Bourassin E.* La France anglaise, 1415–1453: Chronique d'une occupation. P., 1981; *Contamine Ph.* La «France Anglaise» au XV siècle: mythe ou réalité? // La «France anglaise» au Moyen Age: Colloque des historiens médiévistes français et britanniques: Actes du 111e Congrès national des sociétés savants, Poitiers, 1986. Séction d'histoire médiévale et de philologie. T. I. P., 1988. P. 17–29; и др.
- ² Actes de la chancellerie d'Henri VI concernant la Normandie sous la domination anglaise (1422–1435), extraits des registres du Tresor des charters aux Archives national / Publ. par P. Le Cacheux. P.-Rouen, 1907. Т. I–II (далее – Actes de la chancellerie d'Henry VI); Pieces diverses relatives au Mont-Saint-Michel et a la défense nationale en Basse-Normandie pendant l'occupation anglaise // Chronique du Mont-Saint-Michel / Publ. par S. Luce. P., 1879–1883. Т. I–II.
- ³ Известны случаи, когда нормандцы получали такие «свидетельства» и раньше, в середине 1418 г. По сообщению «письма помилования» от 27 апреля 1423 г.,

В.А. Бароне

после того, как Лувьер был завоеван англичанами (город капитулировал 23 июня 1418 г. – В. Б.), Гийом де Мон, местный суконщик, «принес клятву верности (англичанам. – В. Б.), <...> и получил свое свидетельство, как с тех пор это стало принято (ainsi quil estoit lors acoustumé)». Actes de la chancellerie d'Henri VI. Т. I. P. 18.

⁴ Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. I. P. 92.

⁵ Ibid. P. 92–93.

⁶ Ibid. P. 319–320.

⁷ Actes de la chancellerie d'Henri VI. Т. I. P. 213.

⁸ Ibid.

⁹ Letters of Henry VI. Т. I. P. 23.

¹⁰ Ibid. P. 23–28.

¹¹ Ibid. P. 28.

¹² Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. II. P. 221–222.

¹³ Ibid. P. 22.

¹⁴ Ibid. P. 22–24.

¹⁵ Actes de la chancellerie d'Henri VI. Т. I. P. 3–6, 8–11.

¹⁶ Ibid. P. 29–30.

¹⁷ Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. II. P. 14–15, 29–32.

¹⁸ Actes de la chancellerie d'Henri VI. Т. I. P. 85.

¹⁹ Ibid. P. 18.

²⁰ Ibid. P. 63.

²¹ Ibid. P. 74–75.

²² Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. I. P. 100, 120–121, 124–125, 129 примеч. 1, 132 примеч., 140 примеч., 141 примеч., 230 примеч., 245 примеч., 257 примеч., 258–259, 263, 285 примеч., 314 примеч.; Т. II. P. 105–106, 207, 219–220.

²³ Ibid. Т. I. P. 120–121.

²⁴ Ibid. P. 121.

²⁵ Ibid. P. 124–125.

²⁶ Ibid. P. 258–259.

²⁷ Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. I. P. 258–259.

²⁸ Ibid. P. 124–125.

²⁹ Chartier. Т. I. P. 240.

³⁰ Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. I. P. 124, n.1.

³¹ *Le Cacheux P.* Introduction // Actes de la chancellerie d'Henri VI. P. VIII.

³² Ibid. P. 259.

³³ Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. I. P. 128.

³⁴ Ibid. P. 128–129, 142–143.

³⁵ Распоряжением от 21 марта 1418 г. Генрих V приказал герцогу Глостеру предоставить всем мятежникам срок в две недели, чтобы покориться новой власти. *Lefèvre-Pontalis G.* La Guerre des Partisans dans la Haute Normandie

- (1424–1429) // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. Vol. 54–57. P., 1893–1896. Т. 54. P. 477, n. 2.
- ³⁶ Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. I. P. 319.
- ³⁷ Ibid. P. 300–302.
- ³⁸ Ibid. P. 302–304.
- ³⁹ Ibid. P. 304–305.
- ⁴⁰ Ibid. P. 320.
- ⁴¹ Ibid. P. 300–302.
- ⁴² Ibid. P. 302–304.
- ⁴³ Ibid. P. 305.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid. P. 143.
- ⁴⁶ Actes de la chancellerie d'Henri VI. Т. I. P. 105–106.
- ⁴⁷ Chronique du Mont-Saint-Michel. Т. I. P. 143–144, n.
- ⁴⁸ Не случайно, согласно ордонансу Генриха V от 1420 г., английским собственникам нормандских земель было запрещено продавать их не английским подданным короля Англии: «дома и наследственные владения, дарованные англичанам, – говорилось в этом документе, – не могут быть проданы нормандцам и переданы человеку, родившемуся не в королевстве Англия». Данный ордонанс оставался в силе до 1445 г., а возможно, даже до конца английского присутствия в Нормандии (*Allmand C.T. Lancastrian Land Settlement ... P. 467–468*).
- ⁴⁹ Actes de la chancellerie d'Henri VI. Т. I. P. 61–62.
- ⁵⁰ Ibid. P. 397–399.
- ⁵¹ Ibid. P. 398.
- ⁵² Ibid. P. 243–245.
- ⁵³ Ibid. P. 245.
- ⁵⁴ Actes de la chancellerie d'Henry VI. Т. I. P. 140, 219; Т. II. P. 90–91, 207.
- ⁵⁵ Судя по документам, французы удерживали Сен-Жерве-де-Се приблизительно восемь недель (Ibid. Т. II. P. 12, 24).
- ⁵⁶ Ibid. P. 8.
- ⁵⁷ Ibid. P. 9.
- ⁵⁸ Ibid. P. 168.
- ⁵⁹ Ibid. P. 170.
- ⁶⁰ Ibid. P. 171.
- ⁶¹ *Тогоева О.И.* Понятия «преступление» и «наказание» в уголовном праве и судопроизводстве Франции конца XIII – начала XV века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 199; *Gauvard Cl.* Crime, Etat et société à la fin du Moyen Age. P., 1991. 2 vol. P. 205.
- ⁶² Так, «письмо помилования», датированное апрелем 1425 г., сообщает, что братья Жан и Лоран Дрюжоны, из прихода Брюльмей, по пути в столицу герцогства на заседание Руанского Совета потеряли часть денег, на которые планиро-

В.А. Бароне

вали «приобрести» королевское прощение по факту убийства двух англичан, разорвавших дома в этом приходе. Согласно «письму помилования» от октября 1425 г., у Рауля Корну, жителя Граншама, пожелавшего принести оммаж английскому монарху, не оказалось денег для того, чтобы получить королевское прощение. Роже Анфруа, сосед Рауля, к которому тот обратился за помощью и содействием в получении помилования, ответил, что «без денег он не сможет ничего сделать». *Actes de la chancellerie d'Henry VI*. Т. I. P. 220–224, 266–267.

⁶³ *Actes de la chancellerie d'Henry VI*. Т. I. P. 219.

⁶⁴ *Ibid.* P. 308–311.

⁶⁵ *Ibid.* P. 335.

⁶⁶ *Actes de la chancellerie d'Henry VI*. Т. I. P. 30–31, 61–62, 100, 119, 152, 161–163, 391–393, 398; Т. II. P. 146–149, 171.

⁶⁷ *Ibid.* Т. I. P. 43.

⁶⁸ *Ibid.* P. 72–74.

⁶⁹ *Ibid.* P. 73.

⁷⁰ *Ibid.* P. 142.

⁷¹ *Gauward C. Résistants et collaborateurs pendant la guerre de Cent ans: le témoignage des lettres de remission // La «France anglaise» au Moyen Age*. Т. I. P. 123–138.

Е.В. Балущкина

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ

Статья представляет собой попытку исследования ключевых понятий и категорий, входящих в «политический словарь» вождя Английской революции Оливера Кромвеля. Используя в качестве источников речи и письма Кромвеля, а также протоколы заседаний Военного совета и Парламента, автор статьи обозначает круг этих понятий, являющихся, по сути, не просто элементами политического дискурса, но своего рода вызовами, которые ставит перед своими вождями любая революция. В статье проводится структурный, лингвистический и контекстуальный анализ этих категорий и определяется их место в системе политических взглядов О. Кромвеля. Автор предлагает взглянуть на круг нравственных, социальных и политических вопросов Английской революции XVII в. через призму ответов, которые давал на них человек, сумевший сделать это на ее языке.

Ключевые слова: Английская революция, Англия XVII в., лорд-протектор, Оливер Кромвель, Парламент, политический словарь, пуритане.

Нередко можно услышать такую мысль, что революция – процесс настолько стремительный и непредсказуемый, что вождями ее становятся случайные люди. Это верно лишь до некоторой степени. Они «случайны» лишь в том смысле, что нередко это не те лица, которые на первый взгляд должны были бы возглавить революцию. Однако есть аспект, который позволяет сказать, что эти люди – самые что ни на есть неслучайные. Ведь именно они в своих речах, воззваниях и письмах смогли выразить все основные

проблемы революции и сделать это на языке тех, чьими руками и чьими интересами эта революция двигалась вперед.

В качестве яркого примера можно привести ключевую фигуру Английской революции – Оливера Кромвеля. Путь этого человека – это путь от весьма неприметного человека, сочувствовавшего идеям революции, всего лишь «одного из» тех деятелей, которых она несла в своем бурном потоке, до фактического правителя великого Европейского государства, ведшего, как казалось, нескончаемую войну, автора законов, вершителя судеб тысяч граждан.

Основная задача данной статьи – дать характеристику тем категориям политического дискурса, которые занимали ведущие позиции в речи Кромвеля и которые можно было бы отнести к «политическому словарю» вождя Английской революции. Нас интересуют здесь как сами ключевые слова и понятия, так и контекст их употребления и, как следствие, сама форма построения аргументации на их основе. Статья представляет собой структурный, лингвистический и контекстуальный анализ этих категорий. Такой подход позволяет нам обозначить их место не только в политическом словаре О. Кромвеля и сознании его современников, но и в историческом контексте прошлого и будущего.

Мы нарочно обходим здесь вопрос, не раз обсуждавшийся в историографии, касательно исторической правомерности присвоения Английской революции самого определения «революция». Для нас революция – это некоторый эволюционирующий исторический и социально-политический феномен, а не только формально определенное заданными параметрами единомоментное событие. И в этом отношении мы включили бы в это понятие не только безоговорочно признаваемые историографией европейские революции – от Французской XVIII в. до Русской века XX, но и неоднозначную Английскую революцию и даже восстанавливаемую на этой линии «прото-революцию» – церковную Реформацию. Ведь Английская революция XVII в. была выстроена и реализована на базисе, созданном Реформацией: ее основой было сомнение в монополии короля на политическую истину с позиции религиозной и божественной правды, то есть и лидерами, и рядовыми участниками революции Бог воспринимался как гарант требуемых свобод – как сторонник, стоящий над королем и одновременно – на стороне революции. И не удивительно, что именно Оливер Кромвель – выразитель ее идей, вождь ее армии, позиционировал себя и почитался сторонниками как человек религиозный и нравственный. Иными словами, вождь воплощал собой некоторый формальный идеал, и так как

сами идеалы базировались на религиозной основе, то и вождь был соответствующим.

Именно отсюда мы и начнем анализ «революционного словаря», тех самых социальных и политических категорий, не зная которых и не оперируя которыми не представляется возможным перевернуть те страницы истории, на которых начертано слово «Революция».

Мы начали уже говорить о категориях, связанных с религиозным и с божественным, и не зря. Все без исключения биографы Кромвеля отмечали проходящую через всю его жизнь и деятельность исключительную религиозность. Исключительную, как мы понимаем, только для потомков. Религиозность Кромвеля была естественным следствием его воспитания в том времени, в котором ему довелось жить, и в той совершенно особенной среде, которую породил пуританизм в Англии.

В своей работе «Кромвель и его время» М.А. Барг правдиво говорит о жесткости пуританской веры, основанной на идеях Кальвина. Однако, на наш взгляд, он ошибается, когда называет ее «религией, менее¹ обремененной чудесами, легендами и идолами»².

Эта религия была упрощенной в обрядовом, церемониальном отношении, она была более демократичной, но именно в ней была вера в чудо, которой не знали ни англиканская, ни даже католическая церкви. В католичестве чудо было событием единичным, уделом святых древности. Пуритане имели сознание куда более мистическое, чем любой англиканин и католик своего времени, ибо что может быть большим чудом, чем твердое убеждение, полученное в прямом откровении от Бога в собственном спасении, в собственной богоизбранности и даже святости?

Обратим внимание на характерные обращения к Богу в речах и письмах Кромвеля, как-то: «Вы видите, что Всевышний не перестает защищать нас. Я снова повторяю, что Господа следует благодарить за это, ибо это его работа». Или «Ничья другая рука не проявляется в этом, кроме руки Всевышнего»; «Поистине, наше дело не есть дело нашего ума или нашего мужества и силы» и т. д.

Высший арбитр Кромвеля, несомненно, стоит на его стороне – на стороне, как говорит он сам, – «добрых людей», «святых». И в этом – главная его сила, как и главная сила кальвинизма.

Издатель документов и исследователь биографии Кромвеля В. Эббот выдвинул предположение, что эти обращения были своеобразным риторическим приемом, использовавшимся абсолютно сознательно³. И с этим трудно не согласиться, так как именно такая

риторика должна была встретить понимание современников; кроме того, подобная позиция позволяла Кромвелю-оратору преподнести аудитории свои решения без всякой доказательной базы, но с обязательным напоминанием об одобрении такого решения Богом. Именно это и есть основной способ трансляции своего дискурса на аудиторию – будь то военных или политиков: Кромвель совершенно не был способен последовательно доказывать свою точку зрения, но он умел убеждать в ее божественном происхождении и искусно вынуждать аудиторию соглашаться с ним, повторяя одно и то же сколь угодно много раз и исподволь, а порой и открыто, угрожая гневом Божиим. Такое содержание Кромвель облачал в самые различные формы, используя их не только в общественных речах, но и в личной переписке, как, например, это следует из письма его генералу Томасу Фэрфаксу от 21 декабря 1646 г. «Мы получили длиннейшую петицию от Сити. Как она ударяет по армии и какие другие цели преследует, Вы увидите из ее содержания; а также увидите, каковы в настоящее время господствующие настроения и чего еще можно ждать от людей. Но есть нам утешение и содействие – Бог в небесах, и он творит то, что Ему угодно. Его, и только Его воля восторжествует, каковы бы ни были помыслы или неистовство людей»⁴.

Следует сказать также, что такая риторика была присуща не одному только Кромвелю – это была, во многом, речь его времени. Так или иначе, согласны мы с В. Эбботом или нет, нам следует признать, что словарь Английской революции XVII в. содержит слово «Бог» в его самом прямом значении. Именно его именем творится и война, и политика. Он – ее движущая сила и ее оправдание: ведь власть Бога выше власти короля, и Его воля выше воли любого из смертных. Сила Кромвеля и его людей именно в их непреложной уверенности в том, что их стремления совпадают с этой самой высшей, божественной волей.

В письме Кромвеля спикеру Парламента Уильяму Ленталу мы встречаем такое подведение итогов взятия Дрогеды, казавшейся неприступной крепостью, – ключа к Северной Ирландии: «Разве это не очевидно? То, что заставило Ваших людей идти на штурм столь отважно, и был Дух Господень, который дал Вашим людям храбрость и забрал ее, который дал храбрость врагу и забрал ее, и снова отдал Вашим людям, и вот откуда этот удивительный успех; и как прекрасно, что вся слава принадлежит одному лишь Богу»⁵. Однако в этих восхвалениях Всевышнего есть и обратная сторона. Ведь Богу принадлежит не только слава кровавой победы, но и ответственность.

Для Кромвеля-военачальника характерен такой оборот в письмах-отчетах перед Парламентом или перед главнокомандующим, как «избежать кровопролития». Кромвель нередко говорит, что именно это – основное его стремление. И все же одна только Ирландская кампания знает немало примеров, когда войска под личной командой Кромвеля полностью разоряли город, уничтожая не только его гарнизон, но и большую часть мирного населения. И этому Кромвель находил объективные причины. Во-первых, как мы уже говорили, личное участие, «присутствие Бога», «Дух Господень», судивший так; а во-вторых, упрямство и «своеволие» ирландцев. «Люди и селения⁶, которые я прохожу, не могут страдать иначе как по причине собственного своеволия⁷. Здесь речь идет не только и не столько об упрямстве защитников города перед лицом Английской армии, о нежелании сдаваться, сколько о собственно своеволии их, об их противлении божественному провидению. По вступлении в Дублин, 15 августа 1649 г., Кромвель произносит речь, в которой недвусмысленно говорит об этом, утверждая, что война, которую он ведет, есть «труд против жадных до крови варваров-ирландцев <...> за распространение Христова Евангелия и за установление истины и мира»⁸. В конце концов, собственная вина ирландцев естественным образом увязывается с гневом Божьим, что неизбежно ведет Ирландию к гибели, а Кромвеля к победе. Именно поэтому он так вдохновлен, так уверен и так убедителен. И вот один из прекраснейших примеров, как работала для Кромвеля такая связка, – отчет У. Ленталу о взятии Вексфорда, датированный 14 октября 1649 г.: «Господь в праведной справедливости своей осудил их, сделав жертвами солдат, уничтоживших столь многие семьи и заставивших кровью искупить жестокости, учиненные над бедными протестантами»⁹. Эта фраза, на наш взгляд, очень показательна, за что заслуживает особого внимания. Дело в том, что начало ее, в соответствии со смыслом, следовало бы перевести на русский язык как «Господь в праведном гневе своем осудил их». Однако оригинальный текст предлагает нам несколько другую форму: «in His righteous justice, brought a just judgment upon them». Иными словами, мы видим перед собой фразу, в которой слова с основой «just» встречаются трижды, кроме того, в ней присутствует полный синоним «just» – «righteous». Таким образом, из этой фразы достаточно непросто понять, идет ли речь о «справедливости» или о «праведности».

Сравнив это высказывание с другими, созданными в тот же период и имеющими сходный контекст, мы можем с определенной

уверенностью сказать, что для речи Кромвеля было характерно использовать «справедливость» («justice») в значении «суд» («judgment») в словосочетаниях «in His righteous justice» или «in a righteous judgment of God»¹⁰. Фактически Кромвель никогда не использует «справедливость» в ее юридическом значении, говоря о справедливости, он имеет в виду Божий суд. А прилагательное «just» в данном случае также означает не «справедливый», а «истинный» или «праведный». Это, вероятно, объясняется тем, что для Кромвеля нет никакой отдельной «справедливости», существующей автономно от справедливости Божественной, поэтому он и использует эти слова как синонимы, применяя к обоим значение второго.

Любопытно в этом отношении рассмотреть такое высказывание Кромвеля, отражающее его представление о политическом устройстве государства: «[Касательно вопроса о евреях]¹¹. Первоначально они [разделились на] семьи, в составе которых они жили, и у них были главы семей, чтобы управлять ими, [затем] они были под властью судей, и [лишь затем] под властью королей. Когда они пришли к желанию иметь короля, они его получили; первоначально на выборной основе, а впоследствии – на основе наследования. И при каждом из этих типов правления они были счастливы и довольны. Если вы делаете все, что возможно, если вы хотите изменить форму правления к лучшему, то это добродетельный труд. [И все же] это, по словам Павла, “прах и мусор по сравнению с Христом”»¹².

Кромвель, очевидно, не видит большого значения в том, в какую именно политическую форму облечена власть и каким способом она взаимодействует с обществом. Он не ставит власти условий – кроме одного – соответствия ее божественной воле. И все же обстоятельства ставят перед вождем революции проблему социального и политического переустройства.

Революция ломает старую форму общественного устройства, устанавливая взамен ее новую, и в этом случае установление нового наименования является не только формальным, но и очень глубоким политическим и идеологическим актом.

Кромвель называет свое государство «Commonwealth», что в современном наименовании Британии переводится на русский язык как «содружество», однако этот перевод не совсем верен по отношению к современной Англии и в корне неверен, если речь идет о XVII в. Само слово употребляется уже в среднеанглийском языке в форме «commun welthe» с конца XV в. После первой половины XVI в. это слово, встречающееся в работах представителей

английского Ренессанса в формах «common wealth (weal)» и «commonwealth» используется уже и в общем значении «общественного блага», и в качестве обозначения формы государственного устройства.

Английское «common wealth» является дословным переводом латинского «res publica», где «publica» – это «общественный, народный», а «res» предстает в одном из своих значений – «имущество, состояние». Английское «wealth» лучше всего переводится на русский язык как «благополучие». Такой перевод передает двузначность этого понятия. Благополучие выражает одновременно и защищенное существование, и имущественный достаток. Таким образом, основные смыслы понятия «commonwealth» – «общественное благо», «народное благополучие».

Для более глубокого понимания вопроса проведем параллель с более современной вариацией того же слова, закрепленного Французской революцией, – «République» (фр.), то есть республика. Это не что иное, как калька с латыни, с того же самого словосочетания «res publica», где «res» принимает другое, более распространенное свое значение – «власть». Римское «res publica» есть перевод греческого термина «демократия», то есть «власть (κράτος) народа». Именно это ее значение было важно для Французской революции – власть народа в качестве противоположности власти короля. Вкупе с аллюзией на римскую республику, которую давало заимствованное понятие, со времен Возрождения крепко вошедшее в обиход, слово «Республика» было полно политического и юридического значения, и при этом (в отличие от Commonwealth) не несло никого оттенка материального фактора.

Таким образом, мы видим перед собой некоторое противопоставление двух концепций, бывших переводами и переложениями одного и того же римского понятия: не следует объяснять, какая смысловая пропасть лежит между «общественным благополучием» и «властью народа».

«Commonwealth» Кромвеля, с его акцентом на приземленном, материальном аспекте государственного устройства, прекрасно иллюстрирует и сдержанность пуританина-землевладельца Кромвеля, и общую почти средневековую практичность Английской революции.

Однако даже если сама концепция нового государственного устройства разделяется большинством людей, это новое государство не может быть основано без разрушения старого. И здесь революция ставит перед своим вождем особую задачу – она возлагает на

его плечи решение об устранении этой самой старой власти. Надо заметить, что именно это событие во многом является ключевым, поворотным в истории революции. Тот, кто сможет решить эту задачу, и окажется в конечном итоге тем, кто сосредоточит в своих руках революционную власть.

Кромвель на первый взгляд не был тем, кто должен был решить судьбу короля. Однако именно его усилиями судебный процесс был начат и доведен до конца.

В декабре 1648 г. в своей речи по поводу суда над королем Кромвель сказал: «Коль скоро само Провидение и необходимость привели их (депутатов Парламента – *Е. Б.*) к этому решению, ему остается лишь просить Всевышнего благословить это решение»¹³. В этом выражении уже традиционная убежденность Кромвеля в собственной правоте, основанная на божественном откровении, и в то же время те самые нотки политика.

Кромвель любил повторять латинское выражение: «Необходимость не знает закона», добавляя к нему «Ее (то есть необходимость) человек может приложить к Божьему Провидению и тем самым иметь претензии на разрушение известных правил». Таким образом, для Кромвеля «необходимость» – еще одна мистическая тайна, что-то вроде идеи свыше, внушаемой человеку с целью движения вперед человечества.

«Необходимость», в его понимании, по Божьей воле взламывает привычный человеку мир, являясь, таким образом, понятием непротиворечивым, которое удачно вписывается в общую религиозную и социальную картину мира.

Как бы то ни было, вождь революции не король и при всем желании не может действовать только от своего имени.

Отождествляет ли себя лидер с обществом или ставит себя над ним, но в своем сознании и в полемике он неизменно выделяет своего рода референтную группу – категорию лиц, определяемую им условно как «добро» и подразумевающую под собой лояльность как к самому лидеру, так и к его убеждениям.

Кромвель употребляет преимущественно три наименования такой группы – «добрые люди», «добрые англичане» и «добрые христиане». Эти определения весьма четко очерчивают круг, в котором оказываются англичане, разделяющие веру Кромвеля.

Категория «добрых людей» своеобразна своей архаичностью. «*Good men*» – здесь, как и в русском переводе, мы видим в прилагательном два значения: «good» как совершенный, отвечающий заданным требованиям к человеку, христианину и т. д., и «good»

как принадлежащий к категории добра в дихотомии «Добро–Зло» («Good and Evil»). Используя такую лексику, оратор уже не нуждается в том, чтобы подыскивать термин для представителей антагонистической группы, так как антидобро – это по умолчанию зло.

Примечателен тот факт, что словосочетание «добрые люди» приобрело широкое применение в Средние века в Окситании в среде религиозных фанатиков, противников официальной церкви – альбигойцев.

Первые проповедники, принесшие в Окситанию учение, оформившееся впоследствии в то, что называют альбигойской ересью, Церковью любви или религией катаров, появились в тех местах во время Второго крестового похода, т. е. где-то в 1140–1150-х годах.

Вот так характеризует устройство альбигойской общины исследователь Жан Мадоль: «Катарская церковь состоит из двух типов людей. Одна часть – это простые верующие, которые надеются на освобождение своей души, но живут в ожидании этого почти так же, как все, за исключением того, что они воздерживаются от участия в любой католической службе; другая часть – это пастыри, которых инквизиция называет «совершенными», хотя сами они себя так не величали, они именуется просто «добрыми людьми», или еще «старцами»¹⁴.

Добрыми людьми называли альбигойцев, принявших *consolamentum*¹⁵, и окружавшие их люди – из тех, которые сочувствовали идеям катаров и поддерживали их, но по разным причинам откладывали обряд на конец своей жизни. Ведь быть «добрыми людьми» могли не все: это положение обязывало не только к проповеднической деятельности, но и к исполнению строжайшего устава, который надлежало соблюдать в своей повседневной жизни.

«Добрые люди» Кромвеля обозначают буквально то же самое, что и «добрые люди» катарских проповедников: это праведники, «святые», то есть те, кто несет волю Всевышнего, живет строго по его заветам и кто предназначен к спасению. Однако время диктует свои условия, и в устах вождя Английской революции Оливера Кромвеля бывшие когда-то сугубо этическими, духовными категориями слова «добрые люди» или «добрые христиане» приобретают отчетливое политическое значение. Они переходят из средневековой лексики в революционный словарь Нового времени.

Но разве можно утверждать, что словосочетание «добрые люди» не несло политической нагрузки в XII–XIII вв.? Ведь альбигойцы в истории Европы – это не только религиозное учение, не только противопоставление себя Римской церкви и самому Папе

на словах. Это целый регион, богатый, процветающий, готовый сражаться; Церковь любви – это целый конгломерат княжеств, оцетинившийся цепью готовых к осаде замков. И «добрые люди» в этой связи означали протагонистов в борьбе, в которой, в рамках Средних веков, не было четкой границы между религией и политикой.

Но на этом параллели с катарской лексикой не заканчиваются.

Одним из основных столпов религиозных и социальных воззрений альбигойцев был антиклерикализм, который заключался в следующем. Сами они считали свои общины соответствующими общинам первых христиан, Римской же церкви и, в частности, Папе отказывали в легитимности. Кроме того, альбигойские лидеры выдвигали Римской церкви претензии в отказе от перевода священного писания на язык, доступный народу, и в создании излишней обрядовости и сложной разветвленной иерархии служителей.

В конечном итоге, именно эти воззрения разделяла пуританская община в Англии в XVI–XVII вв., несмотря на все догматические различия между ней и альбигойцами Окситании.

И стоит ли удивляться, что в речах Кромвеля нам встречается обозначение врага, в точности повторяющее таковое у катаров: «паписты», «Папа» и «Рим» в значении папского престола. В речах Кромвеля слова «papists» (паписты) и «popish interests» (папистские интересы) появляются во время войны с Испанией. В частности, в своей речи на открытии заседания Парламента 17 сентября 1656 г.¹⁶ он говорит о том, что враги Англии и Христа, имея общие интересы, объединяются, забыв о своих разногласиях. Кто же эти враги? Кавалеры (то есть сторонники королевской власти в Англии) и те самые «паписты», о которых мы говорили выше.

Примечательно, что в этом вражеском узле увязываются политические и религиозные мотивы и, как и во времена Средневековья, не так-то легко определить, который из них занимает главенствующую позицию. Скорее, они являются двумя сторонами одной медали и не могут рассматриваться в отрыве один от другого. Точно так же мы не можем отделить политические амбиции Оливера Кромвеля от его пуританской религиозности, в противном случае мы выпустим из поля зрения одну из основополагающих сторон личности вождя Английской революции, а значит – и одну из ее движущих сил.

Кроме вышесказанного о врагах революции, следует сказать несколько слов и о том, как освещалась эта проблема в свете военных операций армии Кромвеля.

Английская революция не знала, в отличие от революции Французской, такой проблемы, как «троны тиранов»¹⁷. В связи с этим ее обошла и беда, когда эти самые тираны повели бы на нее свои армии. Концепция войны Кромвеля заключается в том, что английская нация в ней имеет вооруженный конфликт с другой нацией, то есть мы видим перед собой представление о войне, не отошедшее от такового, бытовавшего в Средние века, – с той лишь поправкой, что идея нации как таковой для Средних веков не актуальна. И все же мы можем заметить, насколько это представление во времена Кромвеля отличалось от такового, бытовавшего уже в XVIII в. Нация Кромвеля – понятие еще почти локальное, интересы этой нации целиком сконцентрированы на ее ближайших соседях, на конфликтах родом из средневекового прошлого и даже на мести за нанесенные прежде раны. Так, тех же ирландцев – всех ирландцев, именно народ – Кромвель считает кровожадными убийцами. Его Ирландская кампания оформлена как месть за гонения на английское пуританское население тех областей. «Я убежден, что это праведный суд Божий над этими бесчеловечными негодьями, запятнавшими свои руки невинной кровью»¹⁸, – пишет Кромвель после взятия Дрогеды, несмотря на то, что непосредственно Дрогеда не входила в число регионов, где проводились массовые гонения на англичан. Мы видим в таком отношении некоторый рудимент средневекового представления о народе. Для Кромвеля важно не столько то, что угнетавшиеся были англичанами, сколько то, что они были пуританами – его братьями по вере. Обращает на себя внимание и то, что война для него мыслилась все же религиозно-национальными категориями, а не национально-политическими.

То же самое касается, как это ни удивительно, и «внутренних врагов». Для Кромвеля «англичане» – это английские протестанты, «добрые люди», и его врагами оказываются в том числе и англичане, не разделяющие устремлений пуританской фракции Парламента.

Здесь мы сталкиваемся с тем же отголоском средневекового политического словаря, о котором мы говорили, раскрывая вопрос о протагонистической группе, – «добрые люди». Сама система, по которой происходит такое группирование, недалеко ушла от узкого, сугубо локального группирования средневекового общества.

Одним из основных социальных вопросов, которые приходится решать революции и ее вождю, является вопрос о собственности и привилегиях. Ведь именно эти вопросы являются наиболее острыми, именно они тревожат умы большей части простого населения.

Оливер Кромвель уже в начале своей политической карьеры – один из самых богатых землевладельцев своего графства и, хотя и провинциальный, но дворянин. В силу специфики социального устройства английского общества аристократия как класс не имела зачастую ярко выраженных отличий от богатых представителей третьего сословия (в отличие от той же Франции), поэтому было бы неправильно приписывать сельскому джентльмену Кромвелю внутреннюю симпатию к дворянству и его привилегиям. Но во всем, что касается собственности, и особенно собственности на землю, он был непреклонен. Уравнители имуществ – левеллеры и диггеры – по мнению Кромвеля, были опасными смутьянами и заговорщиками, безумцами, проповедовавшими в народе безрассудные и взрывоопасные идеи. Он сам видел, как не раз бунтовали отдельные полки его армии, зараженные подобными взглядами. С вождями этих движений и их последователями Кромвель расправлялся со всей возможной суровостью. И в этом, несомненно, отражались не только его политические позиции, связанные с подавлением любых проявлений смуты, но и с его социальными взглядами – в первую очередь, на имущественный вопрос.

После принятия титула лорда-протектора Кромвель и его семья проживали в королевских резиденциях, обстановка в которых была отнюдь не пуританской. Впрочем, в этом и не было никакого противоречия – человек, заменивший народу короля, само собой разумеется, должен жить, как король – это его естественное положение, статус. А для джентльмена-землевладельца XVII в. в имуществе не бывает излишеств.

Оливер Кромвель занимал в этом вопросе нейтральное положение – его взгляд демонстрировал некоторую точку отсчета на системе координат: с одной стороны, он резко осуждал произвол, который давали привилегии «кавалерам», с другой стороны, он расправлялся с теми, кто требовал отмены всех привилегий или прав собственности.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о том, как именно Оливер Кромвель позиционировал себя на протяжении революции, и еще раз сконцентрировать внимание на том, каким образом он транслировал свои воззрения на тот или иной вопрос аудитории.

Что касается первого пункта, здесь все достаточно прозрачно. Достаточно проследить, какими словами заканчиваются письма Кромвеля в разные периоды его карьеры (здесь мы по естествен-

ным причинам исключаем письма частного характера). Собственно, мы имеем всего два вида подписи: «O. Cromwell» и «Oliver P.» В первом случае мы имеем инициал имени и фамилию. Во втором – написанное полностью имя и литеру «P.», обозначающую титул Кромвеля – «Lord-protector» или просто «Protector»¹⁹.

Вторая подпись появляется в письмах только с зимы 1652 г., т. е. после того, как Кромвелем был распущен Парламент. Еще раньше, после казни короля, из писем Кромвеля исчезла его неизменная до этого момента прощальная строка «Your humble servant» («Ваш скромный слуга»).

Здесь, кстати, в качестве иллюстрации к нашей линии о «средневековом следе» можно вспомнить и официальный титул, полученный в 1099 г. Готфридом Бульонским, который предпочел называться не королем Иерусалима, а Защитником Гроба Господня.

Что же касается метода трансляции, то в первую очередь, уже при беглом знакомстве с документами, в глаза бросается склонность Кромвеля оперировать этическими категориями, вплоть до ущерба логической конструкции речи. Психологически это можно было бы объяснить соответствующей «зоной уверенности», т. е. человек в речи, адресованной окружающим людям, всегда стремится говорить о том, что ему ближе и понятнее, чтобы при возможном диалоге твердо стоять на ногах.

Возьмем для примера письмо, которым Оливер Кромвель отчитывался, вернее сказать, извещал Парламент о ходе Ирландской кампании. Одним из показательных в этом отношении текстов является уже приводимый нами выше отчет о взятии Вексфорда. Это – целиком этический текст, оперирующий соответствующими понятиями – «жестокость», «добро», «милость». Текст взывает не к пониманию, а к чувству, т. е. мы видим, что автору этого текста легче не доказать, а убедить.

То, что мы видим в этом тексте, – это дополнительные объяснения *post factum* о том, насколько заслуженную кару понесли преступники, Кромвель видит в их жалком конце акт Божьего гнева и считает важным подчеркнуть это лишний раз.

Он обращает внимание аудитории на «подлость», «жестокость» наказанных, т. е. на категории, не имеющие ничего общего с законом или любой другой системой в рамках формальной логики.

Естественным продолжением такого текста является заключение о том, что антагонисты условно именуются «безнравственными» людьми, и в составе этой категории они осуждены уже самим Богом.

Кроме того, этическую ориентированность текста выдают сама его структура, способ подачи материала и, конечно, общий стиль речи. Для этого приведем еще одну показательную цитату – речь Кромвеля на заседании Военного совета по поводу обсуждения проекта «Народного соглашения» с требованием роспуска Долгого Парламента: «Воистину, эта бумага содержит в себе весьма серьезные изменения самого управления королевством, изменения той формы правления, которого оно придерживалось, я думаю, можно сказать, с того момента, как стало нацией. Я говорю, что это практически так и есть, и каковы будут последствия таких изменений, даже если больше ничто не должно быть взвешено, – это то, что мудрые люди и благочестивые люди должны взвесить, я имею в виду, если бы ничего больше не было, кроме самой значимости и природы пунктов этой бумаги. Поэтому, хотя претензии в ней и формулировки в ней весьма убедительны, и мы вполне могли бы перескочить из одного состояния в другое, в котором были бы те же ошибки, что есть и в нынешнем, и по этому поводу, я полагаю, не было бы серьезного спора, хотя, возможно, некоторые вещи вполне могли бы быть оспорены»²⁰.

Мы специально приводим цитату полностью, чтобы на ее примере продемонстрировать присущую нашему герою манеру речи в ситуации полемики.

Во-первых, можно заметить, что Кромвель выражает свою мысль достаточно размыто, в его речи изобилует сослагательное наклонение, высказывания от первого лица, как бы излишние, вроде «я говорю» (которое встречается в его речах повсеместно). Кроме того, особенностью его речи является некоторая цикличность, при которой одни и те же фразы повторяются несколько раз и которая нередко приводит к наличию взаимоисключающих утверждений. Ярким примером последнего служит как раз заключительное предложение приведенного отрывка. Такая речь в какой-то мере запутывает слушателя, который не может сразу вычленить из нее точку зрения оратора. И все же, на наш взгляд, Кромвель всегда дает свою точку зрения на проблему или вопрос, рассматриваемый в заседании, и, более того, он подводит к тому, что любая иная точка зрения является неверной, хотя прямо этого он, как правило, не заявляет.

Показателен также риторический прием, часто используемый Кромвелем в полемике – как на военных советах, так и в Парламенте. Он предлагает слушателям два решения: одно – свое, второе – основных оппонентов, – и, усыпляя бдительность слушателей, го-

ворит о праве каждого человека выбрать то, что велит ему его долг, как христианина, как англичанина и т. д., иными словами, о праве принять самостоятельное решение в соответствии с тем, как велит ему его душа. После этого он меняет тон и говорит о том, что для истинного христианина и истинного англичанина есть только одно правильное решение, такое, которое согласуется с волей Всевышнего. Хотя, конечно, продолжает оратор, каждый волен решать сам. Таким образом, аудитория не только лишается выбора, но даже не получает объяснения, отчего именно это решение является правильным.

Подводя итог, следует сказать, что Оливер Кромвель, яркий военачальник и политик, конечно же привнес в словарь Английской революции свои собственные, сугубо личные оценки и представления, основанные на его происхождении, воспитании, а также психологических особенностях и общем стиле мысли и речи. И тем не менее, как нам кажется, та самая, заявленная в начале статьи «неслучайность» вознесения его на самую вершину революции во многом зиждется на том, что он, как никто другой, сумел ответить на вопросы, поставленные революцией, и – что самое главное – ответить на ее языке, как истинный сын своей беспокойной эпохи.

Примечания

- ¹ По сравнению с католичеством и англиканством.
- ² *Барт М.А.* Кромвель и его время. М., 1950. С. 64.
- ³ *Cromwell O.* The writings and speeches of Oliver Cromwell / Ed. by W.C. Abbot. 4 vols. Cambridge, Mass., 1937–1947. Vol. 1. P. 720–721. Здесь и далее перевод с англ. Е.В. Балускиной.
- ⁴ *Ibid.* P. 420–421.
- ⁵ *Ibid.* Vol. 2. P. 127.
- ⁶ В оригинальном тексте: «places».
- ⁷ *Cromwell O.* Op. cit. Vol. 2. P. 145.
- ⁸ *Ibid.* P. 124.
- ⁹ *Ibid.* P. 142.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 127.
- ¹¹ Здесь и далее в приведенных цитатах в квадратные скобки взяты слова, восстановленные составителем публикации.

Е.В. Балущкина

¹² *Cromwell O.* Op. cit. Vol. 1. P. 540.

¹³ Ibid. P. 719.

¹⁴ *Мадоль. Ж.* Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000. С. 97.

¹⁵ Consolamentum – «утешение», обряд крещения духом. По смыслу соответствует не столько крещению, сколько обряду пострига в монахи.

¹⁶ См.: *Cromwell O.* Op. cit. Vol. 4. P. 260–279.

¹⁷ Интересно, что сама идея того, что король плох, потому что он король, судя по всему, зародилась в Англии в период реставрации королевской власти, и она нашла отражение в литературе последней четверти XVII в. В частности, яркое воплощение она нашла в поэме Джона Уилмота (1647–1680) «Satyr against the King».

¹⁸ *Cromwell O.* Op. cit. Vol. 2. P. 127.

¹⁹ «Protector» (англ.) – защитник.

²⁰ *Cromwell O.* Op. cit. Vol. 1. P. 518.

Н.П. Таньшина

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗОВ
ЛУИ-ФИЛИПП ОРЛЕАНСКИЙ:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
(по дипломатическим донесениям
российского посла во Франции
графа К.О. Поццо ди Борго)

Цель статьи заключается в реконструкции образа короля французов Луи-Филиппа Орлеанского по материалам дипломатической корреспонденции посла Российской империи во Франции графа К.О. Поццо ди Борго, хранящихся в фондах Архива внешней политики Российской империи. Особенность донесений Поццо ди Борго заключается в том, что они представляют собой не сухие дипломатические реляции, а настоящие эссе, воссоздающие широкую панораму жизни Франции в годы Июльской монархии и психолого-политический портрет короля Луи-Филиппа. Сведения, сообщаемые российским послом, способствовали формированию более объективных представлений о французском короле и режиме Июльской монархии в сознании российской политической элиты, что было особенно важно в условиях весьма непростых отношений между двумя странами.

Ключевые слова: российско-французские отношения, король французов Луи-Филипп Орлеанский, Июльская монархия, К.О. Поццо ди Борго, Николай I, нотабли.

Личность короля французов Луи-Филиппа Орлеанского, правившего Францией в период Июльской монархии (1830–1848), в последние годы все больше привлекает внимание историков¹. Во многом это связано с активизацией научного интереса к самому периоду существования во Франции режима Июльской монархии, который прежде не являлся приоритетной темой научных исследований. Июльская монархия анализировалась как некий промежуточный этап между войнами и империями, время господства финансовой буржуазии, спекуляций и коррупции, рас-

цветших под покровительством «короля-буржуа» Луи-Филиппа, крайне властолюбивого правителя, возведенного на трон Июльской революцией. Вряд ли король Луи-Филипп и возглавляемый им режим заслуживают столь однозначных оценок. Луи-Филипп позволил Франции стать более богатой и процветающей, чем при его предшественнике Карле X; годы его правления явились периодом высокой деловой активности, институциональной стабильности и внешнего мира. Это было время, когда Франция наконец-таки получила возможность развиваться в условиях свободы, реализовывать на практике теорию представительного правления и претворять в жизнь либеральные идеи в их умеренной интерпретации; именно в те годы закладывались основы современных политических институтов и традиций Франции, было положено начало созданию Второй колониальной империи. Июльская монархия явилась необычайно плодотворным этапом в развитии французской общественной мысли, литературы, достаточно назвать имена В. Гюго, О. де Бальзака, Стендаля, А. Дюма, Ж. Санд.

Талантливые современники Луи-Филиппа, такие как В. Гюго, Ф.-Р. де Шатобриан и многие другие, оставили блестящие зарисовки личности этого монарха. При всем противоречивом отношении к сложной и неоднозначной персоне короля, они подчеркивали главное: Луи-Филипп – это именно тот человек, который мог управлять Францией в тех непростых условиях. Точнее всего эту мысль выразил Франсуа-Рене де Шатобриан, отнюдь не являвшийся сторонником режима Июльской монархии и самого короля: по его словам, Луи-Филипп был «единственным властителем, которого могут вынести французы»².

Не менее яркие наблюдения о короле Луи-Филиппе оставил российский дипломат, корсиканец по происхождению, заклятый враг Наполеона Бонапарта, граф Шарль-Андре, а на русский манер – Карл Осипович Поццо ди Борго. С 1805 г. он находился на российской службе и двадцать лет, с 1815 по 1835 г., возглавлял посольство Российской империи в Париже. Взгляд Поццо ди Борго особенно интересен в связи с тем, что он не идеализировал ни персону самого короля, ни возглавляемый им режим. Кроме того, оценка Поццо ди Борго личности короля Луи-Филиппа – это, конечно, взгляд изнутри, поскольку граф практически всю свою карьеру пробыл во Франции, и эта среда была для него родной. В то же время он прежде всего дипломат, представляющий и отстаивающий интересы другого государства, который должен дать объективный анализ происходящего во Франции. Еще одним важ-

ным обстоятельством является независимость взглядов гордого корсиканца от настроений императора: как правило, дипломаты Николая, памятуя о его резком нраве, зачастую стремились доложить то, что государь желал услышать. В отличие от них, Поццо ди Борго, находясь на государственной службе, умел совмещать независимость суждений с сознательным выполнением официальных функций. Не стремившийся в Россию, не жаждавший там богатства, славы, доходных чинов и поместий (этим-то он и раздражал самодержца, упрекавшего посла, что тот хорошо знал Францию, но совсем не знал Россию, в которой не бывал, а русского языка так и не выучил), Поццо ди Борго давал трезвую оценку событий, происходивших во Франции, и личности самого короля Луи-Филиппа. В условиях натянутых отношений между Россией и Францией после Июльской революции это было очень важно.

Революция 1830 г. не стала для российского дипломата неожиданностью. С поразительной точностью он предсказал последовательность событий и размах грядущих потрясений. Негативно оценивая Июльскую революцию, Поццо ди Борго как реалистично мыслящий политик в то же время понимал, что единственное средство успокоить страсти во Франции, а значит, обеспечить стабильность всей Европе заключалось в признании легитимности режима Июльской монархии и короля Луи-Филиппа. Девизом всей политики российского дипломата можно считать его слова из письма к вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде от 8 (20) сентября 1830 г.: «С тех пор, как произошло непоправимое свержение Бурбонов, я стремился избежать установления во Франции республики»³.

Такой подход дипломата был особенно важен в условиях резко негативного отношения Николая к революционным переменам во Франции, когда император на первых порах в порядке эмоционального потрясения намеревался организовать вооруженную экспедицию во Франции с целью восстановления на престоле Карла X. Несмотря на то что Николай Павлович редко когда прислушивался к мнению своих советников, опираясь исключительно на свое понимание внешнеполитической ситуации, в данном случае Поццо ди Борго и вице-канцлеру Нессельроде удалось несколько сбить гнев императора, который в конце концов, скрепя сердце, был вынужден признать режим Июльской монархии и короля Луи-Филиппа.

С королем у Поццо ди Борго сложились весьма доверительные отношения, тем более что Луи-Филипп общению со своими министрами предпочитал беседы с членами дипломатического корпуса. Таким образом, российский посол имел прекрасную возможность

узнать французского короля и изложить свое мнение о его личности в донесениях вице-канцлеру.

Как справедливо подметил французский исследователь Ж. Берто, «для людей, мало знавших Луи-Филиппа, король был настоящей загадкой. В его характере была такая смесь противоречивых качеств, что было очень сложно разобраться в его истинной натуре»⁴. Представляется, что Поццо ди Борго блестяще справился с этой непростой задачей.

Какой же портрет короля Луи-Филиппа живописал российский дипломат?

Притчей во языцех стала «буржуазность» Луи-Филиппа, которую подчеркивали все современники короля. Главное, чем Луи-Филипп напоминал буржуа – это своей страстью к деньгам. Он являлся одним из богатейших людей Франции, причем не только вследствие того, что был крупнейшим лесовладельцем и финансистом, но, прежде всего, благодаря наследству, доставшемуся ему от герцога де Бурбон-Пентьева, незаконнорожденного сына Людовика XIV и одного из самых богатых людей своей эпохи⁵. Он значительно увеличил то громадное наследство, которое получил от отца. Причем в качестве короля по цивильному листу Луи-Филиппу приходилось довольствоваться содержанием лишь в 12 млн франков (в отличие от Карла X с его 40 млн франков)⁶. К концу 1830 г. состояние Луи-Филиппа резко увеличилось благодаря наследованию имений принца Конде.

Поццо ди Борго очень негативно относился к торгашескому духу, захлестнувшему Францию, и политике короля, оказывавшему этому всяческое содействие. Он писал Нессельроде: «Дух банка и коммерции, тщеславие парижской и провинциальной буржуазии – все это благодаря королю, который очень подходит буржуа. Желая им угодить, он ведет себя с ними фамильярно и простецки, он им расточает щедрые знаки внимания, он им повинует, он передает им в руки бразды правления страной»⁷. В то же время, как справедливо отмечал дипломат, такая политика приносила свои дивиденды в виде лояльности со стороны населения, прежде всего торгово-промышленных кругов и финансовых кругов, поддерживавших политику короля: «Собственник и распорядитель более чем миллиардного состояния, которое он без труда увеличивает, он в курсе всех дел, и это обеспечивает ему преданность и усердие со стороны служащих, а также гарантирует послушность тех, кто жаждет получить какое-нибудь место. Его привычки, манеры, даже его чувства облегчают ему общение с народными массами, а его

неоспоримая сноровка является в глазах простых людей одним из его главных достоинств»⁸.

Свое прозвище «короля-буржуа» Луи-Филипп получил за вполне буржуазный стиль жизни, который он вел как до восшествия на престол, так и после. Стремясь опереться на буржуазию, Луи-Филипп адаптировал к ней свой костюм, свое душевное состояние, свои привычки; своеобразными рекламными приемами, символизирующими его принадлежность к буржуа, были зонт и знаменитый парик, а также прогулки по парижским улицам без сопровождения и охраны, по крайней мере, в первые годы правления. Король принимал у себя представителей оппозиции; своих детей отдал учиться в буржуазную школу, «Коллеж Генриха IV»; он гримировался в буржуа с головы до ног, и у него это так искусно получалось, что все в итоге согласилось с его «буржуазностью».

Аристократу Поццо ди Борго такие заигрывания с «народом», даже с его очень состоятельными представителями, были явно не по душе. В то же время, по мнению посла, именно такой манеры поведения и должен был придерживаться Луи-Филипп, чтобы удержаться на троне и завоевать популярность в стране. Он писал вице-канцлеру: «Враги короля упрекают его за допущенные им ошибки и присущие ему слабости. И то и другое справедливо, однако в том состоянии инертности и морального кризиса, в котором оказалась Франция, последствия этого не являются такими уж вредными, какими они были бы в обществе менее деморализованном, чем это. Даже может быть, если бы король имел больше положительных качеств, он меньше бы соответствовал тем людям и массам, которые его материально поддерживают на троне. Больше возвышенности души, тонкости чувств, негодования против оскорбления, искренности, одним словом, – рыцарства, все это сделало бы его чуждым и несовместимым с нравами старых генералов, закаленных и разоренных Наполеоном, газетчиков, биржевиков, банкиров и амбициозных игроков, с нравами этих буржуазных нотаблей и лавочников, которые ведут себя в Тюильри как у себя дома, ничуть не смущаясь присутствия истинных аристократов, обладающих чувством превосходства и надменности»⁹. В этом весьма кратком пассаже российскому дипломату удалось дать необычайно точное и полное описание социальной базы режима Луи-Филиппа.

Характеризуя «буржуазность» короля, Поццо ди Борго подметил еще одну характерную черту. Российский посол ведет речь не просто о «буржуа», а о так называемых «нотаблях», или, как он их именуется, «буржуазных нотаблях». Действительно, король

Луи-Филипп опирался не на буржуазию как таковую и не на весь «средний класс», как утверждали либералы-орлеанисты, а на нотаблей – «влиятельных людей», представителей финансовой, деловой и просвещенной элиты французского общества. Именно этот социальный слой являлся опорой режима Луи-Филиппа; именно нотабли управляли Францией в эти годы. Посол писал: «В ответ на политику короля новоявленные нотабли снабжают его всеми средствами, которые он требует, дабы гарантировать его власть и их верховенство»¹⁰. Орлеанизм, то есть французский умеренный либерализм времен Июльской монархии, – это правительство элит; но это уже не аристократия родов, а аристократия нотаблей. Ее составляли старинные и богатые фамилии крупных торговцев, либеральная аристократия (как, например, герцог Л.-В. де Брой, которого за независимый нрав и «доктринерство» очень не любил Поццо ди Борго), юристы (Л. Моле), дворянство Империи (Н. Сульт, Жерар, Мортье), профессура Университета (Ф. Гизо, В. Кузен, Ф. де Вильмен). Как видим, проницательный дипломат сумел очень тонко подметить эту важную особенность социальной базы Июльской монархии; современными отечественными и зарубежными исследователями, вслед за известным французским историком Рене Ремоном, Июльская монархия трактуется именно как «правление нотаблей»¹¹.

Такая двойственная «буржуазность» короля Луи-Филиппа отмечалась многими его современниками; говоря словами Гюго, «манеры он усвоил при Старом порядке, а привычки при новом: то была смесь дворянина и буржуа, подходящая для 1830 года»¹². Несмотря на прозвище «король-буржуа», Луи-Филипп весьма ревностно относился к своим монаршим прерогативам. «Король-буржуа», он играл в монарха французского дома. Как отмечал посол Австрийской империи в Париже граф Рудольф Аппоньи, Луи-Филипп желал, чтобы «отношения дипломатического корпуса с его двором были такими же, как при Людовике XVIII или Карле X»¹³. По словам французского историка Ж. Берто, «для тех, кто хорошо знал короля, не было никаких сомнений: это был настоящий аристократ, а не буржуа, каким он пытался, и безуспешно, предстать в глазах французов»¹⁴.

Луи-Филипп очень хотел, чтобы его приняли, несмотря на революционное происхождение его власти, в королевские фамилии Европы. Традиционным средством достижения этой цели являлись династические браки. Таким образом Луи-Филипп, как заботливый отец, мог устроить будущее своих многочисленных

детей, а заодно стать полноправным членом европейской семьи монархов.

Приверженность Луи-Филиппа семейным ценностям была общеизвестным фактом и составляла еще один аспект его «буржуазности», однако в глазах современников это являлось скорее недостатком, нежели достоинством. По словам Гюго, король «был скромнен во имя Франции», и в нем «слишком громко говорило отцовское чувство»¹⁵. «Политика, более семейная, нежели национальная»¹⁶ – так отзывался о царствовании Луи-Филиппа великий писатель. Ему вторил и знаменитый автор «Гения христианства»: «Две страсти губят его достоинство: чрезмерная любовь к собственным детям и ненасытная жажда богатства; обе они будут беспрестанно помрачать его рассудок»¹⁷.

Действительно, подобные упреки Луи-Филиппа в осуществлении династической политики и пренебрежении национальными интересами Франции были весьма распространены во французском обществе. У Луи-Филиппа было десять детей (двое из них умерли в раннем возрасте), и всех их нужно было женить и выдать замуж. Еще вступая на престол, Луи-Филипп позаботился о материальном благосостоянии своих детей: он не присоединил своих имений к государственным имуществам, как это делали короли Бурбоны, а дарственными записями закрепил большую его часть за своими детьми. Он опасался, что с его детьми может произойти то же самое, что и с Бурбонами, и что он сам окажется в изгнании почти без средств к существованию.

Поццо ди Борго так отзывался об этой стороне деятельности Луи-Филиппа: «Есть еще одна цель, которой король французов следует с неослабевающим желанием и упорством и которая составляет существенную часть его политики, – это обустройство своих семейных дел. Убежденный, что ему сложно, если не невозможно, соединиться родственными узами с дворами Севера¹⁸, он стремится обеспечить своим детям короны и троны Юга...»¹⁹.

Однако для того, чтобы эти брачные союзы состоялись, с самого начала правления Луи-Филиппу нужно было убедить европейских монархов в том, что Франция не вынашивает экспансионистских планов, что она собирается действовать на внешнеполитической арене строго в рамках Венской системы, стремясь стать полноправной участницей «европейского концерта». Несмотря на закрепившееся за Луи-Филиппом прозвище «короля баррикад» и службу в революционной армии, он не был радикалом в политике. Принятие короны из рук революции в 1830 г. явилось его последним рево-

люционный акт. Девизом всего его царствования были слова: «Порядок и свобода». Он не хотел разжигать пожар войны в Европе; самым большим его желанием было добиться признания его короны другими европейскими монархами, и он надеялся добиться этого с помощью проведения конституционной внутренней и миролюбивой внешней политики.

Такой умеренный и осторожный подход весьма импонировал Поццо ди Борго. Характеризуя внешнеполитическую линию Луи-Филиппа, он подчеркивал миролюбивые намерения короля и его стремление достичь европейской стабильности. «Он убежден, – писал дипломат, – что война вызовет во внутреннем устройстве Франции такие изменения, что будет невозможно не опасаться самых опасных и самых фатальных последствий»²⁰. По словам российского дипломата, «король не хочет войны по единственной причине: он опасается, что она приведет к его собственному свержению»²¹. «Луи-Филипп осознает свое положение; он понимает, что для того, чтобы сохранить занимаемое им место, нужно исключить любые опасные и серьезные испытания; именно по этой причине он противится войне и всему, что может сделать ее неизбежной», – сообщал граф²².

Можно сказать, что Поццо ди Борго в некоторой степени оправдывал курс французского правительства на усиление вооруженных сил, воспринимая военные приготовления как меру оборонительного характера. Он отмечал: «Армия ни в коей мере не нацелена на наступательные действия... Даже войска, сосредоточенные на границе с Пиренеями²³, не собираются воевать. Следовательно, Франция не дает поводов для беспокойства; она не хочет потрясти спокойствие других держав; единственным оружием Франции является ее моральное влияние, а также пыл ее публицистов и пропагандистов»²⁴.

Однако именно деятельность «пропагандистов» очень беспокоила Поццо ди Борго. Несмотря на то что в области внутриполитических преобразований Луи-Филипп решительно занял очень умеренную линию, представленную на политическом небосклоне флангом Сопротивления, сторонники более активного реформирования общества, группировавшиеся под знаменами Движения, особенно в первые годы Июльской монархии, имели весьма прочные позиции²⁵. По словам российского дипломата, король и его министры, прекрасно осознавая опасность призывов к войне и в целом революционной пропаганды, не могли им активно противодействовать, ибо эта «пропагандистская война», по мнению

посла, была заложена в самих «основах Июльской революции и пагубных доктринах, которые она освящала»²⁶. Как видим, Поццо ди Борго справедливо отмечал влияние на политику Луи-Филиппа такого фактора, как общественное мнение, которое король должен был учитывать, по крайней мере, в первые годы своего правления. Посол докладывал Нессельроде: «Король очень хорошо понимает опасность революционной пропаганды, особенно с тех пор, как ею занялась республиканская партия. Тем не менее он не рискнет ее отрицать, и не будет бороться с ней во всеуслышание, дабы не оказаться в прямой оппозиции духу Июльских дней и настроениям некоторых из своих министров...»²⁷.

Действительно, значительные круги французского общества были настроены в пользу ширококомасштабных внешнеполитических акций, призванных восстановить былое влияние и престиж Франции в Европе; французы жили в плену «наполеоновской легенды», неосторожно задетой самим правительством Луи-Филиппа, и результаты этого несоответствия национальных чаяний и компромиссного политического курса правящих кругов в полной мере проявились в 1848 г.

Пока же, в начале 1830-х годов, Поццо ди Борго упрекал короля в заигрывании с оппозицией, в политической недалекости по отношению к своим оппонентам. В данной связи показателен разговор, состоявшийся между королем и послом в первый день 1834 года, когда в самый канун праздника в проправительственной газете «Le Journal des Débats» была опубликована статья, направленная против русской политики на Востоке. Луи-Филипп, желая сгладить негативное впечатление от этой публикации, произнес буквально следующее: «Те, кто возглавляют газету, являются людьми богатыми, независимыми от меня и моего правительства. Хотя обычно они нас поддерживают, зачастую мы выступаем объектом критики...»²⁸. Любопытный момент: то, что так неприятно поразило Поццо ди Борго и с его точки зрения свидетельствовало о слабости короля, мы бы могли воспринять как настоящее торжество принципа свободы прессы! (хотя в 1835 г. во Франции были приняты законы, ограничивающие деятельность печатных органов).

По мнению посла, одна из ошибок Луи-Филиппа, стремившегося сохранить власть, заключалась в том, что он не прилагал серьезных усилий для укрепления своих позиций: «... король желает мира и, однако, не сопротивляется мерам, которые могут привести к войне... Слабость короля и состав его правительства не предостав-

ляют никаких гарантий против событий, которые могут подвергнуть Европу опасности и поставить ее под ружье»²⁹.

Не только парламентская и внепарламентская оппозиция доставляла хлопоты Луи-Филиппу; часто он не мог найти общего языка с членами правительства, регулярно сетуя графу на «амбиции и интриги его собственных министров»³⁰. Поццо ди Борго писал вице-канцлеру об одной из своих встреч с королем, состоявшейся в Зале Совета в Тюильри: «Рассказывая мне о сложностях, которые зачастую ему доставляют министры, он мне сказал: «Вы не представляете, как часто я вижу за этим столом главу оппозиции!»³¹.

Конечно, в этих словах короля присутствовала доля лукавства. Луи-Филипп был королем в высшей степени умным, активным, но властным и мелочным. Он хотел решать все дела сам, вмешиваться во все детали; суть его правительственной системы заключалась в том, чтобы управлять Францией с помощью, а не посредством Палат. «Система короля по отношению к своему Совету может заключаться в следующем изречении: «разделять, чтобы властвовать»³² – так характеризовал политическую концепцию Луи-Филиппа Поццо ди Борго.

В донесении Нессельроде от 8 (20) июня 1834 г. он писал: «Луи-Филипп, опираясь на новую Францию, Францию доктринерскую, промышленную и буржуазную, придерживаясь либеральных принципов правления, введенных в практику людьми гнусными и раболопными, обладает почти безграничной властью в стране»³³. Это очень точное наблюдение. Луи-Филиппу очень нравилось быть королем; он испытывал страсть к власти и имел исключительно высокое мнение о своем таланте политика. Кроме того, как верно отмечал английский исследователь Теодор Зелдин, Луи-Филипп полагал, что должен обладать властными полномочиями еще и потому, что если он станет «бессильным» конституционным монархом и предоставит решение всех вопросов профессиональным политикам, те ввергнут страну в ужасную смуту, революцию, войну, а его самого лишат престола³⁴. Поэтому король хотел отделаться от сильных политиков, таких как Л.-В. де Брой и А. Тьер, создавал, по крайней мере, до октября 1840 г., нестабильные министерства и не противодействовал затяжным министерским кризисам.

Король, по словам Поццо ди Борго, был «единственным государственным деятелем, существующим во Франции»³⁵. В то же время посол отмечал, что «воля короля доминирует», когда речь идет, прежде всего, о внешнеполитических вопросах. Когда же обсуждаются вопросы внутренней политики, «из-за слабости или,

скорее, из-за недостатка знаний и основательности в суждениях, он не рискует противиться своим министрам или брать инициативу на себя, даже по самым важным вопросам...»³⁶.

В целом, называя Июльскую монархию «аномалией», правлением короля, стоящего «во главе республиканских учреждений», Поццо ди Борго сомневался в возможности формирования длительной и стабильной политической системы во Франции. «Надеяться, что Франция в ее нынешнем положении сможет на равных договариваться с иностранными державами, внушая им уверенность, что ее мирное развитие не будет нарушено какими-либо непредвиденными событиями, – это значит обманывать себя. Луи-Филипп лично очень слаб, чтобы можно было на него рассчитывать, а происхождение его власти не может способствовать созданию стабильного и прочного правительства», – писал он в 1832 г.³⁷ Эти же сомнения посол выражал спустя два года, накануне своего отъезда в Великобританию: «...природа демократических учреждений, которые царствуют в этой стране, живость и недисциплинированность умов, свобода и дозволенность обо всем говорить и обо всем писать, – все это мешает родиться духу по-настоящему монархическому...»³⁸.

В конце декабря 1834 г. вице-канцлер Нессельроде сообщил графу Поццо ди Борго о его переводе в Лондон; 5 января 1835 г. он официально был назначен послом Российской империи в Великобритании. Когда 28 декабря 1839 г. высочайшим рескриптом Поццо ди Борго был уволен с государственной службы, он не вернулся на родной остров и не отправился в Россию. Те немногие годы, которые ему еще отвела судьба, он провел во Франции. Старый и больной, с помутившимся рассудком, Поццо ди Борго умер 15 февраля 1842 г. в Париже, в отеле на улице Университе. Июльская монархия просуществовала еще шесть лет и была сметена очередной революцией. Король Луи-Филипп с семьей был вынужден эмигрировать в Великобританию, обретя пристанище в замке Клермонт, принадлежавшем его зятю, бельгийскому королю Леопольду, где тихо ушел из жизни 26 августа 1850 г. в возрасте 76 лет. Как отмечал современник короля, англичанин Чарльз Гревилл, «это событие, которое три года назад вызвало бы сенсацию в Европе, сегодня не произвело большого эффекта... говоря политическим языком, он был уже давно мертв»³⁹.

Еще в середине 1830-х годов Поццо ди Борго верно уловил главную ошибку, допущенную Луи-Филиппом, которая в результате стоила ему короны. Он писал: «Нельзя не признать за Луи-Филиппом личной смелости и физической храбрости, но ему не хватает храбрости гражданской. Следствием этого является то, что

Н.П. Таньшина

он больше способен сопротивляться, нежели созидать»⁴⁰. Именно действий, реформ, движения не хватало режиму Июльской монархии, особенно в 1840-е годы. Да, Луи-Филипп добился определенной политической стабильности режима, но эта стабильность стала восприниматься французами как стагнация, что привело к росту общественного недовольства в стране. Альфонс Ламартин, блистательный поэт-романтик, ставший после февраля 1848 г. мнистром-республиканцем, очень точно охарактеризовал состояние страны одной-единственной фразой: «Франция скучает».

Примечания

- ¹ См., например: *Antonetti G.* Louis-Philippe. P., 2002; *Bordonove G.* Louis-Philippe. 1830–1848. Roi des Français. P., 2009; *Price M.* Louis-Philippe. Prince et le roi. La France entre deux révolutions. P., 2009.
- ² *Шатобриан Ф.-Р. де.* Замогильные записки. М., 1995. С. 553.
- ³ Цит. по: *Maggiolo A.* Corse, France et Russie. Pozzo di Borgo. 1764–1842. P., 1890. P. 330.
- ⁴ *Bertaut J.* Louis-Philippe intime. P., s. a. P. 76.
- ⁵ *Зелдин Т.* Франция. 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004. С. 358.
- ⁶ Французские короли и императоры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 526.
- ⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. Д. 144. Л. 419 об.
- ⁸ Там же. Д. 145. Л. 326 об.
- ⁹ Там же. Л. 175 об.–176 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 144. Л. 419 об.
- ¹¹ *Rémond R.* La droite en France. De la première Restauration à la Ve République. P., 1963.
- ¹² *Гюго В.* Отверженные // Гюго В. Собрание соч. в семи томах. М., 1993. Т. 4. С. 18.
- ¹³ *Аппоньи Р.* Vingt-cinq ans à Paris. (1826–1850). Journal du compte Rodolphe Apponyi, attaché de l'ambassade d'Autriche à Paris. Т. 1–2. P., 1913. Т. 2. P. 304.
- ¹⁴ *Bertaut J.* Op. cit. P. 76.
- ¹⁵ *Гюго В.* Указ. соч. С. 18–19.
- ¹⁶ Там же. С. 18.
- ¹⁷ *Шатобриан Ф.-Р. де.* Указ. соч. С. 552.
- ¹⁸ Так в XIX веке именовали российский, австрийский и прусский дворы.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 144. Л. 426. В результате этих династических браков старший сын короля, наследник престола герцог Орлеанский женился на

Елене Мекленбург-Шверинской; Мария Луиза вышла замуж за короля Бельгии Леопольда I; Мария – за герцога Вюртембергского; герцог Немурский женился на Виктории Саксен-Кобургской; принцесса Клементина вышла замуж за Августа Саксен-Кобургского и стала матерью царя Болгарии Фердинанда I; принц Жуанвильский был женат на Франческе, принцессе Бразильской, дочери императора Педру II; герцог Омальский женился на Марии Каролине Бурбон-Сицилийской; супругой герцога де Монпансье стала Луиза Фернанда Испанская, сестра королевы Изабеллы II.

²⁰ Там же. Д. 197. Л. 77.

²¹ Там же. Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 100. Л. 14 об.

²² Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 177.

²³ В Испании с 1833 г., после смерти короля Фердинанда II, шли «карлистские войны» между доном Карлосом и регентшей Марией Кристиной.

²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 178 об.–179.

²⁵ Движение и Сопrotивление – два фланга орлеанизма. Если сторонники Движения (Ж. Лаффит, О. Барро, Ж.-М. Лафайет) выступали за углубление и расширение революционных преобразований, содействие развитию революционного движения за пределами Франции, то лидеры политики Сопrotивления (Ф. Гизо, Л.-В. де Брой, К. Перье) полагали, что с победой Июльской революции и установлением власти Луи-Филиппа революция является оконченной, и все усилия должны быть направлены не на дальнейшую трансформацию политических институтов, а на их стабилизацию, на упрочение уже достигнутого.

²⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 178 об.–179.

²⁷ Там же. Л. 327.

²⁸ Там же. Д. 144. Л. 11 об.

²⁹ Там же. Д. 197. Л. 283 об., 284 об.

³⁰ Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 65.

³¹ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 177.

³² Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 13.

³³ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 144. Л. 425–425 об.

³⁴ *Зелдин Т.* Указ. соч. С. 357.

³⁵ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 11–11 об. Исключение Поццо ди Борго делает только в отношении «хитрого лиса» Ш.-М. Талейрана, который в это время занимал пост посла Франции в Великобритании.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 198. Л. 21 об.–22.

³⁸ Там же. Д. 145. Л. 326.

³⁹ *Greville Ch.* Les quinze premières années du règne de la reine Victoria. P., 1889. P. 442.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 121. Л. 11–11 об.

А.В. Воеводский

ДЖОН Т. ДЖАБАВУ –
ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ПОЛИТИК
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ¹

Статья посвящена анализу политической биографии южноафриканского журналиста и общественного деятеля Джона Тенго Джабаву (1859–1921). Его жизнь и деятельность представляют собой яркий пример тех проблем, с которыми сталкивались первые представители африканской интеллигенции Южной Африки в конце XIX – первой трети XX в. Для него была характерна как искренняя приверженность западным ценностям, так и стремление сохранить традиции своего народа, он был и союзником английских либералов и капских африканеров, был, пожалуй, единственным крупным африканским общественным деятелем, поддержавшим африканеров в Англо-бурской войне 1899–1902 гг. Джабаву по праву считают одним из зачинателей движения протеста среди африканского населения Южной Африки, но одновременно он был одним из критиков образованного в 1912 г. Южноафриканского туземного национального конгресса (будущего АНК). Все эти противоречия во взглядах и деятельности Джабаву невозможно понять без анализа той эпохи, в которой он жил.

Ключевые слова: Южная Африка, Джон Т. Джабаву, Капская колония, Южно-Африканский Союз, история расовой дискриминации в Южной Африке.

Джон Тенго Джабаву является одной из знаковых фигур в истории развития просвещения и общественной мысли среди чернокожего населения Южной Африки. Он был журналистом и издателем, благодаря его усилиям открылось высшее учебное заведение для африканцев – Колледж Форт-Хейр. Его жизнь является

© Воеводский А.В., 2012

отражением тех противоречий и проблем, связанных как с внешними обстоятельствами, так и с внутренними мировоззренческими разломами, с которыми приходилось сталкиваться представителям африканской образованной элиты. Для каждого из них был характерен свой путь, своя позиция, но между ними было и очень много общего, определявшего их единство. Личность и деятельность Дж. Т. Джабаву представляют необычайно богатый материал для ответа на вопрос: кем были первые африканские интеллигенты Южной Африки, как они понимали свою миссию?

Дж. Т. Джабаву родился 11 января 1859 г. в небольшой деревне Тйотйора в окрестностях Форта-Бофорт в Капской колонии Великобритании. Он принадлежал к этнической общности *мфенгу* (финго) – потомкам переселенцев из Натала, оставивших свои родные места в результате войн и миграций периода *мфец'ане*². Начиная с Пограничной («кафрской») войны 1834–1835 гг.³, предки Джабаву были тесно связаны с Капской колонией Великобритании: служили в «туземном» ополчении во время войн с *кóса*, работали на фермах европейцев, селились на миссионерских станциях. Его отец, Нтванамби Джабаву, был регентом церковного хора в миссии Хилдтаун, и здесь же юный Джабаву поступил в начальную школу. Проявив хорошие способности в математике и литературе, он продолжил свое обучение в учительской семинарии, по завершении которой в 1875 г. он занял пост учителя начальной школы в округе Сомерсет-Ист.

Джабаву не остановился на достигнутом. После нескольких лет упорных занятий он в 1883 г. выдержал вступительные экзамены в Кейптаунский университет, что до него смог сделать лишь один представитель коренного населения Южной Африки.

Параллельно с учебной и преподавательской деятельностью Джабаву пробовал себя в журналистике. Он стал регулярно посылать статьи и заметки в газету «Кейп Аргус», издателем которой был Саул Соломон – известный политический деятель Капской колонии либерального направления. В своих публикациях Джабаву в первую очередь касался вопросов положения африканского населения, но одновременно он проявлял живейший интерес к политической жизни, внимательно изучал отчеты о дебатах в законодательном собрании Капской колонии⁴.

Решающую роль в дальнейшей карьере Джабаву сыграло его назначение в 1881 г. на пост редактора первой африканской газеты «Исигидими самакоса» (Вестник *кóса*), издававшейся в Лавдейле с 1870 г. Ее задачей было, как говорилось в первом номере изда-

ния, «выступать за общее дело миссионеров, в интересах туземного народа»⁵. Но влияние и значение «Исигидими» далеко выходили за рамки пропаганды христианства и европейской культуры. Еще до прихода в редакцию Джабаву газета стала главным выразителем чаяний и интересов народа *кóса*, в первую очередь его образованной части.

В период своего пребывания на посту редактора «Исигидими» с 1881 по 1883 г. Джабаву оказался в центре интеллектуальной жизни Лавдейла – одного из лучших образовательных учреждений Южной Африки второй половины XIX в. Атмосфера этого учебного заведения, из стен которого вышли многие представители африканской интеллигенции, не могла не сказаться на взглядах и мировоззрении Джабаву. Здесь к началу 1880-х годов сложился кружок первых африканских интеллектуалов и просветителей. В него входили: Элия Макиване, священник и литератор, ставший в последующем президентом Ассоциации туземного образования; Джон Нокс Бокве, журналист и переводчик, автор церковных гимнов и песен на языке *исикóса*; Мпамбани Иеремя Мзимба, основавший в 1898 г. независимую Африканскую пресвитерианскую церковь и другие выпускники Лавдейла⁶.

О настроениях, царивших среди новой африканской образованной элиты, говорят публикации, появлявшиеся на страницах «Исигидими» в конце 70-х годов XIX в. Один автор, писавший под псевдонимом Хлати Ломтонгси, видя несчастья, постигшие *кóса* в результате войн и европейской колонизации, задавался вопросом, как избавиться от постигших африканцев страданий: «Взять в руки копье? Нет, мы пытались сделать это и потерпели неудачу. Единственное решение – учиться и приобретать знания»⁷. Другой автор, выражая разочарование в английской политике, указывал, что Британия «посылает нам проповедника и одновременно бутылку спиртного, посылает Библию, а вместе с ней порох»⁸. Однако в целом «Исигидими», издававшаяся под патронажем миссионеров, оставалась лояльной властям. Войны, которые вели английские войска и колонисты против африканских народов, воспринимались как борьба христианства с язычеством, цивилизации с варварством⁹. Представители новой африканской элиты, получившие образование в миссионерских школах, большей частью разделяли идею «цивилизаторской» миссии европейцев. Они выступали лишь за устранение некоторых недостатков колониального правления, но ни в коем случае не против самой системы. «Вы знаете, что ум кафра схож с разумом ребенка. Мы не можем помочь себе сами.

Уберите бренди немного подальше, как бы вы сделали с негодной пищей, если ваши дети тянутся к ней», – писал в «Исигидими» автор, скрывавшийся под инициалами Х. Й. З.¹⁰

Став редактором «Исигидими», Джабаву попытался вдохнуть в газету новую жизнь. Значительную часть публикаций он отводил отчетам о дебатах в капском парламенте, высказывался в поддержку политиков либерального направления, выступавших против наиболее одиозных законодательных мер, направленных против африканцев. Эта деятельность шла вразрез с задачами и идеологической направленностью миссионерского издания, и сразу после истечения 3-летнего контракта Джабаву оставил пост редактора. Но приобретенные им опыт и связи оказали ему неоценимую помощь в будущем при реализации амбициозного проекта – создания первой африканской политической газеты.

1880–1890-е годы стали временем роста политического сознания и активности чернокожего населения. В Капской колонии создавались объединения избирателей-африканцев и так называемые туземные ассоциации бдительности, в которых обсуждались вопросы текущей политики, зачитывались статьи из газет, выносились решения по кандидатам в депутаты парламента. Подобная политическая деятельность была возможна благодаря знаменитому «капскому избирательному праву», не признававшему различий по цвету кожи. Чтобы участвовать в выборах депутатов нижней палаты законодательного собрания, достаточно было быть собственником недвижимого имущества стоимостью 25 ф. ст. или иметь доход 50 ф. ст. в год¹¹. С 1880-х годов на востоке Капской колонии голоса африканцев стали играть определяющую роль в выборах депутатов нижней палаты парламента. В пяти восточных избирательных округах число африканских избирателей увеличилось с 14 % в 1882 г. до 47 % в 1886 г.¹² Причем их голосование отличалось слаженностью и организованностью. Как правило, они отдавали предпочтение тем кандидатам, которые получали одобрение на предварительных собраниях африканских избирателей.

Другая важнейшая тенденция 1880-х годов – политическая консолидация африканеров, составлявших большинство белого населения Капской колонии. В 1882–1883 гг. был образован Африканер Бонд (Союз африканеров), ставший первой политической партией Южной Африки¹³. Рост влияния Бонда представлял опасность как для африканского населения, так и англичан, видевших в нем прямую угрозу своим интересам. Только поддержка чернокожих избирателей могла сохранить хрупкий политический баланс в колонии.

В этих условиях происходит настоящий взлет популярности и влияния Джабаву – политика и журналиста.

В 1882 г. была образована первая политическая организация африканцев «Имбумба яма ньяма»¹⁴, ставившая своей целью сплочение африканцев в борьбе за свои права. По всей видимости, Джабаву не вошел в состав этой организации, однако он принял активное участие в деятельности других организаций африканцев. Так, он являлся активным деятелем и фактически лидером Туземной образовательной ассоциации, которая соперничала с «Имбумба» за влияние среди африканского населения восточных районов Капской колонии. Другим важным направлением деятельности Джабаву стала работа по консолидации голосов избирателей-африканцев на выборах в парламент колонии в пользу тех кандидатов-европейцев, которые пользовались известностью в качестве «друзей туземцев». С этой целью им в 1884 г. была создана Ассоциация избирателей-туземцев Кинг-Уильямс-Тауна¹⁵.

На выборах 1884 г. Джабаву агитировал в пользу одного из представителей либеральной фракции «независимых» в капском парламенте – Джеймса Роуз-Иннса, что обеспечило ему победу в округе Виктория-Ист. Для сохранения этой поддержки группа либералов, среди которых был брат депутата – Ричард У. Роуз-Иннс, решила финансировать африканскую политическую газету, с проектом организации которой выступил Джабаву. Целью издания было выражение мнения африканского населения и консолидация чернокожих избирателей¹⁶. 3 ноября 1884 г. вышел первый номер газеты «Имво забанцунду», редактором которой стал Дж. Т. Джабаву. Он писал в первом номере нового издания: «Настало время для создания газеты на английском и ко́са, чтобы беспрепятственно выражать чувства туземного населения перед правительством и европейской публикой... Среди туземцев уже сформировался крупный общественный слой, который научился чувствовать отвращение к варварскому образу жизни и стремится к цивилизации. “Имво” намеревается служить тем канатом, с помощью которого эти борцы за новое смогут достичь берега цивилизации»¹⁷. Как видно, Джабаву ставил перед собой не только политические цели, но и намеревался способствовать при помощи своей газеты просвещению своего народа, распространению среди африканцев европейских ценностей. Но все-таки в первую очередь «Имво» была общественно-политическим печатным органом.

В обмен на финансовую помощь Дж. Роуз-Иннс требовал от редактора «Имво» снабжать его информацией о происходящем в

восточных дистриктах Капской колонии и настроениях среди африканцев, а также предоставлять поддержку своим сторонникам на выборах в парламент. В свою очередь Джабаву выдвигал встречные просьбы о поддержке интересов чернокожего населения. Как видно из корреспонденции, которой обменивались Роуз-Иннс и Джабаву, последний не был простой марионеткой в руках белых политиков. Зависая от них материально, по многим проблемам он старался отстаивать свою точку зрения. Он предлагал активнее использовать голоса африканцев в борьбе с Бондом, пойти на мобилизацию «черного» электората. Правда, его увещевания не оказывали должного действия¹⁸.

В этот период Джабаву безусловный приоритет в политической, общественной и культурной жизни отдавал Великобритании. Само за себя говорит его высказывание о значении английского языка для прогресса африканцев: «Английский язык – это ключ к знаниям. Без достаточного уровня владения им, который мог бы привить вкус к чтению, великая английская литература – запечатанная книга, и такой школяр остается необразованным, живущим в крошечном мире представлений буров или нетронутых [цивилизацией] туземцев»¹⁹.

На страницах «Имво» Джабаву затрагивал наиболее животрепещущие вопросы: налогообложение африканского населения, избирательная реформа, система пропусков, изменение формы землевладения. Выступая от лица всего чернокожего населения, он указывал на недостатки колониальной системы, обличал дискриминационные меры по отношению к африканцам. Однако Джабаву не был сторонником радикальных перемен в системе управления Капской колонии. Наоборот, именно в сохранении власти англичан он видел залог будущего прогресса своего народа²⁰. Достаточно красноречиво взгляды образованных африканцев, одним из признанных лидеров которых был Джабаву, выразил 11 июня 1889 г. Джон Бокве. Говоря о предложении депутатов-африканеров принять закон, ограничивавший свободу передвижения африканцев, Бокве заявил: «Эта страна принадлежит Британской империи. Одним из великих преимуществ этой империи была свобода для всех лояльных подданных. Мы все – лояльные подданные Ее Величества королевы, хотя наш цвет кожи черный»²¹.

Став признанным выразителем мнения чернокожего населения Капской колонии, Джабаву сохранил в своих действиях и взглядах крайнюю умеренность. Он был против самостоятельного участия африканцев в политической жизни. Максимум, что он допускал, –

это организация петиционных кампаний. Уже намного позднее, в 1920 г., он высказал мысль, что белые по отношению к африканцам должны исполнять хорошо знакомую пастухам роль «коз, ведущих овец»²². Это высказывание достаточно емко выражает взгляды Джабаву на саму природу и роль господства белых в Южной Африке. Однако, даже несмотря на столь умеренные взгляды, деятельность Джабаву вызывала серьезное беспокойство у ряда влиятельных белых политиков. Так, премьер-министр Капской колонии Гордон Спригг заявил на заседании капского парламента 2 июня 1887 г.: «Я недостаточно знаком с кафрским языком, чтобы самому читать эти статьи, но меня информировали, что они крайне клеветнические и подстрекательские»²³.

Вначале сотрудничество Джабаву и политиков-либералов приносило свои плоды. Благодаря их совместным действиям и агитации удалось избежать принятия правительством таких репрессивных законопроектов, как ужесточение системы пропусков для африканцев и узаконивание права белых хозяев подвергать своих чернокожих слуг телесным наказаниям²⁴. Однако постепенно с ростом политической активности африканцев ситуация стала меняться. В 1887 г. через парламент была проведена поправка к избирательному закону, лишавшая права голоса жителей колонии, владевших недвижимым имуществом на правах общинной собственности. Это мера была в первую очередь направлена на ограничение численности африканских избирателей. В результате права голоса лишились 18 тыс. чел.²⁵ По мнению Джабаву, принятие этих поправок стало «серьезнейшим ударом по правам туземцев с тех пор, как в колонии были введены представительные учреждения». Он предупреждал белых жителей колонии: «В условиях парламентского правления выборное представительство – это ваш предохранительный клапан. Перекройте этот клапан, и произойдет взрыв»²⁶. Таким образом, для Джабаву нерасовое избирательное право было не только условием защиты прав африканцев, но и должно было способствовать поддержанию стабильности в стране. Он верил, что лишь включение африканцев в английскую либеральную политическую систему может служить залогом гармоничного развития всех групп южноафриканского населения.

Однако наступление на избирательные права африканцев на этом не закончилось. Следующим шагом в этом направлении стало принятие в 1892 г. нового избирательного закона, повышавшего ценз до 75 ф. ст. стоимости недвижимого имущества или 50 ф. ст. совокупного дохода за год. Новым условием также было наличие

элементарной грамотности у избирателей. Эти положения не встретили серьезного сопротивления со стороны депутатов парламента. Даже члены либеральной фракции «независимых» голосовали «за»²⁷.

Джабаву теперь все труднее было убеждать своих читателей, что либеральные политики все еще остаются «друзьями» африканцев и им необходимо продолжать оказывать свою поддержку. Со стороны и белых, и его соплеменников высказывались обвинения, что Джабаву являлся лишь марионеткой в руках узкой группы английских политиков. Свою роль в росте недоверия сыграло и его происхождение, так как *кóса*, составлявшие подавляющее большинство африканского населения Капской колонии, относились к *мфенгу* с недоверием и многие считали их предателями, перешедшими на сторону колонистов еще в 1835 г. Сам Джабаву также с большой ревностью и подозрением относился к представителям нового поколения африканских политических деятелей²⁸.

В 1897 г. в соперничество за голоса и влияние среди африканских избирателей вступила другая африканская газета – «Изви лабанту», издателем которой был священник Уолтер Рубусана, один из самых популярных африканских лидеров восточной части Капской колонии, *кóса* по происхождению. Отличительной чертой редакторской политики «Изви» стало стремление выступать с независимых позиций, без оглядки на авторитеты «белой» Южной Африки. Если Джабаву был противником самостоятельного участия африканцев в политической жизни Капской колонии, то Рубусана и его единомышленники, наоборот, стремились, чтобы голос черного народа приобрел действительно самостоятельное звучание. Другим фактором, усилившим антагонизм между двумя пионерами африканской журналистики, стала их принадлежность к соперничавшим христианским церквям – Джабаву был методистом, а Рубусана принадлежал к общине конгрегационалистов²⁹.

Долго назревавший кризис разразился во время очередных выборов в 1898 г. Джабаву, разочаровавшись в возможностях Дж. Роуз-Иннса, стал поддерживать бывших членов либеральной фракции «независимых» в капском парламенте Дж. Мерримана и Якоба Зауэра (Jacobus Sauer), перешедших на сторону Бонда и его лидера Яна Хофмейера. Столь радикальная перестановка политических сил Капской колонии была вызвана, прежде всего, усилением экспансионистских устремлений в правящих кругах Лондона и Кейптауна, главным выразителем которых был Сесил Родс – крупнейший горнопромышленный магнат Южной Африки и пре-

мьер-министр Капской колонии в 1890–1895 гг. Предпринятая им в 1895 г. попытка насильственной аннексии Трансвааля лишила его поддержки Африканер Бонда³⁰. Часть либерально настроенных депутатов, выступавших против любых вооруженных действий в отношении независимых республик – Трансвааля и Оранжевого Свободного государства, также перешли на сторону Африканер Бонда. В этих условиях Джабаву необходимо было определяться со своими политическими симпатиями, и он склонился к поддержке английских либеральных политиков Дж. Мерримана и Я. Зауэра, объединившихся с Я. Хофмейером.

Подобный шаг кажется парадоксальным лишь на первый взгляд. Поддержка Бонда отнюдь не являлась для Джабаву предательством его собственных принципов. Среди африканеров Капской колонии также были достаточно распространены либеральные взгляды, а их политические лидеры отнюдь не выступали за полный запрет на участие африканцев в политической жизни Капской колонии. Скорее они хотели свести его лишь до таких пропорций, когда африканцы не могли бы оказывать решающего воздействия на исход выборов и не угрожали бы сохранению господства европейцев. В ходе предвыборной кампании 1898 г. лидер Бонда Я. Хофмейер даже заявил, стремясь привлечь голоса избирателей-неевропейцев, что он не лишил права голоса ни одного африканца³¹. Однако рядовые читатели «Имво» вряд ли в большинстве своем разбирались в хитросплетениях капской политики, и для них столь резкая смена политического курса Джабаву не могла пройти бесследно. Он стал постепенно терять безусловную поддержку среди африканцев.

Этот кризис усилился в ходе Англо-бурской войны 1899–1902 гг., когда Джабаву начал открыто выступать с проафриканерских позиций и возлагал вину за развязывание конфликта на английских политических деятелей. В передовице «Имво» от 16 октября 1899 г. вся вина за развязывание войны возлагалась на «безответственную военную партию Британии и Южной Африки», предъявившую бурам Трансвааля невыполнимые требования «немедленно в один день превратить свое консервативное государство в такое же либеральное, как какая-нибудь Утопия»³². Защищаясь и отвергая обвинения в предательстве интересов африканцев, Джабаву заявлял, что он также не одобрял и положение чернокожего населения в бурских республиках. Чтобы придать вес своей позиции, он печатал на страницах «Имво» отрывки из речей известных представителей антивоенного движения в Европе. Но, несмотря на все его усилия, тираж газеты сокращался, многие известные

подписчики из числа белых политиков отказывались от подписки. В конце концов, издание газеты было приостановлено в августе 1901 г. в связи с введением в Кинг-Уильямс-Тауне, где располагался ее главный офис, военного положения³³. Это, естественно, также отрицательно сказалось на популярности и влиянии Джабаву.

Итоги войны, как и у многих других представителей африканской образованной элиты, у Джабаву вызвали разочарование. Его причиной были условия мирного договора в Феринихинге, завершившего войну. Главные возражения у африканцев вызвал его восьмой пункт, который откладывал вопрос предоставления избирательных прав африканцам в Трансваале и Колонии Оранжевой реки до введения в них самоуправления, что фактически снова отдавало неевропейское население этих территорий под власть буров³⁴. В первый же день, когда был возобновлен выход «Имво» в октябре 1902 г., Джабаву осудил условия мирного соглашения в Феринихинге. По его мнению, так как уделом британцев, буров и африканцев было жить вместе в одной стране, «за каждым должны быть признаны другими общие права гражданства»³⁵.

После Англо-бурской войны Джабаву продолжал сохранять верность своим принципам: не участвовать в деятельности африканских политических организаций. Его не было ни среди участников Южноафриканского туземного конгресса Капской колонии, образованного в 1902 г., ни среди основателей Южноафриканского туземного национального конгресса (с 1925 г. – Африканский национальный конгресс), представлявшего интересы всего коренного населения Южной Африки. Последний раз Джабаву выступил единым фронтом с другими африканскими политическими деятелями в 1909 г., отправившись в Лондон в составе специальной делегации для участия в агитации против утверждения британским парламентом «Акта о Южной Африке», лишившего представителей коренного населения Трансвааля и бывшего Оранжевого государства права участвовать в выборах депутатов законодательного собрания будущего Южно-Африканского Союза³⁶.

Еще во время обсуждения проекта будущего «Акта о Южной Африке» в 1906 г. в Палату Общин была направлена петиция группы образованных африканцев из Капской колонии во главе с Джабаву. Авторы документа отмечали: «Ваши покорные петиционеры опасаются, что согласно конституции, которую предполагают даровать Трансваалю и Колонии Оранжевой реки, южноафриканские туземцы... могут быть, как этого хотят некоторые, лишены права участвовать в любых выборах только на основании их цвета кожи.

<...> одно лишь лишение избирательного права на основании цвета кожи приведет к незаслуженному принижению всех туземцев, несправедливости по отношению к ним и серьезному ущербу, притом не только для них, но и для всех жителей Южной Африки; станет отходом от конституционных принципов Британской колониальной империи и приведет к изъятию неотъемлемых прав, пожалованных новым колониям актами, присоединившими их к Империи»³⁷. Статьи, которые появлялись в «Имво», свидетельствовали о разочаровании Джабаву политикой европейцев. Он утверждал, что введение цветного барьера является незаслуженным унижением, и предупреждал белых политических деятелей, что «отчуждать африканцев в момент создания Союза столь же плохо, сколь и опасно»³⁸.

Правда, и в кампании против принятия «Акта о Южной Африке» Джабаву стремился дистанцироваться от остальных африканских организаций. Он отправился в Лондон вместе с другими африканскими общественными деятелями не в качестве делегата Южноафриканского туземного конвента, собравшего в Блумфонтейне в марте 1909 г. около 60 представителей со всех уголков Южной Африки, а Капского туземного конвента, созданного по инициативе самого Джабаву и представлявшего интересы африканцев Восточного Капа³⁹.

Однако эта кампания, хотя ее и поддержал бывший премьер-министр Капской колонии Уильям Шрейнер, окончилась ничем. Правительство Великобритании и парламент отказались вмешиваться в южноафриканские дела, так как английские колонии пользовались правами самоуправления. Однако решающую роль здесь сыграло желание имперских властей ускорить процесс примирения между двумя белыми общинами Южной Африки после Англо-бурской войны 1899–1902 гг. В условиях надвигавшейся мировой войны британцам важнее было превратить регион «в аванпост лояльности и опору всей империи»⁴⁰. Естественно, что при таких расчетах интересы африканского населения отходили на второй, если не на третий план. Следует отметить, что сам Джабаву и другие представители африканской образованной элиты не считали свое дело полностью проигранным после принятия «Акта о Южной Африке» британским парламентом и его подписания Эдуардом VII 20 сентября 1909 г. Они рассчитывали, что в конце концов либеральные традиции Капской колонии одержат верх во вновь образованном Южно-Африканском Союзе, а не наоборот, как это в итоге и случилось на самом деле.

После образования Южно-Африканского Союза (ЮАС) в 1910 г. Джабаву уже не находил точек соприкосновения с представителями африканских политических организаций. Он выступил против избрания в парламент Капской провинции У. Рубусаны, утверждая, что это лишь спровоцирует дальнейшее ограничение политических прав африканцев. Не принял Джабаву и образование в 1912 г. Южноафриканского туземного национального конгресса, возражая против расового принципа его организации. В пику ему он основал Конгресс южноафриканских рас. Открывая его заседание 2 апреля 1912 г., Джабаву подчеркивал, что целью деятельности новой организации должно стать достижение «полной гармонии» в отношениях между расами в Южной Африке, будь они «белыми или черными, зелеными или желтыми»⁴¹. Но Конгресс Джабаву так и не получил значительного влияния среди населения ЮАС.

Но, пожалуй, больше всего в вину Джабаву современники ставили поддержку, которую он оказал «Закону о землях туземцев», согласно которому за пределами резерватов, составлявших лишь 8 % территории страны, африканцы лишались права владеть землей, что фактически означало переход к территориальной сегрегации⁴². Джабаву напрямую обвиняли в предательстве интересов африканцев и в том, что он поддержал законопроект в обмен на финансовую поддержку своей газете, находившейся в тяжелом финансовом состоянии⁴³. Однако, наряду с материальной зависимостью «Имво» от белых политиков, были и другие факторы, определявшие позицию ее издателя. Далекое не все африканские лидеры видели в «Законе о землях туземцев» лишь отрицательные стороны. Намного более опасным для них представлялось полное отчуждение земли у африканцев. Эти опасения были вызваны приходом к власти в ЮАС в 1910 г. правительства Л. Боты, бывшего бурского генерала, воевавшего против англичан в 1899–1902 гг., и премьер-министра Трансвааля в 1907–1910 гг. Сама по себе идея территориальной сегрегации и защиты земельных прав африканцев от возможной скупки европейцами находила поддержку среди либерально настроенных чернокожих общественных деятелей и традиционных лидеров. Эти взгляды достаточно емко выразил представитель Транскея⁴⁴: «Предположим, что вся Южная Африка будет поделена на фермы, которые смогут свободно покупать как белые, так и черные. Что, туземный миллионер сохранит землю для миллионов туземцев? Южная Африка в один миг станет исключительно “страной белого человека”, и туземцы волей-неволей устремятся на рудники»⁴⁵. Таким образом, позиция Джабаву по

отношению к «Закону о землях туземцев» выражала отношение к нему части африканского населения, заинтересованного в гарантиях своих земельных прав. Это прежде всего относилось к мфенгу, чьи имущественные права не были затронуты его положениями: действие закона не распространялось на территорию Капской провинции, так как он вступал в противоречие с существовавшей в ней системой предоставления избирательных прав африканцам⁴⁶. В то же время другие группы коренного населения, как, например, общины *тсвана* в Оранжевой провинции, фактически лишались своих исконных земельных прав, которые даже буры признавали в годы своей независимости.

Но, пожалуй, главным ущербом, причиненным Джабаву интересам африканского населения как Капской провинции (бывшей колонии), так и всей Южной Африки, стало его участие в выборах в нижнюю палату капского парламента в 1914 г. Он выставил свою кандидатуру в том же самом избирательном округе, что и У. Рубусана, что привело к расколу африканских избирателей и победе кандидата-европейца. Так закончилась, едва начавшись, история африканского представительства в Южной Африке в начале XX в.

Сам Джабаву отвергал все обвинения в злом умысле и намерении лишить коренное население Капской колонии своего единственного представителя во властных органах. Свое участие в выборах он обосновывал приглашением со стороны части избирателей, чье желание он не мог проигнорировать. Но, несмотря на все эти увещевания, его авторитет как представителя интересов африканского населения был окончательно подорван⁴⁷. Позднее, в 1917 г., Джабаву отказал в поддержке «Закону о землях туземцев» и поддержал У. Рубусану на выборах в парламент Капской провинции, но это так и не помогло ему восстановить свою репутацию⁴⁸.

Джабаву мог бы навсегда остаться в истории Южной Африки в качестве человека, предавшего интересы своих соплеменников, если бы не увенчались успехом его многолетние усилия по основанию первого высшего учебного заведения для африканцев – Колледжа Форт-Хейр. Впервые публично Джабаву выступил с этой идеей еще в 1903 г. на слушаниях Южноафриканской комиссии по туземным делам, но реально сбор средств на основании будущего колледжа начался лишь в 1908 г.⁴⁹ Основной организационной силой кампании являлась Туземная образовательная ассоциация, активным членом которой являлся Джабаву, а также газета «Имво», ставшая ее рупором. Необходимые средства поступали как от африканцев, так и белых. В июле 1911 г. Джабаву обратился за помощью в сборе

недостающей суммы с трибуны проходившего в Лондоне Всеобщего конгресса рас. Благодаря его неутомимой энергии и поддержке со стороны властей ЮАС в 1916 г. первый африканский колледж открыл свои двери. До своей смерти в 1921 г. Джабаву оставался членом управляющего совета колледжа, а его старший сын, Дэвидсон Д. Т. Джабаву, стал одним из первых штатных преподавателей. По настоянию Джона Тенго Джабаву колледж был открыт как для мужчин, так и для женщин, а условия поступления должны были обеспечить доступность высшего образования для африканцев.

Основание колледжа стало последней крупной общественной акцией, в которой принимал участие Джабаву. Издание «Имво» он передал своему второму сыну Александру, а из общественных занятий сохранил за собой лишь положение члена управляющего совета колледжа и участника Южноафриканской методистской конференции, с которой он сохранял тесную связь на протяжении всей своей жизни. Надо сказать, что религия играла большую роль в его жизни. В «Имво» регулярно публиковались тексты проповедей и отрывки из Библии⁵⁰.

Однако даже в своем отношении к христианству Джабаву не был свободен от противоречий. Так, хотя его родители были ревностными христианами, следуя традиции, они санкционировали проведение обряда обрезания и инициации, без прохождения которого юноша не мог обрести статус взрослого мужчины. И хотя миссионеры осуждали подобную «языческую» с их точки зрения практику, они ничего не могли с этим поделать, традиции в данном случае были сильнее проповеди. В свою очередь Джон Т. Джабаву, перед тем как отправить своего старшего сына, Дэвидсона, на учебу в Великобританию, также санкционировал прохождение им обряда инициации⁵¹. Таким образом, даже Джабаву, являвшийся образцом вестернизированного африканца, не мог до конца отойти от традиций своего народа. Жизнь Джабаву – это отражение общей ситуации, в которой находилось поколение первых африканских интеллигентов, сочетавших в своем сознании приверженность европейской культуре и верность своим исконным традициям.

Джабаву бесспорно до сих пор остается одной из самых противоречивых фигур в истории южноафриканского общественного движения. Его деятельность, особенно на первоначальном этапе, несомненно, имела прогрессивный характер. В качестве редактора «Исигидими самакоса» и издателя «Имво забанцунду» Джабаву добился сплочения разрозненных групп африканских избирателей и сумел донести до широкой общественности проблемы и чаяния

коренного населения Южной Африки. Его авторитет признавали не только на родине, но и за ее пределами. В период наивысшего подъема популярности Джабаву тираж «Имво» доходил до 4 тыс. экземпляров, что было чрезвычайно много для африканской газеты⁵². Его подписчиками были как представители черного населения, так и известные европейские политики. Джабаву поддерживал тесные контакты с лондонским «Обществом защиты аборигенов» и был одним из участников Всеобщего конгресса рас, проходившего в Лондоне с 26 по 29 июля 1911 г. В выступлении, озаглавленном «Туземные расы Южной Африки», Джабаву изложил свои основные идеи относительно положения коренного населения и тех способов, которые могли бы способствовать исправлению ситуации и прогрессу бантуязычных народов ЮАС⁵³.

В целом выступление Джабаву на Конгрессе было выдержано в умеренных тонах. Он призывал лишь к некоторой корректировке политического курса в отношении африканского населения и изменению взглядов белых на традиционную социальную организацию и обычаи банту. По словам Джабаву, африканцы «имели свою политическую организацию и системы поддержания законности и правосудия, выглядевшие подчас более развитыми, чем созданные древними европейскими цивилизациями». Джабаву выступал за постепенное эволюционное развитие африканского общества и в подтверждение своей точки зрения приводил слова священника У. Стида, выразившего глубокое сожаление по поводу того, что африканцам не позволили самим выбрать из европейской цивилизации те достижения, которые в наибольшей степени соответствовали их состоянию. Современное, индустриальное развитие Южной Африки виделось Джабаву как одна из главных причин упадка морали и нравственности. Йоханнесбург он называл, цитируя слова известного белого политика Капской провинции ЮАС Дж. Мерримана, «криминальным университетом туземцев». В связи с этим патриархальные порядки прошлого виделись ему в более выигрышном свете.

Какой же выход предлагал Джабаву из сложившейся ситуации? Он не видел другой альтернативы, как распространение просвещения среди африканцев. Только образование, по мнению Джабаву, могло помочь им «выбрать правильный путь и не совершать ошибок». Для достижения этой цели необходимо было создать «туземный колледж», который смог бы поставить подготовку африканских учителей на постоянную основу и обеспечить необходимый уровень их знаний. Образованные африканцы должны

были, по мысли Джабаву, остановить деградацию своего народа и обеспечить восприятие им новых условий жизни.

Таким образом, политическая стратегия Джабаву во многом объяснялась не столько его зависимостью от белых политиков, как полагали многие, сколько комплексом мировоззренческих установок, сформировавшихся под воздействием миссионерского окружения и исторических условий существования его народа. Джабаву целиком разделял убеждение большинства белых политиков, что африканцы еще не были готовы к самостоятельному участию в политической жизни. Исполнение избирательных прав, полагал Джабаву, влечет за собой серьезную ответственность, распорядиться которой могли лишь образованные и обладающие соответствующим социальным положением африканцы. Однако Джабаву был ярким противником любой дискриминации на расовой основе. Поэтому он наравне с другими африканскими лидерами протестовал против принятия «Акта о Южной Африке» и требовал распространить на Трансвааль и Колонию Оранжевой реки принципы избирательной системы Капской колонии.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 09-01-00104а «История Африки в биографиях важнейших деятелей».
- ² *Мфец'ане/дифаг'ане* («перемалывание») – период многочисленных войн и миграций африканских народов Южной Африки в конце 1810-х – 1820-е гг.
- ³ *Пограничные («кафрские») войны* – установившееся в исторической литературе название войн между южноафриканским народом *кóса*, которых европейцы называли кафрами, и англо-бурскими завоевателями в XVIII–XIX вв. Вооруженное сопротивление *кóса* колонизаторам продолжалось с конца 70-х гг. XVIII в. до начала 80-х гг. XIX в. (наиболее крупные военные столкновения – в 1779–1781, 1789–1793, 1799–1803, 1811–1812, 1818–1819, 1834–1835, 1846–1847, 1850–1853, 1858, 1877–1879).
- ⁴ *Ngcongco L.D.* John Tengo Jabavu, 1859–1921 // *Black Leaders in Southern African History*. London: Heinemann, 1979. P. 142–145.
- ⁵ *Давидсон А.Б.* Южная Африка. Становление сил протеста (1870–1924). М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 135.
- ⁶ *Ngcongco L.D.* Op. cit. P. 145.

- ⁷ *Давидсон А.Б.* Указ. соч. С. 137.
- ⁸ *Jordan A.C.* Towards an African Literature: The Emergence of Literary Form in Xhosa. Berkeley etc.: University of California Press, 1973. P. 87.
- ⁹ Ibid. P. 92.
- ¹⁰ Из статьи Х. Й. З. «Вы все еще истинные британцы?» в газете «Исигидими сама коса» – «Кэффир экспресс». Сентябрь 1872 г. // История Африки в документах, 1870–2000: В 3 т. / Под общ. ред. Аполлона Давидсона. М.: Наука, 2005–2007. Т. 1. С. 388.
- ¹¹ Select Constitutional Documents Illustrating South Africa History, 1795–1910 / Selected and edited, with an introd. by G.W. Eybers. N. Y.: Negro Universities Press, 1969. P. 45–55.
- ¹² *Roux E.* Time Longer Than Rope. A History of the Black Man's Struggle for Freedom in South Africa. Madison: University of Wisconsin Press, 1964. P. 58.
- ¹³ *Davenport T.R.H.* The Afrikaner Bond. The History of a South African Political Party, 1880–1911. Cape Town: Oxford University Press, 1966. P. 54–70.
- ¹⁴ Обычно название организации переводят на европейские языки как «Ассоциация аборигенов Южной Африки», однако для самих африканцев слова «имбумба яма ньяма» имели несколько иной смысл. Считалось, что их произнес Нтсикана, первый христианский проповедник-африканец начала XIX в., и они означали призыв быть стойкими, твердыми, едиными (*Switzer L.* South Africa's alternative press: voices of protest and resistance, 1880s–1960s. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 62; *Давидсон А.Б.* Указ. соч. С. 169).
- ¹⁵ *Давидсон А.Б.* Указ. соч. С. 169.
- ¹⁶ *Roux E.* Op. cit. P. 56.
- ¹⁷ *Давидсон А.Б.* Указ. соч. С. 142; *Roux E.* Op. cit. P. 64.
- ¹⁸ *Rose Innes J.* Selected Correspondence (1884–1902) / Edited by Harrison M. Wright. Cape Town: Van Riebeeck Society, 1972. P. 30, 38–41, 44–46, 49–50, 61–63, 86, 105, 107–108.
- ¹⁹ *Willan B.* Sol Plaatje: South African Nationalist, 1876–1932. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984. P. 36.
- ²⁰ From Protest to Challenge. A Documentary History of African Politics in South Africa, 1882–1990: In 5 Vols / Ed. by Thomas Karis and Gwendolen M. Carter. Stanford: Hoover Institution Press, 1972–1997. Vol. 1. P. 12–15, 16–17; South African Native Affairs Commission, 1903–1905. In 5 Vols. Cape Town: Cape Times Limited; Government Printers, 1903–1905. Vol. 2. P. 723–745.
- ²¹ Протест против законопроекта о введении системы пропусков для африканцев Капской колонии (из отчета газеты «Имво Забанцунду»). Июнь 1889 г. // История Африки в документах... Т. 1. С. 393.
- ²² Testimony of J. T. Jabavu, before the Select Committee on Native Affairs, June 15, 1920 // From Protest to Challenge... Vol. 1. P. 112.
- ²³ *Давидсон А.Б.* Указ. соч. С. 170.

- ²⁴ Roux E. Op. cit. P. 60, 63.
- ²⁵ Source Material on South African Economy: 1860–1970: In 3 Vols / Ed. by D. Hobart Houghton and Jenifer Dagut. Cape Town etc.: Oxford University Press, 1972–1973. Vol. 1. P. 290.
- ²⁶ From Protest to Challenge... Vol. 1. P. 13.
- ²⁷ Rotberg R.I. Cecil Rhodes and the Pursuit of Power. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 366–367.
- ²⁸ Roux E. Op. cit. P. 65–66; Trapido S. African Divisional Politics in the Cape Colony, 1884 to 1910 // Journal of African History. 1968. Vol. 9. № 1. P. 80–81.
- ²⁹ Ngqongqo S.J. Mpiilo Walter Benson Rubusana // African Intellectuals in 19th and Early 20th century South Africa / Ed. by Mcebisi Ndletyana. Cape Town: HSRC Press, 2008. P. 52–53.
- ³⁰ Подробнее см.: Давидсон А.Б. Сесил Родс – строитель империи. Смоленск: «Русич», 1998. С. 275–307.
- ³¹ Gihomee H. The Afrikaners: Biography of People. Charlottesville: University of Virginia Press; Cape Town: Tafelberg Publishers, 2004. P. 296.
- ³² Warwick P. Black People and the South African War, 1899–1902. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 112.
- ³³ Ibid. P. 114.
- ³⁴ Мирный договор, окончивший Англо-бурскую войну 1899–1902 гг. Феринг-хинг. 31 мая 1902 г. // История Африки в документах... Т. 1. С. 440–441.
- ³⁵ Warwick P. Black People and the War // The South African War: The Anglo-Boer War, 1899–1902 / General Editor: Peter Warwick. Harlow (Essex): Longman, 1980. P. 208.
- ³⁶ Давидсон А.Б. Южная Африка... С. 178–180.
- ³⁷ Petition to the House of Commons, from J. Tengo Jabavu and Thirteen Other Signatories, July 13, 1906 // From Protest to Challenge... Vol. 1. P. 49.
- ³⁸ Вяткина Р.Р. Создание Южно-Африканского Союза (1902–1910). М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 169.
- ³⁹ Trapido S. Op. cit. P. 600, 604–606.
- ⁴⁰ Вяткина Р.Р. Указ. соч. С. 180.
- ⁴¹ Jabavu J.T. Inaugural Address by J. T. Jabavu, President, South African Races Congress, April 2, 1912 // From Protest to Challenge... Vol. 1. P. 74.
- ⁴² Демкина Л.А. Социальная структура южноафриканского общества и основные направления ее трансформации. М.: Наука, 1986. С. 24.
- ⁴³ Plaatje S.T. Native Life in South Africa, Before and Since the European War and Boer Rebellion. London: P. S. King & son, ltd., 1916. P. 194–196.
- ⁴⁴ Восточная часть Капской провинции (бывшая Капская колония), расположенная между рекой Кей и границей Натала. Ее население составляли главным образом коса и родственные им этнические общности. Позднее, во второй половине XX в., во время правления Национальной партии (1948–1994), эта территория составила бантустан Транскей.

А.В. Воеводский

- ⁴⁵ *Beinart W.* Twentieth-century South Africa. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 92.
- ⁴⁶ *Walsh P.* The Rise of African Nationalism in South Africa: the African National Congress, 1912–1952. London: C. Hurst & Co., 1982. P. 45.
- ⁴⁷ *Roux E.* Op. cit. P. 76.
- ⁴⁸ *Higgs C.* The Ghost of Equality: The Public Lives of D. D. T. Jabavu of South Africa, 1885–1959. Athens (Ohio): Ohio University Press, 1997. P. 93.
- ⁴⁹ Необходимость в создании подобного учебного заведения Джон Т. Джабаву ощутил на примере собственной семьи. В 1901 г. он попытался устроить своего старшего сына Дэвидсона в государственную школу для мальчиков в Кинг-Уильямс-Тауне, в которой обучались исключительно белые дети. Он получил отказ со следующей формулировкой: «...мы не можем рассматривать случай Вашего сына как исключение и единственный в своем роде, предполагая, что Ваше обращение не будет воспринято как пример другими. ...если мы примем его (сына Джона Т. Джабаву. – А. В.), тогда мы должны быть готовы удовлетворить и другие обращения подобного рода. Таким образом, это приведет к введению [расово] смешанных школ» (*Higgs C.* Op. cit. P. 16).
- ⁵⁰ Dictionary of South African Biography: In 5 Vols / Editor-in-chief W. J. de Kock. Cape Town: Nasional Boekhandel Bpk. for National Council for Social Research, 1972–1977. Vol. 2. P. 404; *Ndletyana M.* John Tengo Jabavu // African Intellectuals... P. 41–43; *Ngcongco L.D.* Op. cit. P. 150.
- ⁵¹ *Higgs C.* Op. cit. P. 53, 55.
- ⁵² *Beinart W.* Op. cit. P. 93.
- ⁵³ Papers on Inter-Racial Problems Communicated to the First Universal Races Congress Held at the University of London, July 26–29, 1911 / Edited, for the Congress executive, by G. Spiller. London: P. S. King & son, ltd., 1911. P. 336–341. (На русском языке см.: История Африки в документах... Т. 1. С. 453–456).

Е.В. Булычева

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГРЕЦИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.
ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Статья посвящена проблеме становления и развития высшего образования в Греции в конце XIX – начале XX в. Основным источником являются воспоминания русских путешественников, посетивших греческую землю в тот период. Наши соотечественники обращают внимание на различные факторы, которые способствовали становлению и развитию высшего греческого образования. Они отмечают демократический характер системы обучения, стремление студентов к получению знаний. В мемуарах содержится важная информация об открытии университетов и атмосфере, в них царящей. Путешественники указывают на европейский характер греческого образования, уважение греков к собственной культуре и истории. Автор делает вывод о том, что греческое высшее образование способствовало национальному самосознанию, созданию новой элиты греческого общества.

Ключевые слова: Греция, русские путешественники, высшее образование, университет, преподаватели, студенты.

Интерес русского общества к греческой культуре проявлялся во все времена. Древнерусское государство, налаживая взаимоотношения с Византией, испытывало особый интерес к греческой культуре и образованию. После принятия православия на Руси этот интерес стал наиболее заметным. Школы, которые открывались при русских монастырях, во многом копировали систему греческого преподавания.

В период нахождения греков под турецким гнетом непосредственные взаимоотношения между русскими просветителями и

греками на некоторое время прекратились, но в конце XVIII в. при Екатерине II происходит их возобновление. Россия по мере возможности покровительствовала развитию образования в Греции. Когда в 1771–1774 гг. часть островов Эгейского моря находилась под покровительством России, Екатерина II постановила своим указом учредить на острове Наксос училище для греческих детей. Однако после подписания Кучук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией в 1774 г. остров был возвращен Османской империи, и тогда «обучавшиеся были перевезены российским флотом в Петербург»¹.

Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса о развитии высшего образования в Греции с конца XIX до начала XX в., многие основы которого сохраняются в системе современного греческого (и не только греческого, но и европейского) образования в наши дни. В качестве основного источника по этому вопросу будут привлекаться записки и воспоминания русских путешественников, которые побывали в Греции в этот период. К русским путешественникам относятся общественные деятели, литераторы, деятели культуры, предприниматели из России, которые называли себя русскими путешественниками. Среди них филолог А.П. Милюков, дипломат и публицист К.М. Базили, географ М. Венюков, путешественник Н. Абров, дипломат С. Новиков. Конечно, воспоминания путешественников носят субъективный характер. Некоторые из них винили греков в склонности к общественной, публичной жизни, другие усматривали в их поведении признаки праздности и лени. Описывая Грецию, авторы в определенной мере заявляли и свою гражданскую позицию по актуальным проблемам жизни в России². Для нас главное то, что путешественники оставили свои воспоминания о пребывании в Греции, характеризуя различные сферы жизни греческого общества той поры, уделяя большое внимание системе греческого высшего образования. Вопрос о становлении и развитии греческого университетского образования интересовал наших соотечественников и потому, что в это время в России также проходило реформирование и развитие университетов³.

Начало освобождения греческого народа от турецкого ига было непосредственно связано с развитием идеи национального самосознания. В связи с этим национальному единению греческого населения способствовало и осознание себя потомками древних эллинов, и попытка возродить наследие древней Эллады. Не последнюю роль в этом, как отмечают все русские путешественники,

сыграло европейское просвещение, идеи которого постепенно в большей или меньшей мере стали проникать в широкие слои греческого общества. Все русские путешественники отмечают стремление греков к сохранению памятников старины, несмотря на довольно сложное финансовое положение государства. Среди греков вошло в моду называть детей именами видных древнегреческих государственных деятелей, философов и драматургов, хотя еще несколько десятилетий назад многие не имели никакого представления о героях и достижениях древней Эллады. Русский художник И.Д. Захаров писал об этом времени: «Молодые люди одушевлены духом прошедших времен и подвигами великих людей, именами которых многие и ныне называются. Я знал многих Периклов, Платонов, Сократов и проч.»⁴. Характерно, что интерес к древности в целях сохранения своей национальной идентичности был присущ и грекам, которые продолжали проживать на территории Османской империи. Посетивший в конце 1840-х годов Турцию исследователь-славянин Виктор Григорович пишет, что в греческих учебных заведениях основное место уделялось преподаванию древнегреческого языка и древних авторов⁵.

Греческое государство способствовало поддержке греческого образования среди соотечественников, живших за пределами Греции. Российский дипломат С. Новиков рассказывает о том, что в 1830-е годы группа молодых греков, проживавших в Сирии, обратилась через греческое посольство в Константинополе с просьбой выслать греческие книги, поскольку они не понимали греческого языка. Спустя несколько месяцев после отправления книг король Оттон получил благодарственное письмо на греческом языке с именами юношей, которые обращались с просьбой, а на первом просительном письме эти молодые люди подписывались по-арабски⁶. В целом можно отметить, что национальное государство способствовало распространению греческого литературного языка даже за пределами Греции, выступая в роли поборника культурной экспансии эллинизма среди греческого населения других стран. Таким образом, важным фактором становления нового греческого государства и самосознания было развитие образования. Все русские путешественники обращают внимание на активное стремление греков к образованию, которое проявилось уже в первые годы освобождения Греции от турецкого ига, несмотря даже на отсутствие всех необходимых для этого условий⁷.

Русский дипломат и историк К.М. Базили в своих воспоминаниях пишет, что отношение «греческого народа к образованию при-

водит в удивление иностранцев, посещающих сию страну, когда так свежи в ней язвы последних злополучий». Особенно его и других иностранцев поражает отношение греческого народа отдаленных провинций к образованию, в которых даже малолетние дети в самых нечеловеческих условиях стараются стать образованными⁸. А.П. Милюков замечает, как нередко в самой беднейшей деревне жители нанимают сельского учителя и по очереди предоставляют ему еду и ночлег ради того, чтобы послушать его урок, а он делает всё, чтобы собрать учеников, которые по целым часам сидят за своими книгами⁹.

Необычайная страсть к образованию стала одним из факторов открытия высших учебных заведений в стране. Русский художник И.Д. Захаров отмечает, что с момента создания независимого государства в Греции открылось множество высших учебных заведений: политехнический институт, военное училище, институт греческого языка, но главным событием, конечно, было открытие Афинского университета в 1837 г.¹⁰ Об открытии университета в Афинах, той атмосфере, которая царила там, сообщают многие русские деятели, побывавшие в то время в Греции. Подготовка к открытию университета была делом трудным, полным споров и исканий¹¹. Одна из проблем была связана с вопросом о характере преподавания и, конечно, финансовой поддержке. Путешественники отмечают, что становлению высшего образования в Греции в значительной мере способствовали пожертвования от представителей греческой диаспоры за границей. А.П. Милюков пишет: «У правительства не было денег – и со всех сторон полились приношения в пользу науки: из Лондона, Петербурга, Вены греки присылали большие суммы на основание университета, института, академии наук»¹². Русские путешественники сообщают о греках, проживавших в Одессе, которые занимались предпринимательством и немало способствовали развитию высшего образования у себя на родине. В частности, одесская греческая община отличалась особой активностью в деле поощрения высшего образования у себя на родине. Средства на открытие высших учебных заведений в Греции поступали от известного мецената Т.Г. Мараэли, семьи Родоканаки¹³. Благодаря общим чаяниям, университет в Афинах был открыт 3 мая 1837 г. в доме знаменитого греческого архитектора Стаматиса Клеантесса в северо-восточной части Акрополя. В 1841 г. университет переместился в новое здание, построенное датским архитектором Кристианом Хансеном. Вуз стал первым учебным заведением не только в Греции, но и на всех Балканских островах. Первые факультеты,

открытые в университете, были следующие: теологии, юридический, медицинский, искусства. Русские путешественники отмечают, что первоначально обучались всего 52 студента, зато занятия вели 33 профессора.

Путешественники не без восторга говорят о демократизме греческого высшего образования. Образование было доступно разным слоям населения. Греческий студент, по мнению отечественных и западных граждан, отличался от своих собратьев из России и Европы. А.П. Милюков, описывая атмосферу, царившую в Афинском университете, отмечает, что «того известного типа молодого человека, который надевает студенческий сюртук для того, чтоб блистать в кондитерских и театрах, в Афинах не существует». Из разговоров с греками он заключает, что «страсть к учению здесь не бескорыстна, и всякий мальчик, посещая школу, мечтает уже о дипломе, который должен обеспечить ему положение в жизни». Русский филолог также замечает, что как только открылся университет, «молодые люди начали сходиться в него со всех концов Греции. Были случаи, что иной приходил в город с несколькими драхмами в кармане и определялся слугою или мальчиком в какой-нибудь магазин, требуя за свои труды только кусок хлеба да три часа в день для посещения лекций»¹⁴.

По мнению русских путешественников, Афинский университет в начале своей работы соответствовал всем основным требованиям, которые могут предъявляться к высшему образованию: в нем царил дух взаимопонимания между студентами и преподавателями, науки преподавались таким образом, чтобы подготовить профессионала в определенной области знаний, а не просто начитанного молодого человека¹⁵. По-видимому, в Афинском университете соблюдались те основные принципы высшего образования, о которых рассуждал Хосе Ортега-и-Гассет в своем сочинении о миссии университета. В частности, обращая внимание на высшее образование в Европе, он отмечает, что обществу нужны хорошие профессионалы – врачи, юристы, инженеры, – и поэтому существует университет с его профессиональным образованием, способностью превратить студента в профессионала своего дела¹⁶. Испанский философ и педагог совершенно правильно определяет, что такую систему проще создать недавно возникающим, молодым университетам, которые еще не успели стать консерваторами в области образования. В этом плане греческое государство, только избавившееся от турецкого порабощения, старалось развивать свое высшее образование именно таким образом. Высшее образование Греции в этот период

отличала еще одна важная черта – самые беднейшие представители греческого общества воспринимали обучение как некую ценность, даже если она не имела в дальнейшем практического применения. Характерный пример приводит А.П. Милюков, описывая разговор простой прачки с его греческим знакомым Ликадисом по поводу обучения ее дочери в престижном женском институте Арсакеон в Афинах¹⁷. Для простой женщины очень важно, что ее дочь получает образование в престижном учебном заведении страны, даже если после его окончания она не сможет найти достойную работу. Таким образом, обучение своих детей даже самыми беднейшими представителями греческого народа воспринималось как некая ценность в себе.

Русские путешественники отмечают, что на характер высшего образования в Греции особое влияние оказывала Западная Европа. Греческое высшее образование основывалось прежде всего на немецкой и французской академических традициях. Из этих стран приглашались преподаватели, которые играли ключевую роль на начальных этапах становления высшего образования. При этом, как пишут наши соотечественники, ситуация не изменилась и в дальнейшем. Как отмечает путешественник Николай Абров, посетивший Грецию в начале 1890-х годов, «что касается до состава профессоров, то теперь они уже все греки, хотя и получившие большей частью свое научное образование в германских и французских университетах»¹⁸. Россия пыталась оказывать влияние на становление высшего образования Греции в 1820–1830 гг. Однако впоследствии оно становится практически незаметным, уступая место европейскому просвещению. Описывая свое впечатление от посещения библиотеки Афинского университета, А.П. Милюков пишет: «С первого взгляда видно, что она всем обязана Западной Европе, книги в ней большей частью итальянские, французские и немецкие. На русском языке я ничего не нашел, кроме журнала министерства народного просвещения да разрозненных словарей. Между тем профессора говорили мне, что в университете всегда есть студенты, которые учатся по-русски, а Типальдос (директор библиотеки. – Е. Б.) не раз писал в Петербург и просил прислать наших классиков»¹⁹.

Безусловно, малое влияние русского образования на греческое прежде всего имело политические причины, поскольку, получив независимость, греки стали попадать под влияние западного мира, оказавшего им разного рода поддержку. Процесс отделения Греции от России стимулировала проблема самодержавного монархичес-

кого правления. Начиная с восстания 1843 г., политическая роль монархии в Греции сокращается, а влияние двора на политические процессы в стране постепенно ослабевает. Одновременно в греческом обществе развиваются демократические институты, появляются политические партии, начинается широкое участие масс в избирательном процессе (явления совершенно чуждые России той поры). Русские путешественники обращают внимание на совершенно разное политическое развитие Греции и России в XIX в. Русский путешественник М.И. Венюков пишет: «Греческая знать времен Византийской империи исчезла без следа, и теперь греческая община демократичнее всякого другого в Европе, за исключением разве швейцарского и норвежского»²⁰.

Это явление имело важные социальные последствия. В результате вмешательства Западной Европы в греческое высшее образование политическая и интеллектуальная элита Греции была в значительной мере ориентирована на европейский опыт. Пассивность российского правительства в вопросе о формировании политической элиты Греции способствовала постепенному ослаблению влияния России на Грецию и изменению общественных настроений в Греции по отношению к России. Тем не менее русские люди (независимо от политических проблем) продолжали помогать становлению греческого национального образования. К.М. Базили вспоминает, как во время открытия семинарии при монастыре на Поросе присутствовали офицеры русского флота, которые «сделали по собственному движению подписку в пользу нового заведения»²¹.

Несмотря на европеизацию греческого образования, сами греки старались уделять особое внимание своим собственным традициям, преследуя цель позаимствовать лучшее из западного просвещения, но при этом сохранить самобытность. М.И. Венюков приводит мнение афинского профессора о необходимости сохранять единство греков, в том числе с помощью распространения эллинской культуры среди молодежи²². Сам профессор, о котором говорит М.И. Венюков, был выпускником Цюрихского политехнического института, французской Сорбонны и других зарубежных учебных заведений, но оставался «чистокровным эллином» и считал, что во всех учебных заведениях Греции должна слышаться греческая речь и необходимо преподавать эллинскую литературу. Большое внимание уделялось преподаванию древнегреческой истории, распространялась идея о преемственности греческой истории с древнейших времен²³.

Определенное влияние на греческое высшее образование оказывала и православная церковь. Подлинным реформатором греческого образования был Адамантий Корвис, который придал духовному движению греческого народа значительную силу. Он не являлся сторонником полного вмешательства церкви в светское образование, но полагал, что в греческих университетах должны преподавать умнейшие мужи церкви, способные качественно обучить греческому языку, истории Греции, а также техническим дисциплинам, физике и математике, поскольку обучение в семинариях предоставляло обширные знания их ученикам²⁴. В Афинском университете большой популярностью среди студентов пользовался богословский факультет (богословский факультет был одним из четырех факультетов, которые стали основой для создания университета в 1837 г.). Курс обучения на факультете составлял 4 года. С 1923 г. на факультет смогли поступать девушки. Первоначально он располагался в главном здании университета. В 1931 г. православная церковь передала ему Введенский храм в центре греческой столицы. С тех пор в нем совершаются богослужения для профессоров и студентов. Он также по сей день служит местом прохождения практики для студентов богословского факультета. А.П. Милюков отмечает в своих воспоминаниях, что у факультета была своя фундаментальная библиотека²⁵, в которой можно найти книги не только церковного, но и светского содержания. Русские путешественники отмечают высокий уровень образованности выпускников богословского факультета, которые имели блестящие знания по разным дисциплинам²⁶. Действительно, за первые сто лет существования университета (1837–1937) на этом факультете звание профессора получили тридцать три человека. Многие выпускники богословского факультета оставались преподавать на факультете, в целом все они после окончания обучения занимались очень достойными делами, распространяя просвещение или будучи духовными отцами в разных приходах²⁷.

Русские путешественники отмечают, что в Греции долгие годы обсуждался вопрос об открытии второго университета. Важным событием в сфере греческого образования явилось открытие университета в Салониках в 1925 г. Наши соотечественники оставили воспоминания о том, что к этому открытию греки готовились давно и тщательно. Географ М.И. Венюков замечает, что идея открыть университет в Салониках появилась еще в XIX в., но из-за ряда причин, особенно финансовой, это событие произошло в начале XX в.²⁸ Университет был основан во время премьерства Александ-

роса Папанастасиу. Это высшее учебное заведение являлось вторым греческим университетом после Афинского. По словам Элефтериоса Венизелоса, сразу после окончания Первой мировой войны, согласно планам тогдашнего правительства, второй университет должен был быть построен в Смирне, а место третьему университету отводилось в Салониках²⁹. Однако Смирна не была частью Греции в это время, и эти планы окончательно провалились после Второй греко-турецкой войны (1919–1922) в Малой Азии. Тем не менее в 1924 г. Александрос Папанастасиу решил основать университет в Северной Греции, чтобы повысить уровень местной экономики и культуры³⁰. На первом этапе развития университета (1926–1950) основной упор был сделан на те школы, которые в целом принимались как составляющие одного учебного института, а именно: факультет философии, факультет физики и математики, факультет права и экономики, факультет богословия и медицинский факультет. Как и в Афинском университете, в университете в Салониках была создана обширная библиотека, в течение первых пяти лет появились собственные лаборатории и Ботанический сад, что вполне соответствовало характеру высшего греческого образования, направленного на развитие профессиональных навыков своих выпускников.

В период становления университетского образования Греции закладывались основы формирования структуры университетов, которые существуют с некоторыми изменениями и в XXI в. Высшее учебное заведение включает в себя множество факультетов, которые постоянно взаимодействуют между собой. Факультеты делятся на школы. Школы являются основными академическими единицами, охватывающими определенную предметную отрасль научной дисциплины. Школы, в свою очередь, подразделяются на департаменты, каждый из которых координирует преподавание части предметной области, научной дисциплины. Лаборатории, аудитории и клиники – малые академические единицы, которые принадлежат департаменту, школе или факультету. Самые первые факультеты, которые были открыты в Афинском университете и университете в Салониках, – это факультет теологии, философии, педагогический, медицинский и инженерный. Особое внимание уделялось преподаванию истории, филологии, философии, педагогике и естественным дисциплинам. Наши соотечественники отмечали правильную и четкую иерархию, которая была основой высшего греческого образования³¹.

Наши соотечественники и иностранцы обращают внимание на централизованный характер управления греческими универ-

ситетами. Греция считалась и по сей день остается государством с исторически сложившемся централизованным управлением образования, в отличие от других стран Европы (меньшая централизация в образовании характерна для Австрии, Финляндии, Франции, децентрализованная система известна в образовании Великобритании, Германии, Швеции)³². Государство постоянно проводило политику вмешательства в отношении высшего образования. Высшим органом управления в университете изначально являлся Сенат университета, который состоял (с некоторыми изменениями таковым является в начале XXI в.) из ректора и трех вице-ректоров (проректоров), деканов факультетов, председателей различных школ, представителей преподавательского состава и представителей студентов и аспирантов от каждого факультета.

Говоря о греческом высшем образовании в самой Греции, нельзя обойти вниманием вопрос о получении высшего образования жителями греческой диаспоры, которая развивалась в дореволюционное время на юге России. Прежде всего это греческие общины, которые находились на юге России (Керчь, Одесса). Это явление, которое привлекало внимание русских путешественников. Представителями греческой диаспоры была развернута активная культурно-просветительская деятельность, на их средства строились школы, выплачивались стипендии студентам, покупались учебные пособия³³. Благодаря деятельности богатых греческих меценатов, таких как К.И. Месаксуди, купцов Родоканаки на юге России была создана система греческого образования. Одесская греческая община отличалась большой активностью в сфере образования. В 1817 г. представителями греческой диаспоры было открыто Одесское Греческое Мужское Училище³⁴. Программа обучения демонстрирует патриотический настрой греков, поскольку было дано предписание преподавать исключительно на греческом языке³⁵. В этом учебном заведении занятия вели знаменитые преподаватели: Вулдимос, Хадзикостас, Малтос и другие. Библиотека училища насчитывала немало редких книг и ценных изданий.

Уже во второй половине XIX в. рядом с Одесским Греческим Мужским Училищем было создано Девичье Училище³⁶. По окончании Девичьего Училища, имевшего восемь классов, его выпускницы могли поступать в третий класс афинских гимназий³⁷. Большое значение имела находившаяся при училище типография, где печатались греческие книги. Характерно, что развитие греческого образования в Одессе шло бок о бок со становлением системы образования и особенно высшей его ступени в самой Греции.

Греки, выходцы из русских земель, в частности из Одессы, получив среднее образование в учебных заведениях, созданных по инициативе греческой диаспоры, затем часто отправлялись в Афинский университет или университет в Салониках, где завершали свое образование, возвращаясь в Россию прекрасными специалистами³⁸.

Сказанное позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, университетское образование в Греции в конце XIX – начале XX в. развивалось под влиянием ряда факторов, среди которых основными являлись: патриотизм, финансовая поддержка со стороны государства, иностранцев и зажиточных граждан греческой диаспоры.

Во-вторых, высшее образование в Греции в период его становления характеризуется демократичностью, приверженностью лучшим традициям европейского просвещения и стремлением греческого общества к сохранению самобытной культуры.

В-третьих, греческое государство способствовало развитию системы светского образования, которое во многом стало связующим звеном между государственной идеологией и широкими слоями греческого населения. В процессе обучения в университетах Греции создавалась новая политическая элита, ответственная за будущее своей страны. Среди выпускников университетов в Афинах и Салониках такие знаменитые политики Греции, как Евангелос Венизелос, Василис Василикос, Василиос Никопос, Янна Ангепопулу-Даскалаки. И это лишь немногие известные имена.

Высшая школа в Греции являлась важнейшим фактором развития государства, будучи связанной с политической и экономической модернизацией страны. После обретения Грецией независимости образование наряду с религией, языком и участием в национально-освободительной борьбе являлось существенным фактором консолидации греческой нации и формирования массового самосознания.

Примечания

- ¹ Алфёров Н.Ф. Два письма русского путешественника // Вестник Европы. 1808. № 11. С. 126.
- ² А.П. Милюков отмечает, что греки видят причину неудачи России в Крымской войне в феодально-крепостнических пережитках. Возможно, что такое

- суждение автора было навеяно его собственным мнением по данному вопросу (*Милюков А.П.* Афины и Константинополь. Путевые записки А.П. Милюкова 1857 года. СПб., 1859. Ч. 1. С. 69).
- ³ Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 21, 29; Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 48–49; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 164, 171.
- ⁴ Русский художник И.Д. Захаров посетил Грецию с группой русских живописцев в 1849–1850 гг. (*Захаров И.Д.* Путевые записки русского художника Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии. СПб., 1854. Ч. 1. С. 71).
- ⁵ Виктор Григорович отмечал: «Гораздо больше внимания уделяют они изучению древнегреческого языка и древних авторов. Круг учения греческих училищ достаточно обширен, но если принять во внимание назначение юношей, односторонен. Гораздо больше внимания они уделяют переводу древних авторов, чем тем наукам, которые больше бы соответствовали их назначению» (*Григорович В.И.* Очерк ученого путешествия по европейской Турции. Казань, 1848. С. 198).
- ⁶ *Новиков С.* Письма о Греции в 1865–1867 гг. СПб., 1869. С. 78.
- ⁷ *Янищи Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX вв. СПб., 2005. С. 82.
- ⁸ К.М. Базили пишет: «Есть города и деревни, опустошенные войной; среди одичалости и развалин безмолвствует печальный остаток народонаселения, а на церковном подворье малолетние дети теснятся вокруг приходского священника, который, укрываясь с ними в тени погорелого здания, учит их по лоскуткам книг и заставляет чертить буквы на песке» (*Базили К.М.* Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. СПб., 1834. Ч. 1. С. 111).
- ⁹ *Милюков А.П.* Указ. соч. С. 74.
- ¹⁰ «У греков страсть к наукам неимоверная, у них мужчины и женщины – все учатся. Университет посещают люди всех званий, и на лекциях слушателей всегда много, не только молодых, но и пожилых» (*Захаров И.Д.* Указ. соч. С. 81).
- ¹¹ Там же. С. 82.
- ¹² *Милюков А.П.* Указ. соч. С. 71.
- ¹³ *Скальковский А.А.* Историко-статистический опыт о промышленных и торговых делах Одессы. Одесса, 1839. С. 80.
- ¹⁴ *Милюков А.П.* Указ. соч. С. 74.
- ¹⁵ См., например: *Захаров И.Д.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁶ *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. М., 2010. С. 73.
- ¹⁷ А.П. Милюков приводит разговор своего греческого знакомого Ликадиса с простой прачкой по поводу обучения ее дочери: «Надобно было видеть, с каким гордым удовольствием, вынимая белье из ручной корзинки, она говорила:

Университетское образование в Греции...

- Моя дочь ходит в Арсакеон!
– Что ж ты будешь делать с ней, когда она выучится? – спросил у неё Ликадис.
– Она будет учить богатых людей.
– А если не найдет места?
– Да разве Вы думаете, что образование помешает ей стирать белье? Ведь она и теперь иногда помогает мне».
- ¹⁸ *Абров Н.* От Марсея до Одессы через Афины и Константинополь. М., 1893. С. 35.
- ¹⁹ *Милюков А.П.* Указ. соч. С. 74.
- ²⁰ *Венюков М.И.* Из Афин // Русская Мысль. 1891. № 6. С. 74.
- ²¹ *Базили К.М.* Указ. соч. С. 111.
- ²² *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 74.
- ²³ Проблемы греческой культуры: Материалы Международной научно-практической конференции. Симферополь, 1997. С. 57.
- ²⁴ *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX в. СПб., 1904. Т. 1. С. 45–46.
- ²⁵ *Милюков А.П.* Указ. соч. С. 74.
- ²⁶ *Абров Н.* Указ. соч. С. 37.
- ²⁷ *Соколов И.И.* Указ. соч. С. 47.
- ²⁸ *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 75.
- ²⁹ *Мисюревич О.Е.* «Восстань, о Греция, восстань!» Рождение греческой независимости глазами современников. Симферополь, 1998. С. 124.
- ³⁰ История университетов Европы. СПб., 2004. С. 109.
- ³¹ *Базили К.М.* Указ. соч. С. 114.
- ³² *Венюков М.И.* Указ. соч. С. 75.
- ³³ *Янници Ф.* Указ. соч. С. 164.
- ³⁴ Памятная книжка Одесского Учебного Округа на 1913–1914 учебный год. Одесса, 1914. С. 437.
- ³⁵ Там же. С. 438.
- ³⁶ Там же. С. 493.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Одесса. СПб., 1904. С. IV.

С.А. Романенко

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
В КОНЦЕПЦИЯХ ЮГОСЛАВЯНСКИХ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Статья посвящена истории формирования национальных программ социал-демократических партий югославянских народов – СДПХСл, ЮСДП и СДП БиГ. Эти партии, с одной стороны, были составными частями национальных движений своих народов – хорватов, сербов, словенцев, мусульман Боснии и Герцеговины, с другой – находились в тесной связи с ведущими партиями II Интернационала. В их программах, как и в сознании пролетариев и трудящихся, причудливым образом сочетались принципы национализма и интернационализма, национального самоопределения и социальной модернизации. Несмотря на свою политическую слабость, они сыграли определенную роль в развитии событий, приведших в 1918 г. к распаду Австро-Венгрии.

Ключевые слова: югославыне, Австро-Венгрия, национальное самоопределение, модернизация, социал-демократия, II Интернационал.

По мере развития модернизационных процессов на территории Хорватии, Славонии, Далмации, Истрии, Словенской Крайины, Триеста, Корюшки (Каринтии), Штаерской (Штирии) сословная структура постепенно уступала место классовой. Одна из особенностей развития областей Австро-Венгрии, в которых проживали южные славяне Австро-Венгрии – хорваты, сербы, словенцы, боснийские мусульмане – в конце XIX – начале XX в., состояла в том, что часто национальный гнет совпадал с социальным. В начале XX в. пролетариат южнославянских территорий и его самосознание еще находились в стадии формирования. «Из-за

своей малочисленности и отсутствия традиций в социальном отношении [пролетарии] не отличались от ремесленников и подмастерьев. С другой стороны, выход из затяжного аграрного кризиса конца XIX в. и распад автаркичного крестьянского хозяйства путем вовлечения сельскохозяйственной продукции в торговый оборот, т. е. проникновение в село товарно-денежных отношений, привели к его расслоению, к социальной дифференциации», – пишет известный хорватский историк Н. Станчич. Вместе с тем, продолжает он, характерное для этого периода повышение образовательного уровня городских и частично сельских слоев «дало возможность городскому и сельскому “простонародью” включиться в процесс хорватской национальной интеграции и распространения хорватского этнического сознания в политически эксплуатируемое национальное сознание»¹. Эти слова в общем плане можно отнести и к остальным югославянским землям Австро-Венгрии и проживавшим на них сербам, словенцам, боснийским мусульманам. Важнейшим элементом развития рабочего движения в этот период является формирование у рабочих национального политического самосознания, что позволило социал-демократам, наряду с консерваторами, либералами и радикалами, предложить собственные версии национальной идеологии – национального самоопределения, а также осуществления модернизации.

Организованное социал-демократическое движение начало формироваться у югославян Австро-Венгрии в самом конце XIX в. Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии (СДПХСл) образовалась в 1894 г.², а Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП) – в 1896 г.³ Действовавшая в словенских землях, а также Далмации и Истрии, входивших в австрийскую часть двуединой монархии, ЮСДП была одной из шести национальных «секций» австрийской социал-демократии. В 1902 г. в качестве территориальной ЮСДП организации была создана и СДП Далмации, не игравшая, однако, самостоятельной роли. Наряду с ЮСДП в Триесте и некоторых других областях Адриатического побережья действовали и итальянские социал-демократы⁴. Кроме того, на территории Южной Венгрии – в Бачке и Банате (Воеводине) – в рамках СДП Венгрии действовала автономная организация сербских социалистов⁵. Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины (СДП БиГ) возникла только в 1909 г., после аннексии этой территории⁶.

Социал-демократическое и рабочее движение у югославян Австро-Венгрии не было единым ни в организационном, ни в идей-

но-политическом отношении. Организационная раздробленность обуславливалась раздробленностью территориальной. Однако СДПХСл и СДП БиГ были самостоятельными партиями, основанными на принципах территориальной общности, а ЮСДП в соответствии с принципами австрийской социал-демократии строилась прежде всего на принципах этнической принадлежности и лишь затем – административно-территориального деления.

Идеологи и руководители испытывали на себе непосредственное влияние различных течений, ведших между собой острую полемику на страницах печати и на конгрессах Интернационала. Сильное воздействие на теорию и практику СДПХСл оказывали программные документы социал-демократических партий Германии, Австрии, Венгрии, Гайнфельдская программа (1889) и Эрфуртская (1891), положенная в основу при разработке постоянной, ведшаяся на страницах печатных органов этих партий полемика. Югославянские социалисты были знакомы с печатавшимися в этом и других журналах и газетах произведениями К. Реннера, О. Бауэра, В. Элленбогена, В. Адлера, О. Пернесторфера. Известны им были и идеи К. Каутского, А. Бебеля, П. Лафарга, Ж. Жореса, Ф. Соукупа, Х. Брантинга и других деятелей II Интернационала. Публицистические и теоретические статьи этих деятелей публиковались в переводах и в печатных органах социал-демократических партий, и в специальных изданиях. Например, в так называемых «Майских сборниках», выходивших в Загребе с 1894 по 1903 г. (кроме 1895 и 1897 гг.) к 1 мая⁷.

«Свою программу СДПХСл создавала под влиянием немецких социал-демократов, а их установки было сложно применить в условиях Хорватии (а также остальных земель, на территории которых проживали югославыне. – С. Р.) вследствие иного характера социальных и политических взаимоотношений», – считает современный хорватский историк С. Маткович⁸. В целом это положение можно отнести и к программе СДП БиГ, а также, может быть, в меньшей степени – к ЮСДП⁹.

Отличий было несколько. Во-первых, вышеназванные социал-демократические партии создавалась на экономически отсталых территориях с неразвитой социальной структурой буржуазного общества и отстающими процессами модернизации. Пролетариат формировался медленно. Даже в начале XX в. большинство рабочих было пролетариями в первом поколении. Почти отсутствовала социалистическая интеллигенция. Не было крупной в европейском понимании этого слова промышленности. Во-вторых, эти

партии действовали в многонациональном государстве, объединяя в основном представителей неполноправных и проживавших чужеземно на одной территории этнически близких народов – соответственно хорватов и сербов, хорватов и словенцев, боснийских мусульман, сербов и хорватов. И, в-третьих, между этими народами, несмотря на их этническую близость, на рубеже XIX–XX вв. отношения резко обострились, что было связано с завершением формирования наций и их стремлением к политическому самоопределению. В то же время усиливалась и противоположная тенденция – поиск национального самоопределения в рамках общности южнославянских народов, как в границах Австро-Венгрии, так в случае распада – и вне ее (Балканской федерации или различных форм национальных государств).

Монархия Габсбургов в целом также переживала сложный период в своем развитии. На протяжении всей истории своего существования это многонациональное государство вынужденно лавировало между центробежной и центростремительной тенденциями. В конце XIX – начале XX в. переход от феодализма к капитализму не был полностью завершен. Система австро-венгерского дуализма представляла из себя переходную форму от феодальной государственности к буржуазной. Политическая структура медленно эволюционировала от авторитарного монархического правления к конституционно-либеральному. В области национально-государственного устройства существовали различные варианты реформ – регрессивное и почти невероятное возвращение к централизму, сохранение при некоторых преобразованиях системы дуализма, установление триализма или, наконец, федерализма. В центре политической борьбы и теоретических исследований оказался вопрос о национальном самоопределении, о его внешних и внутренних условиях, государственных формах, о путях и возможностях его достижения в рамках единого многонационального государства, об исторической альтернативе в судьбе государства Габсбургов. Социал-демократия Австро-Венгрии, как и все остальные политические силы, должна была определить свою позицию. Однако единой эта позиция не была, и взгляды и оценки югославянских социал-демократов часто существенно отличались от взглядов и оценок их австрийских и венгерских товарищей.

С 1890 г., с момента создания СДП Венгрии, социал-демократы Хорватии состояли в ее рядах. Они образовали «областную», как говорилось в полицейском донесении, организацию, считали себя частью социалистического движения Венгрии¹⁰. Но по мере разви-

тия и завершения формирования хорватской и сербской наций, в связи с постановкой вопроса о самоопределении и общим объективным развитием национальной политической системы в Хорватии-Славонии встал вопрос о создании особой партии в границах автономной территории, которая хорватским национальным сознанием воспринималась как самостоятельное государство. 8–9 сентября 1894 г. на встрече в Загребе социал-демократы Хорватии решили создать «собственную партию, полностью независимую в своей компетенции от других социал-демократических партий Австро-Венгрии». Это решение они объясняли «существенным отличием государственного положения и языковой ситуации (в Хорватии-Славонии) от остальной Австро-Венгрии». «Нет смысла, – считали они, – связывать товарищей в других землях ни решениями, ни тактикой, что могло бы вредно отразиться на внутрипартийных отношениях»¹¹.

Решение о создании самостоятельной СДПХСл было отражением, с одной стороны, процессов национального самоопределения, с другой – господствовавшей в международном социалистическом движении тех лет тенденции создания и укрепления национальных государственных социалистических партий. В перепечатанном загребской газетой «Раднички гласник» решении Парижского конгресса (1889) II Интернационала говорилось, что «ликвидировать эксплуатацию и гнет может только пролетариат, организованный в национальном и интернациональном масштабе»¹². СДПХСл была особой территориальной организацией, действовавшей в рамках автономной территории в многонациональном государстве. Социал-демократы Хорватии не последовали примеру социал-демократов австрийской части государства, в которой уже с начала 90-х годов начали проявляться тенденции к построению партии исключительно по национальному признаку. СДПХСл охватывала пролетариат данной территории, независимо от национальности, не исключая, например, рабочих – немцев и венгров по национальности, не стремилась к распространению своего влияния на все этнические территории хорватов и сербов в монархии. СДПХСл была единственной партией в Хорватии, не имевшей в своем названии этнонима. Социал-демократы Хорватии, а также Боснии и Герцеговины исходили из представления об этнонациональном единстве хорватов и сербов, принимая во внимание лишь конфессиональные различия, которые они в рамках своей последовательно антиклерикальной и атеистической позиции считали необходимым преодолеть в ходе создания нового общества¹³.

Во временном уставе СДПХСл (1894) говорилось, что «партию составляют лица, ... проживающие на территории Хорватии и Славонии»¹⁴. Хотя в уставах 1896 и 1904 гг. это положение отсутствовало, на практике принцип приема в партию и ее построения не изменился.

Иная ситуация сложилась у социал-демократов Воеводины – сербов по национальности. В 1906 г. в рамках СДПВ была создана организация по этническому признаку – сербов-социалистов, которая регулярно проводила свои съезды¹⁵. Это решение соответствовало уставу СДПВ, допускавшему создание «организационных комитетов», которые распространяли свою деятельность в рамках всего государства (т. е. собственно Венгрии) и в задачу которых входила организация отдельных рабочих национальностей¹⁶. С 1911 г. съезд стал называться съездом сербов и буньевцев (особой славянской этнолингвистической группы на территории Воеводины), а комитет – «сербско-буньевацким комитетом СДПВ»¹⁷.

Непростая ситуация складывалась и в словенских землях, где с ЮСДП соперничали австро-немецкие и итальянские социал-демократы¹⁸.

СДПХСл не выпускала из поля зрения иностранных рабочих в Хорватии с момента своего существования. Еще в 1894 г. представитель организации из г. Осиек горячо ратовал за издание в Хорватии социалистической газеты на немецком языке, поскольку «товарищи в этой стране Хорватии не делятся на две организации». Эта позиция прямо расходилась с позицией СДП Австрии. Если СДПХСл будет иметь собственную газету на немецком языке, указывал осиекский делегат, тогда «при ее посредстве к партии присоединятся и будут помогать ей все те, кто до нынешнего момента был связан с мадьярской партией»¹⁹. После создания СДПХСл организация Осиека прекратила организационную связь с СДП Венгрии.

СДПХСл, считая себя неотъемлемой частью международного социалистического движения, с самого начала стремилась поддерживать тесные связи со II Интернационалом. Несомненный лидер партии тех лет – И. Анцел – участвовал в Цюрихском (1893) и Лондонском (1896) конгрессах. В 1893 г. И. Анцел входил в состав делегации СДПВ. «Организованные рабочие Хорватии и Славонии, – писала “Слобода”, – направили на конгресс своего представителя и тем самым показали свою принадлежность к большой семье организованных рабочих всех стран»²⁰. Хотя в тот момент хорватские социалисты еще не конституировались в само-

стоятельную партию, полномочия их делегата были признаны, и он представил Лондонскому конгрессу отдельный «Доклад».

В 1909 г. решением Международного социалистического бюро (МСБ) Венгерская секция II Интернационала была преобразована в венгерско-хорватскую секцию. СДПВ в ней принадлежало 6 мест, а СДПХСл – 2. Членом МСБ от Хорватии стал В. Вукшег, а его заместителем – В. Корач²¹.

СДПХСл перенимала опыт других социалистических партий. В дебатах на конгрессах II Интернационала между представителями различных течений и фракций социал-демократы Хорватии стремились найти ответы на стоявшие перед ними теоретические и практические вопросы – крестьянский, национальный, о праздновании Первомая, о тактике партии, о сотрудничестве социалистов с буржуазными партиями, об эмиграции, о соотношении политической и профессиональной борьбы рабочих и др. СДПХСл считала решения, принятые конгрессами II Интернационала, обязательными для себя. В 1900 г. «Слобода» приветствовала решение Парижского конгресса об исключении из Интернационала анархистов, «индивидуализм которых не имеет ничего общего с социалистической солидарностью»²². Несомненно, на ход внутрипартийной дискуссии 1905 г. по вопросу о вступлении в либеральную Хорватско-сербскую коалицию повлияли решения Амстердамского конгресса (1904) о сотрудничестве социалистов с буржуазными партиями, а также о тактике и о единстве социалистических партий²³.

На формирование взглядов руководителей СДПХСл влияли самые разные направления социалистической мысли. Сами они считали себя последователями Маркса, Энгельса и Лассала. Известны три перевода «Манифеста Коммунистической партии», изданные в последней четверти XIX и в первые годы XX в.²⁴

Материалы конгрессов переводились на хорватский язык и печатались в издававшейся с 1892 г. в Загребе газете социалистов Хорватии – «Слобода» (с октября 1902 г. «Слободна риеч»). В Хорватии-Славонии распространялись центральные печатные органы социалистических партий других стран – «Арбайтер Цайтунг», «Фольксштимме», «Непсава». Сильное воздействие на СДПХСл оказывали идеи сербского социалиста В. Пелагича и одного из лидеров ЮСДП, Э. Кристана, концепция австрийской социал-демократии, в которой уже с середины 1890-х годов стали формироваться теоретические взгляды и выработываться организационные принципы, получившие в 1908 г. на страницах «Нойе Цайт» название «австромарксизма».

Социал-демократы Хорватии подчеркивали классовый характер своей партии, стоящей, по их мнению, на позициях классовой борьбы. Однако представления о критериях классовой общности, о пролетариате оставались у них весьма неясными. До середины 1900 г. в документах и публицистике вместо термина «класс» часто использовался термин «сословие». Само понятие «пролетариат» толковалось широко. Если в проекте программы СДПХСл 1895 г. использовался термин «рабочий народ», в целом адекватный понятию «пролетариат», то в ее окончательном варианте, принятом на II съезде в 1896 г., употреблялся термин более широкий – «трудовой народ», включавший в себя рабочих, крестьян и мелких ремесленников²⁵. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в переводе хорватских социалистов звучал как «Беднота (или даже «Страдальцы») всех стран, соединяйтесь!». В «Докладе» Цюрихскому конгрессу II Интернационала термины «буржуазия» и «пролетариат» были соответственно заменены на «богачей» и «бедняков»²⁶.

До середины 1900-х годов в партийных документах и публицистике вместо термина «класс» часто использовался термин «сословие». Да и само понятие «пролетариат» руководители СДПХСл толковали очень широко, далеко отойдя от классического определения пролетариев как «класса современных наемных рабочих», данного Ф. Энгельсом в 1888 г.²⁷

Анализируя политические программы конца XIX – начала XX в., надо иметь в виду одно важное обстоятельство. Концепция «хорватско-сербского языка» в конце XIX – начале XX в. отставала от потребностей времени. Языки хорватов и сербов того времени не могли адекватно отразить многие абстрактные научные категории и конкретные понятия, обеспечить адекватный перевод с немецкого, французского и английского языков²⁸. Переводчикам и толкователям иностранной социалистической литературы было трудно не только найти соответствующее понятие в родном языке, но и попросту осмыслить его содержание. Поэтому часто происходили вольные или невольные искажения.

Социальная структура общества выглядела в глазах членов СДПХСл следующим образом: с одной стороны, «трудовой народ», с другой – имущие эксплуататорские классы, в руках которых находится и государственная власть (аристократия, буржуазия, помещики, бюрократия). Подобный подход имел существенное значение для оценки руководителями партии государства вообще и монархии Габсбургов в частности. В 1894–1895 гг., вплоть до

разработки собственной программы, СДПХСл официально придерживалась Гайнфельдской программы австрийских социал-демократов. В ней содержалась характеристика государства, данная с позиций теории классовой борьбы. «Обладатель рабочей силы, рабочий класс, стал рабом собственников средств производства, класса капиталистов, политическое и экономическое господство которых олицетворяет современное государство», – гласила программа. Существовавшее классовое государство она рассматривала как политическое выражение господства частной собственности на средства производства. При переводе этого документа на хорватско-сербский язык в 1894 г. термин «рабочий класс» был заменен на термин «рабочий народ», а «классовое государство» – на «сословное государство»²⁹.

Принятая в 1896 г. программа СДПХСл была в основном создана по образцу Эрфуртской программы СДПГ 1891 г., в которой отсутствовала характеристика буржуазного государства. В программе СДПХСл содержался лишь общий тезис о том, что «законы, учреждения, образ жизни, культура – все это имеет свою опору и коренится в буржуазном общественном строе»³⁰.

Социал-демократы Хорватии сохранили несколько упрощенно-патриархальный взгляд на государство. «Государство – это большая община, в которой хозяйничают капиталистические классы», – заявил в 1907 г. один из руководителей, Ю. Деметрович³¹.

Формирование национального самосознания, влиявшего и на взгляды членов СДПХСл, происходило в сложных условиях. Во-первых, воздействовала хорватская национальная традиция, основанная на историческом государственном праве. Многие считали, что Хорватия продолжает оставаться самостоятельным государством.

Во-вторых, в противовес представлению о нации как об исключительно политической общности в национальную идеологию проникало представление о ней как о совокупности людей, обладавших общностью языка, культуры, самосознания, религии, психического склада, образа жизни и мышления, исторических судеб и происхождения. Изменялось и социальное содержание понятия «нация». В нее уже включались более широкие социальные слои. Для СДПХСл было характерно стремление свести воедино представление о народе как о социальной и как об этнической общности из-за частого совпадения социального и национального угнетения. Большую часть югославянского населения составляли как раз слои, охватывавшиеся понятием «трудоу народ».

Нечеткость теоретических представлений не позволяла СДПХСл занять ясные позиции и в решении конкретных вопросов, одним из которых был вопрос об отношениях между хорватами и сербами. В основном, как и представители либерального направления в национальном движении, социал-демократы считали хорватов и сербов одним народом. Вместе с тем в их высказываниях встречается тезис о двух братских народах. В ряде случаев идеологи СДПХСл называли хорватов и сербов «двумя племенами». (В представлениях социал-демократов тех лет термин «племя» означал чисто этническое родство, термин «национальность» – духовную и культурную общность, а понятие «нация» – государственно-политическую принадлежность³².)

В 1903 г. лидер СДПХСл И. Анцел, выступая на съезде венгерских социал-демократов, заявил, что «на юге проживает один большой южнославянский народ, который населяет Хорватию, Славонию, Боснию, Герцеговину, Далмацию, Сербию, Черногорию и Болгарию. Весь этот народ, продолжал оратор, под различными названиями является одним народом. Государства, в состав которых он входит, разделяют его лишь по государственному признаку»³³. Этот тезис в начале XX в. был уже явным анахронизмом, ибо игнорировал существование нескольких уже сформировавшихся наций. Примечательно, что Анцел не включил в этот перечень словенцев.

Резко критикуя национализм буржуазии югославянских народов, в особенности хорватской и сербской, которая на основании исторического государственного права пыталась доказать необходимость создания однонационального (моноэтнического) политического формирования именно «своей» нации, социал-демократы не смогли до конца преодолеть вульгарное представление о национальных отношениях. Они, как и авторы Брюннской программы Социал-демократической партии Австрии (1899), считали национальные противоречия только «средством, при помощи которого правящие классы обеспечивают себе господство и препятствуют всякому проявлению истинно народных интересов». Причину «национальных раздоров» они видели прежде всего в «несовершенстве нашего политического устройства»³⁴.

В вопросах борьбы за социалистическое переустройство общества СДПХСл шла за СДП Австрии, СДПГ и другими центристскими партиями II Интернационала. В ее программных документах не говорилось о социалистической революции; предполагалось, что путем реформ и постепенной эволюции общество придет к

социальной справедливости. Вместе с тем она острее и последовательнее, чем консервативные, либеральные и радикальные партии, ставила вопрос о демократизации политической системы в Хорватии-Славонии, прежде всего о введении всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании на выборах во все представительные учреждения³⁵.

Лидер ЮСДП Э. Кристан говорил: «Мы должны решительно протестовать против проведения различий между нацией и [простым] народом»³⁶. Классовые отношения часто рассматривались сквозь призму национальных отношений. Понятийный аппарат и терминология, выработанные в ходе многолетней национальной борьбы против угнетения, передавались из поколения в поколение и составили прочную идеологическую и психологическую традицию, проникшую во все сферы общественного сознания.

Для СДПХСл было характерно стремление свести воедино представления о народе как о социальной и этнической общности. Они рассматривали хорватов и сербов, югославян в целом как «трудящихся». Большую часть югославянского населения, по их мнению, составляли рабочие и крестьяне, мелкие производители – слои, которые охватывало понятие «трудовой народ», что подчеркивало не только их социальную, но и этническую принадлежность³⁷. Классовое угнетение совпадало для них с национальным.

Наконец, еще не было полностью преодолено предубеждение предыдущего этапа развития социалистического движения – стремление рассматривать нацию и национальные конфликты лишь как препятствие социальной революции, которое со временем, по мере развития общества, уйдет в небытие. Эта установка отразилась даже в Брюннской программе СДПАв по национальному вопросу³⁸.

Неопределенными были представления социал-демократов Хорватии и о национальных отношениях. Они отвергали принцип исторического государственного права и «политическую нацию».

Хорватские социал-демократы придерживались широко распространенной в те годы теории о хорватах и сербах как о единой этнонациональной общности – «народе». Хотя эта концепция помогала смягчить противоречия между хорватами и сербами и дала возможность значительным политическим силам обеих наций объединиться в общем движении за реформы, но со строго научной точки зрения она не соответствовала истине. В начале XX в. и хорваты, и сербы, и словенцы, и боснийские мусульмане представляли собой сформировавшиеся в целом нации с четко выраженным самосознанием. Поэтому в дальнейшей перспективе эта концепция

неизбежно должна была вступить в противоречие с объективным стремлением этих народов к самоопределению.

В этой связи нельзя не упомянуть о своеобразии трактовки СДПХСл резолюции Лондонского конгресса II Интернационала о самоопределении. Этот документ в те же дни был переведен и перепечатан печатным органом СДПХСл – газетой «Слобода». Термин «самоопределение» был переведен как «самостоятельность», а «нация» – как «национальность»³⁹. Дословно читатели газеты «Слобода» увидели следующий текст: «Конгресс высказывается за полную самостоятельность всех национальностей». Позднее И. Анцел – совместный делегат СДПХСл и ЮСДП на Лондонском конгрессе – высказал иную трактовку: «Право национальностей на самодержавие и самоопределение»⁴⁰. Пункт о праве наций на самоопределение не был внесен в программу СДПХСл 1896 г. Только в 1905 г. было подписано заявление о присоединении СДПХСл к либеральной Хорватско-сербской коалиции, в котором был ясно сформулирован этот принцип⁴¹. В 1906 г. он был включен и в партийные документы. Термин «национальность» в данном контексте больше не использовался.

Рассматривая концепции югославянских социал-демократов с точки зрения теории модернизации, уже упоминавшийся нами С. Маткович пишет: «Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии видела истоки кризиса общества в капиталистической системе. Пример социал-демократов показал парадоксальность модернизации в ее практическом воплощении. С одной стороны, без стремления к созданию гражданского общества было бы невозможно осуществить ускоренную индустриализацию, которая проходила в менее развитых областях двуединой монархии в конце XIX в., и тем самым подготовить внутри общества фундамент для создания социал-демократических партий. Созданная лишь в 1894 г. в банской Хорватии партия не только сконцентрировалась на борьбе за улучшение положения рабочих в рамках капиталистической системы, но и выражала свое негативное отношение к существовавшему в Хорватии политическому устройству, в особенности – к режиму бана Куэна-Хедервари (1883–1903), что привело к репрессиям с его стороны. И все же это общество нового образца предоставляло возможность для формирования политических организаций. Среди них были и социал-демократы, но вследствие социально-демографической ситуации в хорватском обществе партия, отстаивавшая интересы рабочих, не обладала значительным влиянием»⁴².

СДПХСл признавала венгерско-хорватское Соглашение 1868 г., предоставившее Хорватии, Славонии (на бумаге и Далмации, входившей в австрийскую часть двуединой монархии) политическую автономию, законом для Хорватии. Однако партия выступала за пересмотр Соглашения, за гарантию Хорватии, Славонии и Далмации права полного «самоуправления», а с середины 1900-х годов стала требовать фундаментального переустройства дуалистической монархии и в социальном, и в национально-политическом отношении. Вместе с гражданскими – буржуазными партиями она критиковала систему дуализма за то, что та «основана на превосходстве одних и угнетении других наций и классов», требовала основополагающего «переустройства государства и общества»⁴³. «Право хозяйствования и политического самоуправления в государстве должно принадлежать только народу как единственной и неограниченной силе», – провозглашала она⁴⁴. Если в 90-е годы XIX в. партия в основном свое внимание концентрирует на политических проблемах собственно Хорватии и Славонии, то с 1908 г. ясно прослеживается четкое осознание ее лидерами тесной связи «хорватского вопроса» с национальными и социальными проблемами монархии в целом. На V съезде партии в апреле 1908 г. партия поставила вопрос о необходимости разработки общей для всей социал-демократии Австро-Венгрии позиции по отношению к дуализму⁴⁵. Резко критикуя политику венгерских правящих кругов, СДПХСл подчеркивала, что они не могут быть друзьями хорватского народа, но лишь его врагами – и классовыми, и национальными. Для решения социально- и национально-политических проблем партия выступает за сотрудничество с венгерскими демократическими кругами. «Трудовой народ нашей страны может принять помощь только от трудового народа Венгрии и Австрии, так как у них общие интересы и общий противник», – считали социал-демократы⁴⁶. Реформу монархии они видели в установлении ее на «фундамент демократической конституции, гарантирующей каждому народу полную хозяйственную, политическую и культурную свободу»⁴⁷.

СДПХСл, ЮСДП и СДП БиГ колебались между двумя вариантами решения сербского, хорватского, словенского и мусульманского национальных вопросов, а также общего – югославянского. До Первой мировой войны они рассматривали возможность их решения как в контексте Средней Европы и охватывавшей большую часть региона Австро-Венгрии, так и в рамках Балкан, в рамках Балканской федерации. Колебания между этими двумя возможны-

ми путями развития отразили две социал-демократические конференции – 1909 г. в Любляне и 1910 г. в Белграде.

21–22 ноября 1909 г. в Любляне состоялась конференция южнославянских социал-демократов, в которой приняли участие и представители СДПХСл. В резолюции этой конференции говорилось, во-первых, о стремлении югославян Австро-Венгрии к «полному национальному объединению всех югославян», во-вторых, о ликвидации «искусственно воздвигнутых препятствий государственно-правовых и политических», чтобы иметь возможность «жить общей собственной жизнью как свободное национально-автономное целое в рамках полностью демократической конфедерации народов». VI съезд СДПХСл, проходивший в августе 1910 г., признал Люблянскую (Тиволийскую) резолюцию документом собственной партии, и ее текст был полностью опубликован в отчетном докладе⁴⁸.

Вскоре после Любляны в январе 1910 г. в Белграде была организована Балканская социалистическая конференция. Выступая на ней, представители СДПХСл и ЮСДП также говорили о «мирном обретении нациями автономии». Представитель ЮСДП словенец Хенрик Тума, например, заявил, что «историческая миссия Австро-Венгрии состоит в том, чтобы предоставить такую автономию». В противном случае она распадется, сказал он⁴⁹. СДПХСл придала Белградской декларации гораздо меньшее значение. В Докладе VI съезду было упомянуто лишь, что «на ней достигнуто значительное сближение с балканскими социалистическими партиями». СДП БиГ на своем II съезде в июле 1910 г. кратко заявила об одобрении резолюций обеих конференций⁵⁰.

Идею сохранения и преобразования Австро-Венгрии на федеративных (или автономных) началах югославянские социал-демократы в основном сохраняли даже в 1917 г. Именно в этом духе был составлен меморандум СДПХСл на организованной летом 1917 г. в Стокгольме встрече социал-демократических партий по вопросу о возможности компромиссного мира, были и сторонники решения югославянского вопроса вне границ монархии Габсбургов⁵¹.

История существования и распада монархии Габсбургов доказывает, что борьба центробежной и центростремительной тенденций является закономерностью развития любого многонационального государства независимо от социально-экономического строя и политического устройства. Эта борьба обусловлена самой природой каждой этнической общности, стремящейся к самоопределению. Центробежная тенденция может быть смягчена только максимальной демократизацией. Ведь именно Первая мировая

война и ее последствия – усиление авторитарных и централистских тенденций во внутренней политике монархии, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неполноправных народов – и как результат – потеря широкой многонациональной социальной базы – и привели к развалу государства. Но сама по себе постановка вопроса о национальном самоопределении в многонациональном государстве носит объективный характер и вовсе не идентична ни требованию (в том числе и политическому) выхода каждого отдельно взятого народа из этого государства, ни стремлению к его распаду. Программы политических партий неполноправных народов Австро-Венгрии, не исключая и социал-демократов, свидетельствуют об их поддержке до определенного момента, связанного с неблагоприятным для Австро-Венгрии ходом Первой мировой войны, сохранения целостности государства при проведении широких социально-политических и национально-государственных реформ.

Выдвигавшиеся проекты реформ национально-политического переустройства Австро-Венгрии были объективным отражением в сознании реальных тенденций в жизни монархии Габсбургов. Проекты федеративного и даже конфедеративного переустройства не были тождественны требованию выхода из состава этого многонационального государства. Однако даже идея выхода из состава Австро-Венгрии и разрушения ее целостности не была тождественна идее создания общего государства югославян. По крайней мере в такой форме, в какой это осуществилось на практике. Каждый народ искал свои пути достижения самоопределения и его формы.

Позиция социал-демократов – СДПХСл, ЮСДП и СДП БиГ – составных частей национальных движений хорватов, сербов, словенцев и мусульман Боснии и Герцеговины – в значительной мере определила соотношение социальной и национальной революций в процессе распада Австро-Венгрии и переформатирования этнополитического пространства региона Средней Европы.

Примечания

¹ *Stančić N.* Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002. S. 128–129.

² Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije. Tom IV. Socijalistički pokret u Hrvatskoj i Slavoniji, Dalmaciji i Istri 1892–1919. Beograd, 1950. S. 13–22. Далее – Istorijski arhiv KPJ.

- ³ Zgodovinski arhiv Komunističke partije Jugoslavije. Socijalistično gibanje v Sloveniji 1869–1920. Beograd, 1951. S. 24–41. Далее – Zgodovinski arhiv KPJ.
- ⁴ Ibid. S. 355–356.
- ⁵ Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Т. VI. Социјалистички покрет у Босни, Војводини и Македонији. Београд, 1951. С. 122–123, 162–203. Далее – Историјски архив КПЈ.
- ⁶ Ibid. С. 22–88.
- ⁷ См.: *Писарев Ю.А.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905–1914. М., 1962. С. 52; *Поплыко Д.Ф.* Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983. С. 225; *Korać V.* Povijest radničkog pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji. Knj. III. Zagreb, 1933. S. 184–187; *Sloboda (Zagreb)*. 1896. № 15; *Radnički pokret u Hrvatskoj potkraj XIX stoljeća. Izabrani izvori.* Priredila Mirjana Gross. Zagreb, 1957. S. 50–51; *Redžić B.* Austro-marksizam i jugoslavensko pitanje. Beograd, 1977. S. 23–190, 217–305.
- ⁸ *Маткович С.* Хорватские политические партии и идея модернизации в начале XX в. // Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В.И. Фрейдзона. СПб., 2011. С. 237.
- ⁹ Программные документы и материалы этих партий см., например: Историјски архив КПЈ. С. 28–31, 81–88; *Glas slobode / Глас слободe (Sarajevo)*. 1914. 1., 10., 12. januara; Zgodovinski arhiv KPJ. S. 24–28, 59–67; *Naprej! (Kranj)*. 1, 1903. Št. 1; *Naš list (Ljubljana)* 1906. Št. 8.
- ¹⁰ *Oštrić V.* Osnivanje prve radničke stranke u Hrvatskoj (U povodu 70-godišnjice Socijaldemokratske stranke Hrvatske i Slavonije 1894–1964) // *Putovi revolucije*, 5. Zagreb, 1965. S. 159.
- ¹¹ Istorijски архив КПЈ. С. 40.
- ¹² См.: История II Интернационала. Т. I. М., 1965. С. 151; *Cazi J.* Počeci modernog radničkog pokreta u Hrvatskoj (1880–1895.). Knjiga prva. Zagreb, s.a. S. 145–149.
- ¹³ Istorijски архив КПЈ. С. 36–37, 56, 72–73; Историјски архив КПЈ. С. 24, 30, 38, 46–49, 63, 66. Также см.: *Романенко С.А.* Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX в. // Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 149–150; *Он же.* Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской наций на территории Хорватии, Славонии и Далмации // Роль конфессий в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 101–102.
- ¹⁴ Istorijски архив КПЈ. С. 17, 50, 59, 67–68.
- ¹⁵ Историјски архив КПЈ. С. 162–194.
- ¹⁶ Ibid. С. 172.
- ¹⁷ Ibid. С. 195–203.
- ¹⁸ Zgodovinski arhiv KPJ. S. 112–113, 134–135.

- ¹⁹ Izvod iz napisa objavljenih u listu «Sloboda» u povodu osnivanja Socijaldemokratske stranke Hrvatske i Slavonije // Putovi revolucije, 5. S. 229–230.
- ²⁰ Sloboda. 1896. № 14; *Kovačević I.* Ivan Ancel predetavnik hrvatskih socijalista na kongresu Druge Internacionale u Zurichu, 1893 // Zbornik za društvena istraživanja Slavonije i Baranje. g. 2., br. 1. Slavonski Brod, 1984. S. 67–72.
- ²¹ Istorijски архив КПЈ. S. 137.
- ²² Sloboda. 1900. № 20.
- ²³ Istorijски архив КПЈ. S. 43, 83–84; Kongresi Druge Internacionale. T. I. Beograd, 1956. S. 224, 422–423; T. II. S. 46–49.
- ²⁴ Izvod iz napisa... S. 231.
- ²⁵ Istorijски архив КПЈ. S. 9, 34–38, 56–58, 110; *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Povljest hrvatskog naroda 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 305.
- ²⁶ *Kovačević I.* Op. cit. S. 64.
- ²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424.
- ²⁸ См.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII века – 1848 год. М., 1980. С. 215–216.
- ²⁹ Istorijски архив КПЈ. S. 16; Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. М., 1985. С. 233–234; *Radnički pokret...* S. 28–32.
- ³⁰ Istorijски архив КПЈ. S. 34, 56; Сборник документов... С. 28–30.
- ³¹ Istorijски архив КПЈ. S. 107.
- ³² *Синоптикус [Реннер К.]* Государство и нация. СПб., 1906. С. 15, 17; *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 134.
- ³³ Istorijски архив КПЈ. S. 9.
- ³⁴ Сборник документов... С. 244.
- ³⁵ Istorijски архив КПЈ. S. 35–37, 57, 84, 115–116.
- ³⁶ Sloboda. 1896. № 15.
- ³⁷ Ibid.; Istorijски архив КПЈ. S. 40.
- ³⁸ См., например: *Чуркина И.В.* Программы культурно-национальной автономии: создание и варианты // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 70–81; Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партийтаге. СПб.–Киев, 1906; *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2010. С. 223–226.
- ³⁹ Sloboda. 1896. № 15. В своей книге «Государство и нация» К. Реннер раскрыл содержание понятий «нация» («народ») и «национальность». См.: *Синоптикус [Реннер К.]* Указ. соч. С. 17.
- ⁴⁰ *Radnički pokret...* S. 106–107.
- ⁴¹ *Ibler J.* Hrvatska politika 1904–1906. Zagreb, 1914/1917. S. 465.
- ⁴² *Маткович С.* Указ. соч. С. 436.
- ⁴³ *Ibler J.* Op. cit. S. 465; Istorijски архив КПЈ. S. 36, 114, 117.
- ⁴⁴ Istorijски архив КПЈ. S. 114.
- ⁴⁵ Ibid. S. 121, 118.

⁴⁶ Ibid. S. 119.

⁴⁷ Ibid. S. 114.

⁴⁸ Ibid. S. 137–138; Текст декларации Люблянской конференции также см.: Zgodovinski arhiv KRJ. S. 201–203; Историјски архив КПЈ. С. 253–259.

⁴⁹ Zgodovinski arhiv KRJ. S. 211. Текст декларации Белградской конференции см.: Историјски архив КПЈ. С. 281–283; Zgodovinski arhiv KRJ. S. 209–212.

⁵⁰ Историјски архив КПЈ. С. 41–42.

⁵¹ Подробнее об этом см., например: *Романенко С.А.* Между пролетарским интернационализмом и славянским братством. Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. Начало XX в. – 1991 г. С. 87–88, 127–128.

В.В. Грибанова

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В БРИТАНСКИХ ПРОТЕКТОРАТАХ НА ЮГЕ АФРИКИ

История становления и развития школьного обучения в странах южноафриканского региона берет свое начало с приходом миссионеров на эти территории. Спектр миссий, действовавших на юге Африки от различных религиозных организаций и церквей, поразительно разнообразен. Цели, которые преследовали миссионеры, обучая африканцев, главным образом заключались в стремлении обратить их в христианство. Основным предметом изучения были основы религии. Но постепенно новообращенных стали приобщать и к европейской культуре, начинает складываться школьная программа. Большое значение придавалось трудовому воспитанию. В целом цивилизаторская миссия служителей церкви заключалась в пропаганде европейского образа жизни. Еще одной важной задачей для миссионеров была подготовка проповедников из самих африканцев. В статье анализируется развитие обучения в колониальный период в бывших британских протекторатах на юге Африки: Басутоленд (Лесото), Свазиленд, Бечуаналенд (Ботсвана), Северная и Южная Родезии (Замбия и Зимбабве).

Ключевые слова: миссионеры, страны юга Африки, обучение в миссионерских школах, британские протектораты.

Европейское влияние в Лесото начинается с проникновением в первой четверти XIX в. в страну Басуто миссионеров Парижского евангелического общества. А в 1884 г. над этой территорией был установлен британский протекторат, она получила название Басутоленд. Географическое положение этого протектората и его

экономическая зависимость от Южной Африки привели к тому, что образование африканцев в Басутоленде развивалось по стандартам образования ЮАС. К началу XX в. миссионерскую работу в стране, а значит, и просвещение африканцев вели помимо деятелей Парижского евангелического общества миссионеры Римско-католической и Англиканской церквей. Позже небольшие миссии открыли служители Уэслианского (методистского) миссионерского общества, Голландской реформатской церкви, Африканской методистской епископальной церкви и Истинного миссионерского методистского общества.

После создания протектората правительство обратило внимание на проблему обучения африканцев. Но вместо создания государственных школ была принята политика субсидирования и контроля за существующими миссионерскими школами. Был создан Департамент образования во главе с директором, при нем существовали должности инспекторов (один европеец и два африканца). Работа миссионеров была распределена по районам, глава каждой региональной миссии отвечал за работу своих школ перед своим начальством и действовал в соответствии с официальными инструкциями. Доклады о состоянии учебных заведений руководители миссий затем пересылали в Департамент образования.

Для контроля в области обучения африканцев ежегодно созывался Наблюдательный совет во главе с секретарем правительства. Вице-председателем совета был директор образования. Кроме того, в этот орган входили представители основных конгрегаций, работавших в Басутоленде: три от Парижского евангелического общества, по одному от Римско-католической и Англиканской церквей. В совете обязательно присутствовали и представители верховного вождя басуто. Все вопросы образовательной политики выносились на заседания этого совета, его согласие было обязательным условием для строительства новой школы.

Дотации миссионерским школам предоставлялись правительством пропорционально количеству обучаемых учеников. Средняя норма финансирования составляла 26 шилл. на школьника. В 1924 г. расходы на образование, медицину и сельское хозяйство Басутоленда составили 87 780 ф. ст. Это была достаточно большая сумма по сравнению с другими британскими владениями, но в то же время на содержание органов правопорядка было потрачено 39 тыс. ф. ст.¹

Все школы в протекторате делились на три класса. Школы третьего класса были достаточно небольшие, их посещало от 20

до 45 учеников, преподавание здесь велось на родном языке, и не требовалась специальная подготовка учителей. В школах второго класса обучалось уже от 45 до 75 учеников, преподавание шло на родном языке и английском в течение 4 лет. Преподаватели были обязаны иметь учительский сертификат одного года обучения, выданный Департаментом образования Капской колонии, или получить допуск к работе от Департамента образования Басутоленда. Статус школы первого класса предоставлялся, когда количество учеников превышало 70. Язык обучения в начальных классах был родным, а в старших (до конца стандарта VI) – английским. Работники таких школ были обязаны иметь учительский сертификат трех лет обучения, также выдаваемый Департаментом образования Капской колонии.

Указанные сертификаты можно было получить в педагогическом колледже Басутоленда, готовившем выпускников к экзаменам на звание туземного учителя при Департаменте образования Капской колонии. Существовала всего одна государственная школа – профессионально-техническое училище в Масеру. В ней два преподавателя-европейца обучали 60 учащихся.

В 20–30-е годы XX в. среди 350 школ, организованных Парижским евангелическим обществом, имевшим доминирующее влияние на образование в Басутоленде, наиболее известными были педагогический колледж для мальчиков в Моридже, мужская индустриальная школа в Лелоаленге, женская индустриальная школа в Табана-Морена, Библейская школа. Помимо подготовки африканских учителей и проповедников, особое значение придавалось обучению африканцев каким-либо профессиям. Среди основных предметов обучения в мужской индустриальной школе в Лелоаленге были специальности плотников, кузнецов, каменщиков, сапожников. В женской индустриальной школе в Табана-Морене обучали домоводству, шитью, воспитанию детей. Выпускницы могли получить работу воспитательниц в детском саду. Вообще среди прихожан и учащихся Парижского евангелического общества большинство составляли женщины и девочки. Важной составляющей работы этой миссии в Басутоленде была издательская деятельность, начавшаяся еще в 1841 г. В 1874 г. в Моридже было основано издательство, которое обеспечивало нужды в религиозной и учебной литературе на языке сесото. В 1864 г. была основана и ежемесячная газета на этом языке, тираж которой к 20-м годам XX в. достиг 2 тыс. экземпляров².

Количество школ, принадлежавших Римско-католической церкви, достигало в указанный период 112. Это были начальные шко-

лы, преподавали в которых сами африканцы, лишь в нескольких учебных заведениях детей обучали монахини. Из школ второй ступени работали педагогический и сельскохозяйственный колледжи для мальчиков и индустриальная школа для девочек.

Третья крупная конфессия, представленная в Басутоленде, – Англиканская церковь, содержала 60 начальных школ. Кроме того, в Масито был колледж для мальчиков, готовивший как учителей, так и рабочих разных специальностей, и женская индустриальная школа св. Екатерины в Масеру.

К моменту получения независимости в Лесото было уже 1100 начальных и всего 20 средних школ. Эта страна занимала одно из первых мест в Африке по грамотности населения, но образование большинства детей ограничивалось несколькими классами начальной школы. В 1962 г. число учащихся 20 средних школ не превышало 1500 человек. В период независимости большое внимание было уделено как раз развитию среднего и высшего образования³.

Свазиленд был независимым до 80-х годов XIX в., здесь почти не чувствовалось европейского влияния. Жители Свазиленда относились к группе народов банту – свази (более 80 %) и зулу (менее 20 %). Проникновение европейцев и распространение их влияния началось вместе с переселением буров в период Великого трека. На этой территории значительной была и деятельность миссионеров. К концу XIX в. в Свазиленде действовало уже 18 миссионерских обществ и церквей. Помимо школ, организованных миссиями для африканцев, в Свазиленде было 14 школ для европейских детей, особенно много по сравнению с другими странами региона, за исключением Южной Африки. Поэтому ассигнования на образование составляли внушительную цифру – 5 % всех расходов. В 1923 г. на нужды обучения было направлено 5954 фунта⁴.

Из всех детей школьного возраста в Свазиленде учебные заведения посещали в 20-е годы XX в. не более 3 тыс., менее чем одна седьмая от общего числа. Здесь действовало несколько десятков миссионерских школ для африканцев, но работали они неустойчиво, часто закрываясь на неопределенное время. При этом 300 детей белых поселенцев обучалось в 14 школах. Правительство содержало все европейские школы и только одну африканскую – в Зомбоде (более 100 учеников).

Власти Свазиленда основное внимание обращали на обучение африканцев профессиям, считая, что образованный африканец не должен быть только преподавателем или проповедником. По мнению администрации, образованный туземец только тогда принесет

В.В. Грибанова

пользу себе и обществу, когда он будет владеть полезной, хорошо оплачиваемой специальностью, которая «позволит причислить себя к цивилизованному обществу». В докладе, представленном секретарем правительства Свазиленда в сентябре 1924 г., заявлялось, что «туземцу необходимо обучение грамотности до стандарта IV, чтобы он мог получить правильные привычки и воспитать в себе дисциплину. Туземец должен знать английский язык, уметь написать письмо, считать деньги, понимать меры и веса. Но главное, он должен получить твердые навыки в ведении сельского хозяйства или профессию»⁵. Школы, существовавшие в Свазиленде в 20–30-е годы XX в., были двух типов. Школы первого класса (очень немногочисленные) имели хорошо оборудованные здания и предоставляли образование на высоком уровне. Подавляющее большинство школ относились ко второму классу. Они были небольшие, часто плохо приспособленные к процессу обучения, с элементарной программой.

Среди наиболее известных школ в тот период можно назвать педагогический колледж для девочек в Умбулузи при Единой Южно-Африканской церкви. По окончании они получали Сертификат африканского учителя первого года обучения. Это была первая в Свазиленде школа, где готовили туземных учителей. Образцовой, по мнению властей Свазиленда, что было отмечено в упомянутом выше докладе, была школа в Эхлосане, организованная Церковью провинций Южной Африки. Она получала специальные дотации от администрации. Это была типичная школа первого класса. Обучение проходило в хорошо оборудованных помещениях, школьники получали профессионально-техническое образование на хорошем уровне. Африканские мальчики здесь осваивали профессии плотника, столяра, краснодеревщика, кузнеца. Церковь провинций Южной Африки содержала несколько учебных заведений для африканцев.

Еще одной крупной религиозной организацией, занимавшейся просвещением местного населения, было Уэслианское (методистское) миссионерское общество. Среди нескольких школ этой миссии наиболее известным было учебное заведение в Махамба, в южной части протектората. Эта школа также принадлежала к первому классу. Активную работу в Свазиленде проводила и Римско-католическая церковь. Небольшие школы второго класса были у Союзной миссии Скандинавии и Адвентистов седьмого дня.

К моменту получения независимости, несмотря на значительные усилия миссионеров, подавляющая часть населения Свази-

ленда оставалась неграмотной, очень мало было средних учебных заведений.

Британский протекторат Бечуаналенд был установлен на территории Ботсваны в 1885 г. При этом южная часть страны, постепенно оккупировавшаяся англичанами в 1878–1885 гг., была присоединена к Капской колонии. После установления протектората Бечуаналенд был разделен на 11 округов, а африканцев расселили по 10 резерватам, выделив для них треть территории. Подавляющее большинство населения составляли бечуаны (их иногда называют западными басуто), часть населения составляли бушмены. Установление протектората было связано в том числе с деятельностью миссионеров, активно работавших здесь в XIX в. В первой половине XX в. основную работу по обучению африканцев проводили четыре конгрегации: Лондонское миссионерское общество (ЛМО), Голландская реформатская, Лютеранская и Англиканская церкви. Наибольшее число школ находились под управлением ЛМО. Более 5 тыс. детей школьного возраста (шестая часть от их общего числа) проходили обучение в школе. Всего зарегистрированных школ было 77.

Бечуаналенд представлял собой огромную территорию с достаточно редким населением, в основном сосредоточенным на юге. Поэтому школы также были рассеяны по этой обширной местности. Здесь не было правительственных школ, не было и Департамента образования (как в Басутоленде). Контроль за миссионерскими школами находился в руках директора образования Басутоленда, который инспектировал школы Бечуаналенда раз в году.

Важной особенностью развития образования в Бечуаналенде была поддержка, в том числе и материальная, а также контроль со стороны самих африканских общин и их вождей. Власти не поддерживали школы для африканцев в этом протекторате, кроме нескольких учебных заведений ЛМО, но перечисляли часть налогов, собираемых с африканцев, на нужды образования. Сверх этого, в некоторых общинах существовал специальный сбор в особый фонд, из которого финансировалась работа местной школы. Почти все школы управлялись школьными комитетами под председательством главы администрации района, который периодически инспектировал их работу. Членами комитета обычно были: руководитель миссии, при которой была создана школа, вождь или его представитель, старейшины племени. Часто от положительного или негативного отношения вождя к вопросам образования напрямую зависела судьба местной школы.

Ни одна из школ в Бечуаналенде в 20–30-е годы XX в. не предоставляла обучение выше начального уровня. Единственным местом, где готовили учителей-африканцев, был колледж Тайгер Клүф, организованный ЛМО на границе с Капской колонией. Отсутствие широкой подготовки преподавателей в Бечуаналенде приводило к низкой квалификации работающих здесь учителей. В 1919 г. правительством был принят стандарт учебной программы, рекомендованный для утверждения школьными комитетами. Он охватывал 4 года обучения и предполагал, что африканцы должны освоить такие предметы, как чтение, письмо, арифметика, английский язык, закон Божий, география и история.

Среди наиболее известных школ ЛМО в Бечуаналенде было учебное заведение в Серове. Его посещало большое количество учеников, школьное здание было просторным и удобным. Оно было построено при участии верховного вождя Кхамы, все расходы взяли на себя африканцы. Сын Кхамы – Секгоме ввел даже налог в 5 ф. ст. для всех мужчин на содержание этой школы⁶.

Другая образцовая школа для африканцев, созданная под руководством Голландской реформатской церкви, находилась в Мачуди. Вообще история развития обучения племени бакхатла очень показательна и для всей картины образования в Бечуаналенде. В 1869 г. основная часть этого племени, принуждаемая местными голландскими властями, переселилась из Трансваала в соседний Бечуаналенд, где расселилась на выделенной им территории в 3600 кв. миль. Около $\frac{2}{3}$ населения (которое в целом составляло к 1920 г. 12 тыс. человек) жили в столице – Мачуди, где находилась и резиденция вождя. Остальные разместились в девяти небольших деревнях недалеко от Мачуди. В резервацию за племенем последовала и миссия Голландской реформатской церкви, существовавшая до этого на территории племени в Трансваале.

Сначала образованием африканцев занимались только в миссии. Обучение в миссионерской школе заключалось главным образом в получении основ грамоты и религиозной подготовке. В 1920 г. правитель бакхатла Исанг, недовольный образовательной политикой миссии, передал контроль за обучением племенному комитету, в котором были представлены члены белой администрации территории, миссионеры и верхушка племени.

Новый импульс развитие образования получило с основанием администрацией Бечуаналенда Фонда развития африканцев, существовавшего за счет ежегодного взноса налогоплательщиков. В 1923 г. на племенные деньги в Мачуди было построено здание

школы, которое называли «величественным и современным»⁷. Также были построены школы в некоторых деревнях на территории резервата. В 1930 г. образование африканцев было заключено в рамки государственной системы: принят первый учебный план, для руководства был создан местный школьный комитет, который устанавливал систему оценок, ведал назначением и смещением учителей, оплатой их труда, следил за обеспечением школ необходимым оборудованием.

С ранних времен на территории Замбии сменилось несколько политических объединений. В XVIII в. здесь сложилось раннегосударственное образование Баротсе, этническую основу которого составили лози или ротсе (баротсе). С 1860 г. эта страна была известна как Баротселенд. Первыми из миссионеров в 1884 г. на территории Баротселенда появились сотрудники Парижского евангелического общества. А затем, опираясь на деятельность миссионеров, основанная С. Родсом Британская Южно-Африканская компания навязала вождям африканских племен договоры, по которым европейцы приобретали исключительные права на торговлю, разработки недр и т. д.

В 1899 г. британское правительство признало власть Компании над северо-западной, а в 1900 г. – над северо-восточной Родезией. В 1911 г. обе территории были объединены в единую административную единицу, а в 1924 г. она была объявлена британским протекторатом Северная Родезия. Африканцы постепенно были переселены в резерваты, зачастую непригодные для ведения сельского хозяйства, вследствие чего среди них широко распространилось отходничество на фермы и промышленные предприятия европейцев.

Северная Родезия была страной с небольшой плотностью населения и очень пестрым этническим составом. В год создания протектората население составляло около 1 млн африканцев. Из них примерно треть принадлежала к пяти большим племенам, а всего было более 50 этнических групп⁸. Среди них наиболее известными были баротсе, жившие на западе страны, и ангоны, жившие на северо-востоке. Европейское население было весьма немногочисленным (не более 4 тыс. человек).

Как и везде на юге Африки, школы для африканцев организовывались и обеспечивались миссионерами. К началу XX в. на территории Северной Родезии 15 церквей и миссионерских обществ содержали 72 станции. При них было организовано 1500 школ, где обучались 47 600 учеников и работали 205 европейских и 1600 африканских преподавателей. (В этот период в стране насчитывалось

примерно 200 тыс. африканских детей школьного возраста, таким образом, школы посещала только четверть из них.) Кроме миссионерских школ правительство содержало одну школу-интернат для мальчиков баротсе с 260 учениками и 7 так называемых «школ без зданий», где могло получить начальное образование до 350 человек⁹.

На территории Северной Родезии за редким исключением работали станции протестантских миссионерских обществ. Наиболее эффективными в области образования были Голландская реформатская церковь и Свободная церковь Шотландии, проводившие свою работу в основном в восточных районах страны.

В первой четверти XX в. Парижское миссионерское общество открыло 7 школ при станциях и еще 56 «школ без зданий», обучавших более 1,5 тыс. учеников. Все эти школы действовали в районах Баротсе и Батока, где проживало около 80 тыс. детей школьного возраста. Наиболее известным учебным заведением под руководством Парижского евангелического общества был педагогический колледж в Сефуле.

Школы миссий Голландской реформатской церкви в районе Восточный Луангва посещали 16 тыс. детей. (Всего в районе Восточный Луангва из 40 тыс. африканцев школьного возраста обучались 21,5 тыс.) Здесь работало 350 африканских учителей, которых готовили на специальных учительских курсах на пяти станциях. В соседнем Ньясаленде (современное государство Малави) на одной из станций Голландской реформатской церкви функционировала типография, снабжавшая учебными пособиями все миссионерские школы этой конгрегации, в том числе и на территории Северной Родезии.

Следующими по значению были школы Лондонского миссионерского общества, которое действовало также в основном на востоке страны, в районе Танганьика. ЛМО пришло на территорию Северной Родезии в 1887 г., вторым после Парижского евангелического общества. В первой половине XX в. это общество содержало 6 станций, в школах которых обучалось до 13 тыс. африканцев из 18 тыс. детей школьного возраста, проживавших в этом районе. Но более соответствовал действительности факт, изложенный в отчете ЛМО за 1924 г.: из 13 тыс. детей, записавшихся в школы, только чуть более половины действительно посещали занятия¹⁰. Лучшим учебным заведением этого общества была школа-интернат для девочек Мбереша, где обучались 83 воспитанницы. На этой станции также существовала школа профессионального обучения

для мальчиков, в которой они могли получить профессию плотника, кузнеца, резчика по кости.

Пять станций Объединенной церкви Шотландии были расположены в районах Танганьика, Восточный Луангва, Авемба и Серенджи. 12 европейских и 350 африканских учителей работало в 200 «школах без зданий», где обучалось более 9 тыс. учеников. Педагогический колледж для подготовки местных учителей располагался в Ливингстоне, на территории центральной станции этой конгрегации.

Работа Истинной методистской церкви в Северной Родезии началась в 1893 г. в районе Кафиэ (к северу от Ливингстона). Здесь, а также в соседнем районе Батока эта церковь содержала 29 школ, в которых обучалось до 1,5 тыс. учеников. Примечательно, что в районе Кафиэ из 10 тыс. детей школьного возраста посещало школы только 700, и все эти учебные заведения содержались Истинной методистской церковью. На центральной станции располагались преподавательские курсы и типография, выпускавшая евангелия и учебные пособия на африканских языках.

Пять станций Объединенной (универсалистской) миссии были расположены на территории четырех районов Северной Родезии – Мверу-Луапула, Восточный Луангва, Западный Луангва и Серенджи. При этих станциях существовали 33 «школы без зданий». Всего школы посещали около 900 учеников. Упор делался на религиозную составляющую обучения.

В районах Баротселенд, Казема и Мверу-Луапула школы организовывали миссионерское общество Плимутские братья, Южно-Африканская объединенная миссия, Адвентисты седьмого дня. Наконец, по 1–2 станции и небольшому количеству школ и учеников находились на содержании таких протестантских обществ, как Уэслианское, Братья во Христе, Церковь Христа и Южно-Африканские баптисты.

Римско-католическая церковь была не столь активна в этом регионе. От ее лица здесь действовали миссии Отцов-иезуитов и Белых отцов. Первые работали на 5 станциях в районах Восточный Луангва и Батока, при которых в 70 школах обучалось более 2,5 тыс. учеников. Белые отцы организовали 12 станций в четырех районах на северо-востоке страны, при которых находилось 570 школ, где работали 32 европейских и 218 африканских учителей. Упор делался на религиозное обучение и освоение навыков сельскохозяйственных работ.

Правительством была основана всего одна – Национальная школа Баротсе в 1906 г. в Каньенго. Часть средств из налогов, соби-

раемых с африканцев, шла на содержание этой школы-интерната, где обучалось около 200 мальчиков. В школе преподавались география, гигиена, пение, основы сельского хозяйства, плотницкое, каменщицкое, портняжное дело, машинопись. 7 «школ без зданий», поддерживаемых правительством, были подотчетны Национальной школе Баротсе (их посещали около 300 учеников), а также существовала небольшая (42 ученика) дневная школа в Ливингстоне.

Сразу после создания протектората Северная Родезия расходы правительства на образование, здравоохранение и сельское хозяйство составили чуть более 60 тыс. ф. ст. (17 % от всех государственных расходов). Из них собственно на образование было потрачено всего 9300 ф. ст. Эти деньги выделялись практически полностью на содержание незначительного количества школ для белых. Даже правительственная школа Баротсе главным образом финансировалась из налогообложения самих африканцев. В отличие от других колоний Великобритании миссионерские школы Северной Родезии не получали финансовой помощи от правительства¹¹.

Вплоть до обретения независимости в 1964 г. система образования продолжала строиться на основе расовой сегрегации. Начальная школы была 8-летняя, средняя – 6-летняя. Средняя ступень обучения была развита очень слабо, возможности получить высшее образование в протекторате не было. Существовало небольшое число педагогических колледжей.

Европейское проникновение на территорию Зимбабве начинается в середине XIX в., когда здесь появляются первые белые промышленники и торговцы, привлеченные плодородными почвами и богатыми месторождениями полезных ископаемых, в том числе золота. Основу населения страны составляли народы группы банту – шона (прежнее название – машона), более 80 % всего населения, и ндебеле (матабеле), около 15 %. Первыми на земле ндебеле появились миссионеры Лондонского миссионерского общества, которые в 1859–1860 гг. по разрешению верховного вождя Моселекатсе построили здесь первые миссионерские станции.

В 1888 г. агент созданной С. Родсом Британской Южно-Африканской компании добился от сына Моселекатсе Лобенгулы права на разработку полезных ископаемых. В следующем году компания получила хартию от британской королевы, по которой ей были предоставлены практически неограниченные права на эксплуатацию земель и строительство инфраструктуры к югу от р. Замбези. Эти земли получили название Южная Родезия. В конце XIX – начале XX в. начинается активная иммиграция на эту

территорию белого населения из Великобритании, США и южноафриканских колоний.

В начале XX в. европейское население составляло 2 % всех жителей Южной Родезии. Это была не очень большая по количеству (около 11 тыс. человек), но пропорционально значительная прослойка, особенно по сравнению с другими Британскими колониями, кроме Южной Африки. К 1923 г. число белых жителей колонии увеличилось в 3 раза, достигнув 33 тыс. человек. Этому способствовали чрезвычайно высокий экономический потенциал страны и умеренный, пригодный для жизни климат.

Практически сразу после прихода европейцев и в экономике, и в социальной жизни начинает складываться жесткое разделение между белыми и черными жителями. В экономике сложились два сектора: африканский и европейский. Фермы белых располагались на экспроприированных у африканцев землях. Для коренных жителей страны было создано 100 резерватов (где проживало $\frac{2}{3}$ коренного населения) в разных частях страны. Остальные африканцы проживали на так называемых неотчужденных землях и белых фермах, около 20 тыс. – на шахтах и в городах.

В отличие от других колоний на юге Африки в Южной Родезии сразу создается юридически оформленная раздельная система образования для детей поселенцев и детей африканцев. С самого начала образование черных было нацелено на процесс их обращения в христианство и обеспечение достаточного количества подготовленных слуг для белых. Образование европейских детей преследовало совершенно иные задачи: обеспечение слоя образованных людей, способных управлять страной, в самой Южной Родезии. Образование белых практически с самого начала планировалось сделать конкурентоспособным не только по сравнению с южноафриканским, но и с английским.

На начальном этапе образование двух групп населения осуществлялось только в миссионерских школах. Первая школа для африканцев была открыта миссионерами ЛМО в Иньяти. Для европейских детей первые школы создавала католическая церковь – в Солсбери и Булавайо. В 1896 г. монахи-иезуиты открыли колледж св. Георгия, полностью копировавший модель английской частной школы. Недолго, с 1893 по 1898 г., просуществовала англиканская школа¹².

В 1899 г. был принят первый документ, оформлявший складывающуюся систему обучения, – Постановление об образовании. Устанавливались стандарты учебных программ, финансирования,

квалификационные требования отдельно для белой и черной групп населения. Школы для африканцев оставались полностью в руках миссионеров. В отношении африканских школ устанавливался приоритет профессионального обучения. Правительство предоставляло финансовые субсидии тем школам, где велось ремесленное обучение не менее двух часов в день. Вообще половина учебного времени должна была быть занята профессиональным обучением.

В отношении белых школ были провозглашены совсем другие требования. Устанавливались два типа европейских школ: миссионерские или церковные и светские, под контролем правительства. Минимальное число учеников в миссионерской школе, при котором она имела право на государственную помощь, было 25 человек (в школах для африканцев – 50). Кроме того, школы для белых детей получали средства не только на оплату учителей и оборудование, но им также выплачивались премии за каждого ученика, успешно сдавшего экзамены. В 1903 г. было изменено условие получения финансовой помощи европейскими миссионерскими школами. Вместо минимального количества учеников в 25 человек требовалась только рекомендация от Департамента образования. Позже была увеличена помощь родителям детей, проживающим далеко от школы, чтобы они могли приезжать на учебу.

В 1907 г. школы для африканцев были разделены на три категории: школы первого класса получали самые высокие денежные субсидии и полностью соответствовали требованиям, изложенным в Постановлении 1899 г.; школы второго класса немного отклонялись от стандартов; и, наконец, школы третьего класса не представляли профессионального обучения, были открыты только два часа в день, квалификация учителей в них была очень низкой¹³.

Постепенно управление африканскими школами перешло к Департаменту развития туземцев. В 1921 г. его директор Х. Кейвин сформулировал принципы обучения местного населения: приоритет начального обучения при почти полном отсутствии среднего или высшего, а также усиление трудового компонента в обучении.

В 1923 г. Великобритания предоставила Южной Родезии статус «самоуправляющейся колонии». Была принята конституция, создано ответственное правительство и Законодательная Ассамблея, принимавшая все законы, касающиеся колонии. В этом году на поддержку африканских школ Департаментом развития туземцев было направлено всего 23 тыс. ф. ст. из 225 тыс. ф. ст., полученных им от правительства, и 7 тыс. ф. ст. получили две правительственные школы¹⁴. На обучение белых детей было направлено в этот

период в 7 раз больше. (Согласно переписи 1921 г. европейское население Южной Родезии составило 38 620 человек, в то время как коренных жителей было около 800 тыс.)

К 1925 г. сформировался широкий спектр миссий, работавших в Южной Родезии и обучавших африканцев. Больше всего помощи от правительства получали школы Римско-католической церкви, почти столько же – Голландской реформатской церкви. Больше всего школ 1-го и 2-го класса среди всех миссий было также у католиков. Много школ третьего класса и вечерних находилось в руках миссий Голландской реформатской, Англиканской церквей и Уэслиан-методистов. Миссии Американского методистского и Лондонского миссионерского обществ содержали достаточно много школ третьего класса и вечерних (94 и 71), в то время как школ 1-го и 2-го класса у них было очень мало (9 и 3).

Всего же 14 церквей и миссионерских обществ получали денежную помощь от правительства в размере 19 419 ф. ст., работало 86 школ первого и второго классов, где обучалось 5313 учеников. Школы этих категорий приближались по уровню оснащенности и качеству обучения к европейским стандартам образования. Школы третьего класса иногда называли «племенными». Их насчитывалось 975 по всей Южной Родезии и 28 вечерних. Общее число учеников этих школ достигало 37 756. Образовательная ценность этих учебных заведений периодически ставилась под сомнение, но колониальными властями была признана необходимость их существования. В отчете Департамента развития туземцев за 1923 г. отмечалось, что рост количества школ третьего класса явился заметным явлением, растет их посещаемость. В то же время качество обучения, квалификация учителей-африканцев, работающих в них, остаются очень низкими¹⁵.

В целом большинство африканских учеников уходило из школ, закончив только младшую начальную школу – стандарт II. При этом в городах образованные таким образом африканцы могли рассчитывать на хороший заработок, больший, чем получал африканский пастор или преподаватель после завершения стандарта V. Но и многие учителя приходили работать в школы после завершения только стандарта II, имея при этом очень низкую квалификацию.

В 1927 г. стандарты обучения в африканских школах были несколько изменены. Были также пересмотрены принципы финансирования миссионерских школ для африканцев, они стали более либеральными, но правительство получило больший контроль над

этими школами, в том числе в области квалификации учеников, их возраста, экзаменов и т. д.

К концу 20-х годов XX в. среди 122 школ, находящихся в ведении Римско-католической церкви, наиболее престижными были 10 школ первого класса, в которых обучалось 366 учеников. Эти школы полностью соответствовали европейским стандартам обучения. Также существовали 17 школ второго класса с 1587 учениками. В 91 школе третьего класса и 4 вечерних обучалось почти 4 тыс. учеников. Все эти учебные заведения получали субсидии от правительства – почти 4 тыс. ф. ст. в год. Это был самый большой грант в колонии. Обучение велось на родном языке и африкаанс, в программу обязательно включались такие предметы, как садоводство, домоводство, обучение различным видам профессий.

На втором месте по количеству и значению были школы Голландской реформатской церкви, основную работу проводившей среди шона. Эта конгрегация содержала 6 школ первого класса с 209 учениками и 7 школ второго класса с 434 учениками. Школ европейского уровня у миссий Голландской реформатской церкви было в два раза меньше, чем у католиков, но существенно больше (260) было школ третьего класса, где обучалось более 9 тыс. учеников. Школы миссий Голландской реформатской церкви получали практически такую же помощь от правительства, как и католические (более 3 тыс. ф. ст.). Отмечалось, что в реформатских школах наибольшее число учеников, успешно выдерживающих экзамены.

Миссии Англиканской церкви были широко распространены по стране, как в городах, так и в сельской местности. Школ первого класса у англикан было совсем немного – всего 4 (121 ученик), также было 7 школ второго класса (511 учеников). Сравнительно много (169) существовало школ третьего класса, в которых обучалось почти 7 тыс. человек. Было и 5 вечерних школ с 218 учениками. Правительственная помощь англиканским школам была достаточно большой – почти 3 тыс. ф. ст. в год.

Для общей картины развития образования в Южной Родезии в первой половине XX в. интересно описание школьного комплекса в Русале (к юго-востоку от Солсбери), содержавшейся Англиканской церковью. Здесь миссионеры работали среди трех племен: махонгве, вамбери и варози. На территории центральной станции находились две большие школы, в которых 229 детей обучали 5 европейских и 3 африканских учителя. Также в районе существовали 37 школ тре-

тьего класса или «школ без зданий», где 37 учителей-африканцев обучали почти 3 тыс. детей. Все эти школы располагались в резерватах. В одной из центральных школ обучалось 147 учеников, из них 42 находились на положении пансионеров. Учебный план такой школы включал помимо уроков чтения, письма и арифметики такие предметы, как гигиена, фермерство, кузнечное и столярное дело для мальчиков, шитье, домоводство, уход за младенцами и больными для девочек. Сотрудники центральных школ несколько раз в год обязаны были посещать «школы без зданий», где они помогали в работе и контролировали деятельность преподавателей-африканцев. Во многих школах запрещались национальные песни и танцы, зато поощрялось развитие футбола, хорового пения или театра¹⁶.

Среди 154 школ Уэслианского миссионерского общества, в которых преподавали 6 европейских и 75 африканских учителей, всего одно учебное заведение было первого класса, в нем обучалось 120 учеников. Три школы относились ко второму классу (215 учеников) и более 6 тыс. школьников проходили обучение в 137 школах третьего класса и вечерних. Уэслианское общество активно поддерживалось правительством в работе по просвещению коренного населения.

Среди 103 школ Американской методистской епископальной церкви подавляющее большинство (91) также были школы третьего класса. В них обучалось более 3,5 тыс. учеников.

Школы Американской объединенной миссии, сравнительно немногочисленные, отличались высокими стандартами обучения. Миссионеры содержали всего 17 школ третьего класса с почти тысячей учеников, но отличную репутацию имели две школы первого класса (236 учеников) и две школы второго класса (357 учеников). Лучшая школа объединенной миссии была расположена на юго-востоке Родезии на станции Маунт Силинда. Здесь были построены два школьных здания, интернат, церковь. Это был целый комплекс, где помимо интерната и начальной школы находились госпиталь, Библейская школа и педагогический колледж.

Лондонское миссионерское общество, первым начавшее работу в Матабелеленде, поддерживало небольшое число школ, но они отличались хорошим уровнем образования. Существовала одна школа первого класса (56 учеников) и две школы второго класса (87 учеников), а также 71 школа третьего класса, где обучалось почти три тысячи африканцев. Многие учителя в учебных заведениях ЛМО

были выпускниками колледжа Тайгер Клуф на границе с Капской колонией.

Кроме представленных миссий небольшое количество школ содержали такие религиозные организации, как Армия спасения, Братья во Христе, Адвентисты седьмого дня, Пресвитериане, Объединенная церковь Южной Африки.

Сегрегированный характер образования определялся в 1934 г. в связи с принятием закона о распределении земли, определившего места проживания каждой расовой группы и поделившего всю территорию страны на «европейские» и «африканские» районы. Образование, как и другие сферы общественной жизни, было поставлено в зависимость от нового земельного закона. Произошло значительное сокращение школ для африканцев в городских европейских районах. (По новому закону африканцы могли ограниченно проживать в местах расселения белых, но компактно, в отдельных тауншипах.) Для посещения африканскими школьниками оставшихся учебных заведений они должны были получить разрешение местных властей, согласованное с министерством образования. Разрешение могли в любой момент отозвать.

Посещение африканцами школ в сельской местности регулировалось в соответствии с законом об образовании 1956 г. 9-я статья этого закона предписывала возможность создания школы для африканцев в сельской местности, определенной для проживания белых, или возможность посещения черными уже существующих здесь школ только с разрешения местной администрации. Власти обязаны были также получить разрешение и от министерства. Соответствующее правило действовало и для европейцев, желающих организовать учебное заведение в районе расселения африканцев. Кроме того, местные власти могли накладывать и особые ограничения на использовавшиеся на их территории школьные помещения.

Закон об образовании 1956 г. был принят в соответствии с Конституцией Федерации Родезии и Ньясаленда 1953 г. Согласно новому основному закону, вопросы обучения африканцев оставались в ведении местных властей, в то время как образование для европейцев – под федеральным контролем. Было предусмотрено и отдельное бюджетное финансирование. Африканцы не имели доступ к фондам из бюджета государства. Таким образом, обучение белых было признано делом государства, образование же африканцев полностью регулировал Депар-

тамент по делам туземцев, практические вопросы оставались у миссий и местных общин. Сегрегации не существовало только на уровне университетского образования, где федеральное правительство приняло на себя полную ответственность за его содержание и развитие¹⁷.

Во второй половине XX в. субсидии правительства в африканское образование составляли уже 75 %, сами родители оплачивали 19 % всех расходов, а миссии уже только 6 %. Вопрос о контроле над миссионерскими школами был достаточно серьезным, поскольку не все миссии и их работники послушно следовали в русле сегрегационной политики властей.

Постепенно правительство решило передавать образование черных из рук миссий к ответственным управляющим советам самих африканцев, которые, тем не менее, должны были находиться под непосредственным контролем центральных властей. Но, несмотря на достаточно активные усилия по налаживанию системы обучения как миссионерами, так и правительством, накануне провозглашения независимости (1980 г.) свыше 75 % населения было неграмотно.

Примечания

- ¹ *Jones Th.J.* Education in East Africa. A Study of East, Central and South Africa by the Second African Education Commission. L., [1925]. P. 271.
- ² *Ibid.* P. 275–276.
- ³ *Рытов Л.Н.* Имперское наследие на юге Африки // Британская империя в XX в. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 228–229.
- ⁴ *Jones Th.J.* *Op. cit.* P. 278.
- ⁵ *Ibid.* P. 279.
- ⁶ *Ibid.* P. 278.
- ⁷ *Western Civilization and Natives of South Africa* / Ed. I. Schapera. L.: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1967. P. 55.
- ⁸ В настоящее время в Замбии насчитывается свыше 70 этнических групп, крупнейшие из них бемба (более 30 %), тонга (более 10 %). Также выделяют такие, как ротсе (5,7 %), нгони и ньянджа (10,7 %), и совсем небольшие в процентном отношении нкойя, мбуэла, лунда, лучази, лугву, мамбе и др.
- ⁹ *Jones Th.J.* *Op. cit.* P. 260.

В.В. Грибанова

¹⁰ Ibid. P. 261.

¹¹ Ibid. P. 259.

¹² *O'Callagan M.* Southern Rhodesia: the Effects of a Conquest Society on Education, Culture and Information. P.: Unesco, 1977. P. 15.

¹³ Ibid. P. 17.

¹⁴ *Jones Th.J.* Op. cit. P. 235.

¹⁵ Ibid. P. 240.

¹⁶ Ibid. P. 244.

¹⁷ *O'Callagan M.* Op. cit. P. 21.

М.С. Курбак

Дж.М. КУТЗЕЕ
И ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ ЦЕНзуРА

Цель статьи – осветить основные этапы в истории цензуры ЮАР и ее взаимодействие с южноафриканскими писателями. В качестве примера взяты сложные взаимоотношения между цензорами и Джоном Максвеллом Кутзее, самым известным современным южноафриканским писателем, обладателем Нобелевской и двух Букеровских премий. Отношения Кутзее и южноафриканской цензуры, с одной стороны, могут быть показательным примером в точки зрения общих принципов функционирования цензурного аппарата ЮАР. Но с другой стороны, уникальным с точки зрения необычайной лояльности цензоров к писателю, ни одна книга которого не была запрещена. В статье использованы материалы южноафриканских архивов, ранее не публиковавшиеся на русском языке.

Ключевые слова: Южная Африка, ЮАР, цензура, литература, Дж.М. Кутзее.

«Жить в Южной Африке, быть может, не геройство, но вызов политического свойства», – писал африканский поэт Джеймс Мэттьюз. Действительно, политическая обстановка в Южной Африке в 1960–1990-е годы мало кого могла оставить равнодушным. Это было время господства системы апартхейда, которую проводила Национальная партия, пришедшая к власти в 1948 г. К концу 1950-х годов были приняты основные законы апартхейда: Закон о запрете смешанных браков (1949), Закон о безнравственности (1950), Закон о борьбе с коммунизмом (1950), Закон о расселении по расовым группам (1950), Закон о самоуправлении банту (1950) и др. Страна была раз-

М.С. Курбак

делена на зоны проживания белых, цветных и черных. Люди разных рас обязаны были не только жить, но и учиться, работать, питаться, ездить отдельно.

Конечно, такие правительственные меры не могли не вызывать возмущения у населения (особенно у «черных», «цветных»). Однако полиция жестко подавляла все акции протеста. После расстрела демонстраций в Шарпевиле (1960 г.) и Соуэто (1976 г.) ЮАР была исключена из ООН, на нее были наложены политические и экономические санкции. Страна осталась практически в полной изоляции от остального мира.

К протестам «черного» населения присоединялись и некоторые африканеры. Андре Бринк¹, Надин Гордимер², Брейтен Брейтенбах³, Этьен Леру⁴, Ингрид Йонкер⁵ и другие (так называемые «шестидесятники») сделали борьбу с жестокостью и несправедливостью апартеида главной темой своего творчества. Для пресечения оппозиционных идей в литературе, кинематографе, театре и прессе правительство создало разветвленный аппарат цензуры. Многие произведения «шестидесятников» были запрещены для продажи на территории ЮАР. И хотя давление цензуры постепенно начало ослабевать с 1980-х годов, она продолжала существовать вплоть до 1990-х, а «отравляющая, терзающая, злоеющая атмосфера», как писал Андре Бринк, была мрачной реальностью.

Дж.М. Кутзее, лауреат Нобелевской и двух Букеровских премий и, пожалуй, самый известный южноафриканский писатель современности, никогда напрямую не выступал ни за, ни против апартеида – он вообще старался держаться в стороне от политики. Но в условиях Южной Африки того времени это едва ли могло быть возможным. Цензура следила за творчеством писателя, тщательно изучая каждый его роман. Сам Кутзее до последнего времени даже не подозревал об этом. Открывшиеся материалы южноафриканских архивов позволили ученым и самому писателю ознакомиться с тем, как работал цензурный аппарат, по каким законам произведения допускались или запрещались для публикации и продажи и кем были люди, вершившие судьбы писателей и поэтов.

«Великий писатель, которого любят цензоры и ненавидят критики»⁶, – сказал о Кутзее британский исследователь Питер МакДональд. Дж.М. Кутзее посвятил целую книгу исследованию южноафриканской цензуры и писателям, пострадавшим от нее. «Цензура – это не то занятие, которое привлекает интеллигенцию,

утонченные умы», – писал Кутзее в предисловии к ней. Цензура, продолжал он, «передает власть в руки людей с субъективным, бюрократическим способом мышления, что плохо для культуры и духовной жизни общества вообще»⁷.

Кутзее интересовала не сама структура цензуры, ее функционирование или феномен ее возникновения, а, скорее, люди, работавшие на нее. Он представляет цензора, с одной стороны, как властного чиновника, с другой – как некую сексуальную фигуру. В идеале, считает Кутзее, писатель должен относиться к читателю как к любимому человеку, которому всеми силами стараешься понравиться. Но одновременно писатель является и тем, кому доставляют удовольствие (если читатель остается доволен работой автора). Взаимоотношения же с цензором, по мнению Кутзее, это, по сути, акт насилия, когда писатель должен сближаться с человеком, который ему неприятен. «Цензор – это ни во что не верящий читатель, который пробивается к интимности с автором, отталкивая фигуру возлюбленного человека, и читает слова писателя с неодобрением»⁸.

Хотя Кутзее анализирует и даже несколько осуждает героизацию авторами самих себя как борцов с режимом и, в частности, с цензурой (в пример он приводит Александра Солженицына и Андре Бринка), сам он не может избавиться от шаблона писателя как врага цензора. Ему было сложно смириться с тем, что ненавистные ему цензоры так благосклонно к нему относились и действительно высоко оценивали его романы. Он посмеивался над ними, рисуя комические образы раздражительных людей «в черных костюмах, с выбритыми головами, сморщенными губами и красной ручкой»⁹. Однако Кутзее никогда не упоминал, что он сам предлагал свою кандидатуру в качестве цензора (ему было отказано без объяснений). «Комическими версиями “фигуры отца”» называл он цензоров. Но в некоторой степени именно эти «отцы» помогли Кутзее беспрепятственно издавать свои произведения. Кем были эти люди и как складывались их отношения с будущим нобелевским лауреатом, рассмотрим ниже.

Несколько слов об истории южноафриканской цензуры

С начала 1960-х и до конца 1980-х годов в ЮАР функционировала система цензуры, которая, по мнению Кутзее, была одной из самых масштабных в мире. Официально она называлась не цензурой, а «контролем за публикациями»¹⁰. Однако контролировались не только

публикации, не только книги, журналы и газеты, но и фильмы, пьесы, футболки, брелоки для ключей, куклы, игрушки, вывески магазинов – как писал Кутзее, все, что «несло информацию, которая могла быть “нежелательной”»¹¹. Если в Советском Союзе, как пишет Кутзее, на 7000 писателей приходилось 70 000 цензоров, то в Южной Африке на одного писателя приходилось более 10 бюрократов, проверяющих его¹². Состояние, в котором находилось общество при этом, Кутзее назвал всеобщей «паранойей». Огромный вред приносила не только официальная цензура, но и ее последствия – самоцензура, которой писатель подвергал себя сам. «Борьба против самоцензуры всегда анонимна, незаметна для других, она заставляет человека чувствовать себя униженным, стыдиться. Она заставляет читать свой собственный текст глазами другого человека – ситуация, когда ты становишься судьей самого себя, более строгим и более подозрительным, чем кто-либо другой»¹³, – писал югославский писатель Данило Киш¹⁴. Сам Кутзее признавался, что для него «писать под надзором цензуры подобно занятию любовью с человеком, которого ты не любишь, с которым ты не хочешь никакой близости, но который давит на тебя»¹⁵.

Как отмечал сам Кутзее в одной из своих лекций, у цензуры было две основные цели. Первая – убедить нацию, прежде всего белых, в том, что они не принимают участия в моральном разложении Запада. Напротив, они остаются сильной и возмужавшей нацией. Вторая – убедить в том, что коммунистическая пропаганда не проникнет в страну, чтобы содействовать силам зла. «Иными словами, – говорил Кутзее, – у цензуры было два оружия – моральное и политическое»¹⁶.

Первый орган цензуры был создан в Южно-Африканском Союзе в 1931 г. «Актом об увеселительных мероприятиях» («Entertainments (Censorship) Act»). Цензуре подвергались фильмы и театральные представления. В 1934 г. тем не менее был установлен контроль также над книгами и периодическими изданиями. Впрочем, в то время решение цензурного комитета носило рекомендательный характер. В 1963 г. был принят «Акт о публикациях и увеселительных мероприятиях» («Publication and Entertainments Act»). Именно этот документ стал краеугольным камнем цензуры ЮАР. Его положения с небольшими изменениями переходили в последующие акты.

Он предписывал запрещать для продажи произведение, если оно:

5(2) (a) неприличное, или непристойное, или оскорбительное, или вредит нормам общественной морали;

(b) является богохульным или оскорбляет религиозные чувства любой группы жителей Республики;

(c) подвергает какую-либо группу жителей Республики осмеянию или презрению;

(d) наносит вред отношениям между любыми группами жителей Республики;

(e) наносит ущерб безопасности Государства, благополучию, миру и порядку¹⁷.

В 1974 г. к пяти указанным выше запретам добавился еще один – (f) раскрытие части судебной процедуры, во время которой цитируются оскорбительные материалы¹⁸. Акт сделал Комиссию цензоров независимым органом и наделил огромной силой. В эту Комиссию входили по меньшей мере девять человек, минимум шесть из которых должны были иметь профессиональные знания в области искусства, языкознания и литературы или иметь юридическое образование¹⁹. Эти правила сохранились и для следующих комиссий.

Акт о цензуре 1974 г. заменил Комиссию на Дирекцию по публикациям (Directorate of Publications), которая теперь располагалась в Кейптауне (до этого главный офис Комиссии был в Претории). Кроме того, новый Акт обязывал цензоров указывать в списке запрещенных книг и их авторов (список публиковался в правительственной газете «Government Gazette») причины, на основании которых такое решение было вынесено. Пиком жестокости цензуры был 1973 г., когда Дирекция запретила 889 произведений из 1230 (примерно 72 %). Для сравнения: за время работы предыдущей Комиссии, в 1968 г., запрещено было 426 публикаций (53 %)²⁰.

Наиболее показательным было дело о запрете романа Андре Бринка «Познание ночи» («Kennis van die Aand», 1973) в 1974 г. Главным цензором книги был Т.Т. Клоте (T.T. Cloete), известный литературный критик, поэт и бывший член Брудербонда. Главной причиной запрета было описание сексуальных отношений между африканером и «цветной». В докладе Клоте говорилось: «Роман необычно сильный, приближенный к реальности и дающий представление о ситуации в современной Южной Африке»²¹. Но при этом Бринк «изобразил белых южноафриканцев как безответственных людей с садистскими наклонностями, распущенных, слабых, беспринципных»²². Как известно, Бринк писал свои романы сразу на двух языках – африкаанс и английском. В предисловии к первому изданию романа на африкаанс автор предупредил читателя: «Несмотря на то, что климат, ис-

тория и все условия, в которых происходит действие, могут напоминать реальность, в нынешнем контексте все, что написано в романе, является вымыслом»²³. В предисловии к английскому изданию того же романа он написал совершенно противоположное: «Ничего в этом романе не было придумано, климат, история и все условия, в которых происходит действие, взяты мной из современной Южной Африки»²⁴. В ответ на запрет Бринк написал открытое письмо Стефанусу Йоханнесу Паулусу Крюгеру, бывшему президенту Южной Африки (1883–1900), где спрашивал, могут ли «дядя Мерве, дядя Теунс и дядя Апи» – цензоры Мерве Скольц, Клоте и Грове – быть «настолько широко мыслящими», чтобы суметь перешагнуть через «искажения литературы, которую они восхваляют, и искажения литературы, которую они осуждают»²⁵. Конечно, Бринк страдал от того, что его книги не могли читать южноафриканцы. С другой стороны, его не подвергли изгнанию, ссылке или заключению. Он даже мог писать и открыто обсуждать этот запрет. Можно ли представить, что в СССР, с которым Кутзее так часто сравнивал ЮАР, кто-то из «запрещенных» писателей мог себе такое позволить?

К 1980-м годам давление цензуры начало постепенно ослабевать. Это было связано в первую очередь с политическими и социальными реформами, проводимыми премьер-министром, а затем президентом ЮАР П.В. Ботой. Цензорами стала приниматься во внимание литературная ценность произведений. Именно на это время приходится работа и издание Кутзее двух своих знаменитых романов – «В ожидании варваров» и «Жизнь и время Михаэла К.». Хотя книги Кутзее не были запрещены, тем не менее цензура не обошла их стороной. Над каждой книгой трудилась целая группа цензоров, внимательно сопоставлявших текст с требованиями соответствующих законодательных актов.

В 1994 г. власть перешла к «правительству черного большинства». Для исследователей стали постепенно открывать архивы времен апартхейда. Однажды, как рассказывает Кутзее, ему пришло электронное письмо от южноафриканского ученого Германна Виттенберга. Он спрашивал, не желает ли сам Кутзее ознакомиться с докладами цензоров относительно его книг? «Я был в шоке. Я думал, что внутренняя документация была уничтожена, но я ошибся. Многое сохранилось. Через неделю доклады лежали на моем столе», – вспоминал Кутзее²⁶. Как оказалось, писатель не знал, что его романы тоже подвергались детальному изучению цензурного аппарата.

Кутзее и его «читатели»

«В сердце страны»

Книгу «В сердце страны» Кутзее считал потенциально самым проблемным своим романом с точки зрения оценки его моральной стороны. В июле 1975 г., когда рукопись еще не была завершена, он написал издателю своего первого романа «Сумеречная земля» Питеру Рэндэллу и спросил, что он думает о работе с книгой, которая, возможно, будет запрещена на основании одной или нескольких из следующих причин: «она (1) вредит хорошим межрасовым отношениям, (2) непристойная и т. д.». Рэндэлл ответил, что, несмотря на финансовые трудности издательства, «если я решу, что книга того стоит, мы напечатаем ее, несмотря на возможный запрет цензуры»²⁷. Спустя два года Кутзее снова написал Рэндэллу. На этот раз он прямо указал три пункта из 266, по которым его роман может быть запрещен:

№ 206 – эпизод, где Хендрик, чернокожий слуга, насилует Магду, белую дочь владельца фермы и главную героиню романа;

№ 209 – эпизод, где Хендрик, невзирая на нежелание Магды, орально стимулирует ее и затем совокупляется с ней;

№ 221 – краткое описание Магдой другого полового акта, при котором она чувствовала себя особенно «униженной», потому что «он сделал это сзади, как животное»²⁸.

Но, несмотря на эти опасения, Кутзее все же был уверен, что в итоге его роман не будет запрещен. Его уверенность была подкреплена мнением Клааса Стейлера – писателя, журналиста и редактора журнала «Huisgenoot», позже он играл важную роль в диссидентской «Гильдии писателей на африкаанс». До этого же Стейлер работал цензором и прекрасно знал структуру аппарата цензуры изнутри. По его мнению, книга «В сердце страны» едва ли могла быть запрещена, так как она «осуждает политическую тиранию и т. д., которых больше не существует»²⁹ (то есть в книге идет речь о колониальном режиме, который, по мнению цензоров, на момент написания романа уже прекратил свое существование).

Книга вышла безо всяких искажений и сокращений. Все диалоги, которые были написаны Кутзее на африкаанс, также были нетронуты. Беспокойства Кутзее по поводу сцены изнасилования тоже оказались необоснованными. Все трое цензоров сочли ее спорной, но у каждого оказалась своя интерпретация ее значения. Мерве Скольц: «Хендрик становится заметно наглее, потом спит

М.С. Курбак

с ней (сексуальные взаимоотношения между ними, показанные с ее точки зрения, трогательно патетические)»³⁰. Феншем придерживался более делового и оптимистического тона: «Хендрик изнасиловал Магду, но позже она достигает сексуального пробуждения с ним»³¹. Анна Лоув, которая считала Магду трагической героиней, писала в рецензии:

Чтобы отомстить, унижить свою госпожу настолько, насколько это возможно, Хендрик насилует ее, делает ее своей подчиненной. Даже в этих условиях Магда старается сохранить хоть капельку уважения, которого она была так долго лишена в жизни, как и духовную связь между ними тремя [ей самой, Хендриком и Анной Маленькой, молодой женой Хендрика]. Но безуспешно³².

Что же касается двух других упомянутых в письме Кутзее эпизодов, их цензоры и вовсе не заметили. Анна Лоув обратила внимание на эпизод, где Магда, современная Электра, думает об интимности фермерской уборной и представляет, как ее экскременты и экскременты ее отца «переплетаются кольцами, красная змея отца и черная – дочери обнимаются, засыпают и распадаются»³³. Этот же эпизод был замечен и Скольцем, который отметил затрагивание темы инцеста. Однако Феншем не удостоил этот эпизод какого-то особого внимания. Оба критика-мужчины, которые проявили большую бдительность и консервативность, чем Лоув, перечислили еще ряд спорных моментов в романе, однако пришли к полному согласию относительно их интерпретации. Речь шла об эпизодах, где Магда размышляет о своем теле и сексуальной несостоятельности своей жизни (№ 87), ее недоуменном взгляде на эрегированный пенис Хендрика и ее представлениях о сексуальных отношениях Хендрика и Анны Маленькой (№ 217–222 и 228). Феншем был единственным из трех цензоров, кто посчитал соблазнение отцом Магды Анны Маленькой (№ 75) и провокационный стриптиз Хендрика перед Магдой (№ 196) потенциально проблематичными сценами. А Сколец был единственным, кто обратил внимание на фантазии Магды о сексе с Хендриком (№ 167), на детальное описание гниющего трупа отца Магды (№ 157 и 182) и на «черную комедию» похорон (№ 182). На самом деле только два из упомянутых выше эпизода (№ 248 и 259) могли действительно попасть под определение, сформулированное в Акте о цензуре, так как в обоих случаях Бог обвинялся в безразличии к страданиям людей.

В анкете, которую цензоры заполняли на каждую книгу, была графа с названием «Отрывки, которые, возможно, могут быть рассмотрены как нежелательные». Все три цензора перечислили страницы со спорными эпизодами. Что же спасло книгу?

Спасала, в первую очередь, неопределенность времени и места действия. Мерве Скольц считал, что «период времени – скорее всего, конец девятнадцатого века, место не определено, можно сказать, что это происходит на ферме в колонии»³⁴. Феншем считал, что местом действия является «овцеводческая ферма в одинокой пустыне (Кару)», а Лоув считала, что фоном является Южная Африка, время – «неопределенная колониальная эпоха, возможно, полтора столетия назад»³⁵.

Но важнее, пожалуй, другое. В своей рецензии на книгу «В сердце страны» один из членов комитета, Ф.С. Феншем, написал: «Несмотря на то, что описаны сцены секса между людьми разных рас, и несмотря на то, что прослеживаются следы “литературы протеста”, роман настолько превосходно написан, настолько высоко интеллектуальным стилем, что его будут читать только интеллектуалы, только они будут получать от него удовольствие. Книга такого рода не может быть признана нежелательной». То есть роман сочли безопасным для продажи просто потому, что большинство людей его или не купят, или не поймут.

Второй член комитета, Анна Лоув, описала этот роман как «философское эссе». Ее заключение звучало так: «Я не могу особенно сильно подчеркивать мою рекомендацию, что этот роман может быть разрешен для распространения». И далее: «то, что скрыто в человеческом сердце – которое хранит эмоции и подсознание – относится к проблемам не одного человека, живущего в определенное время и в определенном месте»³⁶. То есть речь шла об универсальности проблем, поднятых Кутзее в романе.

Мерве Скольц назвал роман «выдающимся вкладом в литературу Южной Африки»³⁷ и добавил: «трудная, непонятная, многоуровневая работа, которую будут читать только интеллектуалы»³⁸. И он был не так уже далек от правды. Зачем запрещать книгу, рассуждали цензоры, которую прочтет лишь небольшой круг лиц? Ради справедливости стоит отметить, что даже после успеха, который Кутзее получил благодаря двум последующим романам – «Жизнь и время Михаэла К.» и «В ожидании варваров», – книга «В сердце страны» так и не приобрела большой популярности среди читателей.

М.С. Курбак

«Жизнь и время Михаэла К.»

«Жизнь и время Михаэла К.» была опубликована в 1983 г. и изучалась только одним представителем аппарата цензуры – Ритой Скольц. В своем докладе она перечисляла ряд сцен, которые могут вызывать вопросы, но подчеркивала функциональность каждой из них в романе. Наиболее опасным эпизодом, по ее мнению, был полицейский рейд в Яккалсдрифский лагерь для эвакуированных, расположенный недалеко от Принс-Альберта. Из романа следует, что в лагере находились мужчины, женщины и дети, которые были официально классифицированы как «бродяги» и попрошайки. Капитан полиции Остхейзен и его люди ворвались рано утром в этот лагерь и жестоко избili заключенных, невзирая на их пол и возраст. Капитан не имел ни малейшего представления о том, в чем эти люди обвинялись, но назвал их «преступниками, саботажниками и лентяями»³⁹. Скольц сочла эту сцену направленной «против армии и САП (южноафриканской полиции)»⁴⁰.

Гораздо большее внимание цензора было обращено на употребление писателем нецензурных слов. Особенно она отметила случаи их использования в речи представителей полиции, а также в эпизодах сексуального характера⁴¹. Но Скольц видела в Михаэле К., прежде всего, классического трагического героя и потому считала простительными даже откровенные сцены, которые, по ее мнению, должны вызвать у читателя только жалость: «Описание минета не является оскорбительным – когда Михаэль соглашается на это, он становится объектом для выражения таким образом сочувствия». И далее: «читатель почувствует только жалость и симпатию, когда будет читать эти две страницы»⁴².

«Этот роман может быть воспринят на многих уровнях: как сказка, как комментарий к положению человека в южноафриканском обществе или как роман-протест, но в этом случае протестует он против того, как люди вовлекаются в политический процесс против своей воли», – заключает Скольц⁴³. «Роман затрагивает деликатные политические вопросы. В нем есть ссылки и непочтительные комментарии в адрес государства, а также полиции и методов, которые она использует при выполнении своих обязанностей. Тем не менее, возможные читатели этой работы будут критически мыслящими людьми, отличающимися интересом к литературе. Такие читатели будут рассматривать этот роман как произведение искусства и осознавать, что, несмотря на то, что трагическая жизнь Михаэла К. проходила в Южной Африке, его проблема универсальна и не огра-

ничивается только Южной Африкой». По ее рекомендации книга была пропущена всеми инстанциями.

Брайен Бантинг в своей рецензии на книгу «Жизнь и время Михаэла К.», опубликованной в журнале «Эфрикан коммунист» («African Communist»), отметил, что роман представляет собой маленькую инструкцию «для того, кто интересуется становлением и трансформацией южноафриканского общества». У Михаэла К., считает он, нет никакого возмущения, никаких амбиций и никакой надежды. Он скучен⁴⁴.

«В ожидании варваров»

Роман «В ожидании варваров» рассматривался тоже только одним экспертом – Реджинальдом Лайтоном (Reginald Lighton, род. в 1903 г.), престарелым профессором Кейптаунского университета. До этого он был учителем и школьным инспектором, а к 1980 г. стал постоянным членом органов цензуры. Он работал на первое Управление по контролю за публикациями сначала в качестве одного из его членов, с 1970 г. – в качестве заместителя председателя Управления. Когда вступила в силу новая система цензуры (1975 г.), он стал помощником и позже заместителем директора нового Управления по делам печати. Кроме того, он и сам писал. В основном морализаторские сказки для подростков⁴⁵. Удивительно, что Лайтон, который был бюрократом и очень любил административную работу, совсем нестрого оценил роман «В ожидании варваров». 7 декабря 1980 г. Лайтон опубликовал на английском языке свою рецензию на книгу Кутзее.

Начиналась эта рецензия с краткого описания содержания романа: «На протяжении долгих лет престарелый Судья ведет дела в маленькой приграничной крепости, [...] занимаясь флиртом с женщинами и коллекционированием древностей, игнорируя угрозу войны между варварами (приграничными норманнами) и Империей, которой он служит». Далее Лайтон отмечает, что «место действия непонятно, какой-то оазис в засушливом районе к северу от экватора, где зимы снежные⁴⁶. Он подчеркивал, что «это точно не в Южной Африке или ее окрестностях, там нет белого населения». «Нет никаких явных параллелей», – пишет он, хотя «некоторые символические вещи могут быть найдены»⁴⁷. Роман Кутзее, по мнению Лайтона, «мрачная, трагичная книга», которая заканчивается описанием «кровожадного, непокоренного, возглавляемого Судьей народа, находящегося “в ожидании варваров”»⁴⁸.

Но на этом рецензия не заканчивалась. Дальше было самое главное. Лайтон писал, что роман «может быть рассмотрен как нежелательный», почти все попадает под Пункт 47(2)(а) Акта о публикациях 1974 г., в котором говорится о работах «неприличных или непристойных, или оскорбительных, или наносящих вред общественной морали»⁴⁹. Речь шла о ряде сцен сексуального характера, содержащихся в книге. Лайтон описывал все эпизоды сексуального контакта, называя их «в общем, непонятными, описанными неясно». Он перечислил номера страниц, где речь идет о сексуальных взаимоотношениях Судьи с девушкой из племени варваров (30, 40, 44, 55, 63, 66, 149), с городской проституткой (42) и с пожилой женщиной (151). Особенно он выделил сцену полного описания полового акта между молодым мальчиком и проституткой (97). К «непристойностям» Лайтон отнес и сцены жестокости, в частности публичной порки варваров, совершенной полковником Джоллом и его людьми (103–108), а также сцену повешения Судьи (115–116, 119–121). В конце доклада он перечислил, сколько раз в книге использованы слова «fuck» (8) и «shit» (6). Вообще Лайтон насчитал 22 момента, которые могут быть признаны «нежелательными». Впрочем, сексуальные сцены в романе были названы «не возбуждающими сексуальное желание»⁵⁰.

Опасения у цензора вызвала и сцена, где Мендель зачитывает приговор Судье, обвиняя его в некомпетентности и даже предательстве. Это можно интерпретировать, по мнению Лайтона, как подстрекательство к мятежу (47(2)(е)). Неудивительно, что цензор не обошел своим вниманием и комментарии самого Судьи: «Меры, определенные законом, они будут применять против меня лишь до тех пор, пока это будет их устраивать, а потом пустят в ход другие методы. Такова практика Третьего отдела. Для тех, кто действует, не считаясь с законами, судопроизводство попросту одно из многочисленных средств достижения цели»⁵¹. Лайтон обратил внимание и на характеристику Менделя в целом: «таким ничего не стоило примкнуть к преступному миру, равно как и пойти в защитники Империи (а если уж выбирать, то что может быть лучше службы в Третьем отделе!)»⁵².

Обрисовав все «проблемные» эпизоды, Лайтон отметил, что ситуация, в которой оказался Судья, универсальна «для всех людей, живущих в невыносимо сложных отношениях с режимами, которые ставят интересы самосохранения выше законов и благопристойности»⁵³. Заключение цензора было следующим:

Это что-то в стиле Кафки, где в главной роли выступает донкихотский Судья, долгое время охраняющий сторожевую крепость, кото-

рый стремится к образу жизни, если не образу действия, нормандских племен (варваров). Но официальный глава Имперской полиции считает его преградой на пути к своей цели подчинить племена варваров. Таким образом, назревает напряженность между амбициозными чиновниками и терпимым судьей. Он теряет пост и власть и терпит избиения. Смерть, жестокость и страдание наполняют эту мрачную книгу. Сцены межрасового секса почти везде неясные и точно не возбуждающие сексуальное желание. Место действие непонятно – «Эдгин» [утопия в одноименном романе С. Батлера. – М. К.] [...] Хотя книга написана превосходно, она вряд ли обретет популярность. Ее читатели ограничатся интеллигенцией, дискриминируемым меньшинством. В ней содержится масса «оскорбительных» слов, но они являются общеупотребимыми и оправданы контекстом. Мы [«я» *зачеркнуто*] утверждаем, что нет никаких убедительных оснований для того, чтоб признать книгу нежелательной⁵⁴.

Роман был разрешен для продажи на территории ЮАР.

Несколько слов о личности цензора

В своей лекции в Техасском университете Кутзее упоминал о стереотипах, которые существуют в отношении цензоров. «Вероятно, это какой-нибудь мужчина без особых примет, бюрократ, который приходит на работу ровно в 8:30 утра, закрывает за собой дверь офиса и проводит день, перебирая кипы книг, подчеркивая непристойные эпизоды красными чернилами и ставя штамп “прошел” или “не прошел” на обложках; или пересматривает ленты фильмов, держа под рукой ножницы, уже приготовившись вырезать изображения груди и задов; которые, как только стрелка часов приблизится к 17:00, выходят на дневной свет, садятся на автобус до дома, он везет их на какую-нибудь безымянную окраину; которые проводят вечер, смотря старые комедии по телевизору, потом надевают пижаму и засыпают, не видя снов. Или если мы думаем о цензоре, который таким образом подрабатывает, то представляем престарелых профессоров, священников или тех, кто одержим моралью и любит вмешиваться в чужие дела»⁵⁵.

Но документы, касающиеся аппарата цензуры Южной Африки, разрушают эти стереотипы.

Кем же были те цензоры, которые тайно читали и судили книги тогда будущего нобелевского лауреата? Все они являлись людьми

с высшим образованием, как правило, в области литературы, искусства и языкознания. Некоторые сами писали романы или стихи. Но, что самое интересное, почти все они в большей или меньшей степени были лично знакомы с Кутзее.

Анна М. Лоув (1913–2003) была профессиональной писательницей на африкаанс. В 1976 г. получила самую престижную премию в области литературы на африкаанс – премию Гертцога (Hertzogprys)⁵⁶. Она была также тещей известного микробиолога и коллеги Кутзее по Кейптаунскому университету. Он немного знал ее. Кутзее рассказывал, что однажды она пригласила его на чашку чая в свой загородный дом. Они были там вдвоем. По словам Кутзее, они долго беседовали и спорили о состоянии южноафриканской литературы. «Я понятия не имел о настоящих отношениях, которые связывали нас двоих, о том, что она была моим цензором, до того самого дня, когда эти документы попали на мой стол. Но к этому времени она уже умерла»⁵⁷, – вспоминает Кутзее.

Реджин Джон Лайтон (род. 1903 г.) был учителем, школьным инспектором и, наконец, профессором педагогики в Кейптаунском университете. Написал несколько приключенческих романов. Работал в Кейптаунском университете в то время, когда Кутзее там учился.

Х. ван дер Мерве Скольц (1924–2005) – поэт, профессор литературы на африкаанс в университетах Претории, Амстердама и Кейптауна. В последнем он работал в то же время, что и Кутзее. У него был домик в местечке под названием Грейтон (Greyton). Там же жили и родители Кутзее. Однажды Мерве Скольц пригласил семью Кутзее на барбекю и, как вспоминал Кутзее, «был очень приветлив, очень добр»⁵⁸. Хозяйкой дома была его жена, Рита, цензор романа «Жизнь и время Михаэла К.».

Ф.С. Феншема (1925–1989) Кутзее никогда не знал лично. Феншем был профессором семитских языков в Стелленбошском университете, а также очень плодовитым писателем. Главными темами его романов были религиозные и культурные ценности. Он был членом многих культурных организаций, главой Африканерского кружка писателей (Afrikaans Skrywerskring) в 1970-х гг.⁵⁹

Дирекция по делам печати располагалась в Кейптауне. Поэтому неудивительно, что большинство ее сотрудников жили и работали в Кейптауне или недалеко от него. Интеллектуальное сообщество в 1970–1980-е годы было невелико, особенно если ограничиться только белыми. Стоит ли удивляться, что цензоры, в тайне судившие романы Кутзее, были людьми, с которыми он каждый день работал и

жил бок о бок. Несмотря на их удивительную лояльность к романам Кутзее, он и сейчас очень резок в оценке их деятельности. «Снова и снова они использовали в отношении меня положение закона [имеется в виду Акт о публикациях 1974 г. – М. К.], предназначенного юристами для того, чтобы освободить учебники по медицине от строгой критики точного изображения обнаженного тела, или для того, чтобы позволить профессионалам, занимающимся изучением коммунистического движения, обсуждать работы Карла Маркса»⁶⁰, – возмущался Кутзее в своей лекции. Удивительно, что осуждает он не создателей закона и органов надзора за публикациями, а именно самих цензоров. Не закон, получается, неправильный, а его исполнители неправильно его интерпретируют и выполняют. «Они считали себя непризнанными героями, которые берутся за грязную работу – никто не любит цензоров, – чтобы защитить южноафриканскую литературу от политиков и мещан»⁶¹. То есть эти люди думали, что лучше они, со своим образованием и вкусом, будут заниматься критикой произведений, чем ту же работу будут выполнять люди, вообще не имеющие отношения к литературе. «Когда эти люди вечером садятся в кресло у камина, открывают томик Троллопа⁶² или Остин, включают Моцарта, в их ногах дремлет ирландский сеттер, они думают, что делают хорошую работу, работу, которую нужно делать»⁶³. Для сравнения Кутзее вспоминает русского царя Николая I, при котором, как он считает, в России функционировала одна из самых жестоких систем цензуры во всей Европе. Он, по мнению Кутзее, сам выступал в роли цензора Пушкина именно для того, чтобы защитить великого поэта от бездушных бюрократов, чтобы дать ему максимальную свободу действий внутри существовавшей системы. «Подобно Николаю I, мужчины и женщины, которых я упоминал как моих цензоров, считали себя хорошими людьми, живущими в трудное время, которые, с одной стороны, охраняли хрупкий общественный порядок, а с другой – брали под свое крыло писателей»⁶⁴.

Хотелось бы вспомнить, что многие русские писатели тоже в свое время работали на органы цензуры – С.Т. Аксаков, А.Н. Майков, И.И. Лажечников, Ф.И. Тютчев, И.А. Гончаров. Пожалуй, каждый из них выслушивал в свой адрес далеко не лестные отзывы от других писателей, но все же чем-то их эта работа привлекала. Гончаров объяснял это так: «Знаете, чем я стяжал себе реноме сурового цензора? Борьбою с глупостью. Умных авторов я пропускал без спора, но дуракам при мне дорога в литературу была закрыта. Я опускал шлагбаум и – проваливай назад. Да, я сам против цен-

М.С. Курбак

зуры, я не сторонник произвола, я – литератор *pur sang*. Но надо беречь литературу от вторжения глупости»⁶⁵. Однако в романе «Необыкновенная история» есть и такие слова: «<...> я служил по необходимости (да еще цензором, господи прости!)». Возможно, подобные мысли возникали и в головах писателей-цензоров, работавших с романами Кутзее.

Кутзее и его первое издательство

В эпоху апартхеида вся южноафриканская литература делилась на две большие группы в зависимости от языка, на котором писал автор, – африкаанс и английский. Литература на африкаанс издавалась в самой Южной Африке, в то время как английская печаталась в Британии и лишь потом поступала на экспертизу и продажу в ЮАР. Так же было и с романами Кутзее. Все три книги – «В сердце страны», «В ожидании варваров» и «Жизнь и время Михаэла К.» – были напечатаны в Лондоне (издательством «Martin Secker and Warburg Limited»), затем переправлены в ЮАР, где их рассмотрел комитет цензоров и допустил до продажи.

Но первый свой роман – «Сумеречная земля» (1974) Кутзее издал в Южной Африке. Напечатало его издательство Рэван Пресс (Ravan Press), располагавшееся в Йоханнесбурге и основанное в 1972 г. тремя белыми южноафриканцами (Питером Рэндэллом, Дани ван Зилом, Беерсом Науде – выделенные буквы их имен и дали название издательству). Кутзее посоветовал это издательство некий его друг. Он (Кутзее) послал Рэндэллу рукопись романа, Рэндэлл согласился печатать произведение, хотя и был несколько сбит с толку его «странностью»⁶⁶. Позже Кутзее признался: «Я мало что знал об издательстве “Рэван”, кроме разве что того, что у него были проблемы с правительством, что являлось хорошим знаком, и что у него было некое христианское мировоззрение, что необязательно было хорошим знаком. Для меня было удивлением, что они приняли книгу: “Сумеречная земля” была довольно “литературной” книгой, а “Рэван” не было литературным издательством»⁶⁷.

«Рэван» было самым известным в то время оппозиционным издательством в ЮАР. Что же касается религиозных взглядов, то издательство действительно финансировалось Христианским институтом, боровшимся против апартхеида (его учредителями были европейские церковные организации, прежде всего голландские и немецкие). Несмотря на то что позже Кутзее предпочитал анг-

лийские издательства, права на публикацию и продажу его книг на территории Южной Африки принадлежали именно издательству «Рэван». Причиной такого выбора было уважение Кутзее к издателям лично, благодарность им за то, что они приняли его книгу, когда еще никто не знал имени Кутзее. И, безусловно, уважение к такой политической позиции издательства. Сам Рэндэлл в одном из писем признавался: «Больно осознавать, что наше маленькое издательство не может соревноваться с международными издательскими домами за права на публикацию произведений писателя, в связи с которым мы взяли на себя первоначальный риск»⁶⁸. На обложке первого издания «Сумеречной земли» была картина Томаса Бэйнса (Thomas Baines), художника XIX в., на которой изображалась Южная Африка времен колониализма: упряжка, запряженная волами, и виднеющиеся вдалеке холмы. И рекламный слоган: «пожалуй, первая по-настоящему правдивая книга в современной Южной Африке».

В своем эссе «Роман сегодня» (1987) Кутзее писал, что его главной целью является противостояние «мощной тенденции, даже, возможно, доминирующей тенденции относить романы к категории истории». Согласно же общественному мнению того времени (1980-х), значимыми и действительно серьезными считались только те романы, которые приносили в жертву свою литературную составляющую во имя этических, политических или исторических вопросов⁶⁹. Кутзее сардонически отвечал на это в своем эссе: «Существует игра, в которую авторы играют с названиями своих книг, но это не всегда та игра, о которой вы думаете. Неважно, какой она может оказаться, рассказ на самом деле не является игрой в то, что вы называете Классовой Борьбой, или игрой, которая называется Мужское Доминирование, или любой другой игрой из перечня игр».

Одной из причин, почему Кутзее не стал еще одной жертвой жесткой цензуры ЮАР, было и то, что цензоры зачастую не были государственными функционерами, они не применяли законы механически, бездумно. Сам же Кутзее объяснял лояльность цензоров так: «Я никогда не обладал такой популярностью, чтобы привлекать особое внимание цензуры, как это было с Андре Бринком или Атолом Фугардом⁷⁰, Надин Гордимер или Этьеном Леру <...> Кроме того, мои книги слишком неконкретны, слишком изысканны для тех методов цензуры, которые использовались»⁷¹.

От цензуры страдали многие писатели. Но, с другой стороны, если книга запрещалась цензурой, это означало, что ее восприни-

М.С. Курбак

мали «серьезно». «Серьезно в том тупом смысле, в котором понимали это слово цензоры, для которых существовало только два слова – “Да” или “Нет”», – сказал Кутзее в 1990 г. «Но кто захочет услышать от цензора “Да”?»⁷² – продолжал он. Однако получилось так, что Кутзее слышал от цензоров только этот ответ. И этот факт, безусловно, его задевал: «Я считаю честью написать книгу, которая будет запрещена в Южной Африке. Этой чести я никогда не был удостоен и, честно говоря, не заслуживал этого»⁷³.

Примечания

- ¹ Бринк, Андре Филиппус (Brink, André Philippus; род. в 1935 г.), южноафриканский писатель, эссеист, переводчик, профессор Кейптаунского университета. Автор 17 романов, переведенных на 26 языков.
- ² Гордимер, Надин (Gordimer, Nadine; род. в 1923 г.), южноафриканская англоязычная писательница, поэтесса. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1991 г., «которая своим великолепным эпосом принесла огромную пользу человечеству».
- ³ Брейтенбах, Брейтен (Breytenbach, Breyten; род. в 1939 г.), южноафриканский поэт. В конце 1959 г. покинул Южную Африку и жил в Париже. Его стихи включались в ряд поэтических антологий. Известен также как переводчик нескольких пьес Шекспира на язык африкаанс.
- ⁴ Леру, Этьен (Leroux, Etienne; 1922–1989), один из представителей поколения «шестидесятников». Его романы «Ди Мугу» (откровенный рассказ о проблемах детской преступности) и «Семь дней среди зильберштейнцев» (проблемы расовой дискриминации) вызвали бурю негодования в официальной прессе.
- ⁵ Йонкер, Ингрид (Jonker, Ingrid; 1933–1965), южноафриканская поэтесса, писала на языке африкаанс.
- ⁶ *McDonald P.D.* J.M. Coetzee and the Question of Literature // *Book History*. 2004. Vol. 7. P. 295.
- ⁷ *Coetzee J.M.* Giving Offense: Essays on Censorship. Chicago: University of Chicago Press, 1996. P. VII.
- ⁸ Ibid. P. 38.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid. P. 34.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid. P. 36.

- ¹⁴ Киш, Данило (1935–1989), югославский писатель, поэт, драматург и переводчик.
- ¹⁵ *Coetzee J.M.* Op. cit. P. 38.
- ¹⁶ Nobel Laureate J.M. Coetzee talks about life, career [Электронный ресурс] // The University of Texas at Austin. URL: http://www.utexas.edu/know/2010/05/21/nobel_laureate_coetzee/
- ¹⁷ Publications and Entertainments Act // Statutes of The Republic of South Africa 1963 with Alphabetical Table of Contents and Table of Laws, Etc., Repealed or Amended by These Statutes. Part I. Nos. 1–60. P. 282.
- ¹⁸ *Coetzee J.M.* Op. cit. P. 185.
- ¹⁹ Ibid. P. 278.
- ²⁰ *McDonald P.D.* The Literature Police. Apartheid Censorship and Its Cultural Consequences. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 52.
- ²¹ Ibid. P. 57.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid. P. 56.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid. P. 57.
- ²⁶ Nobel Laureate J.M. Coetzee talks about life, career...
- ²⁷ *McDonald P.D.* The Literature Police... P. 310.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Ibid. P. 311.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid.
- ³³ *Кутзее Дж.М.* В сердце страны. СПб.: Амфора, 2005. С. 69.
- ³⁴ *McDonald P.D.* The Literature Police... P. 313.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid. P. 315.
- ³⁷ Ibid. P. 314.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Кутзее Дж.М.* Жизнь и время Михаэла К. М.: Художественная литература, 1989. С. 272.
- ⁴⁰ *McDonald P.D.* The Literature Police... P. 310.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid. P. 315.
- ⁴³ Ibid. P. 314–315.
- ⁴⁴ Ibid. P. 319.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid. P. 53.
- ⁴⁷ Ibid. P. 312.

М.С. Курбак

- 48 Ibid.
- 49 Ibid.
- 50 *Cowell A.* The Censor and the Censored, Linked by Literature // The New York Times. 2010. May 29.
- 51 *Кутзее Дж.М.* В ожидании варваров. СПб.: Амфора, 2005. С. 139.
- 52 Там же. С. 140.
- 53 *McDonald P.D.* The Literature Police... P. 312.
- 54 Application for a Decision. Serial № P80/11/205. Directorate of Publications. Private Bag 9069. Cape Town.
- 55 Nobel Laureate J.M. Coetzee talks about life, career...
- 56 Brief Biographies of Some Key Censors [Электронный ресурс] // The Literature Police: Apartheid Censorship and Its Cultural Consequences. URL: <http://www.theliteraturepolice.com/biographies/>
- 57 Nobel Laureate J.M. Coetzee talks about life, career...
- 58 Ibid.
- 59 Brief Biographies...
- 60 Nobel Laureate J.M. Coetzee talks about life, career...
- 61 Ibid.
- 62 Треллоп, Энтони (1815–1882), английский писатель, один из наиболее успешных и талантливых романистов викторианской эпохи.
- 63 Nobel Laureate J.M. Coetzee talks about life, career...
- 64 Ibid.
- 65 И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л.: Художественная литература, 1969. С. 214.
- 66 *McDonald P.D.* The Literature Police... P. 137.
- 67 *Coetzee J.M.* Personal interview. 1999. 8 May.
- 68 *McDonald P.D.* The Literature Police... P. 137.
- 69 Ibid. P. 52.
- 70 Фугард, Атол (род. в 1932 г.), известный южноафриканский драматург.
- 71 *Coetzee J.M.* Doubling the Point: Essays and Interviews. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1992. P. 298.
- 72 *McDonald P.D.* The Literature Police... P. 316.
- 73 *Coetzee J.M.* Doubling the Point... P. 298.

А.Н. Комаров

КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ КАНАДЫ
В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ
ВСЕОБЩИХ ВЫБОРОВ 2008 г.

Цель статьи – проанализировать подготовку Консервативной партии Канады к всеобщим выборам 2008 г. В статье уделяется внимание предвыборной платформе консерваторов, их участию в теледебатах, особенностям их избирательной кампании, выступлениям накануне всеобщих выборов, партийному финансированию. Объектом анализа автора является также общественно-политическая ситуация, сложившаяся в Канаде к моменту проведения всеобщих выборов 2008 г.

Ключевые слова: С. Харпер, С. Дион, «правительство меньшинства», Д. Лейтон, Ж. Дюсепп, парламентские выборы.

Проведение досрочных парламентских выборов в октябре 2008 г. в Канаде было связано с рядом обстоятельств, принципиально важных для консерваторов. Во-первых, на всеобщих выборах в январе 2006 г. Консервативная партия Канады не получила абсолютного большинства мест в Палате общин, что закономерно поставило перед ней задачу достижения желаемой цели в случае формирования для этого благоприятных условий.

Во-вторых, впервые в истории Канады правительство меньшинства во главе со С. Харпером находилось у власти уже более двух лет, что само по себе давало лидеру консерваторов соответствующий повод для оптимизма относительно будущего его партии. До этого ни одно из консервативных или либеральных «правительств меньшинства» не сумело продержаться у власти в течение такого периода времени.

В-третьих, продолжались расследования комиссии Дж. Гомери, которая выявила злоупотребления в расходовании государственных средств, выделенных на пропаганду идеи канадского единства и федерализма в провинции Квебек в период нахождения у власти либеральных кабинетов Ж. Кретьена и П. Мартина. Это, в свою очередь, накладывало негативный отпечаток на политический имидж либералов, что особенно остро воспринималось канадскими избирателями.

В-четвертых, нахождение у власти консервативного кабинета С. Харпера в 2006–2008 гг. ознаменовалось довольно прочной экономической конъюнктурой, так как последствия глобального экономического кризиса на тот момент еще явно не ощущались в стране. Кроме того, правительство С. Харпера приняло решение об увеличении федеральных трансфертов регионам на социальные нужды, уделяя также особое внимание мерам по поддержке высшего образования, научно-инновационной деятельности и государственной страховой медицины.

В-пятых, немаловажную роль сыграли харизма и лидерские качества премьер-министра С. Харпера, которые давали ему преимущество перед С. Дионом, Ж. Дюсеппом, Д. Лейтоном и Э. Мэй. Как отмечали канадские ученые Дж. Памметт и К. Дорнан, «С. Харпер воспринял свою новую политическую роль премьер-министра с такой уверенностью и спокойствием, что казалось удивительным, что перед нами тот же самый политик, который еще недавно являлся агрессивным молодым лидером оппозиции. Появившаяся в нем уверенность была заметна во время его появления в парламенте, где выдвигаемая им политическая стратегия была заранее определена продуманной им тактикой. Отмечая произошедшие в нем перемены, сочетаемые с его стремлением провести через парламент необходимые ему решения, даже критики характеризовали С. Харпера как тактически мудрого лидера. Представляя правительство и свою собственную партию как на международной арене, так и внутри страны, С. Харпер отчетливо продемонстрировал, что ему значительно больше пришелся по душе пост премьер-министра, нежели лидера оппозиции»¹.

Учитывая все вышеупомянутое и надеясь таким образом воспользоваться рядом позитивных для консерваторов факторов, С. Харпер обратился к генерал-губернатору Канады с предложением о роспуске нижней палаты парламента, которое и было, соответственно, удовлетворено. Дата парламентских выборов была определена 14 октября 2008 г. вместо планировавшегося ранее 19 октября 2009 г.

Вся избирательная кампания консерваторов была тщательным образом продумана и проводилась поэтапно. Понимая, что вопрос завоевания абсолютного большинства мест в Палате общин является злободневным, консерваторы уже, по сути дела, начали подготовку к будущим всеобщим выборам фактически с их победы на предыдущих в 2006 г.

Доказательством этому послужила серия телевизионных роликов, направленных против основного конкурента консерваторов – лидера Либеральной партии С. Диона, избранного на этот пост в декабре 2006 г. Смысл телевизионной рекламы состоял в показе С. Диона слабым, некомпетентным лидером, неспособным принимать ответственные решения. По мнению Дж. Паметта и К. Дорнана, консерваторы отдавали себе отчет в том, насколько грамотно спланированная телевизионная агрессивная рекламная кампания, направленная лично против того или иного кандидата в премьер-министры, может изменить мнение избирателя о нем в негативную сторону. Консерваторы учли опыт самих либералов, успешно проводивших в свое время подобную кампанию против лидера Партии Реформ П. Мэннинга, руководителя Канадского альянса С. Дэя и самого С. Харпера во время избирательной кампании 2004 г.²

Уже 28 января 2007 г. консерваторы выпустили первую серию из трех телевизионных роликов, направленных против С. Диона. Ролики показывали партийный конвент Либеральной партии, на котором происходила процедура избрания лидера, и двух потенциальных кандидатов на этот пост, беседующих между собой – М. Игнатьева и С. Диона. На справедливый упрек М. Игнатьева в том, что либералам не удалось ограничить эмиссию углекислого газа в соответствии с подписанным Канадой Киотским протоколом, С. Дион отвечал: «Вы не знаете, о чем Вы говорите. Вы думаете, что это так просто – расставить приоритеты?» Помимо обвинения С. Диона в непрофессионализме, ролики демонстрировали разногласия внутри самой Либеральной партии, а также языковые трудности лидера либералов в плане его английского произношения³.

29 мая 2007 г. очередные рекламные ролики консерваторов вышли под лозунгом: «С. Дион не является лидером», также характеризуя негативно лидера либералов с точки зрения его будущего в качестве премьер-министра⁴.

В начале лета 2008 г. новая волна рекламных роликов консерваторов высмеивала план «зеленого поворота» С. Диона, подразумевающий введение налога для компаний, производящих продукцию

А.Н. Комаров

с большими выбросами углекислого газа. Политическая реклама консерваторов обыгрывала негативный для либералов заголовок: «Налоговый трюк С. Диона». Периодически появляясь в телевизионном эфире в течение всего лета, ролики способствовали росту негативного отношения избирателей к предвыборной инициативе лидера либералов⁵.

По мере того как популярность С. Диона среди электората стала падать, а также в связи с приближением даты всеобщих выборов консерваторы в телевизионной рекламе сделали упор на профессионализм, надежность, компетентность С. Харпера как будущего премьер-министра. Семь рекламных роликов консерваторов появились в эфире под названием: «Дома с С. Харпером», показывая его беседующим с избирателем в спокойной манере о семейных ценностях, патриотизме и своих обязанностях премьер-министра. В рекламе было подчеркнуто, что, голосуя за С. Харпера, электорат выбирает свое безопасное будущее, в то время как, выбирая С. Диона, избиратели идут на риск⁶.

Помимо политической рекламы, направленной против либералов, консерваторы выпустили рекламный телевизионный ролик, направленный против Квебекского блока и его лидера Ж. Дюссера. Выходя в эфире в Квебеке, данная реклама стремилась убедить квебекского избирателя в том, что голосование за Квебекский блок в течение последних пятнадцати лет начиная с 1993 г. является не более чем потерей времени и ошибкой. По мнению консерваторов, только их партия реально отвечает интересам квебекских избирателей. Во многом, с их точки зрения, это подтверждает и парламентская резолюция, инициированная правительством С. Харпера, принятая в 2006 г. и признающая Квебек нацией в составе единой федерации⁷.

Ряд телевизионных роликов был направлен и на привлечение женской целевой аудитории представителей среднего класса, традиционно отдающих свои голоса НДП и либералам.

В результате, по опросам общественного мнения, консерваторы уже к середине сентября 2008 г. опережали либералов более чем на 12,8 %, а реклама консерваторов была более заметна, чем телевизионные и радиоролики их политических оппонентов.

Составной частью избирательной кампании консерваторов, помимо вышеупомянутой политической рекламы, явились предвыборные поездки С. Харпера по стране, где происходило его живое и непосредственное общение с канадскими избирателями. Лидер консерваторов проделал путь в 48 840 километров вместе со своими

помощниками и консультантами – М. Лебретоном, Б. Карсоном, Д. Судасом, К. Стюарт-Олсон, К. Тенеком. Для передвижения по стране консерваторами были арендованы аэробус 319, принадлежащий авиакомпании Air Canada, а также два комфортабельных автобуса, использованных ими для поездок исключительно в провинции Онтарио и Квебек⁸.

Первая неделя избирательной кампании консерваторов была посвящена посещениям С. Харпера провинций Квебек, Британская Колумбия, Онтарио и Саскачеван. Целью поездки лидера консерваторов в Квебек явилось расширение популярности его партии среди квебекских избирателей. В то же время выступления С. Харпера в Квебеке явились не совсем удачными. Критикуя Квебекский блок за его политическую неэффективность и вообще в целом характеризуя роль Квебека в составе канадской федерации, С. Харпер затронул сложный вопрос, связанный с самобытностью этой провинции. Это было сразу же воспринято лидером Квебекского блока Ж. Дюссепом как непонимание со стороны консерваторов исторических традиций и ценностей провинции⁹.

В Саскачеване С. Харпер выступил против плана «зеленого поворота» С. Диона, который, по его мнению, приведет к нарушениям в экономике провинции. В Британской Колумбии и Онтарио С. Харпер встречался с китайскими иммигрантами, убеждая их, что политика консерваторов будет способствовать их скорейшей адаптации к нормам и установкам канадского общества. Беседуя с избирателями, С. Харпер зачастую достигал успеха, рассказывая им просто и непринужденно о своей семье, домашних заботах, своих служебных обязанностях.

По мере того как росла уверенность С. Харпера в завоевании его партией абсолютного большинства мест в Палате общин, он открыто призвал электорат отдать голоса за консерваторов¹⁰.

Предвыборная программа Консервативной партии была основана на двух важных составляющих: лидерских качествах С. Харпера и демонстрации профессионального опыта консерваторов, более двух лет находящихся у власти, и, соответственно, управляющих страной, и не допустивших каких-либо серьезных стратегических просчетов. Поэтому документ был представлен как единственно возможный среди программ других партий вариант, предлагающий реалистическую и прагматическую программу действий на ближайшее будущее. Предвыборный манифест консерваторов состоял из 41 страницы и 22 фотографий лидера партии – девяти в одиночку, трех – вместе с собственной семьей, шести – с посторонними

семьями и детьми и тремя остальными, на которых С. Харпер беседовал с рабочими, иммигрантами, домовладельцами. Смысл заключался в лояльности лидера консерваторов к различным категориям населения. Показательным в манифесте явилось отсутствие в нем фотографий и информации о других деятелях Консервативной партии, помимо ее лидера¹¹.

Платформа консерваторов включала в себя пять основных положений. Первое из них было посвящено стоимости и качеству жизни. Было объявлено, что на эти цели консерваторы выделяют 1,7 млрд канадских долларов. В категории населения, которым оказывалась федеральная помощь, были включены пенсионеры, домовладельцы, нуждающиеся семьи¹².

Второе положение платформы консерваторов касалось поддержки ими деятельности малого и среднего бизнеса (выделялось 60 млн канад. долл.), фермерства (100 млн канад. долл.), регионального развития страны (185 млн канад. долл.), туризма (200 млн канад. долл.) и т. д.¹³

Третий раздел предвыборной программы консерваторов касался финансирования культуры. На эти цели предполагалось выделить около 155 млн канад. долл.¹⁴ Данная проблема явилась довольно значимой для избирательной кампании консерваторов и всего канадского общества, так как накануне всеобщих выборов 2008 г. неоднократно звучали заявления С. Харпера о том, что государственные ассигнования на культурную сферу будут существенно сокращены. С точки зрения правящей Консервативной партии, сокращение бюджетных ассигнований на цели культуры на 45 млн канад. долл. является правильным в соответствии с проводимой политикой эффективного расходования государственных средств¹⁵.

В двух следующих положениях программы консерваторы выделяли 50 млн канад. долл. на поддержку здравоохранения и 15 млн канад. долл. на сохранение окружающей среды¹⁶. Программа консерваторов была озвучена ими поступательно в течение всего периода их избирательной кампании таким образом, чтобы электорат составил о ней свое благоприятное мнение.

Кульминационным моментом предвыборной кампании консерваторов стало участие их лидера С. Харпера в теледебатах, которые имели место на французском языке 1 октября 2008 г., а на английском на следующий день – 2 октября 2008 г.¹⁷ Регулярное проведение телевизионных предвыборных дебатов в Канаде в новейшее время свидетельствует о высоком уровне политической культуры в этой стране, ее приверженности принципам демократии, гражданского

общества и правового государства. В теледебатах участвовало пять лидеров основных политических партий в стране – лидер Консервативной партии С. Харпер, лидер Либеральной партии С. Дион, лидер Квебекского блока Ж. Дюсепп, лидер НДП Д. Лейтон и лидер партии «зеленых» Э. Мэй. Проведению теледебатов предшествовала острая дискуссия о том, возможно ли участие в них Э. Мэй, которая, по мнению С. Харпера, Д. Лейтона и Ж. Дюссеппа, стала бы поддерживать либералов. Однако после продолжительных обсуждений лидеры НДП, Квебекского блока и Консервативной партии согласились на участие Э. Мэй в телевизионных дебатах¹⁸.

Главной темой теледебатов на французском и английском языках, в связи с развитием мирового глобального экономического кризиса, стало обсуждение социально-экономического развития Канады на ближайшую перспективу¹⁹. Сразу же после начала теледебатов на французском языке лидеры Либеральной партии, НДП, Квебекского блока и партии зеленых обрушились на С. Харпера с критикой за отсутствие у него детального плана по борьбе с глобальным экономическим кризисом²⁰. В спокойной манере С. Харпер отвечал, что канадская экономика, несмотря на взаимозависимость с экономикой США, не является ее прототипом, и поэтому ее основы представляются довольно стабильными. В частности, лидер консерваторов подчеркнул: «У нашей экономики нет бюджетного дефицита; у нас есть экономика, которая создает рабочие места, мы не находимся в финансовом кризисе. Единственное, о чем я волнуюсь, так это о том, чтобы снижать налоги и тратить государственные средства действительно на нужды канадцев»²¹. Выслушав лидера С. Харпера, лидер НДП Д. Лейтон и лидер Квебекского блока Ж. Дюсепп обвинили его в проведении политики, подобной той, которую проводит Д. Буш в США, т. е. непродуманной и не отвечающей реально чаяниям своих избирателей. В частности, Ж. Дюсепп подчеркнул, что, по его мнению, в стране присутствуют два типа экономики: нефтяная, защищаемая и поощряемая правительством С. Харпера за счет других промышленных отраслей, имеющая огромные налоговые льготы, и лесная, расположенная непосредственно в провинциях Онтарио и Квебек²². Лидер либералов открыто заявил, что находящееся у власти правительство С. Харпера за два с половиной года ослабило канадскую экономику. Помимо этого, С. Дион обвинил С. Харпера в том, что лидер консерваторов не верит в лидирующую роль государства в экономике, которая связана именно с необходимостью помощи рядовым гражданам страны²³.

С одной стороны, резкие нападки лидеров либералов, НДП, Квебекского блока и «зеленых» на премьер-министра С. Харпера, безусловно, способствовали снижению его рейтинга среди избирателей во время теледебатов на французском языке, но, с другой стороны, два обстоятельства свидетельствовали в пользу последнего. Во-первых, реальное состояние канадской экономики, которое не было кризисным. В частности, уровень безработицы составил 6,1 %, что было ниже общепринятого уровня. Кроме того, в период с августа 2007 г. по август 2008 г. консерваторы обеспечили создание 224 тыс. новых рабочих мест, что явилось принципиально важным в период глобального экономического кризиса. Во-вторых, лидер либералов С. Дион неожиданно в разгар проведения теледебатов на французском языке заявил о том, что у него имеется план из пяти пунктов по развитию канадской экономики на ближайшую перспективу. Это не выглядело профессионально и дало возможность консерваторам впоследствии переломить ситуацию.

В частности, в ходе теледебатов на английском языке С. Харпер, несмотря на видимое внешнее спокойствие, подверг критике С. Диона за его странное предложение озвучить план по оздоровлению экономики в самый разгар теледебатов на французском языке. В частности, он обвинил лидера либералов С. Диона в панических настроениях: «Чем должны обладать лидеры политических партий – так это продуманной стратегией, а не паниковать. Прошлым вечером Вы, Стефан, паниковали. Вы явились сюда и пытались озвучить Ваш новый план по оздоровлению экономики прямо в ходе теледебатов»²⁴. В этой связи С. Харпер пытался успешно противопоставить свой имидж спокойного и уверенного в себе политического лидера в противовес паникующему С. Диону.

Важной частью подготовки Консервативной партии к предстоящим всеобщим выборам 2008 г. явились мероприятия по расширению ее финансирования среди потенциальных канадских избирателей. В этой связи консерваторы во главе со С. Харпером унаследовали в этой области успешную методологию своих политических предшественников – Партии Реформ, Канадского альянса и Прогрессивно-консервативной партии Канады, которая была заимствована последней у Республиканской партии США еще в середине 70-х годов прошлого века ответственным за финансы партии Дж. Лашингером²⁵. В частности, в период избирательной кампании 2007–2008 гг. канадские консерваторы по-прежнему опирались на несколько проверенных методов, первый из которых заключался в прямой рассылке по почте программы партии и портрета ее лидера

вместе с его непосредственной просьбой к избирателю направить в обратном послании определенную сумму денег в качестве пожертвования. Средством привлечения внимания адресата, безусловно, должно было стать внутреннее содержимое конверта. Это была, как правило, заключенная в него цветная фотография лидера партии и его семьи либо пластиковая карточка, оформленная наподобие членского удостоверения. Необходимые консерваторам адреса избирателей были получены с помощью существующей компьютерной базы. На тех, кто отвечал на это обращение хотя бы один раз, можно было смело полагаться и в дальнейшем²⁶. Второй метод представлял собой телефонную беседу с потенциальным избирателем, в ходе которой его убеждали перевести определенную сумму в фонд партии. Определенные средства канадские консерваторы сумели собрать, используя Интернет и привлекая тем самым электорат к просмотру сайтов своей партии, в которых содержались просьбы о посильном пожертвовании денег на предстоящие предвыборные нужды. Последняя практика была, в свою очередь, заимствована консерваторами у Демократической партии США, использовавшей ее в ходе избирательной кампании Б. Обамы²⁷. В то же время консерваторами все же был сделан основной акцент на методах прямой почтовой рассылки и телефонных бесед с избирателями, поскольку многие из них были людьми в возрасте и не являлись столь хорошими пользователями Интернета, в отличие от значительной части молодежи, голосовавшей в США за Б. Обаму на президентских выборах 2008 г. В ходе подготовки к выборам консерваторы также оставили существующую ранее при Б. Малруни практику проведения центральными органами партии и ее непосредственным руководством торжественного обеда с лидером консерваторов и его близкими, в ходе которого собирались значительные средства для партии²⁸. Теперь эта обязанность была возложена на региональные органы партии, которые начали осуществлять подобные мероприятия.

Консерваторами также были найдены соответствующие средства на мероприятия по финансированию их партии накануне всеобщих выборов 2008 г. В частности, они потратили порядка 8 млн канад. долл. на эти нужды, в то время как их главные конкуренты – либералы только 2 млн²⁹.

Продуманные действия по расширению финансирования своей партии принесли консерваторам существенное увеличение пожертвований со стороны избирателей. Если в 2004 г. они получили 10 млн 910 тыс. канад. долл. от 68 тыс. избирателей; в 2005 г. –

А.Н. Комаров

17 млн 847 тыс. канад. долл. от 106 тыс. избирателей; в 2006 г. – 18 млн 641 тыс. канад. долл. от 108 тыс. избирателей; в 2007 г. – 16 млн 983 тыс. канад. долл. от 107 тыс. избирателей; то в 2008 г. их планомерная работа принесла им уже 21 млн 190 тыс. канад. долл. от 174 тыс. избирателей³⁰. Суммы, вырученные консерваторами от индивидуальных пожертвователей, превышали аналогичные, полученные Либеральной партией (3,6 млн канад. долл. от 35 тыс. избирателей) и НДП (3,7 млн канад. долл. от 44 тыс. человек)³¹.

Избирательная кампания консерваторов получила также свое подробное освещение в основных периодических изданиях³². В частности, на страницах газеты «Глоб энд Мейл» в 2008 г. порядка 60,5 % всего издания было посвящено предвыборной деятельности консерваторов; «Торонто Стар» в 2008 г. посвятила 52,6 % всех своих публикаций С. Харперу и его партии; другие крупные издания также выделили порядка 54,3 % своего объема материалам, посвященным подготовке к всеобщим выборам Консервативной партии Канады³³. В свою очередь, анализу предвыборной деятельности Либеральной партии в 2008 г. «Глоб энд Мейл» посвятила 25,7 % своего объема, а НДП – 6,8 %³⁴. Аналогично в 2008 г. «Торонто Стар» уделила 26,3 % объема всех своих публикаций либералам и 11 % – НДП³⁵.

В результате Консервативная партия во главе с С. Харпером повторила свой успех на всеобщих выборах 14 октября 2008 г. и сформировала в очередной раз правительство парламентского меньшинства. В соответствии с их результатами консерваторы получили 37,6 % голосов и 143 места из 308 в Палате общин, улучшив таким образом свой предыдущий результат на 19 мест³⁶. Либеральная партия обеспечила себе 26,2 % голосов и 76 мест в Палате общин; на третьем месте оказался Квебекский блок с 10 % голосов избирателей и 50 местами в Палате общин; на четвертом – НДП с 18,2 % голосов избирателей и 37 мандатами в Палате общин. Партия «зеленых» получила на общенациональном уровне 6,8 % голосов избирателей, однако не получила ни одного мандата в Палате общин³⁷.

Несмотря на то что главная цель – получение абсолютного большинства мест в Палате общин достигнута консерваторами не была, стало очевидным, что приход Консервативной партии к власти в 2008 г., как и ранее – в 2006 г., не был случайным явлением. Канадским консерваторам удалось сформировать о себе мнение как о политическом течении, которое бы отвечало запросам электората в сложную и противоречивую эпоху глобального экономичес-

кого кризиса, и тем самым подтвердить свою высокую репутацию ведущей партии, совместно с либералами управляющей страной с момента образования канадской федерации во второй половине XIX в. Это, в свою очередь, в очередной раз доказало способность адаптации консерватизма к новым социально-экономическим и политическим реалиям, характерным в XXI в. как для самой федерации, так и для мирового сообщества в целом. Таким образом, Консервативная партия Канады во главе со своим лидером С. Харпером в период подготовки и проведения всеобщих выборов 2008 г. продемонстрировала продуманные и грамотные подходы к избирателям, политический профессионализм, умение конкурировать на общенациональном уровне с Либеральной партией и НДП. Стало очевидным, что вопрос получения консерваторами абсолютного большинства мест в Палате общин становится делом времени.

Примечания

- ¹ *Dorman C., Pammett J.H.* The Canadian Federal Election of 2008. Toronto: Dundurn Press, 2009. P. 19.
- ² *Ibid.* P. 44.
- ³ *Ibid.* P. 44–45, 210; Anti-Dion Ads Producing Laughs, Not Votes // Daily Mercury. 2007. Feb. 8.
- ⁴ *Dorman C., Pammett J.H.* Op. cit. P. 47.
- ⁵ *Ibid.*; *Bryden J.* Tory Ads A Success, Poll Shows: Barrage of Sweater – Clad Harper Ads Help Tories Win Air War // Canadian Press. 2008. Sept. 13.
- ⁶ *Dorman C., Pammett J.H.* Op. cit. P. 45.
- ⁷ *Ibid.* P. 46. О парламентской резолюции консерваторов см.: *Комкова Е.Г.* Квебекцы признаны нацией, квебекская проблема остается нерешенной // США и Канада. Экономика, политика, культура, 2007. № 11. С. 108–109; *Коленико В.А.* «Путь к конфедерации»: о природе канадского федерализма // Канадский ежегодник. Вып. 13. М.: РОИК, 2009. С. 259; *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. С. 223–224; *Segal H.* The Long Road Back. The Conservative Journey in Canada 1993–2006. Toronto: HarperCollinsPublishersLtd, 2006; *Flanagan T.* Harper's Team: Behind the Scenes in the Conservative Rise to Power. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2007.
- ⁸ *Dorman C., Pammett J.H.* Op. cit. P. 39.
- ⁹ *Ibid.* P. 46.

А.Н. Комаров

- ¹⁰ Ibid. P. 47–48; *Neill J.* Green Shift Support Declining, Poll Shows Liberals Carbon Tax Proposal Not Enough to Beat Tories // *Ottawa Citizen*. 2008. Oct. 2.
- ¹¹ *Dornan C., Pammatt J.H.* Op. cit. P. 41–44. О предвыборной программе С. Харпера см. подробнее.: *Соколов В.И., Демчук А.Л.* Всеобщие выборы в Канаде: прежнее «правительство меньшинства» // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2009. № 1. С. 10–11; *The True North Strong and Free: Stephen Harper's Plan for Canadians* // Conservative Party of Canada. URL: <http://www.conservative.ca/media/2008-Platform-e.pdf>.
- ¹² *Dornan C., Pammatt J.H.* Op. cit. P. 42.
- ¹³ Ibid. P. 43.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ См.: *Дискуссия: канадские выборы – 2008* // США и Канада. Экономика, политика, культура. 2009. № 1. С. 85.
- ¹⁶ См.: *The True North Strong and Free...* P. 31, 35.
- ¹⁷ См. по поводу проведения теледебатов.: *Соколов В.И., Демчук А.Л.* Указ. соч. С. 10–11; *New Release – 2008 Leader's Debates* // *Canada Newswire*. URL: <http://www.newswire.ca/en/story/302539/news-release-2008-leaders-debates>; *Its Dueling debates for Canadian Viewers* // *Toronto Star*. URL: <http://www.thestar.com/FederalElection/article/507472>.
- ¹⁸ См.: *Broadcast Consortium to invite Elizabeth May to participate in 2008 Leaders Debates* // *Canada Newswire*. URL: <http://www.newswire.ca/en/story/376693/broadcast-consortium-to-invite-elizabeth-may-to-participate-in-2008-leaders-debates>.
- ¹⁹ См.: *Campion-Smith B.* Economy Engulfs TV debates // *Toronto Star*. URL: <http://www.thestar.com/FederalElection/article/509367>.
- ²⁰ См.: *Lyle G., Reid S., Caplan G.* French-Language Debate Breakdown // *Innovative Research Group*. URL: http://www.innovativeresearch.ca/sites/default/files/pdf%2C%20doc%2C%20docx%2C%20jpg%2C%20png%2C%20xls%2C%20xlsx/081002_GlobeAndMail_French-language%20debate%20breakdown.pdf; *Rivals Target Harper on Economic Troubles as French-Language Debate Kicks Off* // *Global National*. URL: <http://election.globaltv.com/topstorydetail.aspx?sectionid=223&postid=48850>.
- ²¹ *Campion-Smith B.* Op. cit.
- ²² *Rivals Target Harper on Economic Troubles...*
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Dornan C., Pammatt J.H.* Op. cit. P. 52–53; *Neill J.* Op. cit.
- ²⁵ См.: *Wearing J.* *Strained Relations: Parties and Voters*. Toronto: McClelland and Stewart, 1988. P. 106.
- ²⁶ См.: *Cameron S.* *On the Take. Crime, Corruption and Greed in the Mulroney Years*. Toronto: Macfarlane Walter & Ross, 1994. P. 70.
- ²⁷ *Dornan C., Pammatt J.H.* Op. cit. P. 203.

- ²⁸ См.: *Cameron S.* Op. cit. P. 36.
- ²⁹ *Dorman C., Pammatt J.H.* Op. cit. P. 204.
- ³⁰ Ibid. P. 22. См.: Conservative Party Revenue 2004–2008 // Elections Canada. URL: <http://www.elections.ca>.
- ³¹ См.: Дискуссия: канадские выборы – 2008... С. 85.
- ³² См. ведущие периодические издания в период избирательной кампании консерваторов: *The Globe and Mail*, Sept. 7 – Oct. 14, 2008; *National Post*, Sept. 7 – Oct. 14, 2008; *Toronto Star*, Sept. 7 – Oct. 14, 2008.
- ³³ См.: *Dorman C., Pammatt J.H.* Op. cit. P. 228.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ См. подробнее об итогах всеобщих выборов 14 октября 2008 г.: 40th General Election, October 14, 2008 // Elections Canada. URL: <http://www.elections.ca/content.aspx?section=ele&document=index&dir=pas/40ge&lang=e>.
- ³⁷ Ibid.

С.Ю. Серёгичев

РАЗДЕЛ СУДАНА:
ПРОИГРЫШ ИЛИ ПОБЕДА
СУДАНСКИХ ИСЛАМИСТОВ?

Статья посвящена анализу связей между разделом в январе–июле 2011 г. Судана на Республику Южный Судан (РЮС) и Республику Судан (РС) и дальнейшими перспективами развития одной из ключевых сил нынешнего суданского общества – исламо-фундаменталистского движения. Актуальность темы обусловлена тем, что на протяжении как минимум всей второй половины прошлого столетия суданские исламисты упорно стояли на позициях сохранения единого исламо-арабского Судана, выстроив на этом фундаменте свою идеологию и политическую практику. Отсюда и возникают два главных вопроса статьи: верен ли тезис «Образование РЮС есть Ватерлоо суданских исламистов» и каковы будут последствия этого «Ватерлоо» для исламо-фундаменталистского движения в Судане?

Ключевые слова: Республика Южный Судан, Республика Судан, исламо-фундаментализм, «Новый Судан», Джон Гаранг.

Череда воистину эпохальных событий суданской политической жизни, произошедших в первой половине 2011 г. (референдум о самоопределении Южного Судана и провозглашение его независимости), подвела черту под историей прежней Республики Судан, начавшейся в ночь с 31 декабря 1955 г. на 1 января 1956 г. и завершившейся 9 июля 2011 г.

Отделение Юга от Севера помимо множества насущных политико-административных вопросов (проблема Абьейя, урегулирование в Дарфуре, сотрудничество между Хартумом и Джубой в нефтедобывающей отрасли и др.) поставило перед специалистами

по Судану и весьма каверзный вопрос: можно ли считать возникновение Республики Южный Судан (РЮС) оглушительным поражением суданского исламо-фундаменталистского движения или нет? Каковы будут последствия раздела страны для политических перспектив суданских исламистов?

На первый взгляд ответы на этот вопрос просты и очевидны: конечно, это самое тяжелое поражение, которое когда-либо с 1954 г. (времени формирования первых ячеек суданских «Братьев-мусульман») терпели суданские исламисты, и, следовательно, в качестве последствий надо указать возможное снижение их общественной популярности. Ведь южносуданский регион на протяжении более чем полувековой истории Республики Судан был местом приложения политических сил и талантов как гражданских, так и военных руководителей страны, мерилom профпригодности активистов исламо-фундаментализма, в том числе и их бессменного лидера Хасана ат-Тураби.

В течение всей второй половины прошлого столетия в отношении проблемы Юга, заключавшейся в желании и стремлении населения региона жить по своим правилам и законам, а не по исламскому кодексу Хартума, готового ради этого даже отделиться от Севера, что в итоге и произошло, у центральных властей страны существовал только один подход – «Судан есть и будет оставаться единым государством».

В этом были едины и традиционалисты («Аль-Умма», ЮДП, братства «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя»), и военные (Аббуд, Нимейри и аль-Башир) с исламистами (Хасан ат-Тураби). Различия были лишь в нюансах данного единства: традиционалисты и военные долго ратовали за унитарное устройство, а исламисты – за федерацию.

Помимо безоговорочной до 2005 г., когда было подписано Всеобъемлющее мирное соглашение, позиции традиционалистов, военных и исламистов по вопросу суданского единства, все эти три ключевых полюса политических сил страны объединяло еще и признание незыблемости исламо-арабского характера Судана.

Определение Судана как единой исключительно арабо-мусульманской страны категорически не устраивало южан, большинство которых африканцы, исповедующие христианство и отправляющие при этом еще и различные языческие культы.

Собственно в этом, как считают американские ученые, и была важнейшая причина двух гражданских войн Юга и Севера: «конфликт в Судане не исключительно региональный и также не ис-

ключительно религиозный, вызванный колоссальными размерами страны <...> современный конфликт разожжен громадной разницей между историческими идентичностями [имеется в виду историческая идентичность южан, полагающих, что именно они исконные суданцы, а северяне лишь потомки пришлых арабо-мусульманских захватчиков с Севера, и историческая идентичность северян, считающих себя «отцами» суданской исламской государственности и национальности и пытающихся «научить» этому строптивых южан. – С. С.] <...> здесь нет объединяющей идентичности; разнообразие – основа разделения страны»¹.

Именно поэтому самым надежным способом на протяжении 1956–2005 гг. «навечно» привязать бунтующий Юг к остальному Судану была, по мнению официального Хартума, принудительная, насильственная исламизация и арабиизация этой части территории страны.

Яркий тому пример – программа Садыка аль-Махди (глава партии «Аль-Умма», премьер-министр Судана в 1986–1989 гг.) по исламизации и арабиизации Юга Судана, для чего было необходимо осуществить на практике целый комплекс политических, экономических, социальных и даже культурных мер:

1. «Метод взаимных отношений» – использование взаимных разногласий между южносуданскими лидерами, в частности между членами кочевых и земледельческих племен, установление между ними и Хартумом взаимных отношений.

2. «Метод ассимиляции» – строительство исламских школ и использование северян-торговцев для поселения их в центральных районах Южного региона с целью смешения с автохтонным населением.

3. «Метод экономического привлечения» – реализация на Юге экономических проектов на условиях финансирования и управления их северосуданскими арабами. Такой подход к развитию региона неизбежно вызовет у южан интерес к Северу, да и всему арабскому миру в целом.

4. «Метод дестабилизации» состоял в расселении большого количества южан на Севере, чтобы они привыкли к северянам, растворившись среди них и потеряв точки опоры в лице своих традиционных племенных институтов, которые на Севере не могут действовать.

5. «Метод атаки на христианскую этику» – привитие южанам новой ментальности, которая бы отвергала мысль о том, что северяне – злейшие враги южан. Распространение мысли о том, что

южане и северяне все вместе являются жертвами империализма и белой цивилизации. Усвоение южанами этого постулата побудило бы их искать справедливость в исламе².

Фактически вся политическая история современного Судана во многом сводилась к борьбе Хартума за полный контроль над Южным регионом. Последний же долгое время воспринимался правящей элитой Севера в качестве своей внутренней колонии, которой стоит управлять по принципам, успешно применявшимся еще британцами в период их господства в стране (1899–1956).

Вот почему возникает иллюзия легкого и простого ответа на поставленный в начале статьи вопрос. Действительно, раз Юг таки отделился, значит, сделать его составной частью арабо-мусульманского Судана у северян не получилось, а следовательно, исламисты, так ратовавшие за это, безусловно проиграли и лишатся части симпатий населения Севера.

Но это лишь одна сторона суданской медали, а вот другая заставляет нас усомниться в полном сокрушительном поражении суданского исламо-фундаментализма и его идейно-политических установок и, соответственно, в падении рейтинга доверия к исламистам. Эта иная сторона в свете последних грандиозных суданских событий все больше и больше уходит в историческую тень, но мы, невзирая на это, обязаны ее учитывать.

Речь здесь идет о бесславно канувшем в Лету проекте «Новый Судан». Он разрабатывался и претворялся в жизнь под руководством выдающегося суданского, а не столько южносуданского, как мы обычно привыкли себе его представлять, общественно-политического деятеля Джона Гаранга де Мабиора (в 1983–2005 гг. лидер СНОД/СНОА, с 9 по 30 июля 2005 г. вице-президент Судана).

Суть данного проекта была в том, чтобы построить в стране новое «суверенное, демократическое, децентрализованное, поликультурное, многоязычное, полирасовое, полиэтническое и поликонфессиональное» государство³. «Новый Судан» Гаранг прямо противопоставлял «Старому Судану», обществу, построенному на основе «расизма, религиозного фундаментализма, сектантства, трайбализма, рабства, апартеида, или диктатуры (пролетариата, генерала или муллы)»⁴.

Именно проект создания «Нового Судана» большинство южан в 1990-е – первой половине 2000-х годов считало единственно разумной альтернативой многолетнему противостоянию Юга и Севера, унесшему миллионы жизней.

Заключение в январе 2005 г. Всеобъемлющего мирного соглашения (ВМС) и вступление в силу в июле того же года Временной конституции Судана (ВКС), содержащей базовые положения проекта «Новый Судан», в глазах большинства суданцев выглядело как долгожданный конец арабской гегемонии Хартума, убивавшей до этого всю суданскую цивилизацию и государственность.

Казалось, что еще чуть-чуть и «Новый Судан» станет заурядной реальностью, о которой мечтало не одно поколение суданцев. Но новым Судан так и не стал. Вместо этого страна в 2005–2011 гг. фактически распалась на Северный, Центральный, Южный Судан и Дарфур.

Северный и Центральный Судан продолжают жить в соответствии с собственными представлениями об арабо-суданской цивилизации, где араб-мусульманин и суданец одно и то же.

Юг же, уставший ждать, пока северяне переменят свои вышеуказанные подходы к национальной политике, отделился от Севера, дабы сохранить свою национальную идентичность (это фактически поражение и гибель гаранговского «Нового Судана»), с определением которой у южан тоже много проблем.

Дарфур же в настоящее время стоит на исторической развилке: то ли ему следовать примеру южан и отделяться от Хартума⁵, то ли продолжать дальше деградировать, надеясь на то, что очередное мирное соглашение повернет этот процесс вспять.

Крах так и не успевшего воплотиться в реальность «Нового Судана» по большому счету можно объяснить двумя важнейшими причинами.

Во-первых, это, безусловно, следствие категоричной позиции Хартума, желающего сохранить свою арабо-суданскую цивилизацию в формате Исламской республики Судан и рассматривающего ВМС и ВКС как временные тактические уступки южанам, сделанные с целью недопущения развала страны. Отсюда и знаменитый рефрен «пятилетки» ВМС: «Давайте сделаем единство Судана привлекательным для всех его граждан», – ставший к 2010 г. заклинившим, правда, не работающим.

По логике северосуданской арабо-мусульманской элиты, после того как вышеупомянутая священная мантра вкупе с ВМС и ВКС должны были предотвратить распад единого Судана, последний трансформировался бы в уже вышеупоминавшиеся «независимое, суверенное государство... демократическую, децентрализованную, поликультурную, многоязыковую, полирасовую, полиэтническую, поликонфессиональную страну».

При этом это должна была быть исламская «поликонфессиональность» и «демократия по ат-Тураби», но, разумеется, без самого ат-Тураби, зато во главе с защитником национального единства, разыскиваемым Международным уголовным судом за свои многочисленные дарфурские «подвиги», Омаром аль-Баширом или его наследником/преемником.

Наконец, во-вторых, не меньшая, чем на Севере, доля ответственности за выхолащивание и смерть главной идеи Джона Гаранга лежит и на его родном Юге, вернее его руководстве. Оно так и не сумело за шесть лет с момента подписания ВМС радикально переломить ситуацию в регионе, начать решительное его возрождение, реализуя через это то, что их вождь Гаранг и называл (возможно, под впечатлением от «Нового курса» Франклина Делано Рузвельта, изменившего во многих вещах до неузнаваемости США в 1930-х годах) «Новым Суданом».

Но Гаранг, а уж тем более Сальва Киир, явно не Рузвельт, а потому то, что удалось сделать с Америкой ее 32-му президенту, оказалось совершенно невозможным для 1-го и 2-го президентов Южного Судана: Гаранг погиб 30 июля 2005 г. в результате катастрофы вертолета, Киир же оказался не столь искушенным политиком, как его предшественник, и вместо активного руководства процессами развития региона увяз в антикоррупционной борьбе и многочисленных схватках за власть, идущих между его высокопоставленными подчиненными, как правило, из силового блока.

К тому же не стоит забывать, что Южному Судану пока еще очень далеко до основных социально-экономических и общественно-политических показателей США 1930-х годов.

В столь непростой ситуации Кииру и его ближайшему окружению, чтобы удержаться у власти, а только так на «демократическом» Юге можно сохранить свои жизнь и собственность, пришлось пойти на веками проверенный прием: «разделяй и властвуй», то есть представить в глазах южносуданцев дело таким образом, что вновь, как и десятилетия назад, во всем виноват Хартум, а потому путь к счастью, свободе и комфорту лежит через «горькую» участь отделения Южного Судана от Северного.

Тем более что независимости реально жаждало абсолютное большинство южан (1,17 % южан отдали предпочтение единству страны, а 98,83 % – отделению Юга от Севера⁶), уверенное в том, что под одной общей «крышей» им с северянами не ужиться, ибо последние ни за что не пойдут на секуляризацию своего общества и государства.

Таким образом, получается, что в случае успешной реализации проекта «Новый Судан» апологеты «старого», «доброе» исламо-арабского Судана потеряли бы свою родину, которая в случае полной реализации идей Гаранга изменилась бы до неузнаваемости. Этого не произошло: «Новый Судан» умер в «младенчестве», распавшись на африкано-христиано-анимистский Юг и арабо-мусульманский Север.

С этой точки зрения тезисы о сокрушительном поражении суданских исламистов в связи с провозглашением РЮС и уменьшении их политической роли в жизни страны уже не так убедительны, как то казалось поначалу. Уместнее всего события переходного периода ВМС 2005–2011 г. назвать неким подобием растянутого на шесть лет суданского «Бородино»: битву за единство страны исламисты проиграли, но ценой этого поражения сохранили арабо-мусульманское государство на Севере, не допустив его превращения в светское и демократическое, как того хотел Гаранг и его соратники.

В пользу этого говорит и высказывание аль-Башира о том, что «неправильно утверждать, будто я не знаю, что суданский народ является полирасовым и поликонфессиональным, а потому шариат будет основным источником для законотворчества <...> и арабский язык будет официальным языком государства, как это будет оговорено в новой конституции»⁷.

Та новая конституция, о которой в конце 2010 г. говорил аль-Башир, должна будет появиться в случае, «если Южный Судан отделится», так как, по мысли суданского президента и его ближайшего окружения, ВКС нужна была в первую и последнюю очередь для удержания Юга с его колоссальными нефтяными полями в составе единого Судана.

Более того, у ат-Тураби и его активистов, которые с 2000 г. находятся в оппозиции президенту аль-Баширу, в связи с образованием РЮС появился новый серьезный повод для критики нынешнего хартумского режима, не удержавшего от развала вверенную ему еще в 1989 г. страну.

Самое же интересное с точки зрения влияния последствий раздела Судана на политические позиции суданского исламо-фундаменталистского движения состоит в том, что сторонники ат-Тураби легко могут их использовать для рекламы возможностей и потенциала своего движения.

Ничего парадоксального в этом нет: исламисты в свете начавшейся на Юге интенсивной борьбы за места в высшем эшелоне политической власти РЮС и вызванной ею общей нестабильнос-

тью, грозящей перерасти в полномасштабную гражданскую войну, могут без труда доказать эффективность их идейно-политических установок на Севере, где, невзирая на огромные проблемы, нет угрозы гражданской войны, так как общество консолидировано в рамках уммы.

В итоге, отвечая на поставленные нами в начале статьи вопросы о том, верен ли тезис «Образование РЮС есть Ватерлоо суданских исламистов» и каковы будут последствия этого «Ватерлоо» для исламо-фундаменталистского движения, стоит сказать, что ответы на них весьма неоднозначны.

С одной стороны, сторонники ат-Тураби, конечно, проиграли, не сумев удержать Юг в лоне исламо-арабской цивилизации, хотя именно на принципе защиты единства страны под эгидой арабомусульманской государственности долгое время базировались идейно-политические установки исламского фундаментализма в Судане.

Но с другой стороны, суданские исламисты не только сохранили арабомусульманскую цивилизацию на Севере от угрозы трансформации в «Новый Судан». При этом практика и идеология сторонников ат-Тураби стали еще выигрышнее смотреться на фоне боев за власть в РЮС, принимающих форму все более и более кровопролитных вооруженных столкновений, так как они не допускают развития событий по подобному сценарию в Северном и Центральном Судане.

В свете последнего момента вряд ли можно говорить о скольконибудь серьезном падении общественно-политического авторитета суданских исламистов в связи с провозглашением независимости Южного Судана. Исламисты уже в 1980-е стали неотъемлемой важной частью суданской внутренней и внешней политики и будут оставаться таковой, пока Республика Судан является исламо-арабским государством.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Brown R.L.* American Foreign Policy Toward the Sudan. From Isolation to Engagement. Washington, 2003. P. 9.
- ² *Тихомиров Н.К.* Региональные конфликты. Проблема Юга Судана. М., 2006. С. 123.

С.Ю. Серёгичев

- ³ The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan 2005 // The UN Refugee Agency. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4ba749762.html>. P. 3.
- ⁴ Sudan Peoples' Liberation Movement. URL: <http://www.splmtoday.com>.
- ⁵ Self-determination emerging as an option for Darfur: JEM // Sudan Tribune. 04.08.2010.
- ⁶ Southern Sudan Referendum Final Results Report. Southern Sudan Referendum Commission. 07/02/2011 // Southern Sudan Referendum 2011. URL: http://southernsudan2011.com/sites/default/files/Final_Results_Report_20110206_1512.pdf. P. 3.
- ⁷ *Kron J.* Islamic Sudan Envisioned if South Secedes // New York Times. 20.12.2010; Bashir's position on Islamic state threatens peace talks – Darfur rebels // Sudan Tribune. 21.12.2010.

История мировых цивилизаций в зеркале исторической науки

О.В. Саприкина

ВСПОМИНАЯ КОЛЛЕГУ И УЧИТЕЛЯ (некрологи В.И. Ламанскому как исторический источник)

Предметом исследования в статье являются некрологи известному слависту В.И. Ламанскому (1833–1914), составленные его коллегами-учеными историками и географами. В них не только анализируется творческий путь В.И. Ламанского и его роль в славяноведении, но и рассматриваются важнейшие аспекты истории и политического развития славянских народов накануне и в начале Первой мировой войны.

Ключевые слова: славянские народы, панславизм, славянофил, историософия, Владимир Иванович Ламанский, Россия, некролог.

В.И. Ламанский (1833–1914) – крупнейший российский историк, филолог и публицист, основатель Петербургской школы славистов. Он оказал существенное влияние на развитие науки и общественной мысли в России. Своими полемическими статьями в периодических изданиях: в журналах «Русская беседа», «Библиографические записки», «Отечественные записки», «Русская старина», Журнал министерства народного просвещения, «Живая старина»; в газетах «Голос», «День», «Новое время» и многих других; в специализированных научных и общественных изданиях¹, – он возбуждал интерес к проблемам изучения славянской истории и филологии, к современному положению славянских народов. В.И. Ламанский стал активным организатором Славянского съезда в России в 1867 г., занимался приглашением и приемом славянских гостей. Во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. он был активнейшим защитником независимости балканских славян в прессе и публицис-

О.В. Саприкина

тике и деятельным участником Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. Все это в дополнение к его научным достижениям сделало Ламанского своеобразным арбитром по вопросам знаний о славянстве в Российской империи последней четверти XIX в.

Творчество исследователя такого масштаба породило обширную литературу о нем и его научных взглядах, которая сама по себе достойна стать предметом изучения. Славянофильские, порой панславистские убеждения Ламанского, его чрезмерный морализм наряду со стремлением к строго научному изучению источников по истории славянских народов способствовали формированию круга горячих сторонников и столь же рьяных противников его взглядов. Этим объясняется актуальность изучения реакции современников и ученых последующих эпох на научные и общественные концепции Ламанского.

После смерти ученого в 1914 г. вышла серия некрологов, посвященных его памяти. Авторами их были ученики и коллеги слависта. Содержание некрологов различно – от личных воспоминаний до научного анализа его трудов. Объединяет их одно – отсутствие формального отношения к личности и творчеству Ламанского.

Выдающийся российский географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский рассмотрел деятельность ученого как антропогеографа и политикогеографа². Он считал, что антропогеография – это наука, которая занимается изучением глубоких внутренних связей территории, ее вод, воздушного покрова и населяющих ее живых существ с человеком и является необходимым звеном, соединяющим физическую географию с экономической и политической. Для занятий ею требуется огромная эрудиция и ориентация в гуманитарных и естественных науках. Поэтому и на Западе, и в России, где существовала «искусственная разбивка наук по разным университетским факультетам», насчитывалось совсем немного исследователей, способных совершать антропогеографические изучения. В.И. Ламанского же В.П. Семенов-Тянь-Шанский назвал своим учителем в этой области³. (Ученые сотрудничали в Императорском Русском географическом обществе.) Заслуги Ламанского в качестве географа, по мнению автора некролога, не только чисто научные, но «прямо государственные. Так, как он думал с политико-географической точки зрения о мировом значении России и других великих и малых держав Старого Света, теперь, под влиянием последних событий (Первая мировая война. – *О. С.*), уже думает зачастую большинство русских граждан; многие из его выражений стали ходячими»⁴.

Антропогеографические построения В.П. Семенов-Тянь-Шанский нашел уже в магистерской диссертации Ламанского. Он увидел их в двух выводах:

1. Колонизация прежде всего есть понятие антропогеографическое и потому не может быть рассматриваемо в искусственных политических границах, а только лишь в границах физико-географических.

2. Для правильной оценки колониационного движения необходимы не одни сухие, случайно зарегистрированные исторические факты, а еще ученый ряд антропогеографических соображений⁵.

В докторской диссертации Ламанского, по мнению Семенова-Тянь-Шанского, встречаются уже большие географические обобщения.

Высший антропогеографический и политико-географический синтез был найден автором некролога в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка»⁶. Семенов-Тянь-Шанский разделял убеждения учителя и сделал акцент на футурологической стороне концепций Ламанского⁷, предрекавшего в будущем столкновение России, как лидера Среднего мира, с объединенной Германией, но не с миром Азии, «дряхлым и не объединимым по множеству географических и культурно-исторических причин»⁸.

Семенов-Тянь-Шанский отметил проявление идеи Среднего мира в деятельности Ламанского через 9 лет после публикации знаменитого трактата в известной только некоторым специалистам программе этнографического отдела Русского музея императора Александра III, которая уже к 1915 г. представляла библиографическую редкость. Автор некролога очень высоко оценил этот проект ученого, так как по замыслу В.И. Ламанского этнографический отдел должен был представлять Россию не только в племенном разнообразии, но и в историческом единстве (в этом Семенов-Тянь-Шанский видел принципиальную новизну), а поэтому в основу формирования коллекций были положены следующие принципы:

1) антропогеографический, то есть территориальный, от которого зависит весь уклад жизни человека;

2) политико-географический, который заключается в том, что центральное внимание в каждой отдельной части Российской империи отводится создателю русского государства – русскому племени (иначе – восточным славянам) и затем с беспристрастной научностью иллюстрируются его местные взаимные культурные отношения с прочими племенами данной части империи⁹.

Согласно этим идеям Ламанский поделил всю Россию на 13 частей. Так как ученый считал, что разграничение губерний проведено искусственно, территории некоторых из них не целиком входят в какую-либо из его областей России, то одна группа уездов отнесена к одному залу, другая – к иному. Ламанский распределил земли империи так: север европейской России, северо-запад, запад, юго-запад, средняя Россия, юг и юго-восток, Кавказ, среднее и частично нижнее Приволжье, Прикамье и Приуралье, Прикаспийский край, западная Сибирь и степной край, Средняя Азия, восточная Сибирь, Приамурский и Приморский край. Кроме того, отдельно должен быть зал, посвященный народам Среднего мира (главным образом – славянам), не входящим в состав России. В описании предметов, представленных в залах музея, должны быть использованы как русский, так и языки местных народов¹⁰.

Назвав Ламанского «главой русской этнографии», Семенов-Тянь-Шанский отметил, что славист совмещал в себе одновременно все лучшее из гуманизма и из национализма: «В нем гуманизм никогда не противопоставлялся национализму, а одно начало само собой непринужденно и неразрывно сочеталось с другим в высшую гармонию»¹¹. Следует сказать, что автор некролога понимает национализм в его культурном аспекте.

Столь же высокую оценку деятельности В.И. Ламанского в Императорском Русском географическом обществе дал русский археолог и востоковед Н.И. Веселовский¹².

Некролог своему учителю написал видный славист К.Я. Грот. Он считал, что ученый опередил свое время, работал во многом для будущих поколений, период деятельности которых наступил в 1914 г.: «Он, несомненно, принадлежит к тем избранным, редким людям, которых жизнь и деятельность представляют и знаменуют целую эпоху, которые, прокладывая трудами и умственным творчеством глубокие борозды на ниве культурного развития своего народа и обильно засевая эту ниву, не успевают, однако, пожать плоды своих усилий, которые обыкновенно остаются не оцененными и не признанными в настоящем, но сознательно готовят почву и работают для будущего своей Родины. <...> Современники редко умеют их понять: в широких кругах общества они слывут часто чуть ли не отсталыми, благодаря хотя бы своему особому интересу к национальной старине, фантастами, неисправимыми идеалистами-мечтателями, людьми не от мира сего (как это было с московскими славянофилами, к которым идейно примыкал Владимир Иванович), но в действительности они оказываются наиболее пе-

редовыми, дальновидными и яркими провозвестниками грядущего развития и судеб своего народа»¹³.

В связи с этим К.Я. Грот указал на необходимость тщательного анализа и переиздания творческого наследия В.И. Ламанского.

Отметим, что в своих научных работах К.Я. Грот показал себя сторонником славянофилов, и некролог учителю написан им в духе этого направления. Он высоко оценил историко-философские построения Ламанского, назвав их совершенно оригинальными и глубокими.

Особую часть некролога К.Я. Грот посвятил педагогической деятельности В.И. Ламанского, которую наблюдал лично, являясь учеником последнего со студенческой скамьи. Грот охарактеризовал своего учителя следующим образом: «На университетской кафедре Владимир Иванович не был только авторитетным знатоком своего предмета и добросовестным лектором, читавшим своим слушателям все новые и основанные на новейших научных данных и выводах курсы: он был в лучшем и полном смысле профессор-учитель, всей душой отдававшийся делу руководства и всяческой поддержки своих молодых учеников и благотворно влиявший на них своим дружеским общением и обаянием своей личности. Наши взаимные связи и дружеское сближение не прекращались и не ослабевали и по оставлении университета. Самым притягательным местом соединения и общения оставались уютный, никогда не закрытый для учеников кабинет и гостеприимный дом В.И. Ламанского, его приснопамятные, незабвенные субботние собрания. Тут мы знакомились и сближались с все новыми, выходящими на славянскую ниву учениками и последователями Владимира Ивановича, такими же, как мы, верными “птенцами” его ученого гнезда»¹⁴. К.Я. Грот отметил, что, хотя на одном курсе студентов, занимавшихся у Ламанского, было немного, за несколько лет их набиралось достаточное количество, особенно в начале 80-х годов XIX в., когда Восточный кризис 1875–1878 гг. и русско-турецкая война усилили интерес к славянскому вопросу в русском обществе. Кроме проявления научного интереса, ученики Ламанского «стремились и практически послужить задачам славянского духовного сближения и взаимности», участвуя в деятельности Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества и комитета¹⁵.

Среди наиболее притягательных качеств В.И. Ламанского как педагога К.Я. Грот выделил умение сделать свой предмет – славяноведение – необыкновенно интересным и привлекательным широтой подхода к нему. Эту склонность Ламанского к обобще-

ниям, историко-философским построениям отмечали и другие исследователи его творчества, особенно А.Н. Пыпин – автор первых обобщающих трудов по истории славянских литератур, виднейший публицист своего времени, известный своими либеральными взглядами.

В заключение К.Я. Грот отметил настоятельную необходимость создания научной биографии своего учителя: «Такая биография, широко построенная, была бы историей целой интереснейшей и важной эпохи нашего культурного и национального развития»¹⁶.

От исследованного выше некролога во многом отлична статья украинского историка И.А. Линниченко «Патриарх русского славяноведения»¹⁷. Автор подчеркнул значение деятельности В.И. Ламанского как публициста, отметив, что большинство работ ученого, за исключением некоторых, носят более или менее выраженный публицистический характер: «Разнообразие интересов, обилие тем, по которым ему (Ламанскому. – О. С.) хотелось высказаться, широкая постановка вопросов, не давали ему времени сосредоточить своего исключительного внимания на отдельном научном вопросе и довести исследование до конца. Он начинал работу, интересную по теме, еще более интересную по постановке и изложению, и бросал ее часто на самом интересном месте, увлекшись новой, ставшей ему почему-нибудь ближе прежней, темой»¹⁸. Линниченко признал, что статьи Ламанского всегда интересны по оригинальности и смелости мысли, по способу изложения, а частично и по парадоксальности.

Наименее научной из работ Ламанского автор некролога назвал докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе»¹⁹, считая ее частично историософией, продолжающей и развивающей мысли И.В. Киреевского, частично публицистикой, переходящей в исторический памфлет. Тем не менее Линниченко полагал, что именно это исследование является квинтэссенцией основных исторических воззрений Ламанского.

Автор некролога отнес ученого к правому крылу славянофильства, что представляется нам верным только относительно названной работы, но не многих других. Вряд ли по одному исследованию можно делать столь значительные выводы. Взгляды Ламанского автор некролога назвал более интересными по изложению, чем по содержанию, не отличающимися ни особенной глубиной, ни оригинальностью. Он предположил, что основные черты противоположности Востока и Запада гораздо глубже и интереснее развиты И.В. Киреевским, который, отметим, противопоставляет Западу только Русь, Ламанский же – все славянство²⁰.

Панславистские взгляды ученого представляются Линниченко недостаточно ясными, и это утверждение не лишено справедливости. Правда, еще один постулат автора некролога кажется нам несколько надуманным и, в свою очередь, публицистичным: «Умный человек и знаток истории славян, В.И. Ламанский, перечисляя общие всем славянам основы, культурные, духовные, бытовые, не мог не остановиться на целом ряде исторических наслоений, значительно видоизменивших эти старые основы, и, в конце концов, он нашел только одну общую всегда, и прежде, и теперь, черту у всех славянских племен – вражду к немцам»²¹. Это слишком упрощенная и ненаучная трактовка идей Ламанского. Следующий же вывод Линниченко не только справедлив, но и прошел проверку самой историей: «Мы имеем большие основания сомневаться в возможности близкого осуществления панславистических мечтаний В.И. Ламанского, даже после полной победы над Германией и после совершенного разгрома Австро-Венгрии. Несамостоятельные славянские племена, подчиненные пока Австрии, будут, несомненно, стремиться к политической самостоятельности»²².

Вполне справедливым является указание Линниченко на неправомочность тезиса Ламанского о невозможности культурного и политического возрождения народов «не русской Азии», что опровергалось историей Японии начала XX в. Завершая некролог, автор заключил: «Общественное значение покойного слависта следует оценивать не столько его историософическими воззрениями, сколько его личностью, его верой в высокое призвание славян под гегемонией Руси, в великое будущее которой он глубоко верил и свою веру умел передавать многочисленным ученикам и адептам. И большой заслугой Владимира Ивановича нужно признать то, что, будучи убежденным славянофилом, он был далек от шовинизма Леонтьевых и Данилевских. Он был гуманистом и в своих идеях, и в своей жизни. И я не знаю в настоящее время никого, кого бы сородичи славянофильства могли единогласием избрать на осиротевший стол старейшины русского славянофильства»²³.

Как мы видим, отзыв Линниченко о Ламанском не лишен несколько парадоксального разброса мнений, что доказывает, какое разнообразие идей рождалось на основании исследования творчества слависта.

В некрологе «Памяти В.И. Ламанского»²⁴, принадлежащем перу М.Г. Попруженко, специалиста по филологии и истории южных славян, также приводятся биографические данные, иллюстрирующие жизненный путь ученого, подчеркивается разноплановый

характер его трудов, отмечается, что главным мотивом всего его творчества была идея о необходимости изучения славянства в интересах русского самосознания. Попруженко, в отличие от Линниченко, высоко оценил докторскую диссертацию Ламанского, он отметил: «В.И. Ламанский своим прекрасным трудом с особой ясностью подтвердил правильность старинного положения, что изучать прошлое необходимо для предотвращения многих бед в будущем. В 1871 г. для будущего книга Ламанского давала много ценных указаний, и мы, свидетели событий 1914 г., конечно должны пожалеть, что эти указания своевременно не были с достаточным вниманием учтены»²⁵. Попруженко вслед за Ламанским пришел к выводу о том, что: «Мы, русские, в прошлом не раз упускали благоприятные случаи с пользой для себя, с выгодами для нашего русского дела занять надлежащее положение в славянском мире, а вместе с тем не раз оказывали доверие немцам, совершенно забывая, что это исконный наш враг»²⁶.

В отличие от предыдущего автора Попруженко сконцентрировал внимание именно на этой стороне даже не всех работ, а одного исследования Ламанского, ориентируясь на злободневность проблемы, что также не характеризует творчество слависта в полном объеме. Об остальных крупных трудах ученого сказано гораздо меньше.

Более пристально остановился автор некролога лишь на последней крупной и неоконченной книге Ламанского «Славянское Житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник». Попруженко отметил новое предположение, высказанное ученым: «Здесь мы имеем в совершенно новом освещении Хазарскую миссию Св. Константина (Кирилла) с очень усиленным подчеркиванием, что она была направлена к руссам, здесь же мы встречаем различного рода предположения о составе известных Паннонских житий Св. Кирилла и Мефодия и т. д. Эти и другие положения вызывают возражения, но они имеют значение, как указания, что многие коренные вопросы славянской культурной истории далеко еще не разрешены окончательно, но что в этой области возможны новые допущения, новые освещения»²⁷. Теории Ламанского относительно данных вопросов носили славянофильский характер, и даже в некрологах не скрывается их спорность.

М.Г. Попруженко считал, что результаты Первой мировой войны могут оказаться решающими в вопросе достижения славянского единства, поэтому именно данную сторону идей слависта он подчеркнул в некрологе.

Сравнивая некрологи, посвященные В.И. Ламанскому и написанные И.А. Линниченко и М.Г. Попруженко, мы можем видеть, что богатое научное и публицистическое наследие слависта вызывало многочисленные и подчас противоречивые толкования, соответствующие политическим убеждениям их авторов.

От Императорской Академии Наук с некрологом В.И. Ламанскому выступил А.А. Шахматов – языковед, текстолог, исследователь древнейших славянских литератур, историк культуры и организатор науки, сыгравший большую роль в развитии славистики в славянских странах²⁸. Он посетовал на слишком короткое, всего 12-летнее, пребывание ученого в качестве действительного члена Академии, куда славист был избран в 1899 г. Однако вся научная деятельность Ламанского так или иначе была связана с Академией. Отметим, что автор некролога обошел все предложения об изменениях в Академии Наук для превращения ее в «истинно народную», которые были сделаны Ламанским в 60–90-е годы XIX в., сосредоточив внимание на других сторонах ученых и публицистических идей слависта.

Шахматов подчеркнул, что некоторые исследования, такие как «Государственные тайны Венеции», являются не только историческими работами, но и блестящими моральными трактатами. Но менее всего, по мнению автора, Ламанский был отвлеченным мыслителем или далеким от жизни моралистом. Он являлся ученым, талантливым деятелем в области просвещения и оригинальным политическим мыслителем: «Остановливаясь, в частности, на ошибочной политике насильственного насаждения русского языка между инородцами России, В.И. Ламанский резко осуждает ее, замечая, что “уважать Россию и русского царя тысячи, десятки, сотни тысяч инородцев наших давно привыкли, даже не зная русского языка. Любви и уважению еще скорее научит народная школа с языком родным”. Политика насилия – и в особенности насилия над духовной совестью – была всегда глубоко противна В.И. Ламанскому»²⁹.

Интересна дефиниция, проведенная Шахматовым в отношении Ламанского к различным славянским народам. Он отметил: «В.И. Ламанский не может отнестись с одинаковой любовью к славянам западным и южным. В последних он видит неизменных друзей своей Родины, связанных с ней общими испытаниями – вековой борьбой с тюрками, связанных с Россией единством интересов в будущем. Славяне западные для В.И. Ламанского представляются более чуждыми, далекими. Он искренний друг этнографической Польши, но он решительный противник Польши исторической,

ибо восстановление последней нарушило бы русское национальное единство. Полякам должна быть предоставлена полная свобода национального развития, а также возможность введения их языка во все отрасли общественной и политической жизни. С горячей симпатией относится В.И. Ламанский к чехам, восхищаясь их плодотворными усилиями, приведшими к восстановлению их застывшего национального развития; но ему претят ультракатолические симпатии старочешской партии и слишком настойчивое стремление чешских политических партий воскресить чешское королевство в прежних его правовых отношениях: напоминая чехам, что их королевство было неразрывной частью Германской империи, В.И. Ламанский надеется, что чехи обратят больше внимания на свои народные, этнографические интересы и откажутся от онемеченных северных окраин Чехии. Ему претит вражда хорватов к сербам, преследование сербов хорватами в Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговине, причем хорваты становятся орудиями в руках врагов славянского племени и собственной их национальности»³⁰.

Далее Шахматов заметил, что Ламанский ясно сознавал «обездоленность» славян по сравнению с богатыми своей высокой культурой западноевропейскими народами, но как историк считал, что причины этого явления не в расовых свойствах славян, не в меньшей по сравнению с другими европейцами способности к культурному развитию, а в «сравнительной юности славян»³¹. Эти чисто славянофильские утверждения не вызывают возражений у автора некролога.

В заключение обзора научной деятельности Ламанского Шахматов сделал вывод о том, что труды ученого не могут быть строго разграничены по их содержанию на чисто научные и чисто политические, так как исторические исследования слависта носят отпечаток его политического мировоззрения.

Речь, произнесенная на годовом собрании Русского Библиографического общества историком-славистом Н.В. Ястребовым в память своего учителя В.И. Ламанского 3 апреля 1915 г., была позднее издана как некролог³². В нем приведены некоторые интересные факты биографии ученого, например история его ухода из Императорской Публичной библиотеки из-за неприятия особенностей поведения ее директора барона М.А. Корфа. Ястребов заметил по этому поводу: «Немецкий, специально остзейский характер барона Корфа, манера его обращения с людьми возмущали молодого Владимира Ивановича, всю свою жизнь боровшегося с отрицательными чертами немецкого народа – и в науке, и в международной политике, и во внутренней жизни России»³³. Такая трактовка пред-

ставляется слишком обобщающей, так как, по признанию самого слависта, в библиотеке, где он работал в 1855–1857 гг., было много немцев, ставших его друзьями.

Ястребов отметил, что по складу своего ума и характера В.И. Ламанский был создан не для казенной, чиновничьей службы при книгах, а для свободного изучения книжных и рукописных собраний, для составления собственного книжного собрания по любимой им науке – славяноведению, для создания своих собственных научных трудов, для активизации книжной производительности в России. Все эти задачи были выполнены ученым. Он был частым гостем книжных собраний как России, так и остальной Европы. Личная библиотека Ламанского, насчитывавшая более 10 тысяч книг по славяноведению, была им завещана Славянскому Семинарию Петроградского университета и перешла к нему. Размеры трудов, напечатанных исследователем, достигают 10 тысяч страниц. Не раз в своих публицистических статьях, таких как «Типографская библиотека в Москве» (1859), «Столетняя память М.В. Ломоносову» (1864–1865), в вводной статье «От редактора» к журналу «Живая старина» (1890) Ламанский ратовал за развитие «литературы для народа» и русской самостоятельной и оригинальной научной литературы³⁴.

Ястребов обратил внимание на то, что ученый неоднократно сетовал на отчужденность Академии Наук от просветительских нужд России и даже выступил с проектом создания в Москве «союза ученых обществ, вольной, без жалования, без чинов и орденов, без казенных квартир Академии Наук, которая должна продвинуть вперед познание России во всех отношениях»³⁵. Отметил Ястребов заслуги Ламанского перед иностранцами в России: «Борясь за идею о всемирно-историческом призвании русского языка, ученый всегда настаивал и на том, что необходимо давать жить и развиваться местным языкам, а добившись отмены воспрещения печатать литовские книги латиницей, способствовал развитию книжности у литовцев»³⁶.

Отметим, что статья Н.В. Ястребова скорее описательна, чем аналитична, но она дает много информации о биографии В.И. Ламанского и его роли в книжном деле России³⁷.

В.И. Ламанский ушел из жизни в критический момент истории – 19 ноября 1914 г., когда сбылись его предсказания: Германия и Австро-Венгрия развязали мировую войну. Россия вынужденно вступила в нее, чтобы оказать помощь Сербии и отстоять свои интересы на Балканах. Некрологи ученому наглядно демонстрируют, что точка зрения их авторов на историософские и общественные воззрения В.И. Ламанского зависела от того, насколько они разде-

О.В. Саприкина

ляли концепции слависта, и от политической ситуации, определявшей отношения России со славянскими народами. Несмотря на то что в настоящей статье исследовался особый жанр – некрологи, в которых принято давать положительную характеристику ушедшему коллеге, они показывают существование как прославнофильских, так и противоположных им взглядов в российском общественном мнении в начале Первой мировой войны.

Примечания

- ¹ Новый сборник статей по славяноведению. (Составленный и изданный учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности). СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1905. С. XI–LVII.
- ² Семёнов-Тян-Шанский В.П. Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф // Живая старина. 1915. Вып. 1–2.
- ³ Там же. С. 1, 11.
- ⁴ Там же. С. 2.
- ⁵ Там же. С. 3.
- ⁶ Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1892; Пг., 1916.
- ⁷ Об историософской концепции В.И. Ламанского см.: Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах. М., 1997. С. 90–106; Лантева Л.П. Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 267–272; Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // Новый исторический вестник: Избранное, 2000–2004. М.: РГГУ; Издательство С.С. Ипполитова, 2004. С. 60–84; Она же. Образ «славянской цивилизации» в российской исторической мысли на рубеже XIX–XX вв. // Модерн. Модернизм. Модернизация: По материалам конференции «Эпоха “модерн”. Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX вв. Россия, Австрия, Германия, Швейцария». М.: РГГУ, 2004. С. 60–84.
- ⁸ Семёнов-Тян-Шанский В.П. Указ. соч. С. 5.
- ⁹ Там же. С. 6, 7.
- ¹⁰ Там же. С. 8, 9.
- ¹¹ Там же. С. 11.
- ¹² Веселовский Н.И. Деятельность В.И. Ламанского в Императорском Русском географическом обществе. Пг., 1915. 8 с. // Отдельный оттиск из журнала «Живая старина». 1915. Г. XXIV.

- ¹³ *Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 209–210.
- ¹⁴ Там же. С. 219–220.
- ¹⁵ Там же. С. 221.
- ¹⁶ Там же. С. 229.
- ¹⁷ *Линниченко И.А.* Патриарх русского славяноведения: Владимир Иванович Ламанский // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 244–253.
- ¹⁸ Там же. С. 244.
- ¹⁹ *Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
- ²⁰ *Линниченко И.А.* Указ. соч. С. 249.
- ²¹ Там же. С. 250.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 252–253.
- ²⁴ *Попруженко М.Г.* Памяти В.И. Ламанского // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1915. Т. XXXII. С. 88–107.
- ²⁵ Там же. С. 94–95.
- ²⁶ Там же. С. 99.
- ²⁷ Там же. С. 103. То же утверждение высказано в: *Шахматов А.А.* Владимир Иванович Ламанский: Некролог // Известия Императорской Академии Наук. 1914. № 16–18. Сер. VI. С. 1340–1341.
- ²⁸ *Шахматов А.А.* Указ. соч. С. 1339–1352.
- ²⁹ Там же. С. 1343–1345.
- ³⁰ Там же. С. 1347–1348.
- ³¹ Там же. С. 1349.
- ³² *Ястребов Н.В.* Памяти Владимира Ивановича Ламанского как друга книги // Библиографический сборник. 1916. Т. 2. Вып. 1.
- ³³ Там же. С. 3.
- ³⁴ Там же. С. 4–6.
- ³⁵ Там же. С. 6.
- ³⁶ Там же. С. 6–7.
- ³⁷ Другие некрологи В.И. Ламанскому см.: В.И. Ламанский: Некролог // Московские ведомости. 1914. № 241 (от 21 ноября 1914 г.). С. 4; Там же. № 271; Новое время. 1914. № 13899, 13901, 13908; *Соболевский А.И.* Некролог В.И. Ламанскому // Отчет о деятельности Общества Русского языка и словесности Имп. Академии наук, составленный академиком Н.А. Котляревским. Пг., 1914. С. 15–17; *Ильинский Г.* Академик В.И. Ламанский: Некролог // Византийское обозрение. Юрьев, 1915. Т. 1. Отдел II. С. 71–73; *Лавров П.А.* В.И. Ламанский: Некролог // Отчет о состоянии и деятельности Петербургского университета за 1914 г. Пг., 1915. С. 11–48.

М.Ю. Досталь

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТАПА ВОЗРОЖДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В 1940-е годы

В статье анализируется развитие отечественного славяноведения в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что это был самостоятельный этап в истории российского славяноведения. Он отмечен возрождением и формированием новых славистических центров в Академии наук и университетах, всесторонней подготовкой кадров славистов и определением долгосрочных планов и направлений научных разработок.

Ключевые слова: славяноведение, ученый, идеология, пропаганда, научные исследования, славянская филология, историческая наука.

Проблема возрождения советской славистики в конце 30-х годов прошлого века нашла сложное и достаточно противоречивое освещение в отечественной литературе¹. Долгое время этот феномен вообще игнорировался, так как авторы ставили своей задачей показать бесконфликтный и однолинейный прогресс славистических исследований в СССР². Тем не менее важно отметить наметившуюся в литературе констатацию факта одновременной активизации славистических исследований в области истории и филологии, тесно связанной с созданием определенных центров славистики³. Только со времени «перестройки» конца 1980-х годов стало возможным откровенно писать о репрессиях (под колесо которых попали в том числе и отечественные слависты) и углубленно изучать печальные реалии выживания отечественной славистики, приведшие к ее почти полному уничтожению к 1934 г.

(зловещим символом данного процесса стало закрытие державинского Института славяноведения в Ленинграде), то есть показать реальный упадок славистики в СССР⁴. Тогда и встал вопрос и о ее возрождении, интуитивно отмеченный в предшествующей литературе⁵. В связи с этим необходимо, по нашему мнению, пересмотр периодизации отечественного славяноведения⁶, закономерное выделение периода Второй мировой войны как особого этапа его развития, что уже предпринималось в работах В.Д. Королюка⁷, и продолжение его, по крайней мере, до времени основания в 1947 г. комплексного Института славяноведения, знаменовавшего новый этап в развитии славистических исследований. В своей работе мы доказываем необходимость пролонгировать данный этап до конца 1940-х годов, когда оформился блок стран «народной демократии», на идейное обоснование которого работали наши слависты, к тому же тогда наметилось изменение и ряда университетских славистических структур и пр., временно завершились погромные идеологические кампании и т. д. Особой задачей является также систематизация и углубленный анализ объективных и субъективных факторов, способствовавших возрождению отечественного славяноведения в указанный период, определение специфики его развития в «тенетах» противоборствующих идеологических тенденций и пр.⁸

Что касается освещения конкретного развития отечественной славистики в период и после Второй мировой войны, то литература по этой проблематике довольно фрагментарна и противоречива. Эти годы многие исследователи полагали «проходными» в истории российского славяноведения и не считали нужным на них останавливаться. Основанием для такой позиции служило то обстоятельство, что большинство славистических работ данного периода откровенно работало на антифашистскую пропаганду, на утверждение романтических идей славянской солидарности и боевого содружества славянских народов, мало согласовывалось с источниками и потому в послевоенный период скоро вышло из научного употребления⁹. В предисловии к библиографическому словарю «Славяноведение в СССР» (1993) период Великой Отечественной войны рассматривался авторами только как деформация «естественного процесса развития советского славяноведения»¹⁰. Всё это так, но не следует забывать, что академически «спокойные» предвоенные исследования (не исключавшие публицистической «боевитости») были продолжены в условиях кровавой изнурительной Отечественной войны, когда ни один ученый-патриот не мог

М.Ю. Досталь

себе позволить оставаться только в рамках академической науки. Поэтому наряду с критической оценкой состояния славяноведения в СССР военного времени, мы полагаем, заслуживает внимания продуктивное мнение о закономерности и целесообразности существования именно такой «пропагандистской», своего рода инкубационной формы становления этой отрасли науки на марксистской основе в данный период. «В годы Второй мировой войны, когда германский фашизм создал смертельную угрозу самому существованию славянских народов, – писали советские слависты в 1963 г., – разработка вопросов истории, истории культуры и языка зарубежных славянских стран приобрела особенно большую научную и политическую актуальность. Вскрывая теоретическую и фактологическую несостоятельность фашистских “остфоршеров”, так называемых исследователей Востока, разоблачая звериное существование их расистских взглядов, анализируя социальные корни германского фашизма с учетом конкретно-исторической обстановки, изучая вековой “Drang nach Osten” германских феодалов и германских империалистов, советские слависты и германисты активно участвовали в благородной борьбе против гитлеризма, отстаивая право всех народов – больших и малых – на самостоятельное существование»¹¹. Таким образом, по справедливому мнению данных авторов, славистика военного времени более явно, чем в другие периоды, выполняла социальный заказ общества и была им востребована, внося свою лепту в разгром фашизма, без чего невозможно себе и представить последующее развитие этой и других отраслей науки в нашей стране. И эта востребованность ощущалась до конца 1940-х годов, пока партийно-государственный конфликт 1948 г. между СССР и Югославией не привел к свертыванию пропаганды «славянской солидарности» и укреплению идеологии пролетарского интернационализма.

Возрождение российского славяноведения началось в 1939 г. после его практической ликвидации и дискредитации в начале 1930-х годов. Этому способствовали ряд объективных (начало Второй мировой войны и поиск возможных союзников среди поработаемых фашизмом славян во внешней политике, поворот к государственному патриотизму и отвержение классово-нигилистических «школ» историка М.Н. Покровского и литературоведа В.Ф. Переверзева во внутренней политике, соображения престижа советской науки и пр.) и субъективных (титанические усилия ведущих славистов по убеждению в целесообразности возрождения партийно-

государственного и академического руководства) факторов. Оно могло происходить только в русле господствующей идеологии на основе марксистской методологии и потому быстрее всего произошло в исторической его части, которая адекватнее всего могла выполнить социальный заказ общества и советского руководства в напряженный предвоенный период. Позднее, в годы войны, эта востребованность реализовалась и в области славянской филологии.

В годы Великой Отечественной войны славяноведение также развивалось в русле доминирующей идеологии пролетарского интернационализма, но в сугубо классовую интерпретацию исторических явлений теперь дозволялось и поощрялось вносить элементы патриотизма и способствовать формированию идеологии славянской солидарности, даже русоцентризма, в русле развиваемой антифашистской пропаганды. В период послевоенного формирования блока, прежде всего славянских государств вокруг СССР, верность славянской идеологии еще декларировалась, но партийно-государственный конфликт между СССР и Югославией в 1948 г. привел к отказу от нее, как и факт вхождения в блок и неславянских государств. Всеобъемлющей идеологией вновь был провозглашен пролетарский интернационализм, а оживление классового и партийного подхода к истории и литературе «укрепляли» погромные идеологические кампании конца 1940-х годов.

Становление «нового» славяноведения в Советской России прошло длительный путь организации его структур в рамках университетов и АН СССР. Оно происходило прежде всего в университетах Москвы и Ленинграда и академических институтах этих столичных городов.

Первоначально необходимо было решить вопрос формирования кадров отечественных славистов. С этой целью на истфаке МГУ в 1939 г. была создана кафедра истории южных и западных славян под руководством профессора В.И. Пичеты, которая в труднейших условиях войны, голода, разрухи, эвакуации и реэвакуации сумела выработать долгосрочные программы обучения студентов и аспирантов основам профессии историка-слависта, учила методам изучения источников и творческой трактовке трудов классиков марксизма (в семинаре «пичетники»). Тем самым кафедра успешно выполнила задачу подготовки молодого поколения историков-славистов и заложила крепкие основы для последующего преподавания предмета. Члены кафедры постоянно находились в самой гуще научных исследований, так как ведущие преподаватели кафедры

М.Ю. Досталь

В.И. Пичета, З.Р. Нееды, С.А. Никитин и другие успешно совмещали преподавательскую деятельность с интенсивной научной работой. Аналогичную кафедру в ЛГУ Н.С. Державину в то время организовать не удалось.

Кафедры славянской филологии в МГУ и ЛГУ, под формальным руководством Н.С. Державина, начали свою работу в 1943–1944 гг. Фактическими их руководителями выступали соответственно С.Б. Бернштейн и Э.А. Якубинская-Лемберг., оба стойкие противники марризма в языкознании, объявленного творческим применением марксизма в этой науке. В этих университетах также успешно удалось сформировать схожие долгосрочные программы преподавания предмета славянской филологии в полном объеме на традиционных началах, включая теоретическое и практическое изучение болгарского, чешского, польского и сербохорватского языков и литератур, старославянского языка и даже не жалюемой марристами сравнительной грамматики славянских языков. В связи с нехваткой специалистов первоначально в МГУ был сделан упор на славянское языкознание, а в ЛГУ – на изучение славянских литератур. В 1948 г. кафедры временно разделились. Оба подразделения качественно выполнили поставленные задачи и подготовили значительное число квалифицированных филологов-славистов, успешно работавших далее на уровне славянской филологии. Проводилась и научная работа.

Развитие науки в тоталитарном и любом обществе значительно стимулируется наличием соответствующих научных исследовательских структур. Такие центры в области изучения истории славянских народов и отчасти их языков были созданы в академических институтах. В Институте истории АН СССР в 1939–1946 гг. функционировал под руководством В.И. Пичеты Сектор славяноведения. В данный период Сектор успешно формировал основные направления исследований истории славянских народов, которые должны были способствовать расширению антифашистской пропаганды и советской идеологии. В разработке конкретных исторических проблем на марксистской основе, особенно по новейшей истории, деятельное участие приняли историки-политэмигранты. Целью сектора также была подготовка капитальных изданий по истории отдельных славянских стран – Польши, Чехии, Сербии, Болгарии от древности до современности, но, к сожалению, она была лишь частично реализована. Узким местом работы Сектора была невозможность публикации в военное время подготовленных общих и индивидуальных трудов, но это отчасти компенсировалось устной формой их изложения – практикой регулярных научных

докладов по всем ведущимся научным исследованиям. Сектор помогал научному прогрессу ведущих ученых и подготавливал (через аспирантуру и научные заседания) кадры молодых историков-славистов.

Работа основанной Н.С. Державиным Славянской Комиссии (1942–1946) выполняла задачи по формированию и консолидации кадров славистов для будущего Института славяноведения и обсуждению (иногда с элементами марризма) основных вопросов разных отраслей славяноведения (литературоведения, языкознания, истории, фольклористики, этнографии, правоведения). Они тоже проводились в устной форме докладов. Впервые начала работу секция славянского права. Издание «Трудов» Комиссии не состоялось. Не развернулась и деятельность созданного в новом Институте русского языка скорее номинального Сектора балто-славянского языкознания (1945–1946). Все названные академические структуры по-своему решали задачи возрождения разных отраслей славяноведения в стране, но были достаточно узко специализированы.

В конце 1940-х годов в обстановке сплочения освобожденных славянских стран вокруг СССР стала ощущаться потребность в создании особого комплексного Института славяноведения АН СССР. Анализ механизма его воссоздания показал, что за его организацию долго боролся академик Н.С. Державин, неоднократно посылая записки академическому руководству, но в 1945 г. в период его болезни, независимо от него в дело включились историки-слависты во главе с академиком Б.Д. Грековым. Именно им путем обращения в высшие партийные инстанции удалось убедить руководство страны в целесообразности и своевременности создания такого Института. Принципиальное решение о формировании Института на базе вышеуказанных структур (Сектора славяноведения, Славянской комиссии и сектора балто-славянского языкознания) было принято и утверждено Президиумом АН СССР в июне и сентябре 1946 г. С января 1947 г. Институт славяноведения успешно выполняет задачи по комплексному изучению славянства, первоначально с явным историческим уклоном.

Изучение направлений исследований советских славистов в области изучения истории славянских народов в данный период показывает, что они при всей своей специфичности и разнообразии палитры шли в русле освоения марксистской методологии. Историки-слависты в тот период создали несколько «патриотических» концепций по этногенезу (с упором на автохтонность) славян в Ев-

ропе с элементами марризма: об особой роли славянской общины в феодализации и сохранении Византийской империи, о полностью самостоятельном (без участия иностранных «ферментов») формировании ранних государств и пр., – которые с развитием науки были частично или полностью отвергнуты и переосмыслены. Целям антифашистской пропаганды служили и разработки тем об «измышлениях» фашистской и немецкой историографии, о «вековой борьбе» между славянами и германцами, о бесконфликтном дружеском развитии отношений между славянскими народами (противоречия во внимание не принимались), о формировании славянской идеологии и солидарности и пр. В современной проблематике формировалась концепция о великой роли Октябрьской революции в создании новых славянских государств в 1918 г. и пр., о насущной необходимости сплочения стран «народной демократии» вокруг СССР и пр.

В то же время, в кратковременный период русоцентризма и толерантности по отношению к дореволюционному научному наследию на исходе войны и вскоре после нее весьма продуктивными были публикации о научных заслугах филолога А.А. Шахматова, литературоведа А.Н. Веселовского и историка В.И. Ламанского, российских византистов о научных связях русских и зарубежных славянских ученых и пр. Они остались как непреходящая ценность в анналах науки.

Следует отметить, что тогда еще коллективные труды не стали стандартом научного творчества, мэтры науки могли сами заменять собой целые научные коллективы и успешно пользовались этим, выдавая массу идеологически актуальной, работающей на нужды антифашистской пропаганды, продукции. С высот сегодняшней науки можно, конечно, снисходительно относиться к их трудам, содержавшим фактические ошибки и неточности (при отсутствии библиотек), политически ангажированным, облеченным в яркую публицистическую форму, но не следует забывать, что ученые-патриоты были идеологическими бойцами тыла, мужественно работавшими на общую Победу, без которой вообще бессмысленно говорить о дальнейшем развитии отечественного славяноведения. Никогда более славистика как средство массовой пропаганды не была столь востребована народом и обществом, способствуя подъему патриотических чувств и воинов, сражающихся на фронтах, и работников тыла.

Тесный альянс науки и власти для достижения общих целей Победы имел и свои издержки. Воздавая должное трудам ученых-

патриотов, не следует забывать парадоксы тогдашней государственной идеологии. На некоторые проявления свободомыслия в кругах интеллигенции партийные власти ответили ужесточением идеологического контроля и попыткой отгородиться «железным занавесом» от западной «буржуазной» демократии, противопоставляя ей так называемую «народную» советского типа, насаждаемую в славянских странах. В развернутых идеологических кампаниях конца 1940-х годов, особенно по борьбе с «буржуазным космополитизмом», были надолго затоптаны ростки толерантности по отношению к научному наследию дореволюционных славистов и гиперболизированы классовый подход и «партийность» в интерпретации исторических явлений и в литературоведении, поощрялось агрессивное наступление «марристов» в области языкознания. В «погромных» кампаниях особенно глубоко обнажились проблемы научной этики и допустимых пределов конформизма. От полученных в те «сумеречные» годы моральных травм ученые (и «гонимые» и совестливые «обидчики») оправлялись всю последующую жизнь.

Что касается связей славянских ученых, без которых невозможно успешное развитие науки, то в годы Второй мировой войны они компенсировались активным участием политэмигрантов из славянских стран в работе научных центров в АН СССР и университетах. Нельзя отрицать, что они внесли определенный вклад в возрождение советского славяноведения. Следует отметить, что в 1945–1947 гг., в краткий период послевоенной «толерантности» сталинского режима, ненадолго поднялся «железный занавес», позволивший осуществлять международные связи, которые также способствовали активизации научных исследований. С одной стороны, формирование блока стран «народной демократии» способствовало расширению научных контактов славистов славянских стран и принесло первые позитивные результаты: именно славянские коллеги помогали в обучении и подготовке кадров славянских филологов в МГУ, а советские слависты читали курсы лекций в Болгарии и ЧСР. С другой стороны, командировки славистов давали дополнительную информацию партийным органам о «брожении умов» славянской интеллигенции. Советские историки на правах «мэтров» марксизма осторожно убеждали тяготевших к нему зарубежных славистов в скорейшем освоении марксистской методологии, чему особенно мог способствовать несостоявшийся съезд славистов в Москве в 1948 г.

Что касается проблем возрождения, то нельзя не провести и некоторых аналогий с периодом институционального становле-

ния отечественного славяноведения в 30–50-е годы XIX в. Тогда самодержавная власть упредительно откликнулась на усилившиеся национальные движения славянских народов организацией кафедр «истории и литературы славянских наречий» в четырех российских университетах, закрепив их в новом университетском уставе 1835 г. Началось формирование новых курсов славистики, систематизация накопленных к тому времени знаний в отечественной науке, активное восприятие зарубежного опыта на методологии романтизма (не очень почитаемой учеными с точки зрения объективности научных результатов). Тогда в революционном 1848 г. после вмешательства властей тоже пришлось «поступить по принципам», когда министр народного просвещения С.С. Уваров потребовал толковать славяноведение не с позиций «славянской взаимности», а исходя из его пресловутой «триады»: Самодержавие, Православие и Народность. Этот период не оставил в науке, за немногими исключениями (основополагающее «Рассуждение о славянском языке...» А.Х. Востокова, «Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневского, «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции» В.И. Григоровича и др.), капитальных и востребованных последующими поколениями научных трудов. Но многие из них имели, как, например, «Древние и нынешние болгары» Ю.И. Венелина, важное и непреходящее «будительское» значение. Этот ранний период отечественного славяноведения прочно вошел в анналы его истории, его значение для становления науки никем не отрицается и не игнорируется.

Необходима и реабилитация начального этапа становления советского марксистского славяноведения. Понятно, что период Второй мировой войны и последующих идеологических погромов оставил тяжелый отпечаток на научной продукции и мышлении ученых. Методология марксизма как в его формационно-классовом подходе, так и «романтико-патриотической» редакции также не способствовала объективности результатов, так ценимых в научном мире. Наоборот, тогда, на исходе 1940-х годов и далее, особенно поощрялась «партийность» науки. Мы почти не находим в этот период трудов не кратковременно-пропагандистского, а долгосрочного научного значения, за исключением трудов отдельных лингвистов и публикаций по истории славистики.

Но без этого подготовительного, своего рода инкубационного периода возрождения, выделение которого в истории российского советского славяноведения мы считаем необходимым, когда в трудных предвоенных и порой невыносимых военных условиях

формировались кадры молодых славистов, разрабатывались университетские курсы славистических дисциплин, намечались приоритетные направления научных исследований (которые серьезно, на основании источников, и масштабно разрабатывались позднее), стало бы невозможно последующее развитие славяноведения. Именно тогда был заложен его базовый фундамент, на котором вырос комплексный Институт славяноведения АН СССР. Кстати, практически идеальная организация учебного процесса, постоянные обсуждения на кафедрах и в Секторе славяноведения Института истории АН СССР, Славянской комиссии при Президиуме АН СССР, на сессиях Отделений АН СССР и пр. разнообразных по тематике докладов и научных проблем, семинары для научной молодежи, т. е. развитие и процветание особой формы устного дискуссионного научного творчества (при трудностях публикации коллективных работ), являются не только характерной чертой рассматриваемого периода, но и несомненным образцом для современной науки.

Таким образом, период Второй мировой войны и первые послевоенные годы был самостоятельным этапом в истории российского славяноведения. Он отмечен возрождением и одновременным формированием новых славистических центров в Академии наук и университетах, всесторонней подготовкой кадров славистов и определением долгосрочных планов и направлений научных разработок. Пожертвовав чисто научной стороной исследований в пользу патристической публицистики во имя общей Победы, мимикрируя под постоянным нажимом идеологических кампаний, советские слависты все же сумели заложить прочные основы для дальнейшего развития отечественного славяноведения. И эти временные, подготовительные жертвы не напрасны, они достойны уважения и внимания соотечественников¹².

Примечания

- ¹ *Досталь М.Ю.* Проблема возрождения российской славистики перед Второй мировой войной в отечественной историографии // *Славянский альманах* 2004. М., 2005. С. 240–284.
- ² *Готье Ю.В.* Славяноведение в России и СССР (Публикация А.Е. Москаленко) // *Из истории университетского славяноведения в СССР.* М., 1983.

М.Ю. Досталь

- С. 146–161; *Неедлы З.* К истории славяноведения до XVIII века // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81–94; *Пичета В.И.* К истории славяноведения в СССР // Там же. 1941. № 3. С. 36–61; *Державин Н.С.* Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения // Исторический журнал. 1942. № 1. С. 49–56; *Пичета В.И., Шустер У.А.* Славяноведение в СССР за 25 лет // 25 лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 222–235; *Пичета В.И.* Академия наук и славяноведение // Вестник Академии наук. 1945. № 5–6. С. 157–175; *Державин Н.С.* О задачах советского славяноведения // Славяне. 1947. № 9. С. 3–7; *Никитин С.А.* Работы советских ученых в области истории и филологии зарубежных славян // Там же. 1948. № 5. С. 29–34; *Сидоров А.Л.* Достижения советской науки в изучении истории славянских народов // Там же. 1948. № 6. С. 14–27; *Королюк В.Д., Хренов И.А.* Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945–1959) // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 117–135; *Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шентунов И.М., Шерлаимова С.А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945–1963. М., 1963 и др.
- ³ *Маслов Ю.С.* Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет. М., 1955. С. 3.
- ⁴ *Лаптева Л.П.* К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 3–17; *Бернштейн С.Б.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 77–82; *Горяинов А.Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Там же. 1990. № 2. С. 78–89; *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004; *Горяинов А.Н.* В России и в эмиграции. Очерки по истории отечественного славяноведения первой половины XX века. М., 2006; *Лаптева Л.П.* Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Roč. 79. Praha, 2010. С. 167–180 и др.
- ⁵ *Бернштейн С.Б.* Советской славянской филологии 50 лет // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 88; Славяноведение // СИЭ. 1971. Т. 13. С. 18. (автор раздела В.Д. Королюк); *Логачев К.И.* Первый этап развития советского славяноведения (славистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 22 и др.
- ⁶ Краткий обзор основных этапов истории советского славяноведения // Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Библиографический словарь. New York, 1993. С. 6. В этом обзоре выделялся этап Великой Отечественной войны 1941–1945.
- ⁷ Славяноведение. С. 18–19.

Основные особенности этапа возрождения...

- ⁸ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. 464 с.
- ⁹ *Белявская И.М., Очак И.Д.* Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке // Славянская историография. М., 1966. С. 14.
- ¹⁰ Краткий обзор основных этапов истории советского славяноведения... С. 9.
- ¹¹ *Королюк В.Д., Толстой Н.И., Хренов И.А., Шентунов И.М., Шерлаимова С.А.* Указ. соч. С. 5–6.
- ¹² Фактическую аргументацию всех высказанных положений см. в книге: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла...

Abstracts

O. Aurov

A SQUIRE IN CASTILE FROM THE 13th TO THE 15th cen.

The article is dedicated to the problem of the medieval squire's status in the Castilian-Leon kingdom of the last centuries of the Middle Ages. Its evolution mainly coincided with tendencies existed to the North of the Pyrenees, in France, Britain, Italy and Germany. Originally being nothing but mere servants to knights, later by middle of the 14th century the squires had been granted wide range of preveleges and incorporated into Castilian nobility. By the end of the Middle Ages Castilian squires and knights formed a privileged social strata of *hidalgos* (noblemen). The privileges of *hidalgos* became a heavy burden for the non-privileged urban population, who was trying to push knights and squires from the Castilian cities. But notwithstanding that negative approach the feudal literature formed a positive (and even more – romantic) image of the squires, reflected by the Late Medieval Culture.

Key words: The Kingdom of Castile and Leon, a knighthood, a squire, the Reconquest, medieval war, Medieval Spain, the Cortes, Feudal society

E. Balushkina

POLITICAL VOCABULARY OF OLIVER CROMWELL

The article is an attempt of study, focused on the key categories of the “political vocabulary” of the English revolution's leader Oliver Cromwell. Using such sources as Cromwell's speeches and letters as well as the records of the Parliament's sessions and of the meetings of the General Council of the Army, the author of the article brings out these notions, which appear to be not merely elements of the political

discourse but peculiar challenges which every revolutionary leader faces sooner or later. The article gives structural, linguistic and contextual analysis of these categories and detects their place in Cromwell's system of political views. The Reader is suggested looking at the frame of moral, social and political questions of the English revolution of 17 century through the lenses of the answers given by the man who succeeded in answering in its very language.

Key words: England in XVII century, English revolution, Lord-protector, Oliver Cromwell, Parliament, political vocabulary, Puritans.

V. Barone

THE ENGLISH CROWN AND INHABITANTS
OF NORMANDY IN THE FIRST HALF OF THE 15th CENTURY:
THE PROBLEM OF HOMMAGE BRINGING

In 1337–1453 between England and France the war which has received the name of the Hundred Years War in historiography bursted out. It raged greatly in the first half of the XV century after English king Henry V Lancaster conquered Normandy and obliged all its inhabitants to bring him homage. The aim of the article is to investigate the reasons on which Normans brought the oath of fidelity to Englishmen, the actions of the English government, concerning those who refused to do so at once and those who broke their vassal obligations subsequently, the conditions on which it was possible to receive royal pardon at this time.

Key words: England, France, the duchy of Normandy, the Hundred Years' War, Henry V of Lancaster, homage.

N. Basovskaya

CREATION OF THE STATE: ROMANO-GERMAN
AND BYZANTIN – MONGOL HORDE EXPERIENCES

Analysing the world experience in state formation the author compres two main directions existing in that sphere: “the Way of the West” and “the Way of the East” distinguishing one from the other and designating the Way for Russia.

Key words: state, political experience, civilization

D. Borovkov

THE REVOLT OF 1024 IN PAVIA IN A CONTEXT
OF *SPOLIATIO* PHENOMENON

The article considers: circumstances of revolt of 1024 when the imperial palace in Pavia was destroyed and their interpretation in chronicles; the question on, how much this fact is in conformity with *spoliation*. There is a comparison of the incident in Pavia with the previous facts of *spoliation*, known to modern historiography.

Key words: Empire, Italia, Pavia, revolt, spoliation.

E. Bulycheva

THE UNIVERSITY EDUCATION IN GREECE
OF THE 19–20th CENTURIES ON THE MEMOIRS
OF THE RUSSIAN TRAVELLERS

The article is devoted to the problem of the formation and the development of the higher education in Greece 19–20th centuries. The research is based on the memoirs of the Russian travelers. The Russian travellers pay attention to the different factors which exert influence on the formation and development of the higher education in Greece. They mark the democratic character of the Greek education, the desire of the students to study. The memoirs provide important information about opening of universities and about atmosphere existing there. The Russian travellers notice European influence on the Greek education and respects of Greeks to their culture and history. The author comes to the conclusion, that higher education in Greece was the factor of the development of the national determination.

Key words: Greece, Russian travelers, higher education, university, lecturers, students.

M. Dostal

THE MAIN FEATURES OF THE STAGE OF DOMESTIC
SLAVIC STUDIES REVIVAL IN THE 1940-th YEARS

The development of Domestic Slavic studies in the period of the Second World War and the first post-war years is analyzed in the article. As a result of the research the author comes to conclusion that

it was the independent stage in the history of Russian Slavic studies. It was marked out by revival and formation of new slavonic centers in the Academy of Sciences and universities, by all-round training of Slavists and by definition of long-term plans and directions of scientific development.

Keywords: Slavic studies, scientist, ideology, promotion, scientific researches, Slavic philology, historical science.

V. Gribanova

DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE SOUTH AFRICAN BRITISH PROTECTORATES

The history of becoming and development of school training in the Southern Africa's countries begins after the occurrence of missionaries in these territories. In the process of training of Africans missionaries aspired, first of all, to convert them into Christianity. The main subject was the religious instruction. Gradually they began to attach new Christianities to the European culture; school programme started being formed. The great importance was given to industrial education. As a whole, civilization mission of missionaries consisted in propagation of the European way of life. One more important task for missionaries was preparation of preachers from Africans. In the article development of education in the Protectorates of the Great Britain such as Basutoland (Lesotho), Swaziland, Bechuanaland (Botswana), Northern and Southern Rhodesia (Zambia and Zimbabwe) is considered.

Key words: missionaries, Southern Africa countries, education in mission schools, Protectorates of the Great Britain.

A. Komarov

THE CONSERVATIVE PARTY OF CANADA DURING THE PERIOD OF PREPARATION AND CONDUCTING OF THE GENERAL ELECTIONS OF 2008

In this article the preparation of Conservative Party of Canada for the general elections of 2008 is analysed. The attention is paid to the political manifesto of the Conservatives, their participation in the English and French TV debates, the characteristic features of their

election campaign, to speeches of their leader as well as to the party financing within this period. The object of the analysis also deals with the political situation in Canada before the general elections of 2008.

Key words: S. Harper, S. Dion, minority government, J. Layton, J. Duceppe, parliamentary elections.

E. Marey

THE IMAGE OF SOVEREIGN IN THE POEMS
OF EUGENIUS OF TOLEDO AND ITS PARALLELS WITH
THE VISIGOTHIC CODE (LIBER IUDICIORUM)

This article covers the image of ideal visigothic sovereign in the second half of the 7th cen. Eugene of Toledo (646–657) glorified the image of good ruler in his poetry. His ideal agrees in whole with that of Isidore of Seville. The main royal virtue is piety. The monarch, revering the Lord, following His commandments is recognize as just wise and merciful. The ideal sovereign after his death is rewarded by purple garments and gold crown. This is the same image like an image of legislator in visigothic code of laws (Liber Iudiciorum), promulgated in 654. This code was adopted by general council of Toledo, presided by Eugene. In all likelihood he included additions in the text of code.

Key words: Visigothic Spain, Liber Iudiciorum, Eugene of Toledo, Braulio of Toledo, sovereign's image.

M. Kurbak

J.M. COETZEE AND THE SOUTH AFRICAN CENSORSHIP

This article is dedicated to the principal stages in the history of the censorship of South Africa and its relations with South African writers. The author took as an example difficult relations between the censors and J.M. Coetzee, the most popular modern South African writer, the winner of the Nobel and two Booker Prizes. On the one hand, the relationships between Coetzee and South African censorship could be a vivid example of general concepts of the South African censorship apparatus operation. But on the other hand it is unique because of the unusual censors' loyalty to the writer, whose books were never

forbidden. In the article the author used the materials from the archives of South African Republic, that were not published in the Russian language before.

Key words: South Africa, South African Republic, censorship, literature, J.M. Coetzee.

A. Marey

“*OMNES QUE TAL YERRO FAZEN AL SENNOR...*”:
A CONCEPT OF *YERRO* IN THE ROMANCE LANGUAGE
DURING THE REIGN OF FERNANDO III

In this article the process of a forming and evolution of the concept of *yerro* in the romance language of the first half of XIII century is considered. Bilingual texts of the period (*Etimologiae* of Isidor of Seville, *Fuero Juzgo*) and also official papers of Fernando III provided material for making an analysis of the principal meanings of described concept in that period. *Yerro* during the reign of Fernando III was considered as a term more ethical than juridical and was used mainly to designate an error, a sin, a fault, but not a crime.

Key words: History of concepts, *yerro*, misdemeanor, sin, bilingual texts, Castile, Fernando III, *Fuero Juzgo*

D. Obrezkova

“*CIRCA LIMINA PALATII NOSTRI COMITATUMVE*”:
TO THE PROBLEM OF THE SIGNIFICATION
OF THE IMPERIAL COURT IN THE THEODOSIAN CODE

The article deals with the research of the terms, used for the signification of the imperial court in the Theodosian Code (438) – the first official codification of the Roman law of the imperial epoch, which contains constitutions (imperial laws) of the years from 312 till 437. It is emphasized, that the evolution of the late Roman imperial court as a special institute and a social and cultural environment cannot be correctly understood without taking into consideration the relevant terminology. The following terms are thoroughly interpreted: “palatium”, “aula”, “sacra domus”, “sacrarium”, “comitatus”.

Key words: the Late Antiquity, the imperial court, codification, the Theodosian Code, emperor, courtier, imperial residence, palatium

K. Rivchak

DUX ET BAIULUS: SUPREME EARL
OF THE LATE ANGLO-SAXON ENGLAND
(THE FIRST HALF OF THE 11th CENTURY)

The article deals with the phenomenon of supremacy exercised by one of the earls (great nobles) in the ruling group of the early-medieval English kingdom. Despite the absence of formal definition, stable elements of the supreme earl status are traced in sources during the whole first half of the 11th century. This prolonged tradition gradually acquiring some quasi-royal features is supposed to have led the last supreme earl to the English crown.

Key words: Anglo-Saxon, nobility, king Harold, regent, earl Godwin.

S. Romanenko

THE NATIONAL QUESTION AND THE PROBLEM
OF MODERNIZATION IN THE CONCEPTS
OF THE SOCIAL DEMOCRATS OF THE SOUTH SLAVS
OF AUSTRIA-HUNGARY

The article is devoted to the history of creation of national social-democratic parties of the South Slavs – SDP of Croatia and Slavonia, Yugoslav SDR and SDP of Bosnia and Herzegovina. These parties were on the one side were parts of the national movements of their peoples – Croats, Serbs, Slovenes, Muslims of Bosnia and Herzegovina, on the other – were in close contact with the leading parties of the Second International. In their programs, as well as in the consciousness of the proletariat and working people, the principles of nationalism and internationalism, national identity and social modernization oddly combined. Despite their political weakness, Yugoslav social-democrats played a role in the events that led in 1918 to the collapse of the Austro-Hungarian Empire.

Key words: The South Slavs, Austria-Hungary, national self-determination, modernization, social democracy, the Second International

O. Saprikina
RECALLING COLLEAGUE AND TEACHER
(OBITUARY NOTICES OF V.I. LAMANSKY
AS HISTORICAL DOCUMENT)

The subject of study in the article are the obituaries of the famous Slavist V.I. Lamansky (1833–1914), compiled by his fellow scientists by historians and geographers. They not only analyzed the career of V.I. Lamansky and his role in Slavic, but also considered the most important aspects of history and political development of the Slavic peoples on the eve of the World War I.

Key words: Slavic peoples, pan-Slavism, Slavophil, historiosophy, Vladimir Ivanovich Lamansky, Russia, obituary.

S. Seregichev
DIVISION OF THE SUDAN:
DEFEAT OR VICTORY
OF SUDANESE ISLAMISTS?

The article analyses the relations between division in the January-July 2011 the Republic of Sudan to Republic of Southern Sudan (ROSS) and the Republic of Sudan (ROS) and further prospects of development of one of the key forces of the current Sudanese society – the Islamic-fundamentalist movement. Relevance of the topic due to the fact that for at least the entire second half of last century Sudanese Islamists have fought stubbornly for maintaining of a unified Islamic-Arab Sudan, building on this foundation, their ideology and political practice. From here two main issues of the article originate: whether the thesis “Formation ROSS is the Waterloo for Sudanese Islamists” is true and what are the implications of the “Waterloo” for the Islamic-fundamentalist movement in the Sudan?

Key words: Republic of South Sudan, the Republic of Sudan, the Islamic-fundamentalism, “New Sudan”, John Garang.

A. Sidyaka

LONDON AND PARIS WELCOME HENRY V:
THE PRACTICE OF ROYAL ENTRY

The article is devoted to one of the forms of medieval representation of power – royal entry. By examining two certain entries of the English king Henry V into London and Paris the author shows the ways these events were used by royal power as a means of communication with people – generally via different messages disguised in allegorical forms. Both entries took place immediately after two culmination moments of Henry's life – the victory in the battle of Agincourt in 1415 and signing of the Treaty of Troy in 1420. The entries in question were a sort of allegorical «explanation» of what had happened and what significance it had had. The author concludes his article speculating on the meaning of the royal entries examined. In his opinion the show presented at these events reflects to a certain degree the notion of late medieval kingship.

Key words: Henry V of Lancaster, royal power, royal entry, representation of power, double monarchy, London, Paris, Normandy.

N. Tanshina

THE KING OF THE FRENCH LOUIS PHILIPPE
OF ORLEANS: FEATURES TO THE PORTRAIT
(ON THE BASE OF THE DIPLOMATIC REPORTS
OF THE RUSSIAN AMBASSADOR COUNT
C.A. POZZO DI BORGO)

The purpose of the article is the reconstruction of the French King Louis Philippe of Orleans image on the base of the diplomatic correspondence of the Russian ambassador to France count C.A. Pozzo di Borgo stored in Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. The peculiarity of Pozzo di Borgo's report is in the fact that it is not cold diplomatic communiqué, but the real essay reconstructing the wide panorama of France's life in the years of the July Monarchy and the King Louis Philippe's psychological political portrait. The data given by the Russian ambassador contributed to the forming of the more objective notion of the French King and the July Monarchy regime in

the Russian political elite's awareness, which was utterly important under the conditions of the quite complicated relations between two countries.

Key words: Russian-French relations, The King of the French Louis Philippe of Orleans, The July Monarchy, C.A. Pozzo di Borgo, Nicolas I, notables.

A. Voevodskiy

JOHN T. JABAVU AS A SOUTH AFRICAN POLITICAL AND PUBLIC FIGURE

The article is dedicated to the study of political biography of John T. Jabavu (1859–1921), journalist and great public figure in colonial South Africa. His life and work were an example of challenges that the first generation of African intellectuals faced in the end of XIX – beginning of the XX centuries. Jabavu was noted for his sincere devotion to western values but also for his eagerness to keep his own people's traditions. He was the ally of both British liberals and Cape Afrikaners and, perhaps, the only important black politician who has supported Afrikaners in the Anglo-Boer War 1899–1902. Jabavu was one of the pioneers of the resistance movement in South Africa but, at the same time, sharply criticized the founding of the South African Native National Congress (future ANC). It would be impossible to understand such contradictions in activities and views of T. Jabavu's without analysis of his historical background.

Key words: South Africa, John T. Jabavu, Cape colony, Union of South Africa, the history of the race discrimination in South Africa.

Сведения об авторах

Ауров Олег Валентинович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, olegaur1@yandex.ru.

Балушкина Екатерина Владимировна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, andoch@yandex.ru.

Бароне Виктория Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, kiwi@inbox.ru.

Басовская Наталья Ивановна – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, директор учебно-научного Центра визуальной антропологии и эгоистории, basovskaya555@yandex.ru.

Боровков Дмитрий Александрович – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, unlibri@mail.ru.

Булычева Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, bulychevalena@yandex.ru.

Воеводский Александр Валентинович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, valeks77@mail.ru.

Грибанова Валентина Валерьевна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института Африки РАН, vgribanova@mail.ru.

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института славяноведения РАН, slavjane@rambler.ru.

Комаров Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, ruslan10@inbox.ru.

Курбак Мария Сергеевна – аспирант Института всеобщей истории РАН, мл. науч. сотр. Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, kurbak-m@yandex.ru.

Марей Александр Владимирович – канд. юрид. наук, доцент кафедры практической философии НИУ-ВШЭ, fjodalgo@gmail.com.

Марей Елена Сергеевна – ст. преподаватель кафедры отечественной истории и культуры Московского государственного университета геодезии и картографии, elena.fontis@gmail.com.

Обрезкова Дарья Викторовна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, pargatti@yandex.ru.

Ривчак Кирилл Владимирович – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, rivchak@mail.ru.

Романенко Сергей Александрович – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Центра политических исследований Института экономики РАН, serg.hist@gmail.com.

Саприкина Ольга Вячеславовна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, saprolga@yandex.ru.

Серёгичев Сергей Юрьевич – канд. ист. наук, ст. преп. кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, sers80@mail.ru.

Сидяка Алексей Владимирович – аспирант Российского государственного гуманитарного университета, allexx1212@yandex.ru.

Таньшина Наталия Петровна – д-р ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета архивного дела ИАИ РГГУ, профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ, horoshovo@mail.ru.

General data about the authors

Aurov Oleg V. – PhD (in History), associate professor at Department of World History, Russian State University for the Humanities, olegaurov1@yandex.ru.

Balushkina Ekaterina V. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, andoch@yandex.ru.

Barone Victoria A. – PhD (in History), senior lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, kiwi@inbox.ru.

Basovskaya Natalia I. – Doctor of Science (in History), Professor, chair of the Department of World History, director of Center for visual anthropology and ego-history, Russian State University for the Humanities, basovskaya@mail.ru.

Borovkov Dmitry A. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, unlibri@mail.ru.

Bulycheva Elena V. – PhD (in History), senior lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, bulychevalena@yandex.ru.

Dostal Marina Y. – PhD (in History), senior researcher, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, slavjane@rambler.ru.

Gribanova Valentina V. – PhD (in History), senior researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, vgribanova@mail.ru.

Komarov Andrey N. – PhD (in History), assistant professor at Department of World History, Russian State University for the Humanities, ruslan10@inbox.ru.

- Kurbak Maria S.* – postgraduate student, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, junior research specialist, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Center of African Studies), kurbak-m@yandex.ru.
- Marey Alexander V.* – JuDr, associate professor at Department of Practical Philosophy, Higher School of Economics – National Research University, fjjodalgo@gmail.com.
- Marey Elena S.* – senior lecturer at Department of History and Culture, Moscow State University of Geodesy and Cartography, elena.fontis@gmail.com.
- Obrezkova Darya V.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, pargatti@yandex.ru.
- Rivchak Kirill V.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, rivchak@mail.ru.
- Romanenko Sergei A.* – PhD (in History), senior research associate, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, serg.hist@gmail.com.
- Saprikina Olga V.* – PhD (in History), professor, Department of World History, Russian State University for the Humanities, saprolga@yandex.ru.
- Seregichev Sergey Y.* – PhD (in History), lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, sers80@mail.ru.
- Sidyaka Alexey V.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, allexx1212@yandex.ru.
- Tanshina Natalia P.* – Doctor of Science (in History), senior lecturer at Department of World history, Russian State University for the Humanities, Professor chair of the Department of Modern and Contemporary History, Moscow Pedagogical State University, horoshovo@mail.ru.
- Voevodskiy Alexander V.* – PhD (in History), senior lecturer at Department of World History, Russian State University for the Humanities, valeks77@mail.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *Л.И. Корнеева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,1. Уч.-изд. л. 22,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 42.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru